

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
75-летию Ленинградской области,
1250-летию Старой Ладоги*

ИПК «ВЕСТИ»

GOVERNMENT OF LENINGRAD REGION
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOCIETY OF RUSSIAN FEDERATION FOR PROTECTION
OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN STATE

Vol. III

**SCIENTIST, POLITICIANS, JOURNALISTS, CLERICALS
ABOUT CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA**

St. Petersburg
«Vesti»
2002

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ»
(ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Выпуск III

УЧЕНЫЕ, ПОЛИТИКИ, ЖУРНАЛИСТЫ, ДЕЯТЕЛИ ЦЕРКВИ
ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ДОСТОЯНИИ

Санкт-Петербург
ИПК «Вести»
2002

*Этот сборник научных трудов выходит в свет благодаря поддержке
Издательского совета во главе с Губернатором В. П. Сердюковым
в рамках программы Правительства Ленинградской области
по выпуску историко-краеведческой и культурно-просветительской литературы*

В книге приведен разнообразный материал, посвященный культурному, научному, историческому и человеческому наследию России и русского зарубежья. Учтено историческое прошлое Ленинградской области. Представлены статьи о ценностях и объектах культуры, имеющих отечественное и международное значение. Приведены материалы о вкладе россиян в развитие науки, искусства и техники мировой цивилизации.

Издание предназначено всем, кто интересуется прошлым и настоящим исторической России.

*Редакция благодарит сотрудницу пресс-центра
Правительства Ленинградской области Елену Тимофееву
за помощь по созданию этого сборника*

Редакционная коллегия:

А. Н. КИРПИЧНИКОВ (ответственный редактор и составитель),
Е. Н. НОСОВ, В. С. ПОНОМАРЕВ

Editorial Board:

A. N. KIRPICHNIKOV (Chief editor),
E. N. NOSOV, V. S. PONOMAREV

ХРАНИТЬ, ЧТО ИМЕЕМ

Есть прямая связь между экономическим развитием любого региона и положением в гуманитарных отраслях — образовании, науке и культуре.

После того как в Ленинградской области начали работать простаивавшие заводы и появились новые производства, оживилось сельское хозяйство, стало уделяться, несомненно, больше внимания и культуре. Добившись экономической стабильности, мы не на словах, а на деле доказываем, что гордимся своим прошлым, историей Ленинградской области, воплощенной в культурном наследии.

Бюджет Ленинградской области, к примеру, в 2001 году выделил на культуру 77 миллионов рублей, на четверть больше чем в 2000. Ныне идет постоянное увеличение финансирования: в первую очередь — для улучшения дел в глубинке, где люди не имеют возможности постоянно ездить в петербургские театры, музеи, галереи и библиотеки.

Только на комплектование книгами сельским библиотекам дополнительно перечислен миллион рублей. На них оформляют подписку периодики, закупают как классическую, так и справочную, учебную литературу. Она пользуется повышенным интересом, потому что молодежь в области тянется к знаниям, поступает в вузы. Ребята видят, что регион развивается, появилась перспектива для применения знаний, требуются квалифицированные кадры. Не случайно, что из 176 тысяч читателей в сельских библиотеках треть — дети, школьники и молодежь.

Это не просто статистика: постоянно бывая в рабочих поездках по региону, я вижу, что библиотеки постоянно посещаемы, а значит, нужна свежая литература, необходимо обновлять фонды, но кроме областных властей содействовать в этом практиче-

ски некому. Новые поступления книг, после длительного перерыва, начались только в 2000 году.

Гордость Ленинградской области — наши театры. Наверное, многие даже не знают, что известнейшие театры — Малый драматический и «На Литейном» — областные. Их всегда рады видеть на гастролях во всем мире, но не с меньшей радостью готовы принимать в регионе. Сейчас мы очень внимательно рассматриваем варианты, как привлечь эти коллективы на областную сцену: жители отдаленных районов обязательно должны видеть лучшие образцы театральной классики.

Мы взяли за проведение двух крупных российских кинофестивалей — Выборгского «Окно в Европу» и Гатчинского «Литература и кино». Теперь каждый год Ленинградская область становится центром кинематографии страны, к нам приезжают известные актеры и режиссеры, залы переполнены, участники говорят, что редко где увидишь такие афишаги и столь искренних, заинтересованных зрителей.

Сегодня бюджетом полностью финансируется работа тридцати литературных и краеведческих музеев. Активно ведутся восстановительные работы в доме Д. В. Набокова в Рождественно, где шесть лет назад случился пожар. Бережно сохраняем домик Арины Родионовны, в усадьбе Н. А. Римского-Корсакова в Тихвине проводим музыкальные праздники, а в доме Н. К. Рериха в Изваре — художественные фестивали. В 2000 году Правительство Ленинградской области учредило поэтическую премию имени Александра Прокофьева.

Сейчас особое значение уделяется подготовке к празднованию в 2003 году 1250-летия древней столицы Руси — Старой Ладogi, сыгравшей огромную роль в развитии нашего государства. Здесь постепенно создается туристическая инфраструктура, продолжаются реставрация и археологические раскопки, всегда означающие новые открытия.

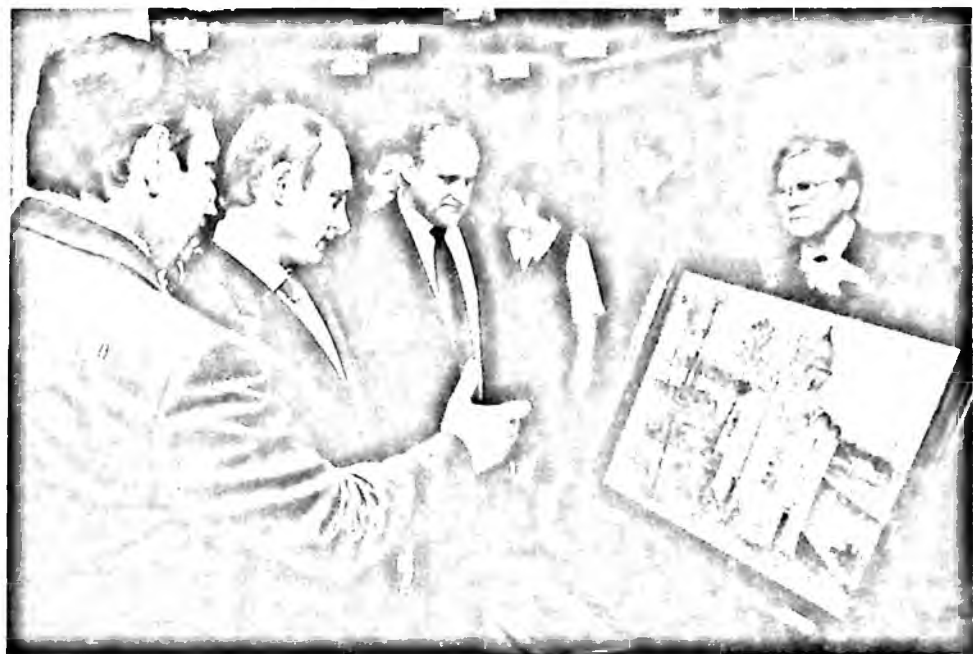
Вместе с бюджетными деньгами культура Ленинградской области получает и спонсорскую поддержку, но это касается, прежде всего, крупных фестивалей и известных театров. А, скажем, расходы на смотры детской художественной самодеятельности полностью берет на себя бюджет. Хотя в них, без преувеличения, участвуют коллективы будущего.

Мы оплачиваем выступления и репетиции 400 народных творческих коллективов, и такая политика продолжится. Ведь в каждой школе искусств обучаются не менее 200 ребят.

Сегодня Правительство Ленинградской области прекрасно понимает, что развитие культуры не менее важно, чем промышленный рост: без уважения к культуре и истории нет будущего. Мы обязаны беречь, что имеем, способствовать сохранению и обнаружению всего того, что можно отнести к культурному наследию России, Ленинградской области как одному из уголков нашей Родины. Наши дела, почитание прошлого и уважение к современникам — залог богатства и достояния государства.

В сборнике «Культурное наследие Российского государства» материалы объединены одной целью: показать достояние Отечества без деления на черное и белое, пролетарское и буржуазное, полезное и вредное. Пришло время собирать камни, как бы далеко их не разбросали забвение и невежество.

*Губернатор Ленинградской области
В. П. СЕРДЮКОВ*

Президент Российской Федерации В. В. Путин принимает делегацию Правительства Ленинградской области во главе с Губернатором В. П. Сердюковым
27 апреля 2000 г.

**РЕЧЬ
НА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ЦЕРЕМОНИИ В КРЕМЛЕ
ПРИ ВСТУПЛЕНИИ НА ДОЛЖНОСТЬ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
7 мая 2000 г.**

«Уважаемые граждане России! Дорогие друзья! Сегодня я обращаюсь к вам, именно к вам, потому что вы доверили мне высший государственный пост в стране. Я понимаю, что взял на себя огромную ответственность, и знаю, в России глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, за все, что происходит в стране. Первый президент России Борис Николаевич Ельцин, покидая Кремль, сегодня вспомнил об этом, произнес слова, которые многим запомнились. Он сказал и сегодня повторил в этом зале: “Берегите Россию!”. Именно в этом я вижу свою главную президентскую обязанность. Исполнение этого долга буду требовать и от своих соратников по работе, по службе. Я также рассчитываю найти в этом патриотическом деле помощь сограждан России, всех, кому дорога судьба нашего Отечества. Сегодня хочу поблагодарить и моих сторонников, всех тех, кто проголосовал за меня на выборах. Вы поддержали те первые шаги, которые были уже сделаны. Вы поверили, что вместе мы сможем изменить нашу жизнь к лучшему. Я глубоко признателен вам за это. Но я понимаю, что ваша поддержка — это только аванс власти в целом и, разумеется, мне, вступающему сегодня в должность президента страны. Обращаюсь и к тем, кто голосовал за других кандидатов. Убежден, что вы голосовали за наше общее будущее, за наши общие цели, за лучшую жизнь, за процветающую и сильную Россию. У каждого из нас свой опыт, свои взгляды. Но мы должны быть вместе, нам многое предстоит сделать сообща.

Сегодня действительно исторический день. Я хочу на этом еще раз сконцентрировать внимание. В самом деле, впервые за всю историю нашего государства, за всю российскую историю впервые верховная власть в стране передается самым демократи-

ческим, самым простым образом — по воле народа, законно и мирно. Смена власти — это всегда проверка конституционного строя, проверка его на прочность. Да, у нас это не первая проверка. Очевидно, может быть, и не последняя. Но это испытание и этот рубеж в нашей жизни мы прошли достойно. Мы доказали, что Россия становится по-настоящему современным, демократическим государством. Мирная преемственность власти — это важнейший элемент политической стабильности, о которой мы с вами мечтали, к которой стремились, которой добивались. Путь к свободному обществу не был простым и легким. В нашей истории были и трагические, и светлые страницы. Построение демократического государства еще далеко не завершено. Но многое уже сделано. Мы обязаны беречь достигнутое, хранить и развивать демократию. Сделать так, чтобы избранная народом власть работала в его интересах, защищала российского гражданина везде: и в нашей стране, и за ее пределами, служила обществу. Это принципиальная, жесткая позиция. Я ее отстаивал и намерен отстаивать в будущем.

Ради сегодняшнего торжественного события мы собрались сегодня здесь в Кремле. В святом для нашего народа месте. Здесь в Кремле — сосредоточие нашей национальной памяти. Здесь в стенах Кремля веками вершилась история нашей страны. И у нас нет права быть “Иванами, не помнящими родства”. Мы не должны забывать ничего. Мы должны знать свою историю, знать ее такой, какой она есть. Извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим. Мы сохраним эту память, и мы сохраним эту связь времен. И все лучшее из нашей истории, все лучшее мы передадим потомкам.

Уважаемые граждане России, мы верим в свои силы, в то, что мы можем по-настоящему преобразовать и преобразить страну. У нас общие цели. Мы хотим, чтобы наша Россия была свободной, процветающей, богатой, сильной, цивилизованной страной. Страной, которой гордятся ее граждане и которую уважают в мире. В последние месяцы и в Москве, и на встречах в российских регионах я чувствовал ваше понимание и вашу поддержку. И очень часто от людей, от самых простых людей на площадях и улицах наших городов слышал очень простые, но очень важные для меня слова. Мне говорили: “Мы вам верим, мы надеемся на

вас, вы нас только не обманите”. Могу заверить вас, что в своих действиях буду руководствоваться исключительно государственными интересами. Возможно, не удастся избежать ошибок. Но что я обещаю, что я действительно могу обещать и обещаю, — это то, что буду работать открыто и честно. Считаю своей святой обязанностью сплотить народ России, собрать граждан вокруг ясных целей и задач. И каждый день, и каждую минуту служения Отечеству помнить: у нас одна Родина, один народ, у нас с вами одно общее будущее. Спасибо.»

**ВЫСТУПЛЕНИЕ
ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ЦЕРЕМОНИИ В КРЕМЛЕ
7 мая 2000 г.**

«Уважаемые участники торжественной церемонии! Дорогие россияне! Поздравляю вас с историческим по своим меркам событием в жизни страны. Официально вступил в должность новый Президент России. Желаю Владимиру Владимировичу Путину достойно исполнять нелегкие президентские обязанности, а всему российскому народу — добра и процветания. Сегодня это напоминает самые волнительные дни в жизни каждого россиянина, тем более в жизни президентов. Мы должны строить новую Россию. Для этого идет молодое поколение государственных людей, политиков, твердо приверженных ценностям демократии. Им будет легче. Они гораздо меньше, чем мы, скованы привычками прошлого. Они смелее работают с устаревшими догмами и справляются с этим. Для меня этот день тоже очень торжественный и очень волнительный, хотя я, откровенно, этого не ожидал. Да, мы писали историю новой России с чистого листа, что называется методом проб и ошибок. Было много нелегких испытаний, много трудностей, но сейчас всем нам есть чем гордиться. Россия изменилась. Изменилась потому, что мы берегли ее как зеницу ока и твердо защищали главное у нас завоевание — свободу. Мы сохранили достойное место России в мировом сообществе, не дали стране скатиться к диктатуре, не допустили смуту, открыли путь к нормальному жизнеобеспечению людей, а успехи на этом пути — только дело времени и напряженной работы. Сегодня проходит первая за столетие законная передача полномочий от одного главы государства другому. Конечно, это непросто. Но мы можем гордиться, что это происходит без переворотов, без путчей, без революций. Происходит мирно, уважительно, достойно. Такое возможно только в свободной стране. В стране, которая перестала бояться не только других, но и са-

мой себя, собственной власти, освободив своих граждан и дав им свободу. Это, конечно, возможно только в новой России, которая научила людей свободно мыслить и жить.

Уважаемые граждане России, с этого дня начинается официальный отсчет президентства Владимира Путина. Я передаю ему не просто символ президентской власти. Он получает главное — ответственность за судьбу страны, всех россиян. Поэтому сегодня хочу пожелать Вам, Владимир Владимирович, успехов и удачи. Россияне Вас понимают, и вместе с ними Вы будете идти вперед. Искренние эти слова идут от самого сердца. Я не могу иначе, поскольку все это прошло через меня. Ваша цель — оправдать эти надежды. И хочу повторить слова, которые я Вам когда-то говорил: “Берегите Россию!”»

ОСВЯЩАЮЩАЯ МИССИЯ ЦЕРКВИ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

Патриарх
Московский
и всея Руси
АЛЕКСИЙ II

С церковной точки зрения, осмысление истории и культуры не может не сопровождаться попыткой постичь глубокие, сущностные основы человеческого бытия. Воплощение Предвечного Бога Слова в Лице Богочеловека Иисуса Христа и таинственное бытие в мире Его Тела — Церкви — соотносятся с началом и концом человеческой истории, с ее высшим смыслом. Такое ее понимание прочно укоренилось в православном религиозном мировоззрении. Русская культура в своем тысячелетнем развитии всегда находилась под знаком переживания и осмысления событий Боговоплощения и Воскресения Христова, а русская государственность стремилась всякий раз заново выйти на путь, ведущий к созданию идеальных норм национального бытия, которые предвосхищали бы ожидаемое Царство Божие.

События конца XX века способствовали новому пробуждению в России напряженного интереса к философско-исторической проблематике. Вопросы: кто мы, что с нами происходит, к чему мы призваны, куда мы идем, — то есть вопросы о смысле, начале и конце истории, о месте страны в мировых исторических процессах, — приобрели приоритетное, жизненное значение.

Культура возникает вместе с историей человечества. Начиная с упоминаемых в Библии «кожаных риз», она налагает свой постоянно обновляемый покров на жизнь мира, облагораживая суетную стихию повседневного существования. Озаряясь Божественным началом — началом одухотворяющим, преображающим, — культура призвана противостоять царствующей в природе тенденции к распаду и разрушению, одновременно вводя человека в царство смыслов и ценностей. Строго говоря, в христианском понимании культура имеет не абсолютное, а лишь функциональное назначение: она должна быть мостом от царства природы к царству благодати Божией, к царству надмирного Неба.

Первоначальное распространение христианства совершается в среде античной средиземноморской цивилизации, в исторических пределах которой Церковь освящает культуру древнего мира, преображая ее в новую, христианскую культуру. Последняя, приходя ко все новым народам, вследствие своего сакрального характера служит целям одухотворения и обожения человека. Однако со временем культура теряет свой духовный смысл, утрачивает устремленность к высшему началу, а затем и прежнее царственное величие.

Сегодня в Западной Европе, равно как и в ее культурном продолжении — Америке, основной поток культурного строительства не ориентирован на достижение высшего духовного идеала, внутренним содержанием которого являлась бы жажда вечной преображенной жизни. Заповедь Евангелия: «Ищите прежде всего Царства Божия и правды его» (Мф. 6. 33) — отвергнута и забыта. Начиная с эпохи Ренессанса, снисхождение в сферу материальной жизни становится основной тенденцией исторического процесса на Западе. Наоборот, для православной России искание Царства Божия составляло основу национального бытия. Русские самодержцы, от равноапостольного князя Владимира до государя-страстотерпца Николая Александровича, сознавали ответственность пред Богом не только за благосостояние и процветание страны, но, в первую очередь, за духовные судьбы народов Российской державы, которые вводились в ограду Святой Православной Церкви и становились достоянием Божиим.

В отличие от западноевропейского мира, Россия в своей многовековой истории никогда, по поэтическому выражению И. С. Соловьева, «небес не забывала», и теперь, умудренная трагическим опытом революции, внутренних распрей, преодоления богоборчества, вновь стремится обрести высший идеал. Грядущее

шие судьбы России и человечества, пути развития культуры и мировой цивилизации будут зависеть от степени воплощения вечных евангельских начал правды и добра, способных придать историческому процессу высший нравственный смысл, оправдание перед судом Божиим.

С самого начала Христианская Церковь была поставлена перед великой задачей освящения мира сверхъестественной Божественной благодатью, преображения его словом и делом. Догматическим основанием этой миссии стало православное учение о Воплощении Сына Божия, Его Пришествии в мир и Его Воскресении. В Своем вочеловечении Сын Божий преодолел конечность и ограниченность нашего естества, а Своим Воскресением из мертвых Он, победив смерть, открыл миру путь к грядущему всеобщему воскресению. С момента исторического возникновения Церкви каждый человек, будучи по природе потомком павшего Адама, наследником смерти и тления, облекается во святом Крещении в Нового Адама — Христа, — становясь наследником вечной жизни. Спасение каждой конкретной личности и всего мира Господь осуществляет через основанную Им Церковь, которая включена в поток исторического времени, чтобы быть соотнесенной всему человечеству.

Исполняя свою богозаповеданную миссию, Церковь несет оправдание историческому существованию мира: он, через преодоление зла, через просвещение светом Евангельской истины и через освящение Божественной благодатью, призван в своей эсхатологической свершенности к преображению в Царство Христово. Миссия Церкви предполагает освящение естественного строя жизни, введение его в нетленную вечность. По своей природе и по своему назначению Церковь является проводником в этот мир абсолютного и надмирного Божественного начала, изменяющего все сферы человеческого бытия и творчества, всю личную, семейную, общественную, государственную и вселенскую жизнь — от высочайших ее вершин до самых далеких и скромных, но все-таки реальных реальностей бытия.

Говоря словами А. Ф. Лосева, вне действия Божественной благодати мы видим во всех вещах, во всем мире, во всех человеческих судьбах, во всем человеческом творчестве печать отчужденности от Бога, печать смерти и тления. Однако в той степени, в какой мир освящается благодатью Божией, он изымается из фатальной подверженности закону смерти, сияет отблесками вечности и неидеального благолепия. Тогда во всех вещах и явлениях,

составляет неотъемлемый элемент национального мирозерцания. Русский человек живет историей, думает историей. Для русской души даже реки, дороги и степи полны исторических воспоминаний. В ней есть такая же необъятность, как и в бескрайней русской равнине. С этой устремленностью в бесконечность соотносится и российская история, совершившаяся и грядущая.

Когда Русь, многочисленная и могучая нация на востоке Европы, осознала необходимость своего государственного и культурного оформления, предпосылкой его стал высший духовный идеал. Летописное сказание о выборе веры Киевским князем Владимиром реалистично передает духовные искания Руси в основополагающий момент ее истории. Взоры наших предков обратились к Византии, поражавшей воображение людей тогдашнего мира совершенством государственного устройства, военным могуществом и высотой технических достижений.

Но вовсе не имперским блеском порфириносцев очаровались в Царьграде послы Киевского великого князя. Они были восхищены незримым действием Божественной благодати на торжественном служении в Святой Софии. Духовная судьба Руси была предрешена: ей предназначалось стать уделом Христа. Страна была введена в новое историческое измерение. Духовное преобразование древней Руси явилось важнейшей составной частью европейской и всемирной истории. И поскольку феномен христианства представляет собой явление не только исключительно новое, но и окончательно новое, выбор князя Владимира стал выбором на века. Это был выбор мощного и постоянно действующего фактора, влияющего на ход истории и теперь, тысячу лет спустя. Избрав другую веру, Россия имела бы и другую культуру, другую судьбу, другую историю, и мир с этой другой Россией также был бы иным.

Крещение Руси явилось поистине историческим событием по своим грандиозным результатам, по своему универсальному значению, ибо, изменив все сферы внутренней и внешней жизни Руси, оно наполнило собой историческое время, не зачеркнув отечественной истории, но, напротив, дав ей положительное содержание и указав ей достойное место в истории всемирной. Принятие христианства в его восточной, византийской традиции не было национальным самоотречением Руси — напротив, оно стало введением в семью христианских европейских народов, в культуру средневекового мира. Русь стала полноправной и самобытной участницей мирового культурно-исторического процесса.

Христианство приобщило отечественную культуру к высшему, освящающему и животворящему Божественному началу, определившему ее жизнеспособность и историческую значимость. На это указывают и более чем тысячелетний возраст нашей культуры, и масштабы ее распространения — от Ледовитого океана на севере до горных хребтов Кавказа и Памира на юге, от Балтийского моря и Карпат на западе до Тихого океана и Амура на востоке.

И древняя Киевская София, и бережно хранящийся в Кремле венец Мономаха, и титул Москвы как «Третьего Рима», и унаследованный от Византии двуглавый орел, и восьмигранный Иван Великий, напоминающий столп Юстиниана в Царьграде, и град святого Петра, и военные победы, и литература, и искусство, и нравственная доблесть, и народная святость, и многое другое в русской истории и культуре может быть открыто и постигнуто только во вселенском потоке христианской истории, берущей свое начало с того момента, когда, по мысли академика Н. И. Конрада, на рубеже нашей эры в Палестине из уст Богочеловека прозвучали слова: «Любите друг друга» — и эти слова стали нравственной и мировоззренческой основой обновления древнего мира и возникновения новой европейской и мировой культуры.

Семена христианского благовестия, посеянные во времена святого равноапостольного князя Владимира, пали на добрую почву и взошли, по определению Г. М. Прохорова, классически ясной по стилю, величественной в своем достоинстве и одухотворенной по содержанию культурой древней Руси домонгольского периода. Проповедью добра и справедливости Церковь приобрела высочайший нравственный авторитет, а в подвиге святых русский человек увидел исполнение заветного нравственного идеала. Киевская Русь составила естественное географическое продолжение византийско-балканского православного мира. Впрочем, его суперэтническая культурная целостность, по заключению Л. Н. Гумилева, была извне надломлена в XIII веке завоеваниями латинян, турок и монголов.

В XIV веке на мировую арену выходит Москва. Православие воскресает под сенью возвышающейся великорусской державы. Но считать Московскую Русь культурной периферией Византии уже нельзя. Расположенная на перекрестке европейских и азиат-

ских влияний, имея за собой культурно развивающуюся Европу, а перед собой — дикую и воинственную степь, Русь выполняла роль защитника и пограничного стража Европы, расходуя на это огромные ресурсы. Запад, защищенный русской кровью от опустошительных набегов, имел возможность для особенно интенсивного экономического и культурного развития. В период завоеваний чингисидов наша страна поглотила силы монголов и остановила их нашествие на самом краю Европы. Христианское европейское просвещение, по замечанию А. С. Пушкина, было спасено растерзанной Россией.

В XIV веке споры византийских и латинских богословов о природе Божественного света и учении об обожении человека нетварной Божией благодатью выявили принципиальные различия в исторических путях западной и восточной цивилизаций. Традиция Ренессанса сформировала культуру гуманизма с ее верой в неограниченные возможности человека, и в результате привела Запад к практическому атеизму, узаконив принцип самодовлеющего светского бытия. Напротив, восточно-европейское возрождение проходило под знаком исполнения вечных Божественных предначертаний о мире и человеке, ознаменовав собой новую эпоху в жизни православного Востока.

XIV век для России — это эпоха подъема национального самосознания и пробуждения творческих сил народа, век деяний святителя Алексия, митрополита Московского, преподобного Сергия Радонежского, святого благоверного князя Димитрия Донского, святителя Стефана Пермского, преподобного Андрея Рублева. Это золотой век русской святости, строительства храмов и монастырей, иконописания и просвещения, которое возвращало народу самосознание Святой Руси, где духовность предвосхищает грядущее Царство Божие в историческом потоке времени.

Вековое и потаенное русское молчание завершается религиозным и национальным пробуждением Московской Руси, ее объединением и провозглашением Московского царства Третьим Римом. С этого времени географические и культурные интересы России ориентированы уже не в направлении «север—юг» по пути «из варяг в греки», а в направлении «запад—восток», которое привело к открытию «окна в Европу» и к выходу русских к великому океану на востоке.

Россия стала не просто мостом между Востоком и Западом. Она соприкоснулась с каждым из них внутри себя, восприняв не только доброе, но и дурное. Запад, забывший о христианской миссии преображения мира, подпал соблазну овладения им и, провозгласив принцип автономии человека, отказался признавать присутствие Бога во многих областях жизни личности и общества. Восток, с незапамятных времен следовавший традиции древнейшего культа плодородия, не мог подняться выше принципов сострадания и благоговения перед жизнью в нетеистических религиях. Другим направлением религиозной жизни Востока стал ислам, воссоздавший для наследников древней кочевой культуры предельно регламентированный образ жизни, обогащенный единобожием. Как особая геополитическая и культурная целостность, Россия, находясь между Востоком и Западом, сознавала свою ключевую роль в мире. По заключению В. С. Соловьева, России как православной христианской державе было отведено среднее место между христианским Западом и нехристианским Востоком.

В новое время идеи западного гуманизма нашли благоприятную почву в настроениях русской интеллигенции. Наряду с восхищением перед очевидными достижениями европейских стран, эти настроения одновременно принесли в Россию материализм, атеизм и горделивую мечту о построении «земного рая», нашедшую воплощение в социалистической революции. Гуманистический порыв позволил человеку разгадать тайны природы, покорить небо, открыть полюса земли, выйти в космос. И теперь, на рубеже XXI века, западный в своей основе гуманизм является фактором, во многом определяющим культурное и историческое развитие России. Однако она продолжает оставаться для Запада «светом с Востока» в религиозном и нравственном смысле.

Вместе с тем, являясь Востоком для Западной Европы, Россия имеет свой русский Восток, который таит в себе огромный потенциал — залог ее великого будущего. Через Сибирь и Дальний Восток произошло соприкосновение русской культуры с народами Китая, Японии, Кореи, Монголии. Россия как одна из великих держав Тихоокеанского региона должна стать равноправной участницей продолжающегося процесса мирового культурно-исторического развития, внося в его содержание освящающее и одухотворяющее начало, способное придать всей последую-

щей истории мира безусловное нравственное оправдание и высший смысл.

Современный исторический и культурный процесс становится все более сложным. Стремительно растет взаимозависимость стран и народов, многократно увеличивается интенсивность информационного взаимообмена. Русской и в целом восточно-христианской цивилизации нельзя потерять себя в этом процессе. Наоборот, она может и должна вновь ощутить себя одним из центров многополярного мира, способным дать ответ на вызовы глобальных кризисных явлений в экономике, политике, международных отношениях, экологической сфере. Нам есть что сказать народам Европы, Азии, планеты. Ведь многовековая православная духовная традиция, освященная действием благодати Божией, — это не только наше узконациональное достояние. Это источник истины, блага и гармонии для каждого, кто готов с открытым сердцем и открытым умом услышать глас Господа, глас Церкви.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Владимир Путин" (Vladimir Putin). The signature is written in a cursive style with a large, sweeping flourish at the end.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ

"12" — 02 — 2001 г.

№ — 4654 — —

109034 Москва, Чистый пе

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
Валерию Павловичу СЕРДЮКОВУ
ГЛАВЕ АДМИНИСТРАЦИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ваше Превосходительство,
многочуважаемый Валерий Павлович!

Возвратившись после поездки в Тульскую епархию, куда я отбыл сразу после визита в Санкт-Петербург, хочу поблагодарить Вас, Ваших помощников, администрацию области за радушный прием, оказанный мне и моим спутникам.

Оградно было видеть внимание областной власти к нуждам Санкт-Петербургской епархии, выражающееся в восстановлении порушенных в годы безбожной власти храмов. Мы видели фотографии множества возрождающихся из руин церквей. Особенно запомнилась церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая в деревне Кобона, которая в годы Великой Отечественной войны была первым пунктом "Дороги жизни", проложенной по Ладоге, где встречали ленинградцев, спасенных из блокадного города. Церковь эта милостью Божией ныне возрождается — ее восстанавливает один человек, истинный подвижник, который трудится, своими руками возрождая этой снятой храм к церковной жизни. Именно такими людьми стояла и стоять будет наша Русская земля.

Восстановление исторической памяти крайне важно для всего нашего общества, и власти предержащие всех уровней должны осознавать свою огромную ответственность в этом деле.

Я благодарен Вам и руководству администрации Ленинградской области, удостоившей меня звания Почетного гражданина области, учрежденного в нынешнем году. Воспринимаю эту на-

граду как оценку трудов всей Русской Православной Церкви в деле духовного возрождения нашего народа.

Еще раз благодарю Вас, многууважаемый Валерий Павлович, за внимание, проявленное Вами во время нашей встречи в славном граде святого Петра. Прошу передать мою благодарность председателю Законодательного собрания области Виталию Николаевичу Климову, а также всем сотрудникам администрации Ленинградской области.

Желаю Вам здоровья и благословенных успехов в трудах на благо нашего великого Отечества.

С искренним уважением

A handwritten signature in black ink, consisting of a large, stylized loop followed by a smaller, more intricate flourish.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

НАУЧНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ФИЛОКАРТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
(на примере изучения
жизни Шлиссельбурга
в конце XIX—начале XX века)**

Отчетливо наблюдаемый с середины 80-х годов XX века всплеск интереса к исследованию исторических и культурных корней и истоков формирования современного общества выявил важную тенденцию — количество объектов материальной культуры, которые могут использоваться в качестве источников для изучения истории России на рубеже XIX—XX веков, относительно невелико. Слишком много архивов того времени — документов, писем и фотографий — было сознательно уничтожено после революции 1917 года, причем не только представителями советской идеологической машины, пытавшимися переписать историю, скрыть правду об уровне развития экономики и культуры дореволюционной России, но и самими владельцами таких архивов — даже «нейтральные» документы могли обернуться самыми трагическими последствиями для любого совслужащего, сохранившего на память какие-либо семейные реликвии.

В этом отношении наиболее счастливой оказалась судьба тех предметов, которые попадали в круг объектов коллекционирования. Частное коллекционирование не поддерживалось в первые годы советской власти, но и особым гонениям владельцы небольших частных коллекций не подвергались. Именно таким образом — через частные коллекции энтузиастов-собирателей — дошли и до сегодняшних дней отдельные предметы материальной культуры той эпохи, которую принято называть Серебряным веком.

Особую ценность, вне всякого сомнения, представляют почтовые открытки (открытые письма), впервые появившиеся в России в начале 1890-х годов¹. Это объясняется как минимум двумя обстоятельствами.

Во-первых, видовые открытки, являя собой образец точности передаваемого изображения, отличаются большой информативностью:

— в отличие от любительских фотографий, в основном групповых портретов на фоне пейзажей или интерьеров, фотооткрытки целевым образом воспроизводят интересные здания, улицы, события городской или сельской жизни, быт всех слоев населения. Профессиональные фотографы могли посвятить несколько дней, подбирая наиболее удачные ракурсы для съемок, уделяя внимание любым мелочам ²;

— изображения многих фотооткрыток могут быть достаточно точно идентифицированы по времени запечатленных событий или видов. Некоторые издатели вели учет публикуемых открыток с указанием даты их выпуска, в других случаях на оборотной стороне открыток имеется информация о дате прохождения ими официальной цензуры. Однако наиболее часто (хотя и наименее точно) о дате выпуска открытки можно судить по датам их отправления (заполнения);

— тираж видовых открыток — от нескольких десятков до десятков тысяч (!) — зависел от того, насколько представленный на открытке вид, а значит и сама местность, здание были популярны у населения. По данным о тираже той или иной открытки можно безошибочно сделать вывод о важности запечатленного события, о предпочтениях различных слоев населения при выборе места жительства или отдыха, о том, какие жизненные институты и субстанции символизировали качество жизни различных городов и поселков.

И, во-вторых, многие открытки несут «печать времени» не только в переносном, но и в прямом смысле:

— почтовые штемпели и адреса назначения дают отчетливое представление об основных миграционных потоках. Сопоставляя эти атрибуты с содержанием самих посланий, можно достаточно четко представить себе, например, направления движения крестьян в прислугу или на отхожие промыслы в столичные или уездные города или предпочтения мещан различных городов по направлению своих отпрысков на обучение в высшие заведения и университеты;

— содержание многих открытых писем позволяет получить более точную информацию о происходивших в соответствующие периоды времени событиях, об отношении к ним различных групп и слоев населения, об их обычаях и нравах.

Однако, используя фотооткрытки в качестве источника для проведения исторических исследований, необходимо иметь в виду несколько важных моментов, которые могут в ряде случаев оказывать существенное влияние на достоверность и полноту выводов, сделанных только на основании изучения фотооткрыток.

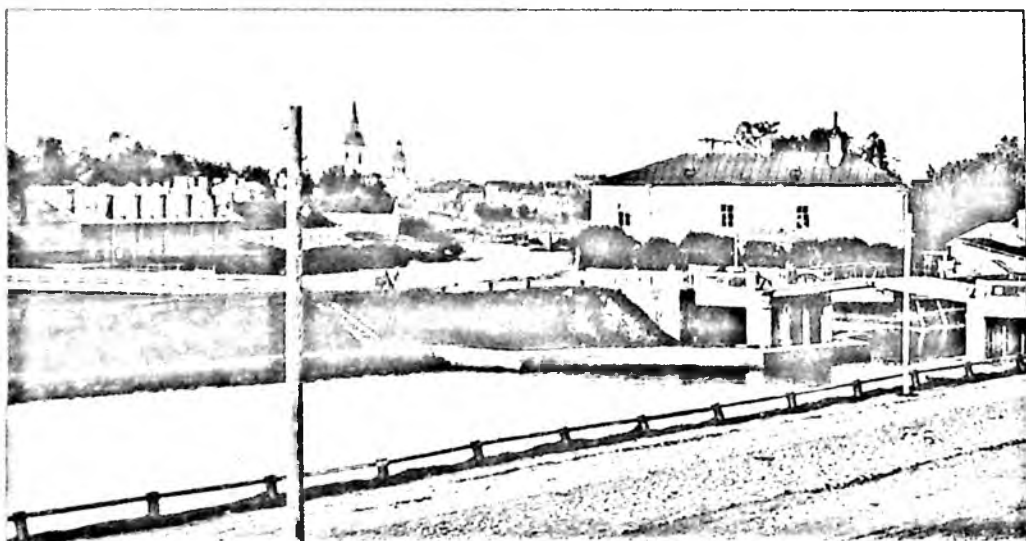

С.-Петербургъ.

Шлессельбургъ, пароходный приставъ.

Шлессельбургъ. Пароходный приставъ. Видны шлюзы канала

Видъ Екатерининскаго канала — Ansicht des Ekaterininsky-Kanal.

Шлессельбургъ — Schlüsselburg.

Вид Екатерининскаго канала

Шлиссельбург. Ладожский канал

Одним из таких важных аспектов является тот факт, что сама по себе фотографическая техника в конце XIX—начале XX века была весьма сложна и несовершенна. Даже профессионалу-фотографу требовалось приложить максимум усилий для того, чтобы добиться желаемого качества фотографии. Поэтому многие из наиболее удачных исходных слайдов использовались по несколько раз, причем достаточно часто — разными издателями и с разницей в несколько лет³. Известны случаи, когда видовые фотооткрытки содержали изображения зданий или улиц городов или поселков, уже утраченных, или подвергшихся значительным изменениям к моменту выпуска открыток. Более того, иногда ранее выпущенные открытки отражали более современное состояние отдельных объектов, чем выпущенные позже. В силу этого обстоятельства иногда требуется провести дополнительное исследование для того, чтобы уточнить историческую «привязку» изображения той или иной фотооткрытки.

Вторым важным обстоятельством, которое необходимо учитывать при использовании фотооткрыток в качестве источниковедческого материала, является тот факт, что несмотря на наличие в России в начале прошлого века большого количества издателей иллюстрированных открыток, полиграфическая база для их выпуска была весьма ограничена, и значительная часть фотооткрыток производилась за пределами России⁴. Зачастую надпи-

С. Петербургъ.

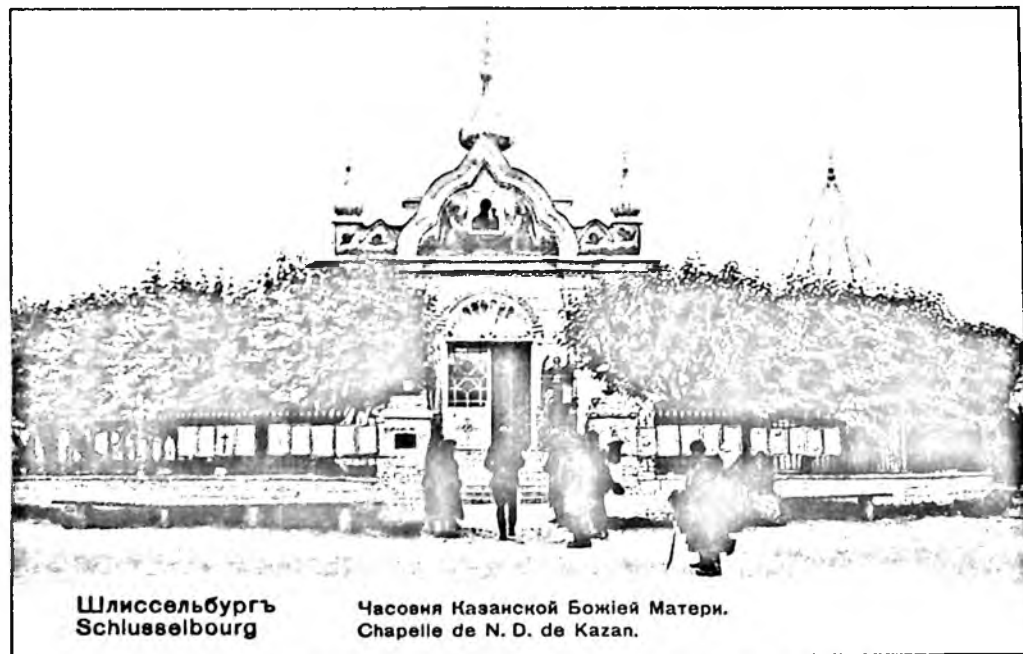
Крепость въ Шлиссельбургѣ

St. Pétersbourg.

La Forteresse de Schlüsselbourg.

Крепость Орешек со стороны г. Шлиссельбурга

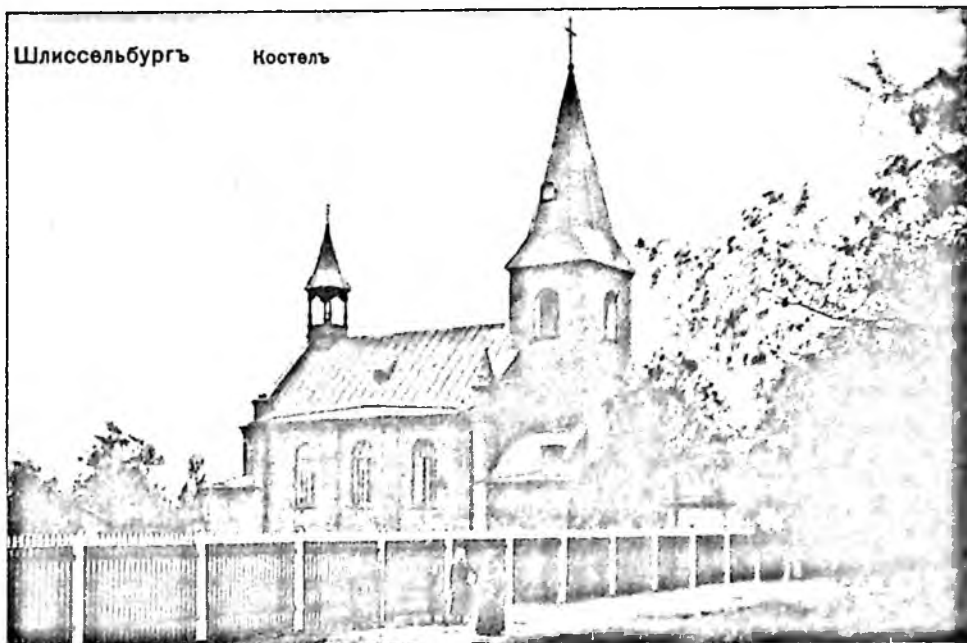
Шлиссельбургъ
Schlüsselbourg

Часовня Казанской Божией Матери.
Chapelle de N. D. de Kazan.

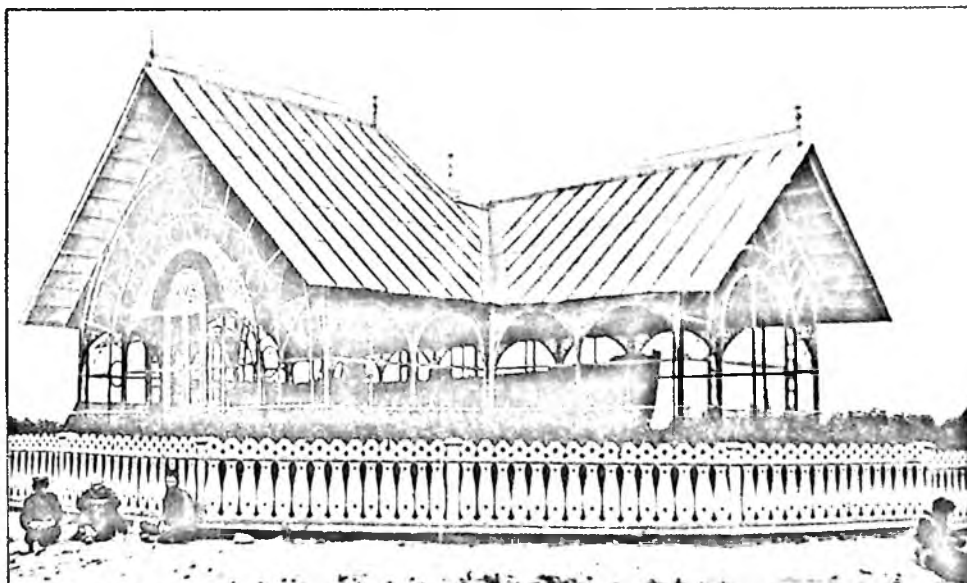
Шлиссельбург. Часовня Казанской Божией Матери

Шлиссельбургъ

Костель

Шлиссельбург. Костел

Шлиссельбургъ
Schlüsselbourg

Павильонъ ботинокъ Импер. Петра I. и Александра II.
Pavillon des vaisseaux des Empereur Pierre I. et Alexandre II.

Павильон ботинок императоров Петра I и Александра II

си, содержащиеся на таких открытках, содержат неточности как в топонимических названиях, так и в отдельных терминах.

И, наконец, третье важное обстоятельство, касающееся, правда, весьма узкого класса фотооткрыток — цветных видовых открыток. Один из крупнейших московских коллекционеров М. С. Забочень описывает ⁵ несколько применявшихся в начале XX века способов изготовления фотооткрыток. Однако (учитывая, что к этому времени цветная фотография еще не существовала), все эти способы использовали раскрашенные вручную оригинал-макеты, изготавливаемые опытными художниками. Естественно, такая техника не может исключить неточностей в передаче цвета, хотя, в целом, случаи серьезного отклонения от оригинала встречаются крайне редко — по крайней мере, реже чем при изображении тех же объектов на живописных полотнах.

Анализ приведенных выше методологических особенностей использования фотооткрыток для исторических исследований позволяет сделать вывод о том, что эти особенности не являются непреодолимым препятствием, а их характер однозначно указывает на целесообразность совместного изучения фотооткрыток с другими источниками при проведении исследований. При этом те позитивные возможности, которые предоставляет изучение видовых фотооткрыток и которые также были приведены выше, не менее однозначно указывают на то, что включение открыток в источниковедческую базу исторических исследований может существенно повысить эффективность таких исследований.

Ярким примером высокой ценности использования филокартического материала для исторических исследований является ситуация с изучением жизни и быта жителей Шлиссельбургского уезда Санкт-Петербурга в конце XIX—начале XX века.

К сожалению, сегодня, в преддверии празднования 300-летия Санкт-Петербурга, мало кто вспоминает не только об особой исторической роли, которую сыграл Шлиссельбург в рождении Петербурга, но и о том, что до революции Шлиссельбург (в отличие, например, от Зеленогорска или Ломоносова) административно входил в состав Санкт-Петербурга, и что в связи с этим любые исторические исследования, посвященные Санкт-Петербургу, будут неполными, если не будут охватывать и описание Шлиссельбургского уезда.

Практически все изданные в советское время книги по истории Шлиссельбурга были посвящены более или менее подробному описанию Шлиссельбургской тюрьмы (особенно тому периоду, когда в нее были заключены политзаключенные и участники

революции 1905 года) ⁶. Краткого упоминания удостоился факт завоевания крепости Орешек (Нотебург) Петром I в 1702 году. Но о самом городе, о его экономике, о его роли в период с 1702 года и до начала революционных смут в России — сказано немного. Хотя, как совершенно справедливо указывают историки: «Без этой победы [взятия Нотебурга] невозможны были бы ни основание Санкт-Петербурга, ни последующие операции Северной войны, вернувшие России ее земли в районе Балтийского моря» ⁷.

Жизнь этого города была весьма примечательна и интересна! Но без внимательного изучения фотооткрыток, изданных на рубеже XIX и XX веков, почувствовать это весьма непросто.

Вот, например, открытка с изображением пароходной пристани. Обычное, казалось бы, дело — сколько таких малых пристаней было тогда на реках, речушках и озерах по всей России. Но первое, что удивляет, — обилие Государственных флагов Российской империи. И это — не случайно. В начале XX века Шлиссельбург являлся крупнейшими транспортными водными воротами Санкт-Петербурга. Именно через Шлиссельбург попадали в столицу многочисленные грузы со всей России. До Шлиссельбурга караваны судов и нескончаемые плоты добирались по Мариинскому и Тихвинскому пути, а также по реке Волхов. А уже из Шлиссельбурга — по каналам или непосредственно по Неве — в Санкт-Петербург.

Для того, чтобы оценить, насколько важен был именно этот путь, сопоставим несколько цифр. Так, если в 1887 году в Санкт-Петербург было доставлено всего 81,5 миллиона пудов пшеницы, другого зерна и муки, то из них по Неве (со стороны Шлиссельбурга) — 47,4 миллиона пудов, или 58% ⁸. В том же году леса и строительных материалов через Неву в Петербург пришло чуть более 22 миллионов пудов плюс 69 миллионов пудов дров для отопления жилых и общественных зданий (в сумме — более 92%). За последующие 18 лет объем грузов, поступающих в Санкт-Петербург, существенно вырос и в основном — за счет увеличения количества грузов, доставляемых по Неве. Так, в 1905 году по Неве в Санкт-Петербург было доставлено без малого 72 миллиона пудов хлебных грузов (60%) и почти 160 миллионов лесных, строительных материалов и дров (более 95%) ⁹.

Именно поэтому можно смело утверждать, что обслуживание каналов и обеспечение безопасного судоходства было главной заботой властей Шлиссельбургского уезда — а вовсе не содержание Шлиссельбургской тюрьмы. Яркое подтверждение этому — многочисленные открытки, посвященные «морской» жизни

города: шлюзы и устье канала Императора Петра Великого, канал Императрицы Екатерины II, пристань, нескончаемые галеры и баржи, груженные разными грузами — все это нашло отражение на фотооткрытках 1900—1910-х гг.

Изучение этих открыток подтолкнуло автора к более детальному исследованию. Так, на открытках 1900-х годов отчетливо видно, что проводкой каждого судна занималось достаточно много людей — гораздо больше, чем в других водных системах. Оказалось, что этот фотофакт имеет свое историческое объяснение. Увеличение грузопотоков требовало увеличения и грузоподъемности судов, и к концу 1890-х годов технические параметры так называемого Кошкинского рейда, по которому проходили суда, и Петровского канала перестали удовлетворять требованиям безопасной проводки. В отношении многих судов приходилось применять весьма оригинальный способ «протаскивания» — часть грузов временно перегружалась на мелкие суденышки, осадка основных судов уменьшалась, они проходили наиболее мелкие места, после чего загружались вновь. Конечно, такой способ, сопровождавшийся и большими потерями времени, и дополнительными затратами денег, не устраивал судовладельцев, в результате чего в 1899 году было принято решение о проведении дноуглубительных работ на Кошкинском рейде одновременно расширением и углублением Петровского канала¹⁰. На время работ навигация не прекращалась, а занятые в строительных работах крестьяне из окрестных деревень заодно «протаскивали» подходившие суда.

Другой пример: большое количество открыток с видами сплавляемых плотами и на баржах лесных грузов заставило автора предположить, что столь широко распространяемая информация о больших объемах лесных грузов, сплавляемых по рекам и каналам в непосредственной близости от Шлиссельбурга, не могла не привлечь внимание местных предприимчивых людей и представителей деловых кругов из Петербурга. Но только знакомство с выпущенным в Санкт-Петербурге в 1909 году в типографии Товарищества «Андерсона и Лойценского» справочником «Список фабрично-заводских промышленных заведений Санкт-Петербургской губернии, подчиненных надзору Фабричной инспекции» позволило оценить роль лесоперерабатывающей промышленности в жизни тогдашнего Шлиссельбургского уезда. По данным этого справочника по два лесопильных завода было в самом Шлиссельбурге (наследников П. Беляева с численностью работников — 90 человек и Антонова — 30 человек)

а также в близлежащих деревнях Шальдиха (К. Ф. Граан — 66 человек и К. В. Лебедева — 24 человека) и Островки (наследников Д. Н. Егорова — 45 человек и Васнева и Горелова — 12 человек). И это не считая малых лесопилен, которых еще не менее десятка располагалось в других поселках. Весьма немало для относительно небольшого уезда!

Хотя, конечно, наиболее значимую роль в жизни самого Шлиссельбурга играла ситценабивная мануфактура, на которой в 1909 году работало 985 человек (также нашла хорошее отражение на открытках), а для уезда — два пороховых завода (Пороховой и динамитный завод Акционерного общества «Б. Виннер», расположенный в селе Никольское (316 работников), и Пороховой завод Русского общества для выделки и продажи пороха, расположенный в деревне Шереметьевка ¹¹ (130 работников).

Но не менее важным для развития Шлиссельбурга и его окрестностей был туризм. Причем крепость Орешек, используемая в те годы в качестве тюрьмы, весьма мало привлекала путешественников. А вот возможность приятных морских прогулок, удачно сочетаемых с посещением многочисленных маяков и небольших островов, прогулки по дубовым рощам, возможность ознакомиться с историческими памятниками, включая расположенные непосредственно в Шлиссельбурге Часовню Казанской Божией Матери, Костел, Собор, павильон, в котором хранились ботки императоров Петра I и Александра II, неизменно привлекали большое количество отдыхающих, причем не только из Санкт-Петербурга, но и из других губерний, в том числе — из Москвы. Узнать об этом явлении, кроме как из писем и открыток той поры, — невозможно. И только письменные свидетельства современников подтверждают этот факт.

Неплохо иллюстрируют старинные открытки и еще одну сторону быта тогдашних жителей Шлиссельбургского уезда. Как отмечал еще в конце 1880-х годов известный историк А. А. Бахтияров, «южная часть Шлиссельбургского уезда покрыта сплошной массой болот, поросших лесом и мхом. Земледелие не в состоянии удовлетворить нужды населения (кроме молочного промысла), доставляя в среднем урожае только 2/5 необходимого количества продовольственных средств» ¹². Именно поэтому на немногочисленных открытках, посвященных крестьянскому быту, в основном изображены скотные дворы и пасущийся на перелесках скот. Но зато насколько хорошо можно пронаблюдать высокую культуру крестьянского труда, воистину хозяйского отношения крестьян к своим кормилицам — породистым буренкам!

О многом могут рассказать фотооткрытки — немые свидетели исторических событий и повседневной жизни наших не столь уж далеких предков. Как жаль, что не все из сегодняшних руководителей помнят и о трудовых буднях не самой малозначимой части бывшего Петербурга, и о том, что собственно именно Шлиссельбург породил Санкт-Петербург! Да даже тот факт, что во время Великой Отечественной войны именно несдавшаяся фашистам крепость Орешек¹³ обеспечивала возможность функционирования знаменитой Дороги жизни, спасшей жизни сотням тысяч ленинградцев, вовсе не гарантирует, что, отдавая дань исторической памяти, государство включит реставрацию объектов культурно-исторического наследия Шлиссельбурга в программу подготовки к празднованию 300-летия Санкт-Петербурга.

Хочется верить в то, что подлинные свидетельства и предметы материальной культуры помогут восстановить историческую справедливость, а также в то, что такой ценный источниковедческий материал, как видовые фотооткрытки, займет достойное место в этом объективном процессе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет об иллюстрированных открытках. Первые неиллюстрированные открытки были пущены в оборот 1 января 1872 года в Петербурге, однако они пользовались несравненно меньшей популярностью, чем закрытые письма, отправляемые в стандартных (с 1845 года) конвертах. И только с началом выпуска иллюстрированных открыток начался самый настоящий «открыточный» бум, в результате которого уже в начале XX века открытки занимали основную долю среди всех почтовых отправлений.

² Не случайно и сегодня, когда у исследователей имеется возможность широко пользоваться различными архивами, именно фотооткрытки остаются нередко основным иллюстративным материалом для публикаций, посвященным различным аспектам жизни России в начале XX века. Так, например, Шульц С. С. в своей прекрасно написанной и изданной книге «Храмы Санкт-Петербурга (история и современность)» (СПб.: «Глагол», 1994) изображения 27 из 51 храма, не сохранившихся до наших дней, воспроизводит по материалам фотооткрыток начала XX века (то есть 53%).

³ Так, например, типография Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг» (в советское время — типография им. Ивана Федорова) в 1914—1916 гг. выпустила серию очень интересных открыток, посвященных Александро-Свирскому монастырю (см. Двас Г. В. Подвижничество настоятеля Александро-Свирского монастыря архимандрита Агафангела (по следам старых открыток) // «Культурное наследие Российского государства», выпуск II. — Санкт-Петербург: ИПК «Вести», 2000, с. 33—46), часть из которых была выполнена на базе фотографий, впервые опубликованных в 1901 году в книге «Описание Александро-Свирского монастыря» (Санкт-Петербург, типография М. Меркушева).

⁴ Даже среди фотооткрыток по таким в общем-то провинциальным городам как Луга или Гатчина далеко не последнее место принадлежит открыткам,

изготовленным в Швеции и Германии — компаниями Knackstedt&Nather, Anstalt Karlsruhe и K. Schubert (Лура), Stengel&Co. (Гатчина).

⁵ *Забочень М. С.* Способы печати видовых открыток. // В кн. «Русский город на почтовой открытке конца XIX—начала XX века». — Москва: «Русская книга», 1997.

⁶ В этой связи можно упомянуть книги М. В. Новорусского (Путеводитель по Шлиссельбургу. — Петроград: Государственное издательство, 1923) и многочисленные путеводители (например, «Окрестности Ленинграда» — Ленинград: Государственное издательство, 1927).

⁷ *Кани П. Я., Кораблев Ю. И.* Петрокрепость. — Л.: «Лениздат», 1961, с. 22. Также *Иогансен М. В., Кирпичников А. Н.* «Петровский Шлиссельбург» (по новооткрытым материалам) // Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. М., «Наука». 1974; *Кирпичников А. Н.* Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л., «Наука», 1980.

⁸ Данные за 1887 год приведены по «Статистическому ежегоднику С.-Петербурга. 1887 год». — Санкт-Петербург: Издание Городской Управы по Статистическому Отделению, 1888.

⁹ Данные за 1905 год приведены на основании выпущенной в 1906 году Департаментом статистики и картографии «Карты движения товаров по железным и внутренним водным путям Российской Империи в связи с ввозом и вывозом через порты и пограничные таможи в 1905 г.».

¹⁰ Лоция южной части Ладожского озера. — Санкт-Петербург: Типолитография Н. Л. Ныркина, 1912.

¹¹ Ныне входит в городскую черту Шлиссельбурга.

¹² Цитируется по изданию: Бахтиаров А. А. Брюхо Петербурга. — Санкт-Петербург: «ФЕРТ», 1994.

¹³ Сам город Шлиссельбург был захвачен немцами уже 8 сентября 1941 года и был освобожден только 18 января 1943 года.

СЛОВЕНЕ И КРИВИЧИ В ЯРОСЛАВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Проблемы, связанные с изучением хронологии, направлений и механизма, славянского освоения обширных лесистых и болотистых пространств Северо-Востока, в будущем одного из важнейших районов Древней Руси, уже давно привлекают пристальное внимание отечественных исследователей.

Накануне начала движения славян в этот регион он был редко заселен аборигенным финно-угорским населением. В связи с этим летопись сообщает, — «...а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же»¹. Из этого сообщения видно, что местное население концентрировалось, в основном, по берегам наиболее крупных озер Северо-Востока — в данном случае Ростовском (Неро) и Клещине (Плещеево). Это подтверждают и археологические данные. Они же говорят и в пользу того, что меря селилась также по берегам рек, в том числе и Волги. Именно в эти районы и устремилось новое население — славяне.

Первыми в российской науке этой проблемой занялись историки и филологи, которые использовали письменные источники, а также данные топонимии и гидронимии и только затем к ним присоединились археологи.

В 1870 г. была опубликована работа С. В. Ешевского, в которой рассматривалась данная тема. Он отмечал, что «основным инструментом в изучении этого процесса должна являться сравнительная филология»². Двумя годами позже Д. А. Корсаков отмечал без опоры на археологические данные, которых попросту тогда не было: «Раннее славянское заселение этого края шло от новгородских словен. Оно было весьма значительным, и только в XI—XII вв. началось более слабое колонизационное движение из Поднепровья через земли кривичей и вятичей»³. К иным заключениям пришел Н. П. Барсов, который отмечал, что известная по летописным сообщениям «“залесская дань” Смоленску объясняется миграционным движением смоленских кривичей»⁴.

А. А. Шахматов, в свою очередь, полагал, что «заселение Ростово-Суздальской земли было осуществлено с Верховьев Волги» ⁵.

В начале XX столетия к рассматриваемой проблеме обратился известный филолог А. И. Соболевский ⁶. По-прежнему исключительно на базе письменных, топонимических и гидронимических источников основывались заключения таких историков, как В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов ⁷. Однако уже с рубежа XIX—XX вв. начинается активное использование археологических источников. Первым это сделал один из ведущих исследователей А. А. Спицын, пришедший к заключению, что славянское заселение Верхнего Поволжья и Владимиро-Суздальской земли шло, главным образом, из Смоленского Поднепровья ⁸. Определял он и время начала колонизации, отмечая, что «судя по археологическим данным, колонизация Ростовского края русскими началась, как мы видим, в IX в. и, скорее всего, с верховьев Днепра, из земли смоленских кривичей» ⁹. Его выводы поддержали В. А. Городцов, Т. Арне и Ю. В. Готье ¹⁰.

А. А. Спицын опирался в своих исследованиях, прежде всего, на материалы Владимирских курганов, раскопанных еще А. С. Уваровым и П. С. Савельевым. Главной заслугой этого исследователя является то, что он первым поставил вопрос о возможности и эффективности использования археологических источников для исторических реконструкций и решения широких исторических проблем и блестяще реализовал такую возможность, построив свою модель процесса. А. А. Спицын замечал, что «западные Новгородские древности, безусловно, не имеют отражения во владимирских курганах... Итог нашего рассуждения. В X в. Ростовская область была заселена значительными массами смоленских кривичей, занимавших не только Ростов, но также Ярославль, Суздаль, Юрьев и Переяславль. В XI—XII вв. этот край, кроме естественного прироста населения, усиливается ассимиляцией инородцев и новым притоком населения, главным образом из области тех же кривичей, как смоленских, так и двинских. Колонизация со стороны Новгорода если и была, то нет никаких оснований считать ее сколько-нибудь значительной. В XI—XII вв. Ростово-Суздальская область имеет, быть может, довольно пестрое население, но преобладают в нем самым решительным образом кривичи...» ¹¹.

В те же годы были опубликованы работы известного ярославского историка, археолога и краеведа И. А. Тихомирова, который вслед за А. А. Спицыным также на археологическом материале пытался определить хронологию, направления, исходные области славянского заселения, но не всей Залесской земли,

а лишь Ярославского Поволжья. И. А. Тихомиров полагал, что Ярославское Поволжье в то время было покрыто густой сетью славянских городищ, однако он включал в этот перечень без разбора памятники разных эпох, в том числе и протофинно-угорской Дьяковской культуры¹². Он пришел к противоположным выводам, нежели А. А. Спицын, и поддержал давнюю теорию о северо-западном центре заселения, считая главными аргументами в пользу своей точки зрения «удобство речных путей по Шексне и Мологе, близкое соседство мери с весью, веси с Новгородом, прямой контакт со Скандинавией»¹³. Эта проблема явилась предметом острой дискуссии на IV Областном историко-археологическом съезде в Костроме¹⁴.

Северо-западное (новгородское) направление славянского заселения Северо-Востока отстаивал И. А. Тихомиров, а юго-западное (днепровско-смоленское) — А. А. Спицын. По поводу взглядов А. А. Спицына И. А. Тихомиров эмоционально писал: «...итак, кривичи, кривичи, кривичи — одни и повсюду. Они наполняют и свою собственную землю. Они же и заселяют и всю средину России. Удивительная плодovitость! Но куда же делись остальные? — словене новгородские, чудь, весь, меря и другие»¹⁵. Здесь И. А. Тихомиров, впрочем, как и А. А. Спицын, предвосхитил выводы будущих историков о смешанности населения, появившегося в Ярославском Поволжье в раннем средневековье.

Было бы неправильным полагать, что размежевание исследователей по данному вопросу в то время было достаточно четким. В некоторых работах находим примеры сочетания двух концепций о разных направлениях славянского заселения. Так, Н. Н. Овсянников делил колонизацию на два хронологических этапа: IX в. и XII—XIII вв. и определял два ее очага — Новгородская земля (словене) и Верхнее Поднепровье (кривичи)¹⁶.

Взгляды своих предшественников, и в частности Н. Н. Овсянникова, дополнил и развил уже упоминавшийся выше Ю. В. Готье, полагавший, что на раннем этапе волна движения населения шла из земель смоленских кривичей. Новгородскому направлению Ю. Г. Готье придает минимальное значение и считает, что «на Волгу выходили со стороны Новгорода уже не колонисты, а шайки удалых добрых молодцев, предков позднейших ушкуйников, которые может быть уже в X в. конкурировали с варягами на средней и нижней Волге». По его мнению р. Которосль является «кратчайшей дорогой, связывающей новый край с Волгой, по которой и шла кривическая колонизация»¹⁷.

Особняком стоит мнение языковеда Ф. П. Филина. Он отмечал, что в районе Владимира и Суздаля не было ни словен, ни кривичей, а было самостоятельное восточнославянское племя, имя которого не дошло до нас¹⁸. Впрочем, такая точка зрения не подтверждается ни письменными, ни археологическими источниками.

В конце 30-х гг. теперь уже прошлого столетия полевое изучение продолжила ленинградский археолог Я. В. Станкевич, производившая раскопки курганов Тимерёвского и Михайловского могильников. Она относит начало освоения славянами края к VIII в. и связывает с ними древнейшие трупосожжения в этих некрополях. При этом Я. В. Станкевич отмечает, что «здесь имеет отражение факт некоторого смешения славянского и мерянского населения»¹⁹. Я. В. Станкевич относил практически все погребальные памятники Ярославского Поволжья к славянам. Она полагала, что «большие» курганы Тимерёвского и Михайловского могильников являются славянскими и называла их сопковидными. В пользу такого заключения приводились следующие аргументы: относительно большие размеры, которыми они выделяются среди обычных полусферических насыпей, составляющих большинство курганов данных некрополей, а также наличие под ними нескольких захоронений в виде зольно-угольных прослоек на разных уровнях этих усыпальниц. Более того, Я. В. Станкевич полагала, что «большие» курганы Тимерёвского могильника генетически восходят к сопкам.

Аналогичные мысли высказывались и П. Н. Третьяковым, опиравшимся на находки в Верхнем Поволжье погребальных курганов типа длинных курганов и сопок²⁰. В одной из последних своих работ он, однако, отмечает, что «В глубинах Волго-Окского междуречья длинные курганы и сопки новгородского типа ни разу не были обнаружены»²¹. Согласно П. Н. Третьякову, «с IX в., вероятно, второй его половины, древнерусское население начало проникать и в восточную часть Волго-Окского междуречья — в землю мери. Его путь и места поселений отмечены курганными могильниками конца IX—X в.»²². Ниже он пишет: «В последующее время, в XI—XII вв., судя по материалам из курганов, в восточную часть Волго-Окского междуречья хлынули особенно мощные потоки славяно-русских переселенцев. Преимущественно это были люди из Поднепровья, как Верхнего, так и Среднего, а также из Новгородской земли. Их главным путем с Днепра являлась Волга»²³.

Позицию Я. В. Станкевич и П. Н. Третьякова можно было бы всерьез рассматривать, если бы существовала твердая этническая атрибуция как сопки, так и длинных курганов. До сих пор в науке продолжается дискуссия об их этнической принадлежности и хронологии²⁴. Но самое главное заключается в том, что собственно в Волго-Окском междуречье ни те, ни другие погребальные памятники нам пока не известны. Длинные курганы раскопаны пока всего в двух пунктах Угличского течения Волги — у деревень Митино и Охотино, а сопки известны в бассейне р. Мологи в шести случаях²⁵. Другими словами, эти памятники не являются характерными для Волго-Окского междуречья и не могут быть основой для каких-либо исторических реконструкций.

Позже в литературе наибольшую популярность приобрела точка зрения Е. И. Горюновой, которая отнесла начало массового заселения славянами Волго-Окского междуречья к концу X в., вторая волна, по ее мнению, приходится уже на XI—XII вв.²⁶ В целом же она полагает, что поначалу в IX—X вв. кривичи заняли Тверское Поволжье, а Ярославское Поволжье и Суздальский край были заселены с двух сторон кривичами и словенами новгородскими. Второй этап колонизации относится к концу XI—XII в., когда уже метисное славяно-мерянское население стало осваивать более восточные районы междуречья Волги и Оки²⁷. Такую позицию поддержал и В. В. Седов²⁸.

Основную массу таких погребальных памятников, как Владимирские и Ярославские курганы IX—X вв., Е. И. Горюнова связывает с финно-угорским племенем — мерей.

М. В. Фехнер и ее коллеги на основе анализа погребального обряда и инвентаря, сопровождающего захороненных в Ярославских некрополях — Тимерёвском, Михайловском, Петровском, стали считать эти могильники полиэтническими, выделяя в качестве ведущего компонента финно-угров, а точнее, весь, которая продвинулась в этот регион из районов Белоозера в начале X в.²⁹ А собственно славянская колонизация здесь, по мнению М. Ф. Фехнер, начинается не ранее середины X в. и разворачивается в полной мере лишь к концу этого столетия. В. В. Пименов, специально занимавшийся проблемами происхождения веси, справедливо отмечает, что точка зрения М. В. Фехнер является такой же крайностью, как и выводы Я. В. Станкевич относительно славянской принадлежности ярославских курганов³⁰.

Позднее М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина в связи с получением новых данных, в частности по Тимерёвскому могильнику, пришли к несколько иным заключениям. Они отметили: «Прове-

денная датировка захоронений дала возможность установить, что кладбище функционировало с конца IX до начала XI в., т. е. около 150 лет. Наиболее интенсивный рост могильника отмечается во второй половине X в., видимо, в результате значительного притока населения в данный район Ярославского Поволжья в рассматриваемое время»³¹. И далее они замечают, что «...население, оставившее Тимерёвский памятник, было неоднородным в этническом отношении с явным преобладанием финского элемента, что особенно ярко выступает в курганах с сожжениями»³². Ранее они указывали, что «освоение территории Ярославского Поволжья славянами началось, видимо, во второй половине X в.»³³.

Подводя итоги этой обширной историографии, следует согласиться с тезисом П. Н. Третьякова, согласно которому: «Сейчас уже невозможно ограничиваться повторением мнений большинства исследователей XIX—начала XX в., представляющих себе эти этнические процессы элементарно просто, как смену одного населения другим»³⁴. К этому добавлю, и в целом XX столетия.

В связи с этим остановимся на фундаментальной работе И. И. Ляпушкина. В исследованиях ведущих отечественных археологов детально разбирается проблема выявления раннесредневековых погребальных памятников. В результате на территории лесной зоны, в частности, в пределах области новгородских земель, определен пласт курганов с трупосожжениями на стороне, который оставлен словенами³⁵. И. И. Ляпушкин отмечал, что полусферические курганы с погребениями по обряду трупосожжения занимают обширную область в лесной зоне и известны в тех районах, где летопись размещает словен новгородских, кривичей (он имел в виду как смоленскую группу этого племени, так полоцкую и исковскую), дреговичей. Частично подобные усыпальницы покрывают территорию радимичей³⁶. На севере такие курганы известны вплоть до Приладожья, а на востоке — вплоть до бассейна р. Мологи, впадающей в Волгу, и до верховьев Оки³⁷. Волго-Окское междуречье для И. И. Ляпушкина оставалось «белым пятном», а между тем здесь выявлены курганы с трупосожжениями, относящиеся к IX в. в Ярославском Поволжье и собственно в Суздальском Ополе, что значительно расширяет ареал славянского расселения в IX столетии и логично закрывает имеющуюся на картах И. И. Ляпушкина этногеографическую лакуну.

В концентрированном виде проблемы славянского освоения Волго-Окского междуречья рассмотрены в трудах В. В. Седова. Прежде всего он утверждает, что: «В IX—X вв. словене новгород-

ские по Мологе достигают Ярославского Поволжья и продвигаются в глубь Волго-Окского междуречья...»³⁸. Вслед за И. И. Ляпушкиным он полагает, что для словен новгородских характерны полусферические курганы с кремациями, совершенными на стороне, когда остатки сожженного покойника переносили и помещали в курган. Характерно также отсутствие урн и вещей. По поводу днепровского направления заселения Северо-Востока В. В. Седов пишет: «Смоленско-Полоцкие кривичи приняли активнейшее участие в освоении территории Ростово-Суздальской земли. Однако Волго-Клязьменское междуречье не принадлежит к собственно кривичскому региону. Славянское население Северо-Восточной Руси формировалось в результате расселения нескольких племенных группировок»³⁹.

Не вызывает сомнений и такое заключение В. В. Седова: «Круглые курганы с сожжением, относящиеся к IX—началу XI в., в междуречье Волги и Клязьмы уже многочисленны и свидетельствуют о начальном этапе широкого славянского освоения этой территории. Основная масса круглых курганов с сожжениями здесь бесспорно принадлежит славянам. Однако дифференцировать эти насыпи на кривичские и новгородские нет возможности»⁴⁰.

Далее В. В. Седов, однако, уточняет: «Все же некоторые детали позволяют говорить о преобладающей роли словен в заселении исследуемой территории. В IX—начале XI в., как и в период длинных курганов, имело место лишь проникновение небольших изолированных групп кривичей. В то же время со стороны Новгородской земли через бассейны Мологи в срединные области междуречья Волги и Клязьмы хлынул значительный поток переселенцев»⁴¹.

Резюмируем сказанное. Начиная с IX в. Волжская система становится торной дорогой новгородских словен в их движении в Залесскую землю. На раннем этапе в эту водную систему входят реки Мста, Молога и Волга. Первоначально новое население обосновывается в небольшом регионе, по крайней мере только в Волго-Окском междуречье нам известны славяно-русские древности IX в. от места впадения р. Которосли в Волгу до оз. Клешино (Плещеево). В X в. славяне расселяются по всему Суздальскому ополью до р. Клязьмы. Конечно, данная схема не исключает прямого проникновения переселенцев из Новгородской области в Белозерье и в южные районы Волго-Окского междуречья из Верхнего и Среднего Поднепровья. В XI—XII вв. полностью завершается освоение славянами Волго-Окского между-

речь, и Ростовская земля становится важнейшей древнерусской областью, которой было суждено в дальнейшем сыграть ведущую роль в истории всей Руси ⁴².

В цитированной выше работе В. В. Седов, используя, в основном, материалы погребальных комплексов, убедительно показал культурную близость Новгородской и Ростовской земель. Основной группой курганов Ярославского Поволжья, которые можно связывать со словенскими новгородскими, являются те, в которых захоронения совершены по обряду сожжения на стороне. Они крайне бедны и невыразительны по набору инвентаря. Эти курганы имеют минимальные размеры по сравнению с остальными, основные находки в них — лепная керамика. Такие курганы, как уже отмечалось выше, по мнению И. И. Ляпушкина и В. В. Седова, и являлись характерными для словен новгородских в период с VIII по X в.

Характерной чертой как для Новгородчины, так и для Верхнего Поволжья, являются клады восточных монет, зарытые в землю в IX—X вв. Они есть и в Ладоге, и в Новгороде, и в Тимерёво, и на Сарском городище. Здесь важен не сам факт наличия дирхемов, а то, что эти сокровища оказались зарытыми в землю в важнейших центрах Балтийско-Волжского пути. В их культурных слоях встречены также многочисленные предметы восточного импорта (глиняные сосуды, бусы из сердолика и горного хрусталя, украшения из бронзы).

Все сказанное говорит о том, что в эпоху раннего Средневековья между Новгородской и Ростовской землями имелось определенное экономическое и культурное единство, которое во многом было обусловлено тем, что их связывал Балтийско-Волжский путь. А он имел не только трансевразийское, но и внутридревнерусское значение ⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повесть временных лет. М.: Л. Т. 1. С. 14.

² *Еишевский С. В.* Русская колонизация Северо-Восточного края. М., 1870. С. 603—644.

³ *Корсаков Д. А.* Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872. С. 185.

⁴ *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 188.

⁵ *Шахматов А. А.* К вопросу образования русских наречий и русских народностей // ЖМНП. 1899. IV. С. 336—337.

⁶ *Соболевский А. И.* 1) Откуда шла колонизация в Ростово-Суздальскую область // Труды Ярославского областного съезда. М., 1902. С. 1—5; 2) Древнейшее население Верхнего Поволжья. Тверь, 1912. С. 3.

⁷ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1908. Ч. 1. С. 367; *Платонов С. Ф.* 1) Лекции по русской истории. Пг., 1915. С. 104; 2) Очерк низовской колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. С. 47.

⁸ *Спицын А. А.* 1) Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. VIII. С. 334—340; 2) К истории заселения Верхнего Поволжья русскими // Труды Второго областного Тверского археологического съезда. Тверь, 1906. С. 186.

⁹ *Спицын А. А.* Владимирские курганы // Известия Археологической Комиссии. 1905. Вып. 15. С. 167.

¹⁰ *Городцов В. А.* Древнее население Рязанской земли // Известия ОРЯС (Отделение русского языка и словесности). 1909. XIII. 4. С. 134—150; *Т. J. Arne.* La Suede et l'Orient. Uppsala. 1914. P. 722; *Готье Ю. В.* Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН. М., 1928. IV. С. 138—144.

¹¹ *Спицын А. А.* Владимирские курганы... С. 170—172.

¹² *Тихомиров И. А.* Славянские городища // Труды IV Областного историко-археологического съезда в Костроме. Кострома, 1914. С. 229.

¹³ *Тихомиров И. А.* Славянское заселение Ярославской губернии // Там же. С. 229.

¹⁴ Там же. С. 74—140.

¹⁵ Там же. С. 135.

¹⁶ *Овсянников Н. Н.* О колонизации в Суздальском крае с точки зрения археологии // Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 2—9.

¹⁷ *Готье Ю. В.* Заметки о ранней колонизации... С. 140—142.

¹⁸ *Филин Ф. П.* Очерки истории русского языка до XIV столетия // Ученые записки ЛГУ. 1940. 20. С. 86.

¹⁹ *Станкевич Я. В.* К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X столетии // МИА. 1941. № 6. С. 83.

²⁰ *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., Л., 1966. С. 298—300.

²¹ *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 124.

²² Там же. С. 125.

²³ Там же. С. 131.

²⁴ *Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 63—67; *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. Сопки Северного Приладожья. СПб., 1994. С. 37—40.

²⁵ *Седов В. В.* 1) Новгородские сопки // САИ. М., 1970. С. 50. Табл. 1; 2) Длинные курганы кривичей // САИ. М., 1974. С. 61. Табл. 1.

²⁶ *Горюнова Е. Н.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94. С. 36—37.

²⁷ Там же. С. 183—248.

²⁸ *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 186.

²⁹ *Фехнер М. В.* Тимерёвский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 15.

³⁰ *Пименов В. В.* Вепсы. М., Л., 1965. С. 99.

³¹ *Фехнер М. В., Недошивина Н. Г.* Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 86.

³² Там же. С. 87.

³³ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимерёвского могильника // СА. 1985. № 2. С. 114.

³⁴ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне... С. 286.

³⁵ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. МИА. 1968. № 152. С. 112—113.

³⁶ Там же. С. 111.

³⁷ Там же. Рис. 4.

³⁸ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 170.

³⁹ Там же. С. 166.

⁴⁰ Там же. С. 188.

⁴¹ Там же. С. 188.

⁴² Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982. С. 44—45.

⁴³ Дубов И. И. Новгородская и Ростовская земли в эпоху раннего Средневековья // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1. С. 87, 90.

«БАЛТИЙСКАЯ ИДЕЯ» В СТРОИТЕЛЬСТВЕ РУССКИХ ГОРОДОВ

1. Первое проникновение восточных славян в регион Южного Приладожья состоялось, возможно, в последней четверти VII—первой половине VIII в. Их расселение в этом регионе объяснялось стремлением выйти к Ладожскому озеру, реке Неве и далее к Балтийскому морю и получить свободный доступ к водным путям и беспрепятственной торговле со странами Северной и Западной Европы. В новоосвоенных местах пришельцы устроили ряд укрепленных поселений, лидером которых явился город Ладога, основанный не позже 753 г. (по данным дендрохронологии) в низовьях реки Волхов. Вскоре Ладога выдвинулась в качестве самого значительного на севере Восточной Европы международного торгового места и порта. Через Ладогу по крупным рекам Русской равнины Волге и Днепру проходили магистральные караванные пути в Арабский Халифат и Византию. Именно здесь в низовьях Волхова сочленились западный и восточный отрезки великих трансевразийских торговых путей. Через Ладогу на рынки стран региона Балтийского моря, начиная со второй половины VIII в., хлынул основной поток исламского монетного серебра и установились глобальные экономические связи Запада и Востока. В результате, едва ли не впервые в истории раннесредневековой Восточной Европы, налажился масштабный и регулярный обмен достижениями и ценностями Запада и Востока, и все это благодаря человеческой предприимчивости, почти без вмешательства государственной власти. В условиях стремительного экономического подъема целых областей и своей округи Ладога становится центром федерации славянских и финских племен, а затем в 862 г. первой государственной столицей складывающейся империи Рюриковичей, и в дальнейшем остается фамильным владением правящей династии. В этот период в Ладоге возникла сначала деревянная, а затем каменная крепость. На площади города около 12 га проживало примерно

1000 человек. Титульным был славянский этнос, его дополняли финны и скандинавы. Сродни ряду балтийских городов Ладога стала городом-космополитом, местом международной коммерции, всеевропейским поставщиком самого популярного товара — мехов. В первые столетия своего существования город в низовьях Волхова стал центром значительного региона и распространил свое управление и влияние на окрестные земли чюди, карел и ижоры ¹.

Создание Ладоги положило начало так называемому «балтийскому вопросу», заключающемуся в соперничестве, нередко военном, Руси и Швеции в отношении владения путями, рынками, территориями. В науке с Ладогой связан еще и «норманский вопрос» о роли скандинавов в истории Восточной Европы.

2. В XIII—XIV вв. в связи с обострением военной обстановки в Восточно-Балтийском регионе стало необходимым закрепление пограничных территорий устройством новых крепостей. Так, немцы возвели замок Копорье (около 1240 г.), датчане — «городок» на русской стороне р. Наровы (1256 и 1294 гг.), шведы — Выборг (1293 г.), «город в Кореле» (1295 г.) и Ландскрону в устье Невы (1300 г.). Русские стремились разрушить эти крепости, противопоставили им (иногда сооруженные в тех же местах) свои твердыни: Копорье (1279 и 1290 гг.), Корелу в устье Вуоксы (около 1295 г.), Орешек в истоке Невы (1323 г.). Заключенный в Орехове (Орешке) в 1323 г. мир со Швецией узаконил новую границу и утрату Новгородским государством земель Западной Карелии, что в дальнейшем не раз осложняло отношения между Русью-Россией и Швецией ². Таким образом, перед нами не только борьба государств, но и противостояние крепостей, устроенных на пограничных территориях.

Площадь расположенного на острове первоначального Орехова (Орешка), по данным археологии, составляла 8500 м² и была застроена деревянными домами с численностью обитателей около 400 человек. Из них 100—130 несли воинскую службу. В 1348 г. однобашенный Орешек был захвачен шведским войском Магнуса Эриксона, предпринявшего крестовый поход на Русь. В том же году этот форпост был штурмом освобожден новгородцами. В 1352 г. вместо деревянной здесь соорудили одну из первых на Руси многобашенную каменную твердыню. Вплоть до начала XVII в. Орешек контролировал исток Невы и оставался самым северо-западным порубежным укреплением России. В 1610—1702 гг. островная крепость и ее материковые посады принадлежали Швеции, но в конце концов были отвоеваны войсками Петра I ³.

3. Порубежные крепости, основанные на Северо-Западе Руси, по мере существования становились центрами своих округ, местами торговли и ремесла, религиозными и административными пунктами. Этой же традиции по-своему наследует и Ивангород, созданный в 1492 г. уже не новгородцами, а московской властью на границе с Ливонией непосредственно напротив ливонской Нарвы. Он охранял главную дорогу из Ревеля в Новгород. В его сооружении видна попытка России укрепить свою западную границу и одновременно упрочить за собой выход к Балтике через Северную Эстонию и непосредственно через реку Нарову, впадающую в Финский залив. В дополнение к Ивангороду в 1557 г. в устье Наровы на месте русского укрепления предшествующей поры, по велению Ивана IV, был воздвигнут, едва ли не впервые, специальный государственный порт «для пристанища морского карабленого».

Первоначальный Ивангород был построен как чисто военный объект по образцу балтийских костелов в виде регулярной в плане четырехбашенной цитадели. В дальнейшем, в течение XVI в., эта фортификация претерпела ряд существенных достроек, превративших ее в мощную крепость с расположенным рядом значительным городом и околоградьем⁴.

4. В 1580 г. шведский король Иоанн III выступил с «великой восточной программой», призванной отрезать Россию от Балтийского и Белого морей. Эти намерения стали осуществляться. Захваченные в конце XVI—начале XVII в. русские города Северо-западной России шведское правительство рассматривало как плацдармы в борьбе за Балтику. В 1611 г. Россия утратила собственный выход к Балтийскому морю — от нее были отторгнуты Ижорская земля и устье Невы. Столбовский мир 1617 г. закрепил изоляцию России от Северной и Западной Европы. Торговля русских на Балтике отныне могла происходить лишь при посредстве подчиненных Швеции прибалтийских городов или самого шведского купечества.

5. Укреплению оккупированных земель отводилось первостепенное значение. В 1611 г. на месте старинного русского поселения на мысу у слияния рек Невы и Охты по приказу короля Карла IX был построен Ниеншанц «чтобы можно было защищать всю Неву под эгидой шведской короны»⁵. В 1616 г. Густав II Адольф по сообщению Иоганна Видекинда (в его Истории шведско-московской войны, изданной в Стокгольме в 1672 г.) в письме Государственному совету писал: «Кексгольм (Корела), Нотебург (Орешек), Ям, Копорье и Ивангород представляют собой

как бы ключ к Финляндии и Ливонии, так что, пока они в руках шведов, Ливонии почти нечего, а Финляндии вовсе нечего опасаться русских». «Если же, — продолжал король, — русские получают Нотебург или Ивангород, или обе эти крепости и научатся ценить свою силу, удобство морских путей и все преимущества, обладая морским побережьем, чего они до сих пор не имели возможности сделать, то тогда будут в силах не только напасть на Финляндию..., но, используя свои огромные возможности, наполнят все Балтийское море своими кораблями и ладьями, так что все прибалтийские страны, и прежде всего Швеция, будут постоянно находиться под угрозой»⁶. В январе 1616 г. доктрину изоляции России Густав II Адольф изложил в своей речи в Гельсингфорсе в следующих словах: «Тяжелее всего для русских быть отрезанными от Балтийского моря, а допустить их утвердиться на этом море, с целями торговли или другими, было бы крупнейшей политической ошибкой. Нарва и Ивангород (захвачен шведами в 1612 г.) запирают доступ к реке Нарове, Нотебург (взят шведами в том же 1612 г.) к Неве, а этими путями они только и могли бы достигнуть Балтийского моря»⁷. Как бы продолжая эти мысли, генерал-квартирмейстер Эрик Дальберг в 1681 г. в своем донесении правительству Швеции предостерегал: «Если не удержат Нюен (Ниеншанц), то ни Кексгольм, ни Нотебург не помогут защитить Карелию, Кексгольмский лен и даже сам Выборг». «А русские, — продолжал далее автор донесения, — легко могут навсегда осесть в этом месте между этими важными реками (то есть Охтой и Невой) и таким образом, не дай Бог, получат выход к Балтийскому морю, о котором они мечтали с незапамятных времен»⁸. Опасения шведских политиков полностью подтвердились на пороге нового времени.

6. Планы полностью изолировать Россию от Западного мира полностью изменил Петр Великий, победивший шведов в Северной войне 1700—1721 гг. Были возвращены приневские земли, разрушен охранявший их шведский Ниеншанц, а в устье Невы на Заячьем острове в 1703 г. был основан Санкт-Петербург — первоначально городская крепость, а с 1712 г. столица империи. В закладке новой столицы на краю государства, в условиях неоконченной войны, был отчаянный риск и небывалая смелость. Западному менталитету был брошен дерзкий геостратегический вызов, заключавшийся в создании главного города страны не в ее центре, а непосредственно на тогда опасном западном рубеже. Отныне Россия, как никогда ранее, приблизилась к европейским странам. «Балтийская идея» имеет беспрепятственный и

постоянный доступ к Балтийскому морю наконец-то осуществилась. Россия после почти 10-вековых усилий «ногою твердой стала у моря», превратившись в мировую морскую державу. Для страны, которая в ходе развития основывала свои города все ближе к Балтике, наступил новый период истории. Преодолевая средневековую отсталость, Россия выдвинулась как могущественное государство Европы.

7. Военные действия в регионе Восточной Балтики, которые вели соперничающие государства, являлись постоянно действующим фактором истории прибалтийских народов. Вековые конфликты на Балтике нередко преследовали далеко идущие геополитические цели подчинения целых регионов и перекройки границ. Борьба за Балтику, с одной стороны, способствовала ускоренному сооружению городов-крепостей и совершенствованию фортификаций и боевой техники, а с другой, сопровождалась разрушениями и истощением ресурсов противников. Войны, однако, не смогли остановить строительства городов, экономического прогресса и развития международных торговых, культурных и политических связей. В итоге было достигнуто определенное равновесие сил и интересов стран Балтийского мира. Противостояние на Балтике в новое время полностью не прекратилось, но его военная обостренность ослабла, все более заменяясь мирными отношениями народов и государств.

8. В настоящее время все более настойчиво выдвигается всеобъемлющая миссия общеприбалтийского сотрудничества, особенно в гуманитарной сфере⁹. Своеобразным символом этих новых устремлений может служить памятник шведскому Ниеншанцу, который сооружен точно на месте этой крепости и открыт в Санкт-Петербурге в преддверии его 300-летия в июне 2000 г. Он представляет собой гранитный бастион с 6 шведскими пушками и стеллой с надписью и городской печатью с изображением снопа и словами SCHANTZNYEN¹⁰. Так история гасит вражду и возвращает нам зримо свою память¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // *Славяно-русские древности*. I. Л., 1988. С. 38 сл.; *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996; *Кирпичников А. Н.* Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья. // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. СПб., 2002.

² *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII—начало XIV в. Петрозаводск, 1987; *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.

³ *Кирпичников А. Н.* Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л., 1980.

⁴ *Косточкин В. В.* Крепость Ивангород // Материалы и исследования по археологии СССР. 31. М., 1952. С. 224 сл.; Крепость Ивангород. СПб., 1997.

⁵ *Blees J.* Fästningen Nyenskans och Nyen // *Norrlands Försvar*. 1938. P. 74.

⁶ *Видекинд Юхан.* История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000. С. 393.

⁷ *Форстен Г.* Политика Швеции в смутное время. Журнал министерства народного просвещения. Часть ССLXI, 1889, ноябрь. С. 31.

⁸ *Кальюиди Е. А., Кирпичников А. Н.* Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году. // Скандинавский сборник XX. Таллин, 1975. С. 74.

⁹ *Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях.* СПб., 1998.

¹⁰ *Сорокин П. Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001. С. 117—118, рис. 43.

¹¹ Данная статья в кратком виде: VI World Congress for Central and East European Studies, Abstracts Tampere, 2000. P. 208.

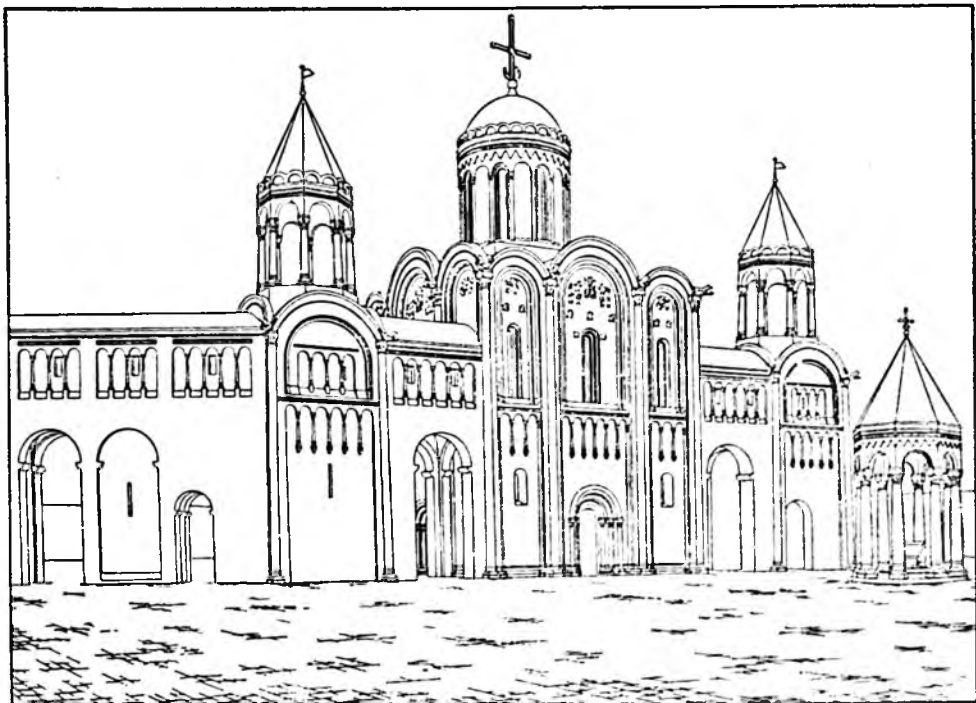
ТОПОГРАФИЯ БОГОЛЮБОВСКОЙ ТРАГЕДИИ

Боголюбов город. В 1158—1165 гг. князь Андрей Юрьевич отстраивает в 10 с половиной верстах от ставшего — благодаря его же деятельности — «стольным» городом Владимира свою резиденцию — город Боголюбов. Боголюбов располагался на высоком месте — берегу реки Клязьмы (ныне, по изменении ее русла, около восточных стен вновь действующего Боголюбовского монастыря осталась лишь старица).

Почему именно на этом месте ведется строительство и почему резиденция получает именно такое название мы находим в Сказании об иконе Владимирской Богородицы XVI в. (письменным источникам эта легенда была известна в XV в. ¹) при перечислении ее чудес в «Чюде о Боголюбьскомъ месте». Когда в 1155 г. едущий из Вышгорода (из-под Киева) от отцовской опеки Андрей Боголюбский «дошедше близъ града Владимирера; и егда быша на рече на Клязьме, и ту стаща кони со иконою Богородицы и не поступиша ни камо же. И многи коня изменяху и чюдну икону на сани поставляху, и ни единъ же конь не може саней двигнути со святою иконою. Великий же князь Ондрей на томъ месте постави две церкви камены во имя Святыя Богородицы и ту сотвори градъ и нарече имя месту тому Боголюбимое» ².

Отстраивая в дальнейшем Владимир, Андрей Юрьевич не забывал и Боголюбова, создав здесь «собе городъ камень» ³. Тверская летопись свидетельствует, что князь, в конечном итоге, «оставя градъ (Владимир. — Ю. К.)», «часто въ селе Боголюбове и в монастыри т(омъ) пребываше», и, более того, «много время ту безгодно пребываше» ⁴.

Судя по летописным восторгам ⁵ дворцовый комплекс Боголюбова был впечатляющим сооружением. Такую оценку подтверждают и фундаментальные раскопки и реконструкция знаменитого археолога и историка Владимирской земли Н. Н. Воронина. «Расположенный на высоком берегу Клязьмы (с юга) и глубокого оврага (с запада) замок обращался сюда своими бело-

Боголюбово. Вариант реконструкции дворцового ансамбля
(по Н. Н. Вороницу)

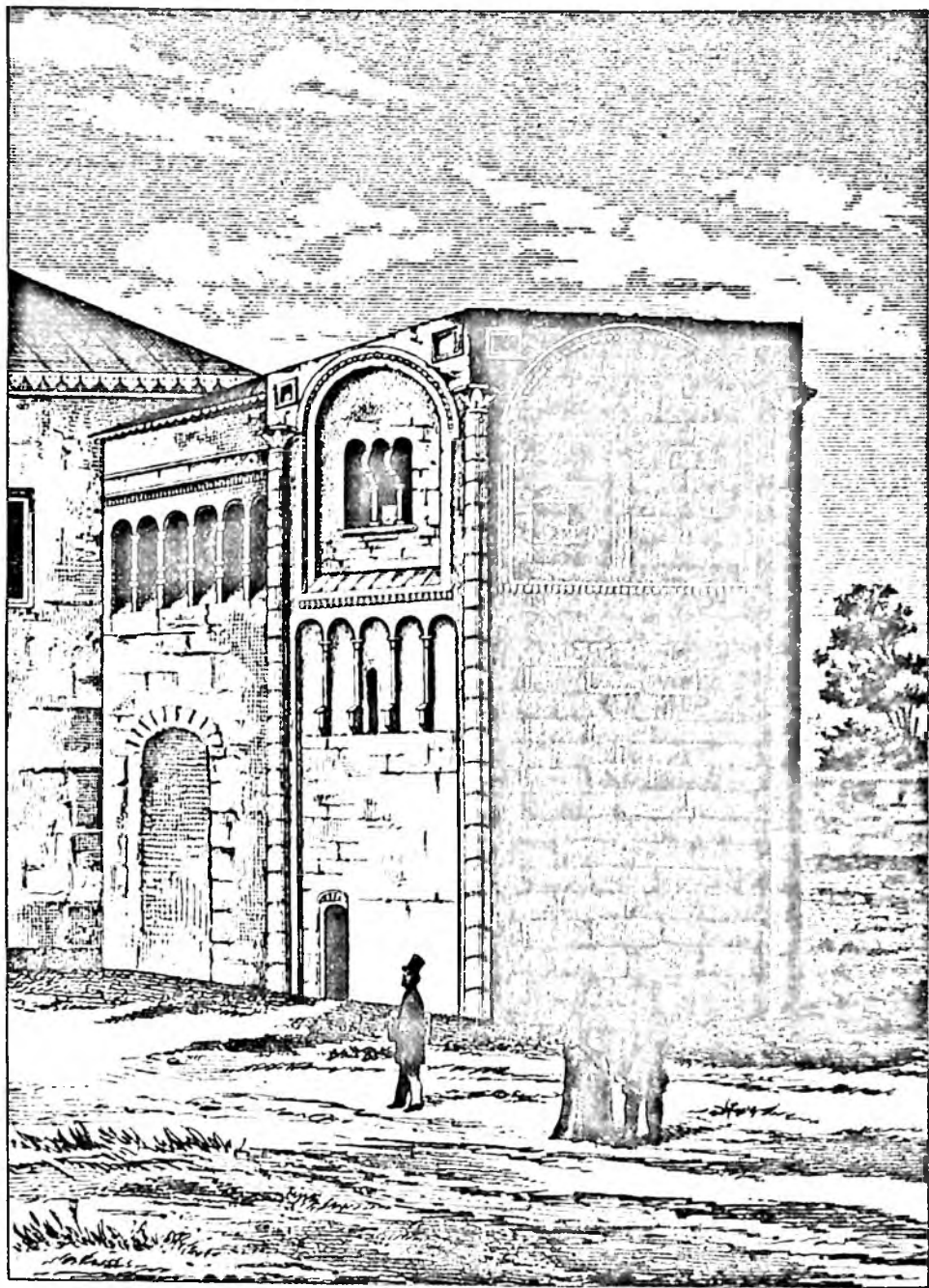
каменными стенами и башнями, поднятыми на гребне валов. Это были главные фасады замка. Южный фасад был обращен к реке и речной пристани... Не менее важной была западная сторона замка, обращенная к дороге из стольного Владимира. С севера и востока замок защищали стены, валы и рвы. Собственно дворцовая территория занимала южную половину Боголюбова-города...». Общая протяженность дворцового ансамбля «составляла около 80 м. На левом фланге стоял самый дворец — двухэтажное белокаменное здание с нарядными окнами второго этажа, опоясанного колончатым поясом, с прямолинейными посводными и шатровыми кровлями. Аркада переходов вела из дворца к центральному звену ансамбля — дворцовому собору, фланкированному двумя златоверхими столпами лестничных башен. Далее к югу переход вел к южной крепостной башне замка. Вся совокупность зданий была связана колончатым поясом в единое целое». К этому необходимо добавить, что ансамбль располагался на дворцовой площади, вымощенной белым камнем. Немаловажным для нашей темы является и замечание ученого о прочих возможных сооружениях, существовавших рядом с дворцом:

«По краям примыкавшей к дворцовому ансамблю с востока и запада территории размещались хозяйственные и бытовые постройки: погреб, оружейные склады, конюшни, подвалы для меда и пр., а также, может быть, стояли усадьбы ближайших придворных»⁶. Вплоть до 30-х гг. XX в. считалось, что княжеские палаты в Боголюбове строились деревянными, и лишь воронинские раскопки показали, что они все были из камня.

Гибель князя. В Боголюбове Андрей Юрьевич и был убит в ночь с 28 на 29 июня 1175 г. Спальня, куда под покровом ночи, подготовившись заранее, пробрались заговорщики, находилась в несохранившемся княжеском дворце: сейчас на этом месте частично находятся кельи, частично — незастроенное пространство⁷. Именно здесь в 1937 г. и проводил Н. Н. Воронин раскопки с целью «дать ответ на вопрос о первоначальном облике дворцовых переходов»⁸. По результатам исследований был восстановлен внешний вид северного перехода (длиной 11—12 м) — ведущего во дворец. Но нам важно сейчас другое. В пилоне северного перехода (между двумя арочными проемами) «с восточной его стороны сохранился проем двери, вводившей в небольшое помещение внутри. Можно предполагать, — замечал Н. Н. Воронин, — что оно предназначалось для дворцового караула, тех “сторожей дворных”, которых мы знаем из рассказа о смерти князя Андрея... Последовательность действий заговорщиков показывает, что “сторожи дворные” помещались поблизости от входа на “сени” и охраняли его. Все это делает высказанную догадку убедительной»⁹.

Расправившись со «сторожами» и расчистив себе, таким образом, путь, злодеи вошли в башню-сени¹⁰ и через северный переход (заложенный вход в него с сеней просматривается и сейчас) проникли непосредственно во дворец. Но где-то на полпути «прия е страхъ и трепеть и беша съ сении шедше в медушу и пиша вино». То есть убийцы, видимо, выходили вновь во двор, заходили, по крайней мере, в одну из бытовых построек (которые предполагает Н. Н. Воронин), и лишь «оупившеся виномъ» там они возвратились к «ложнице», где и разыгрались кровавые события, подробно описанные летописью¹¹.

Нанеся князю большое число ран, «меневша его оубьена до конца», но не убедившись в его смерти, охваченные страхом («трепещущи») заговорщики бежали из этого жуткого места. Очнувшийся же князь с большим трудом переместился из «ложницы» к башне-сеням, где находилась круговая лестница, ведущая во двор. Возвратившиеся в спальню убийцы князя там не

Лестничная башня и переход к собору Рождества Богородицы.
Гравюра 1880 г. (по Н. Островзорову)

обнаружили. Лишь по тянущемуся кровавому следу они нашли его, «седащу ему за столпомъ въсходнымъ». Там же — внизу лестницы своего княжеского дворца — Боголюбский и был добит¹².

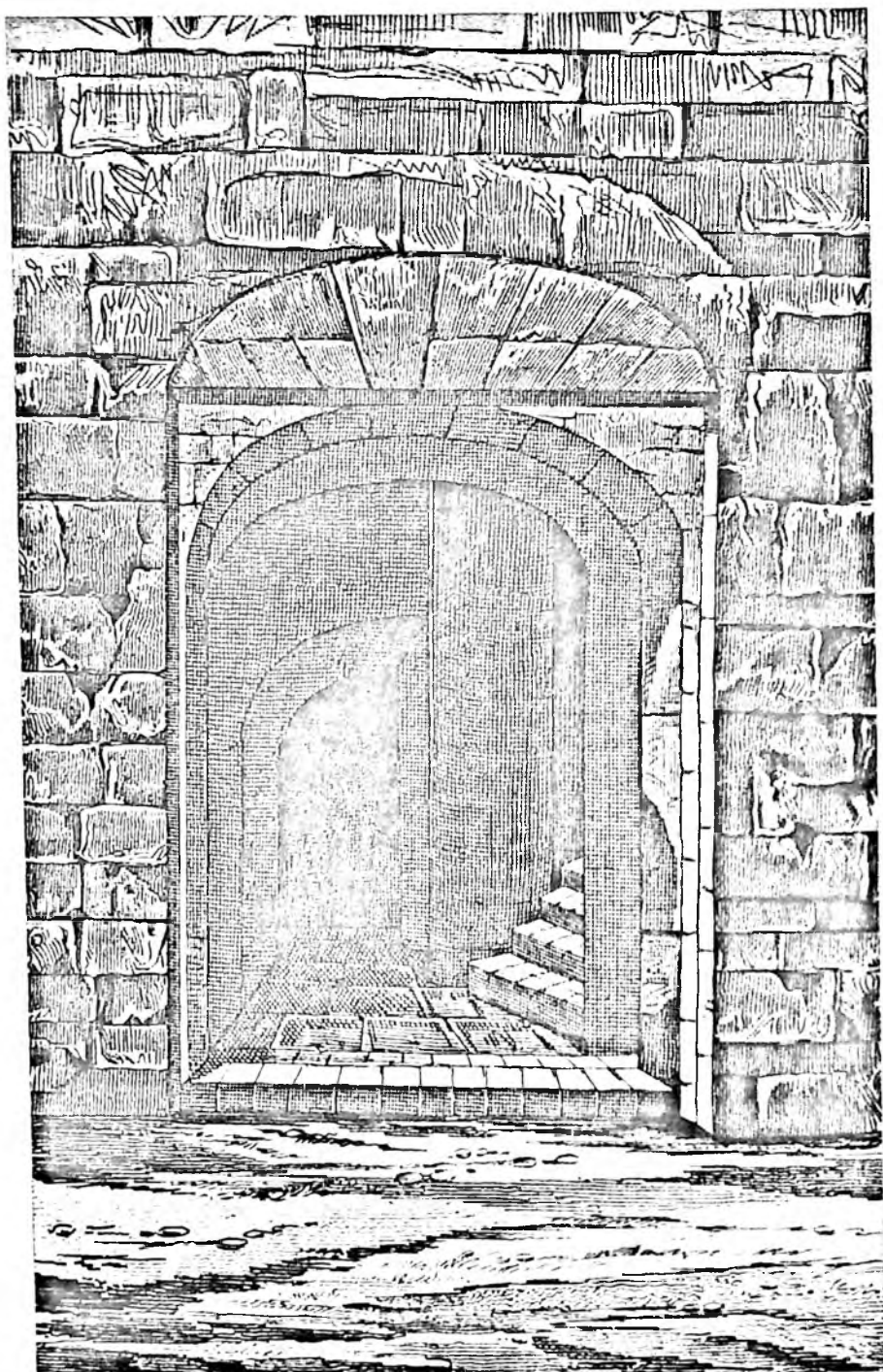
После обретения «чудоточащихъ мощей» и канонизации Андрея Боголюбского (в 1702 г.) существовала и иная «топографическая» версия этихъ событий, согласно которой «башня и переход и были “полатами” князя и его “ложницей”, где онъ былъ убит. Роспись 1764 г.¹³ закрепила эту выдумку и сделала древние здания объектомъ поклонения посещавшихъ монастырь богомольцев. Опись 1786 г. уже называетъ ихъ “покоями князя Андрея”¹⁴. (Роспись в «моленной комнате», примыкающей к хорамъ Рождественскаго собора и имевшей туда выход, и «сеняхъ» существует и поныне¹⁵.)

Где «огород»? Летописные источники свидетельствуют и в отношении посмертной судьбы князя.

Лаврентьевская летопись приводит такой краткий текст: «Налезоша и подъ сеньми лежаща, взявше и на ковре клирошане Боголюбьскыи, внесоша и в божницу, певше надъ нимъ, вложиша и в гробъ камень»¹⁶.

Однако по версии Ипатьевской летописи, пришедший в Боголюбский дворец один из сподвижников Андрея Юрьевича «Кузьмище Киянин» не сразу нашел тело князя. «И почаша прошати Кузьмище, где есть оубить господинъ, и рекоша: “Лежить ти выволочень в огородъ...”». После того, как Кузьмище указали на тело князя, он «нача плакати надъ нимъ». Плач (видимо, ритуальный) привлек внимание одного из убийц — «Амбала ключника, Ясина (осетина) родом». Он вышел к Кузьмище. «И рече, възревъ на нь, Кузьмище: “Амбале вороже (разбойник, убийца), сверзи коверъ ли, что ли что постылати, или чимъ прекрыти господина нашего”. И рече Амбалъ: “Иди прочь, мы хочемъ выверечи псомъ”. И рече Кузьмище: “О, еретиче, оуже псомъ выверечи ... ты ... в оксамите стоиши, а князь нагъ лежить; но молю ти ся: сверзи ми что любо”. И сверже коверъ и корзно, и обертевь и, и несе и въ церковь, и рече: “Отомъкнете ми (божницу)”, и рекоша: “порини и ту въ притворе”»¹⁷.

В «притворе» Рождественской церкви князь пролежал три «дни и ночи». И только после этого один из местных игуменов — Арсений — «рече: “И долго намъ зревшим на стареишие игумени и долго сему князю лежати; отомъкни (те ми) (божницу), да отпою надъ нимъ, вложимы и любо си в буди гробъ; да коли престанеть злоба си, да тогда пришедъ из Володимеря и понесуть и тамо”. И пришедъше клирошани (не) Боголюбьскыи,

Место убийства князя Андрея Боголюбского (вход в лестничную башню).
Гравюра 1880 г. (по Н. Островзорову)

вземше и внесоша (и въ божницу) и вложиша и въ гроб камень, отпевше надъ нимъ погребальное со игуменомъ Арсеньемъ»¹⁸.

Как видим, летописные версии расходятся. Можно, конечно, посчитать, что запись Лаврентьевской летописи является лишь сокращением фрагмента Ипатьевской. Мешает, пожалуй, лишь одно обстоятельство: «клирошане Боголюбьскыи» изначально обнаружили тело князя не на «огороде», а «подъ сенями лежаща». Но, может быть, это одно и то же или почти одно и то же место?

О том, что летописный «огород» вряд ли можно понимать в общепринятом бытовом смысле и что он имеет ритуальное значение мы уже писали¹⁹, теперь же затронем другой аспект: где мог находиться этот «огород», т. е. где лежало двое суток тело убитого князя?

«Против юго-восточного угла Рождественского храма, над оградю, возвышается тонкая из кирпичей шейка с главою над ней, увенчанная железным крестом; а внизу ограды, при самом основании ея, вставлен в нее древний известкового свойства четырехугольный камень, длиною в 1¼ арш., а шириною в 15½ вершк.; цвет его, от давнего нахождения на открытом месте, голубовато-серый. На этом камне рельефно иссечено было изображение лика Спасителя, какое мы видим в Нерукотворенном образе; но лик Спасителя, борода и буквы вокруг главы сбиты, и может быть, во время вражеских нашествий; осталась только в целости вокруг камня насечка, состоящая из полос с кольцами внутри их. Предание говорит, что на этом самом месте лежало княжеское тело, брошенное убийцами, по вынесении его из-под сеней», — писал в середине XIX в. первый исследователь древностей Боголюбова В. Доброхотов²⁰. А другой знаток владимирской истории В. Георгиевский спустя несколько десятилетий отмечал, что «показывают даже камень с поврежденным изображением Нерукотворного образа, на котором лежало тело убитого князя»²¹.

В конце XIX в. это «урочище» было благоустроено. «Над самым местом, где лежало тело святого благоверного князя Андрея, устроена деревянная часовня с изображением на стене лежащего тела святого благоверного князя Андрея, у которого стоят Анбал, ключник князя Андрея, и преданный святому благоверному князю Андрею киевлянин Кузьмище, просящий Анбала, чтобы он дал ковер, или что-нибудь другое постлать и покрыть тело господина их. Внизу этой часовни сделан из камня уступ. Перед изображением лежащего тела святого благоверного князя Андрея висит лампада, зажигаемая под праздник и вос-

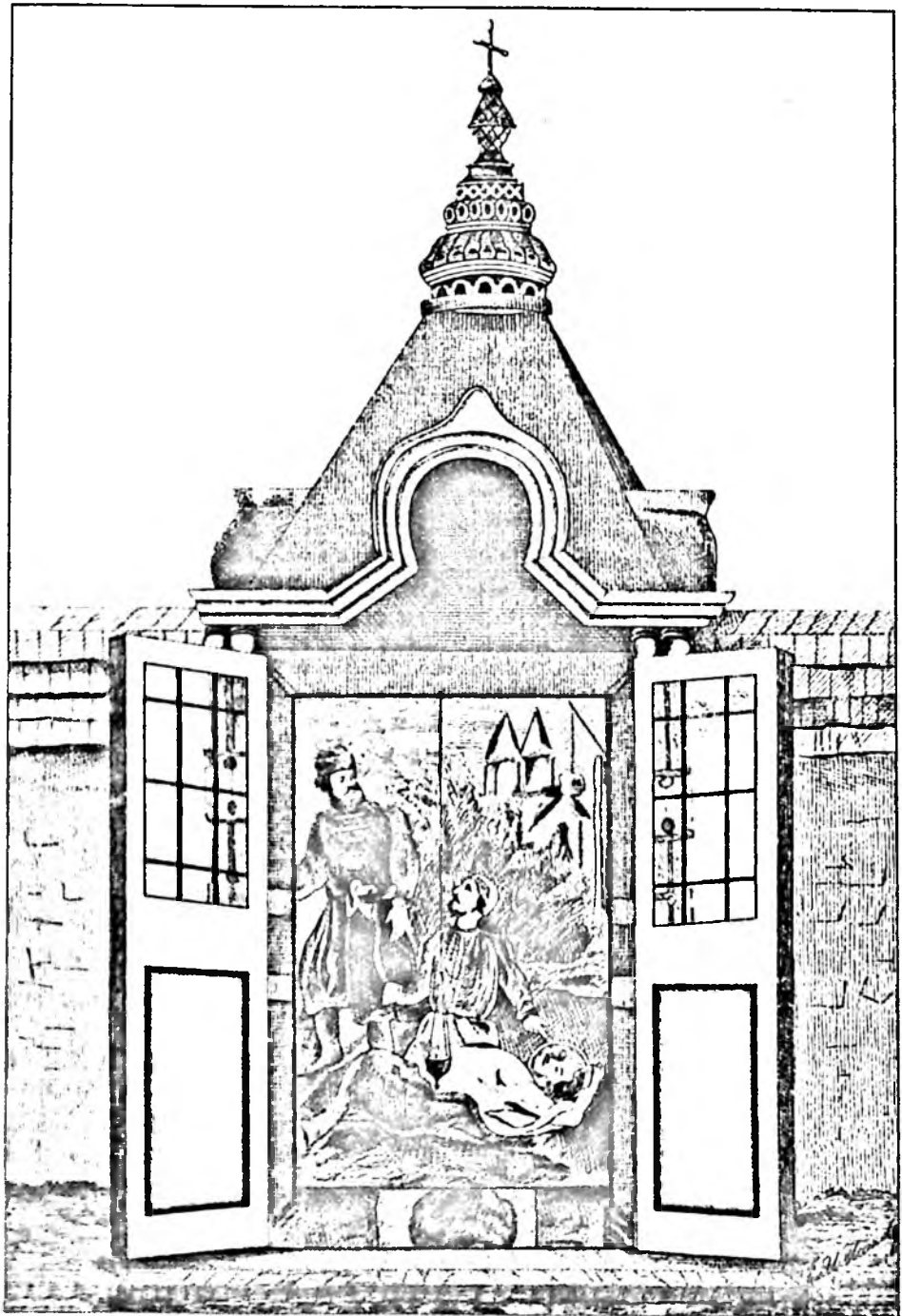
кресные дни и в самые праздники и воскресные дни. К часовне ведет дорожка, усыпанная песком. По обеим сторонам дорожки расположены могилки разных погребенных здесь лиц, покрытые земляным дерном»²².

Несколько ранее Н. Островзоров на выполненном в масштабе «Плане местности Боголюбова монастыря» конкретно указал на место расположения этой часовни²³. Согласно этому плану, оно находилось несколько в стороне — по нашим расчетам в 30—40 м — к юго-востоку от внутреннего «дворика» (где находились захоронения) Боголюбовского храма и северного перехода. Сюда и вела песчаная дорожка, отмеченная анонимным автором путеводителя по Боголюбову монастырю.

Предание, а на его основе и обозначенную «топографию» «огорода» подтверждает и еще один археологический «экспонат». По мнению того же В. Доброхотова, в юго-восточном углу «почти рассыпанного вала и близ него» неоднократно вырывали «скелеты и кости». А «в 1848 году, здесь, в середине разрытого в длину вала, обрыт целый остов большой величины; желтые, трухлявые кости его, лежавшие в сухом, глинисто-песчаном грунте земли, доказывали древность погребенного лица. И как остов лежал черепом на север, то и можно еще было подумать, что ежели он не случайно попал сюда, то это остов какого-либо лица, схороненного по обычаю языческому; но как здесь много и других человеческих костей, то и надобно полагать, что здесь погребены лица, убитые во времена вражеских нашествий»²⁴.

Конечно, можно полагать так, но можно, видимо, и расширить круг предположений и представлений такого рода. Ведь по народным — языческого, по своей сути, характера — представлениям погибшие в результате насильственной смерти являются так называемыми «заложными покойниками», которых необходимо захоранивать вне кладбищ. Как мы показали, Андрей Боголюбский, павший под ударами убийц, принадлежал именно к такой категории покойников. И именно с этим обстоятельством и была связана длительная процедура его «официального» захоронения²⁵.

Возможно, что эта находящаяся вне собственно крепостных стен юго-восточная окраина Боголюбова-города и являлась местом помещения «заложных покойников». Возможно также, что некоторые из них — как в приведенном В. Доброхотовым примере — тут и обретали «вечный покой», а для других — как для Андрея Боголюбского — оно оказывалось местом временного пребывания. Наконец, возможно и то, что кладбище для «залож-

Часовня с изображением убитого князя Андрея Боголюбского.
Гравюра 1891 г.

ных покойников» имело место, однако князь к нему в действительности не имел никакого отношения, а памятник у ограды был воздвигнут позже как результат отражения и соединения в народном сознании двух различных фактов — убийства князя и наличия вблизи кладбища «заложных покойников».

Вместе с тем, версия Лаврентьевской летописи, как мы уже отмечали, предлагает и иной вариант местонахождения тела убитого князя. Вспомним, что оно было обнаружено «подъ сеньми лежаща», т. е. не в стороне — у ограды — а рядом с дворцовым комплексом с его восточной стороны. Такому местоположению, как кажется, не противоречит и текст Ипатьевской летописи в части диалога Кузьмища с Амбалом. Судя по всему, Амбал вел разговор, находясь где-то на дворцовых переходах. Эту версию поддерживает В. Доброхотов. Обратив внимание на одно из окон с восточной стороны сеней (точнее, «одно большое окно, разделяющееся в середине двумя колонками на три части»), он далее утверждает, что «отсюда-то, конечно, одним из убийц князя, Амбалом ключником, сброшены были ковер и корзно для княжого тела, лежавшего на земле без прикрытия»²⁶. Правда, В. Доброхотов не указывает, что именно здесь — у сеней — и лежало само тело.

Это обстоятельство, следовательно, не исключает, заметим, и того, что диалог мог происходить и со стороны архитектурно аналогичной южной части перехода (выявленной лишь раскопками Н. Н. Воронина и неизвестной В. Доброхотову), находившегося намного ближе к юго-восточным пределам Боголюбовагорода. Сам Н. Н. Воронин писал так: «Амбал явно стоит где-то наверху, очевидно во втором этаже дворца или на переходах, а Кузьмище внизу, на земле»²⁷.

Наконец, несмотря на такое утверждение Н. Н. Воронина, вполне можно предположить, что разговор Амбала и Кузьмища имел место не в вертикальной плоскости (верх—низ), а в горизонтальной (на земле): то есть где-то в непосредственной близости кладбища «заложных покойников» (что было подмечено в росписи утраченной ныне часовни)²⁸.

Кузьмище добился своего, правда, частично. Убийцы «сверже коверъ и корзно, и обертевь и, и несе и въ церковь, и рече: “Отомъкнете ми (божницу)”, и рекоша: “порини и ту въ притворе”». Таким образом, погибший князь не сразу был помещен в «божницу» — Рождественский собор, — но вначале положен в «притвор».

Разыскания в отношении притвора были проведены Н. Н. Ворониным. Анализируя аналогичные конструкции, он писал:

«в древнерусском зодчестве известны притворы в виде прямоугольных закрытых помещений, примыкающих к входам». Вместе с тем, осуществленные им «раскопки западной стены собора не дали материалов для решения этого вопроса: никаких следов примыкания к пилястрам фасада какой-либо пристройки или ее фундаментов нет. Также нет никаких фундаментов, говорящих о наличии здесь закрытого притвора»²⁹. И все-таки некоторые находки позволили Н. Н. Воронину предположить (вслед Е. Е. Голубинскому и Д. И. Иловайскому), что «притвор» представлял собой открытый с трех сторон сводчатый балдахин, опиравшийся арками на стену собора и два круглых столба с четырехликими капителями, одна из которых, по его мнению, сохранилась до наших дней³⁰.

В «притворе» тело князя пролежало еще «три днии и ночи». И только после этого один из местных игуменов — Арсений — «рече: “И долго нам зревшим на стареишие игумени и долго сему князю лежати; отомькни (те ми) (божницу), да отпою надъ нимъ, вложимы и любо си в буди гробъ; да коли престанеть злоба си, да тогда пришедъ из Володимеря и понесуть и тамо”. И пришедъше клирошани (не) Боголюбьскыи, взявше и внесоша (и въ божницу) и вложиша и въ гроб камень, отпевше надъ нимъ погребальное со игуменомъ Арсеньемъ»³¹.

Последний путь. Лишь почти через неделю, пережив «смуту» (грабеж, случившийся и во Владимире, и в Боголюбове), владимирцы приказывают своим церковникам «нарядита носилице, ать поедомъ возьмемъ князя, а господина своего Андрея», а также обеспечить встречу траурной церемонии во Владимире. И «еха-ша по князь во Болголюбое и взявше тело его, привезоша Володимерю со честию съ плачемъ великымъ ... и тако плакася по немъ весь градъ, и спрятавшѣ тело его съ честию и с писньми болгохвалными, положиша его оу чюдное хвалы достоино оу святое Богородице Златоверхои, юже бе самъ создалъ ...»³².

Сейчас (как, впрочем, и полтора-два столетия тому назад) Боголюбово с запада на восток пересекает, проходя вдоль стен монастыря, трасса Москва—Владимир—Нижний Новгород. Согласно обоснованному мнению В. Доброхотова, в XII в. такой прямой дороги к Владимиру от Боголюбова не было (на месте нынешнего западного въезда находился земляной вал), но в окрестностях Боголюбова существовал «объезд позади коротких оврагов», а «въезд в Боголюбов, как от Владимира, так и от Суздаля, был только один с северной стороны»³³. Таким образом, обойдя северную часть территории, примыкающей к Боголюбому, далее

во Владимир похоронный кортеж шествовал примерно по той же дороге, что и сейчас.

В. Доброхотов, ссылаясь на бытовавшее народное предание, отмечает, что и в древности пространство между Владимиром и Боголюбовым было столь обжитым — монастырями и княжескими «городками» с «дворцами», что «связь между обоими городами, по-видимому, прерывалась только там, где разрывала ее самая местность»: Яриловой долиной, оврагом Дебри и Сунгиревским оврагом с сопровождавшими их обширными лесными дремучими массивами (дубовые, осиновые и березовые рощи).

Более очевидно, что траурный «поезд» проезжал мимо существующих и в настоящее время сел, в частности — Доброго села, «одного из древних поселений владимирской округи»³⁴. «“Народный” вопль и плач», полагает Н. Н. Воронин, слышался «как только заметили над горой Доброго села траурный княжеский стяг погребального шествия»³⁵. При подъезде к Владимиру необходимо было пересечь речку Ирпень, «по течению которой еще в прошлом столетии сохраняли свои имена древние урочища — Княжой луг и Ярилова долина»³⁶. Ирпень (Рпень) нынче — заросшая ивняком, узкая, но темпераментная речка, с берегами, застроенными промышленными объектами³⁷. Впереди — еще одна река, впрочем, бывшая, ибо владимирская Лыбедь протекает нынче в трубе под толстым асфальтовым слоем. Сразу за Лыбедью стояли Серебряные ворота, где горожане-владимирцы и встречали «со честью съ плачем великымъ» «господина своего Андрея». Дорога после Серебряных ворот шла левее современного направления улицы Фрунзе, на месте этой «старой дороги» сейчас располагается современная застройка.

Последним пристанищем князя стал Успенский собор — «положиша его оу чудное хвалы достойно оу святое Богородице Златоверхои»³⁸. Так заканчивается эта, описанная с редчайшими для своего времени подробностями, похоронная эпопея. Но не в целом события, связанные с убийством князя, о чем должен быть отдельный рассказ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гребенюк В. П. Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997. С. 10.

² ПСРЛ. Т. XXI. Первая пол. Книга Степенная царского родословия. Ч. I. СПб., 1913. С. 136.

³ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 580.

⁴ ПСРЛ. Т. XV. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 251.

⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 581—583.

⁶ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. М., 1962. С. 259 и др.

⁷ «Очевидцы рассказывают, — писал в середине XIX в. В. Доброхотов, — что при копании рвов для фундамента новых братских келий, много находимо было человеческих костей. — Вероятно, что здесь некогда, на развалинах княжого дома, подле их, было какое-либо кладбище» (*Доброхотов В.* Древний Боголюблов город и монастырь с его окрестностями. М., 1852. С. 40). Другое кладбище — «подле церкви, между ею и новым зданием братских келий» — в то время еще существовало (см.: Там же. С. 39; *Островзоров Н.* Историческое описание Боголюблова монастыря от начала его основания до настоящего времени. Владимир на Клязьме, 1880. «План местности Боголюблова монастыря»).

⁸ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 235—238.

⁹ Н. Н. Воронин использует здесь (*Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 238) сообщение Воскресенской летописи: заговорщики «пришед ко двору княжю избиша сторожи дворные...и, пришед к сенем, силою двери выломиша и пришедше к ложници его...» (ПСРЛ. Т. VII. М., 1853. С. 89).

¹⁰ По исследованиям Н. Н. Воронина «в древности сенями именовался второй этаж северной лестничной башни» (*Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 247). — Описание «сеней» см.: *Доброхотов В.* Древний Боголюблов город и монастырь с его окрестностями. С. 28—29.

¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 585—589.

¹² Там же. Стб. 589; ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 369.

¹³ В путеводителе начала XX в. называется другая дата — 1770 г. (*Ушаков Н.* Спутник по городу Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913. С. 151).

¹⁴ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 248; см. также: *Доброхотов В.* Древний Боголюблов город и монастырь с его окрестностями. С. 25, 27, 28; *Ушаков Н.* Спутник по городу Владимиру и городам Владимирской губернии. С. 150—151.

¹⁵ Описание ее см.: *Доброхотов В.* Древний Боголюблов город и монастырь с его окрестностями. С. 28.

¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 369.

¹⁷ Там же. Т. II. Стб. 590—591.

¹⁸ Там же. Стб. 591—592.

¹⁹ См.: *Кривошеев Ю. В.* Смерть Андрея Боголюбского: иррациональные реалии // Историческая психология и ментальность. Эпохи. Социумы. Этноты. Люди. СПб., 1999. С. 251—252.

²⁰ *Доброхотов В.* Древний Боголюблов город и монастырь с его окрестностями. С. 30. См. также: *Островзоров Н.* Историческое описание Боголюблова монастыря от начала его основания до настоящего времени. С. 28.

²¹ *Георгиевский В.* Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, 1896. С. 157.

²² Боголюблов монастырь и приписные к нему монастыри Покровский и Николаевский-Волосов. Вязники, 1891. О часовне писал и В. Георгиевский: «в недавнее время здесь устроена часовня, в которой живописно изображен покрытый ранами невинный страдалец святой благоверный князь Андрей» (*Георгиевский В.* Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. С. 157).

²³ *Островзоров Н.* Историческое описание Боголюблова монастыря от начала его основания до настоящего времени (план).

²⁴ *Доброхотов В.* Древний Боголюбов город и монастырь с его окрестностями. С. 40.

²⁵ *Кривошеев Ю. В.* Смерть Андрея Боголюбского: иррациональные реалии. С. 249—251.

²⁶ *Доброхотов В.* Древний Боголюбов город и монастырь с его окрестностями. С. 28—29.

²⁷ *Воронин Н. Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор // История СССР. 1963. № 3. С. 86.

²⁸ По Иоасафу, нашедший «поверженное на огороде» тело Андрея Кузьма, «вскричал», «увидев казначея Анбала, идущего во дворец» (*Иоасаф, иеромонах*. 1) Церковно-историческое описание владимирских достопамятностей. Владимир, 1857. С. 57; 2) Краткие сведения о Св. Угодниках Божиих и местночтимых подвижниках благочестия, коих св. мощи почивают в церквах Владимирской епархии. Владимир, 1860. С. 18).

²⁹ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 218.

³⁰ *Воронин Н. Н.* 1) Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 218; 2) «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор. С. 86.

³¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 591—592.

³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 593. См. также: *Воронин Н. Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор. С. 87.

³³ *Доброхотов В.* Древний Боголюбов город и монастырь с его окрестностями. С. 10—11.

³⁴ *Воронин Н. Н.* Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1983. С. 101.

³⁵ *Воронин Н. Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор. С. 87. — «Очевидно, по обычаю, траурную процессию с гробом князя открывал стяг, несомый дружинником, а за ним дружинники вели княжеского коня» (*Воронин Н. Н.* Археологические заметки // КСИИМК. XIX. М.; Л., 1948. С. 68).

³⁶ *Воронин Н. Н.* Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. С. 101; *Доброхотов В.* Древний Боголюбов город и монастырь с его окрестностями. С. 96—97. — На месте Яриловой или Яруновой долины «сейчас располагается промышленная зона города с химическим заводом и заводом “Автоприбор”» (*Дудорова Л. В.* Старый Владимир. Владимир, 1998. С. 4).

³⁷ И столетием ранее отмечалось, что Рпень — «незначительная река с мутной негодной для питья водой» (*Георгиевский В.* Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. С. 38). См. также: *Зубков Д. И.* Рпень — река детства // Записки владимирских краеведов. Вып. 3. М., 2000. С. 3—8.

³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 593; Там же. Т. I. Стб. 370. — Рака с нетленными мощами Андрея Боголюбского за прошедшие века неоднократно перемещалась как внутри Успенского собора, так и вне его (подробно об этом и описание см.: *Порфирий, еп.* Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и Успенском Княгининском девичьем монастыре и погребенные в них князья, княгини и святители. Владимир, 1903. С. 3, 6, 126—128; *Иоасаф, иеромонах.* Церковно-историческое описание владимирских достопамятностей. С. 80—81; *Георгиевский В.* Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. С. 63—65 и др.).

А. В. КУРБАТОВ

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПОСАДА СРЕДНЕВЕКОВОГО ИВАНГОРОДА

До 1987 г. работы Ивангородской экспедиции Института истории материальной культуры РАН (под руководством н. с. ИИМК РАН В. П. Петренко), охватывали, в основном, площадь в пределах крепостных укреплений, но поселение у стен крепости оставалось, по существу, «белым пятном». Однако к этому времени удалось установить мощность и степень сохранности культурного слоя на различных участках посада, а также выявить местонахождение каменного века в районе «гавани». В 1987—1990 гг. в рамках проекта по составлению историко-архитектурного опорного плана Ивангорода и определения границ археологических охранных зон был выполнен комплекс исследований на посаде: раскоп 1 площадью 80 кв. м в районе «гавани», 21 шурф общей площадью 138 кв. м (площадь каждого — от 3 до 20 кв. м) и 14 стратиграфических зачисток (рис. 1). Раскопками охвачены пойма реки Наровы к северу и востоку от крепости, высокие и пониженные участки коренного правого берега реки¹. В 1991 г. сделаны шурфы (22—24) у подножия скального выхода севернее крепости и зачистка (15), а в 1993 г. изучены культурные отложения в траншее по Псковской улице на протяжении более 60 м и на пустыре к северу от нее^{2, 3}. Археологическое изучение посада охватило практически все участки позднесредневековой застройки. Выявлены наиболее перспективные места для последующих широкомасштабных работ в плане сохранности древних слоев. Прежде всего, это культурные отложения мощностью до 2 м по трассе Псковской улицы, в которых прекрасно сохранились органические материалы, и участок, занятый огородами в районе «гавани».

В работах В. В. Косточкина, Е. А. Кальюнди и А. Соома проанализированы письменные и графические данные о развитии планировочной структуры посада, оборонительных сооруже-

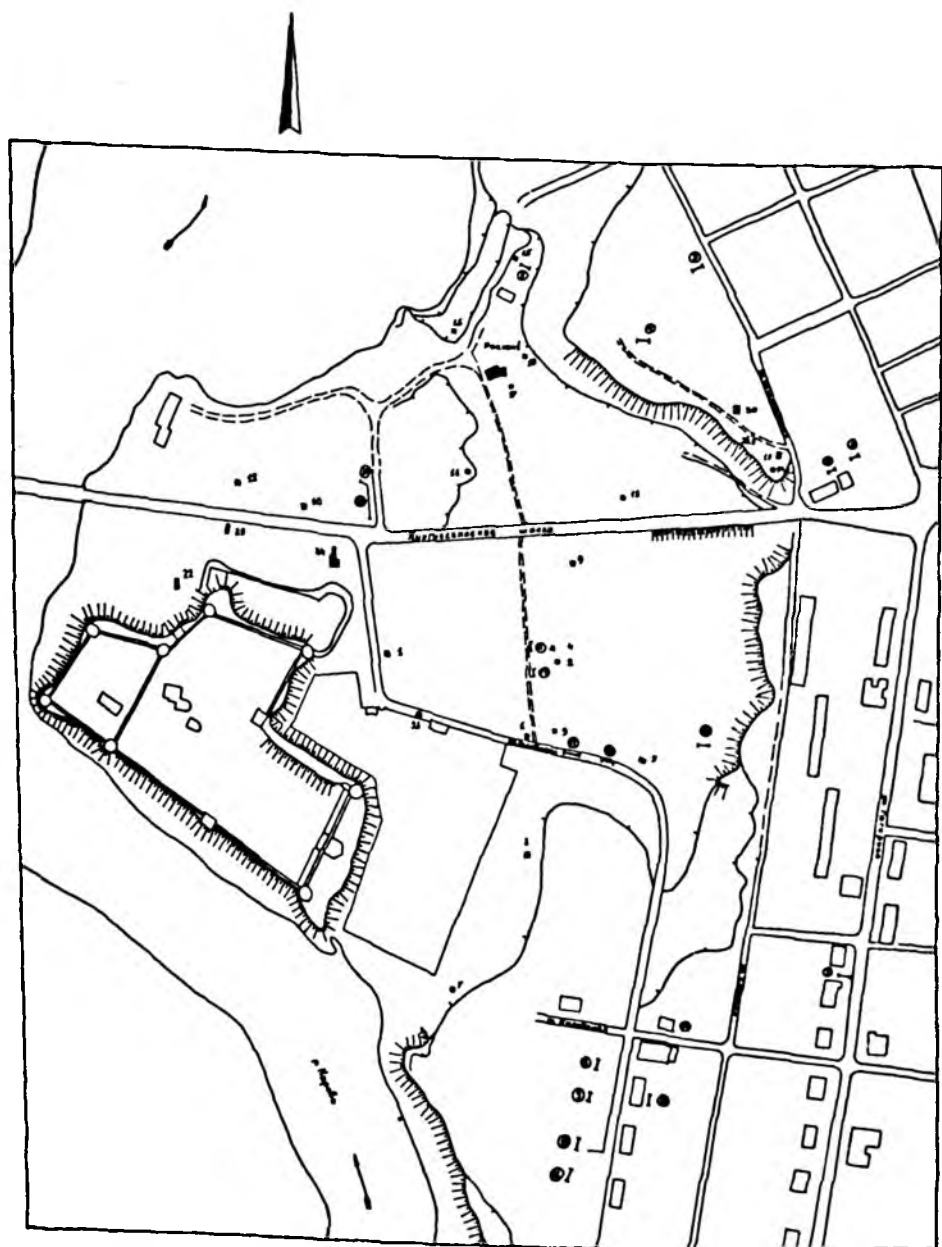

Рис. 1. План Ивангорода с указанием археологических раскопок 1987—1993 гг.
Условные обозначения: 1 — шурфы; 2 — зачистки

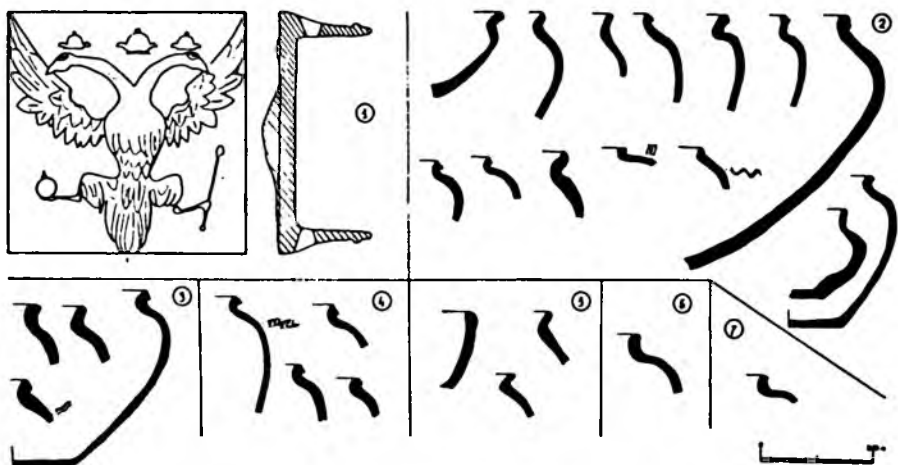

Рис. 2. Керамика из раскопок посада Ивангорода:

1, 6 — шурф 4; 2 — раскоп 1; 3 — шурф 21; 4 — шурф 11; 5 — шурф 9;
7 — зачистка 7

ниях. Исследователи полагали, что до 1492 г., т. е. до закладки крепости, на месте будущего посада существовало «Новое село», отмеченное летописями под 1471, 1473 и 1483 годами ^{4,5,6}. Новгородские писцовые книги на конец XV в. указывают две деревни ⁷, лежавшие, видимо, в пойме у «гавани» и на краю коренного берега. Первая в XVI в. слилась с посадом ⁸ и, видимо, отождествима с Заболоцким концом, отмеченным в Новгородской писцовой книге под 1571 г. Наименование конца, скорее всего, подсказано расположением участка за «протокой» или заболоченным местом. Он показан на шведском плане 1681 г. Переувлажненность почвы, а в отдельные периоды и заболачивание, наблюдается на пустыре между Кингисеппским шоссе и Псковской улицей и в настоящее время, а наличие древней «протоки» подтверждают данные геологического бурения ⁹.

Эта «деревня» была частично исследована в районе Рыбачьей набережной (раскоп 1). Здесь обнаружены части оснований наземных деревянных (?) построек, развал печи, наборы керамических форм и индивидуальных находок. Отметим жернов из песчаника, топор, ножницы, ножи, костяную рукоять и др. ¹⁰ В керамическом комплексе преобладает сероглиняная керамика (840 обломков), включая фрагменты плоских фляг с зеленой поливой, т. н. «воинских», образцов с лощением, сосудов с орнаментальным поясом из волнистых линий или отдельных горизонтальных полос (рис. 2: 2). Формы и отделка сосудов, состав

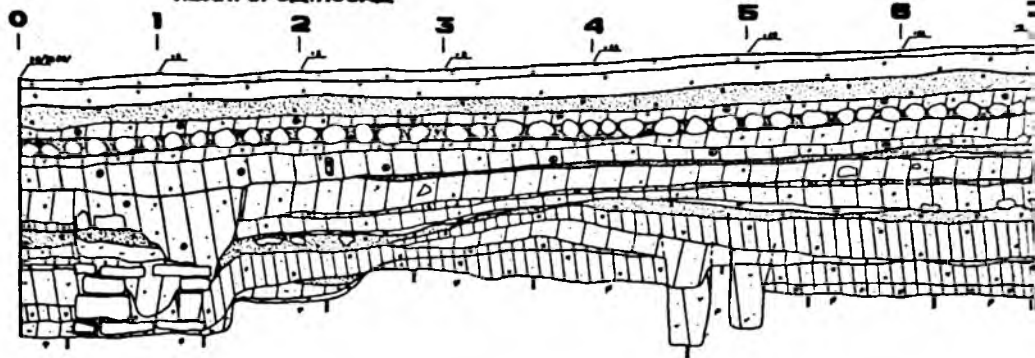
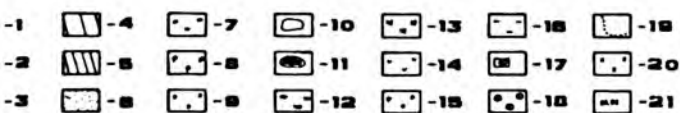
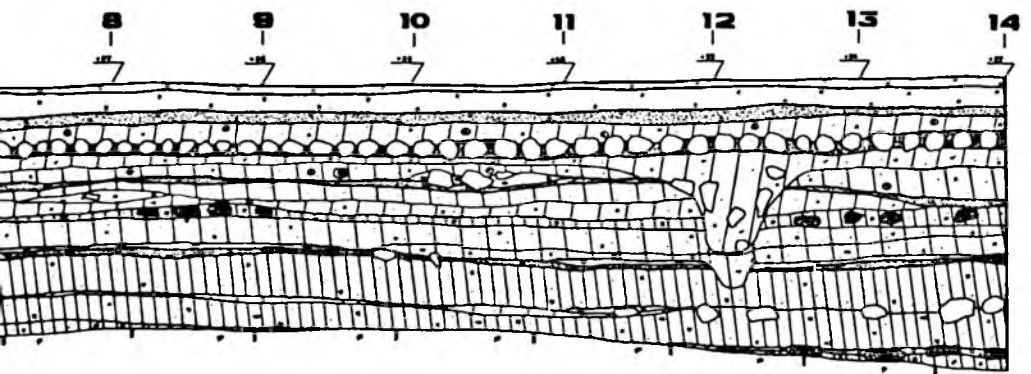

Рис. 3. Северный профиль
Условные обозначения: 1 — асфальт; 2 — материк; 3 — светло-коричневый гумусная глина; 4 — коричневая глина; 8 — коричневая глина; 9 — мелкие камни, галька; 10 — камни; 11 — деревянная крошка; 19 — условные границы

теста и другие технологические признаки соответствуют керамическому набору из раскопок крепости конца XV—XVI в. ¹¹ Керамика Ивангорода этого времени имеет сходство с материалами городов и крепостей северо-западных рубежей России XV—XVII вв. — Пскова, Орешка, Копорья, Корелы.

В раскопе 1 были открыты и каменные постройки XVII—XVIII вв., сохранившиеся в виде цокольного этажа на высоту более 1 м, с рухнувшими сводами перекрытий. Возможно, это были складские помещения или амбары купцов.

В топографии посада В. В. Косточкин выделил две части: меньшую — «на горе», на месте современного Переднего города, где жили тогда «воротники», и большую — «на подоле», вдоль Псковской улицы, под защитой крепостных стен. Это место упоминается в писцовой книге под 1571 г. как «Псковский конец» ¹². Позднее он был обнесен тыном, как показано на плане 1648 г. ¹³ Раскопками 1990 и 1993 гг. на Псковской улице изучены культурные отложения мощностью до 2 м с хорошей сохранностью органических материалов (рис. 1; 3). На нескольких участках зафиксировано не менее 5 ярусов деревянных и булыжных мощений улицы (зачистки 16, 17). С нижними ярусами деревянного мощения связаны такие находки, как детали кожаной обуви (рис. 4),

шеи (зачистка 17).

коричневый гумус; 5 — темно-коричневый гумус, 6 — песок; 7 — серо-голубая древесный тлен; 13 — щепа; 14, 15 — уголь; 16 — зола; 17 — кирпич; 18 — кирпич и объектов; 20 — навоз; 21 — абсолютное значение высоты

относящиеся, судя по аналогичным формам в крепости, к середине и второй половине XVI в. ^{14, 15} К XVII—XVIII вв., видимо, относится примыкавший к мостовой Псковской улицы водосток в виде вымостки с желобом, сложенной «насухо» из поставленных на ребро песчаниковых плит размерами 0,08—0,15 × 0,10—0,20 м. Здесь же (шурф 21) ниже водостока, в слоях гумуса с органикой, встречена сероглиняная керамика (в том числе развалы), аналогичная материалам середины XVI в. из крепости (рис. 2: 3). В зачистках на Псковской улице и на пустыре севернее ее встречен водоотвод из крупных известняковых блоков, с размером сточного канала 0,55 × 0,37 м. Он примыкал к мостовым Псковской улицы и шел по пустырю в сторону «гавани». Аналогичные каменные или кирпичные водоотводные сооружения в Новгороде возникли не ранее XVI в. ¹⁶, а в Москве отнесены к XVII—XVIII вв. ¹⁷

На пустыре севернее Псковской улицы (зачистка 13), в нижней части отложений общей мощностью до 2,9—2,98 м, оказались остатки деревянного мощения дороги в виде прослоек угля и тлена, ведущие в сторону Ямбургской дороги и далее к «гавани». В верхних слоях здесь сохранилась булыжная мостовая XIX—начала XX в. Таким образом, открытые на Псковской

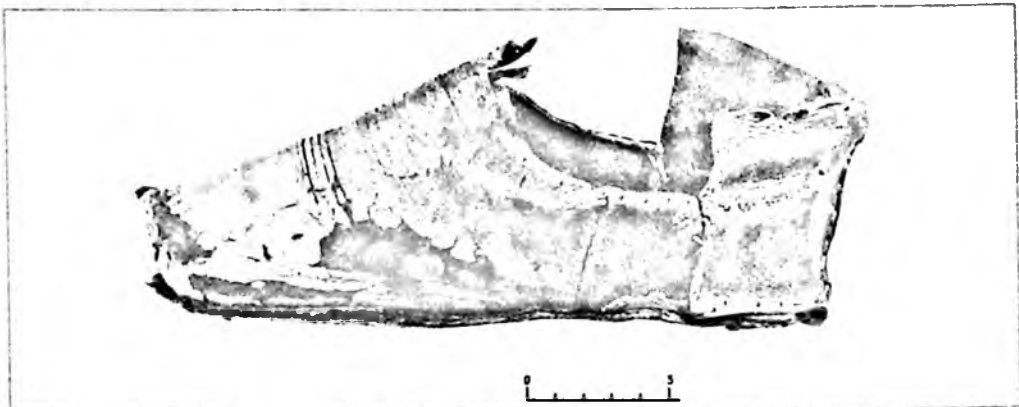

Рис. 4. Зачистка 16. Реставрированная модель сапога

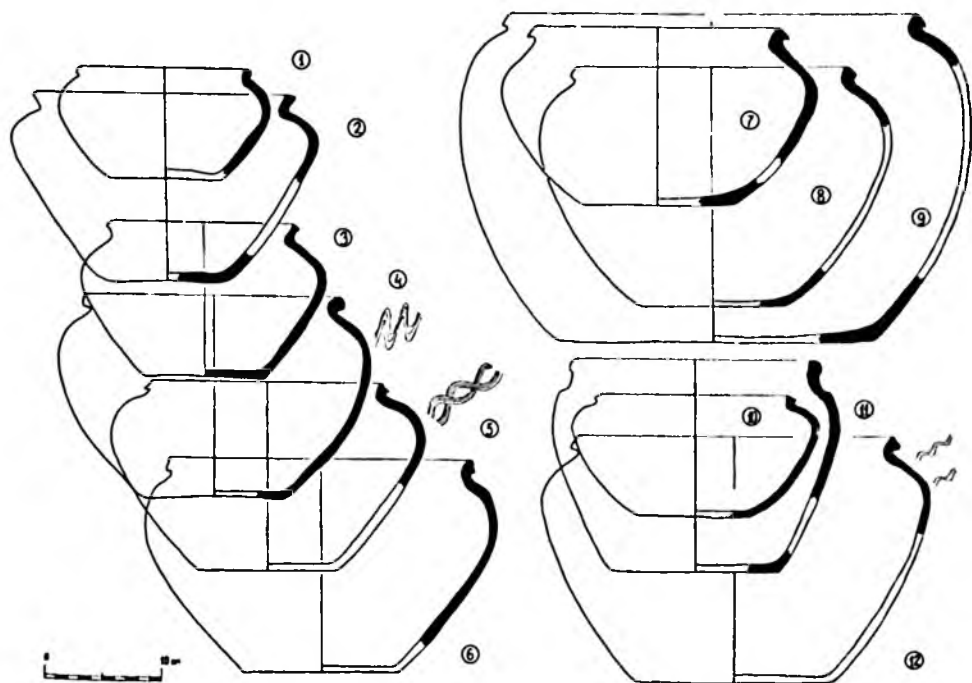

Рис. 5. Керамика из нижних горизонтов (шурф 24).
Профили гончарных сосудов: 1—4, 6—12 — сероглиняные, 5 — красноглиняный с зеленой поливой

улице настилы мостовых указывают на сложение планировки и дорожной сети посада, сохраняющееся, в своей основе, без изменений до настоящего времени.

Отрезок другой улицы шириной более 2 м открыт в 20 м севернее бастиона Горнверк (шурф 24). Деревянная мостовая шла от берега Наровы параллельно современному Кингисеппскому шоссе и отождествляется с Ямбургской дорогой первой половины XVIII в., отмеченной, в частности, на плане 1728 г. и на более ранних планах XVII в.^{18, 19} Зафиксированные следы воздействия огня на настиле, серия монет начала XVIII в. (полушка 1703 г., копейка 1704 г.), детали воинского снаряжения и амуниции (шомпол, пуговица от форменной одежды, ружейные кремни) позволяют относить мостовую к началу Северной войны. Длительность ее существования подтверждают серии конских и обувных подков, встреченных как на самой мостовой, так и в перекрывающих ее слоях. Археологические находки XVII в. включают обувные и конские подковы, медные шведские монеты (1/4 эре 1634 г. и 1/6 эре 1666 г.), бронзовый счетный жетон из Германии конца XVI — первой половины XVII в.²⁰ Удалось восстановить большое число керамических форм, сопоставимых с материалами из крепости (рис. 5).

Археологические исследования позволяют определить время и характер застройки на разных участках посада, а также показывают фрагментарность сохранившегося культурного слоя на значительной части поселения. В 1960—1990-х гг. слой был поврежден или уничтожен при строительстве зданий и прокладке коммуникаций, реконструкции моста через Нарову и прокладке Кингисеппского шоссе, частично выбран в пойме при озеленении города и переотложен на огородах. Культурный слой раннего поселения нарушался уже в XVII и XVIII вв. при возведении оборонительных линий крепости во время подготовки к Северной войне. В окончательном проекте Эриха Дальберга 1681 г. планировалось строительство на посаде трех бастионов, один из которых предполагался напротив Длинношейей башни. Скорее всего этот проект не был осуществлен. При осаде Ивангорода в 1700 г. русский генерал Алларт отметил только «палисады на стороне Ивангорода» и «ров» возле крепости²¹, не сообщая ничего о бастионах. Позднейшее строительство напольных земляных укреплений по приказу Петра I отражено на планах 1728 и 1740 гг.²² Возможно, что остатки насыпей таких укреплений и были зафиксированы в шурфах 1, 10, 12, где встречены бревна, чередующиеся слои глины, гумусированного песка и суглинка. Но в то же время, в шурфах 22 и 23 с северной, напольной, сторо-

ны крепости, на пониженном участке перед Воротным комплексом (на планах 1681, 1728 и 1740 гг. здесь показаны бастионы) следов укреплений не встречено. Имеющийся здесь слой мощностью до 0,5 м с редкими находками XVIII—XIX вв. показывает, что открытый участок берега напротив Нарвского замка, видимо, не застраивался ранее XVII—XVIII вв. На гравюрах А. Олеария и М. Мериана здесь показаны деревянные строения²³, не отмеченные на шведских планах. Археологические материалы конца XVI—XVII в. имеются только на некотором удалении от берега Наровы, напротив Горнверка. Это остатки печей в виде развалов камней и глины со следами прокаленности, угли, зола, колья частоколов, ограждавших дворы и огороды²⁴.

Остатки деревянной постройки XVIII в. (?) были обнаружены на пустыре севернее Псковской улицы (шурф 4). Здесь сохранился развал печи, облицованной изразцами двух видов — с кобальтовой подглазурной росписью и «муравчатой» поливой. На последних рельефно изображен геральдический двуглавый орел с тремя коронами и распростертыми крыльями, держащий в лапах державу и скипетр (рис. 2: 1; рис. 6).

Ивангородский посад в XVII—XVIII вв., а возможно и в XVI в., охватывал как пойменную зону вокруг крепости, так и край коренного берега вместе с его пониженными участками, где в зачистках встречены керамические формы этого времени, в частности, сероглиняные горшки с волнистым орнаментом по тулову, сравнимые с посудой XVI—XVII вв. из крепости. Культурный слой на берегу Наровы, маркирующий раннее поселение, выделяется тонкой прослойкой над материком и в заполнении отдельных ям.

В настоящее время археологические данные не позволяют полностью представить жизнедеятельность посада в XVI—XVII вв. и динамику его развития, однако становится ясно, что жизнь его не прекращается после 1649 г., как это представлял А. Соом²⁵. По его мнению, был полностью претворен в жизнь королевский указ, предписывающий ивангородцам переселиться на нарвскую сторону. Эта акция была направлена против ивангородских купцов, составлявших серьезную конкуренцию нарвлянам. Однако планы «срыть посад до основания» не осуществились. Уже в 1662 и 1664 гг. король Карл XI направляет русским жителям Нарвы и Ивангорода грамоты о разрешении селиться где угодно и с предписанием нарвскому фогту вернуть отобранные у ивангородцев дворы. Оживление торговой деятельности

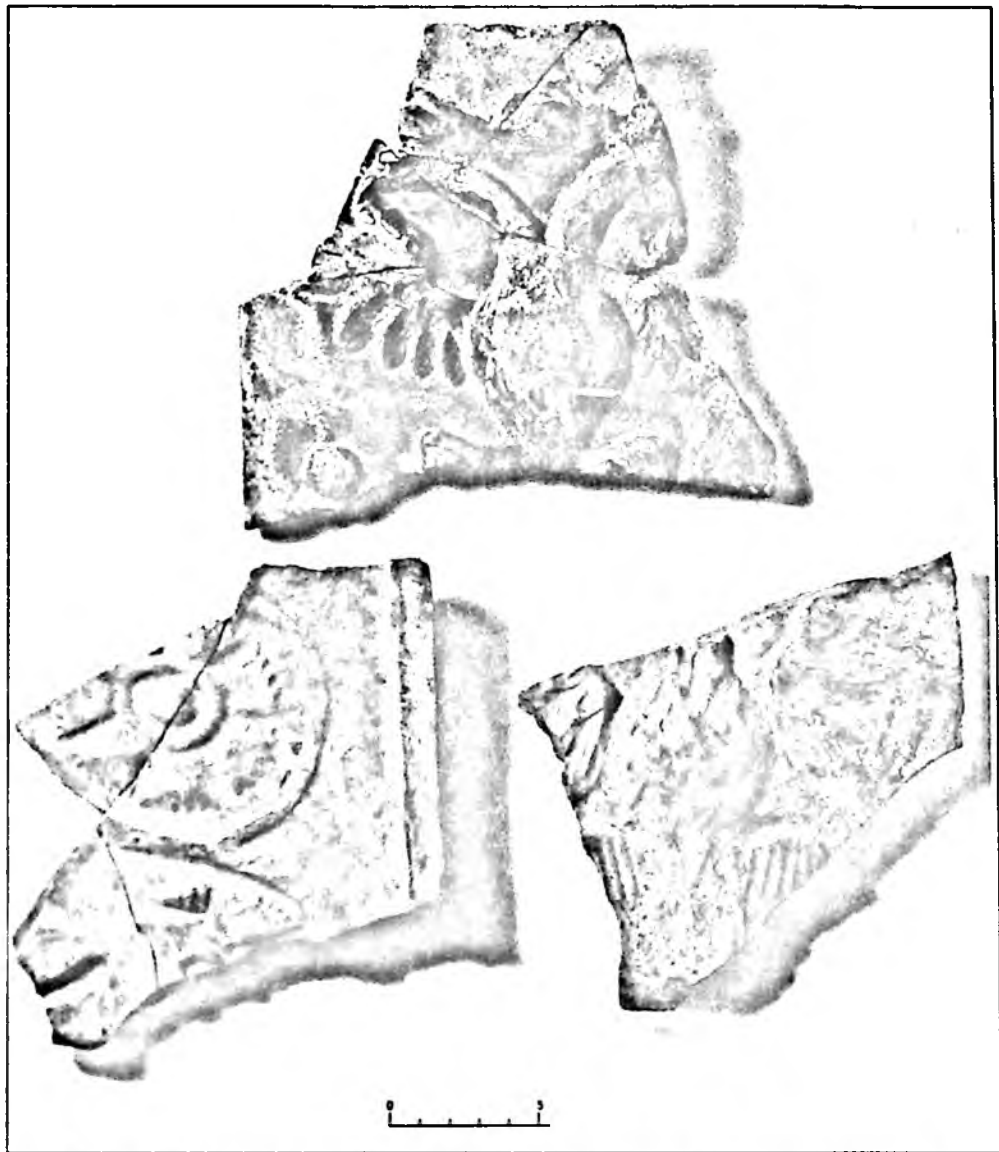

Рис. 6. Изразцы с «муравчатой» поливой и геральдическими знаками из развала печи (шурф 4)

на ивангородской стороне отмечают королевские указы 1674 и 1676 гг., согласно которым нарвским купцам разрешалось открывать питейные заведения на ивангородской стороне²⁶. Вероятно, именно этому оживлению торговли соответствуют находки шведских монет 30—60-х гг. XVII в. в шурфах на Псковской улице.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

- ¹ *Петренко В. П., Курбатов А. В.* Отчет о работах Ивангородской экспедиции в 1990 г. // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1/1990, дд. 19, 20, рис. 1.
- ² *Курбатов А. В.* Отчет о работе Ивангородской экспедиции в 1991 г. // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1/1991, д. 24, лл. 3, 11—15.
- ³ *Курбатов А. В.* Отчет о работе Ивангородской экспедиции в 1993 г. // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1/1993, д. 21.
- ⁴ Воскресенская летопись // ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1907, с. 165.
- ⁵ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955, с. 193.
- ⁶ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 330.
- ⁷ Новгородские писцовые книги, т. IV. СПб., 1886, с. 230.
- ⁸ *Косточкин В. В.* Топография Ивангорода в XVI в. // СА, 1961. № 3, с. 267.
- ⁹ *Косточкин В. В.* Крепость Ивангород // МИА, № 31. 1952. М., с. 235—236.
- ¹⁰ *Петренко В. П., Курбатов А. В.* Отчет о работах Ивангородской экспедиции в 1990 г. // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1/1990, дд. 19, 20, лл. 8—16, рис. 4—5, 22—26.
- ¹¹ *Петренко В. П., Кильдюшевский В. И.* Ивангородская керамика конца XV—XVI в. // Нарва. Ивангород. Принаровье. Воздействия культур. История и археология. Мат. НК. Нарва. 1989, с. 37—40, рис. 7—9.
- ¹² Новгородские писцовые книги, т. VI. СПб. 1905, стлб. 567—570.
- ¹³ *Кальюнди Е. А.* Крепость Ивангород. Историческая справка. Таллинн. 1967. // Архив Департамента по охране и использованию памятников истории и культуры администрации Ленинградской области. Дело Р-776, илл. 2.
- ¹⁴ *Курбатов А. В.* Коллекция кожаных предметов из Ивангорода по раскопкам 1980—1986 гг. // КСИА. 1991, вып. 205. М., с. 71—72.
- ¹⁵ *Курбатов А. В.* Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. 1995, № 2. М., рис. 5.
- ¹⁶ *Сорокин А. Н.* Благоустройство древнего Новгорода. М. 1995. с. 63.
- ¹⁷ *Рабинович М. Г.* О древней Москве. М., 1964, с. 257, рис. 114.
- ¹⁸ *Кальюнди Е. А.* Крепость Ивангород. Историческая справка. Таллинн. 1967. // Архив Департамента по охране и использованию памятников истории и культуры администрации Ленинградской области. Дело Р-776, илл. 4, 7, 9.
- ¹⁹ *Селин А. А.* Ивангородская дорога. СПб. 1996, с. 22.
- ²⁰ Монеты определил н. с. отдела музейной информатики Государственного Эрмитажа Н. А. Зайцев.
- ²¹ *Алларт.* Дневник генерала Алларта об осаде Нарвы в 1700 г. // Северный архив. № 1—2. СПб., с. 21—22.
- ²² *Кальюнди Е. А.* Крепость Ивангород. Историческая справка. Таллинн // Архив Департамента по охране и использованию памятников истории и культуры администрации Ленинградской области. Дело Р-776, илл. 9, 10.
- ²³ *Косточкин В. В.* Крепость Ивангород // МИА. № 31. М., 1952, рис. 15.
- ²⁴ *Курбатов А. В.* Отчет о работе Ивангородской экспедиции в 1991 г. // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1/1991, д. 24, лл. 17—18.
- ²⁵ *Soot A.* Ivangorod als selbständige Stadt 1617—1649 // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1935. Tartu, 1937, s. 315.
- ²⁶ *Петров А. В.* Город Нарва. СПб., 1901, с. 176—179.

◆
**БОРЬБА ЗА ОХРАНУ
ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ
В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX—НАЧАЛЕ XX в.**

В начале XXI века поучительно вспомнить ход борьбы за принятие закона об охране древностей, развернувшейся в России во второй половине XIX—начале XX в. Многие в ней напоминает современную ситуацию.

Первые археологические раскопки под Санкт-Петербургом (и в целом в России) произошли в 1708 г. в Старой Ладогe¹. Указ Петра I от 13 февраля 1718 г. о сдаче старинных редкостей комендантам² положил начало сбору сведений о памятниках древности в России. Первые попытки поставить памятники древности под охрану имели характер отдельных мероприятий «по случаю». Так, в 1721 г. указом Сената сибирскому губернатору А. М. Черкасскому было запрещено переплавлять найденные в могильниках старинные золотые вещи и предписывалось присылать их в Берг-коллегию для доклада царю³. Подобная практика продолжалась на протяжении XVIII—первой четверти XIX в. В царствование Николая I были предприняты попытки собрать сведения о памятниках старины, для чего гражданским губернаторам рассылались циркуляры в 1826, 1837 и 1848 гг. Касались они преимущественно памятников архитектуры. Примером может служить сохранившийся в рукописном архиве ИИМК РАН перечень археологических памятников, собранный Министерством внутренних дел через губернаторов в 1840 г., в том числе и по Петербургской губернии, и носивший случайный характер⁴. Археологическими исследованиями в это время ведало четвертое отделение императорской канцелярии, а затем Министерство внутренних дел.

Существенно меняется отношение к охране и изучению памятников, в том числе и археологических, в эпоху реформ Александра II. В середине XIX в. российская археология организационно оформляется: еще в 1846 г. создается Русское археологическое общество, в 1859 г. — Императорская археологическая

комиссия и в 1864 г. — Московское археологическое общество. Во второй половине XIX в. начинаются массовые раскопки курганов и быстрое накопление археологических источников. Наиболее масштабные исследования происходят на территории Петербургской губернии. Материалы раскопок оперативно вводились в научный оборот. Одно за другим возникали археологические серийные издания: «Отчеты Археологической комиссии» (1859), «Материалы по археологии России» (1866), «Известия Русского археологического общества» (1859), преобразованные с 1886 г. в «Записки РАО». Памятники археологии постепенно осознаются как самостоятельная категория древностей. Началом «спасательной археологии» в России можно считать 1865 г., когда Императорская археологическая комиссия обратилась в Департамент железных дорог с просьбой заранее уведомлять «о производстве работ в местах расположения курганов и городищ»⁵.

В 1869 г. в Москве состоялся I Археологический съезд, на обсуждение которого был вынесен подготовленный Московским археологическим обществом проект Положения об охране древних памятников⁶. После его обсуждения и переработки проект был одобрен II Археологическим съездом, состоявшимся в Санкт-Петербурге в 1871 г.⁷, и передан министру народного просвещения Д. А. Толстому. В проекте предлагалось наладить учет памятников старины и законодательно сохранить их от разрушения. Археологические объекты не выделялись в особую категорию: они были включены в число памятников архитектуры как недвижимые объекты. При учете предлагалось указывать, на чьей земле находится памятник. Впервые предусматривалась ответственность должностных лиц, допустивших уничтожение памятника, по статье за превышение власти. Впервые общество, а не верховная власть предлагало ограничить власть государственных чиновников.

Инициатива, исходившая «снизу» (от «председателя Совета археологического съезда камергера графа Уварова»), вероятно, была еще очень непривычна для России того времени, так как Д. А. Толстой дал ей «ход» только через пять лет — в мае 1876 г., когда представил на утверждение Александру II состав комиссии «для обсуждения предложений о мерах к сохранению памятников древности» под председательством товарища министра внутренних дел князя Лобанова-Ростовского⁸. Комиссия начала работу в ноябре 1876 г. В выработанном ею проекте предполагалось учредить для надзора за сохранением памятников древности постоянную Комиссию, состоящую из представителей министерств

Внутренних дел, Императорского двора и Просвещения, Академии наук, Академии художеств и отдельных научных обществ. В проекте предлагалось разделить территорию Российской империи на 16 археологических округов, в каждом из которых назначить одного постоянного члена Комиссии. Наибольшие споры вызвал вопрос о праве частного владельца распоряжаться принадлежащими ему древними вещами и сооружениями и о праве Комиссии вмешиваться в его распоряжения. В результате в выработанном к апрелю 1877 г. «Проекте правил о сохранении исторических памятников»⁹ вопрос о частной собственности был вообще обойден и лишь правительственным и общественным учреждениям вменялось в обязанность согласовывать с Комиссией изменения в состоянии памятников. Против проекта выступили Синод и Министерство внутренних дел. К проекту прилагалась смета расходов на сохранение памятников. Хотя предложенная сумма в 36 900 рублей была мизерной для огромной Империи, а штат из нескольких постоянных сотрудников явно недостаточен, проект учреждения Комиссии был отклонен министром финансов «до более благоприятного времени».

Между тем, отсутствие закона об охране памятников серьезно тормозило археологические исследования. Криком души звучат слова московского археолога А. И. Кельсиева: «...невыработанность юридических правил о правах науки дает себя весьма чувствовать при экскурсиях в подмосковные местности. Крестьяне ставят трудные условия, и любителю древности приходится входить в торги, ораторствовать, поить крестьян на сельских сходах и вообще становиться в положения, не имеющие ничего общего с археологией»¹⁰. Тем более труднодоступны были для исследователей памятники, находившиеся на помещичьих и церковных землях.

Одновременно все больший размах принимали грабительские раскопки. Настоящим бедствием стали они на национальных окраинах. В письме Русского археологического общества министру Народного просвещения от 19 марта 1888 г. приводится яркое описание положения дел на Кавказе, звучащее неожиданно современно: «Раскопки производятся там на всем пространстве края с разрешения и без разрешения чуть ли не первым встречным любителем с целью добыть хотя несколько вещей; при этом, конечно, нет и речи о каком-либо научном ведении дела, а происходит лишь сплошное уничтожение курганов, городищ и могильников и исчезновение из пределов России драгоценных и по материалу и по художественному достоинству нахо-

док. Невежественные раскопщики и спекулянты ведут обширный торг государственным достоянием с иностранными скупщиками и заграничными музеями, а в распоряжение наших государственных и общественных музеев поступает лишь самая незначительная часть вещей, которую сверх того нет возможности к чему бы то ни было приурочить»¹¹.

В 1886 г. по настоянию Императорской археологической комиссии Министерство внутренних дел рассылает гражданским губернаторам циркуляр о запрещении производить раскопки на государственных, церковных и общественных землях без разрешения Археологической комиссии¹². В 1889 г. указом Александра III Археологической комиссии было предоставлено исключительное право выдавать разрешение на ведение археологических раскопок на государственных и общественных землях¹³. Была установлена система выдачи Открытых листов и сдачи отчетов, сохранившаяся до наших дней. Вопрос о раскопках на частных землях так и не был поставлен.

Императорская археологическая комиссия была методическим и научным центром российской археологии и по своей структуре была не способна эффективно заниматься охраной памятников. Наиболее активное Московское археологическое общество попыталось заполнить административный вакуум, создав в 1890 г. Комиссию по сохранению памятников¹⁴, которая фактически должна была выполнять роль отсутствующего государственного органа. Все большее значение приобретали губернские ученые архивные комиссии, которые с 1884 г. до начала XX в. были учреждены в 27 губерниях. Необходимость не только раскопок, но и учета не раскопанных пока памятников археологии и сохранения их для будущих поколений исследователей хорошо осознавалась к концу XIX в.

Сведения о некоторых памятниках археологии Санкт-Петербургской губернии попали в «Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии» в 1884—1885 гг.¹⁵ В 1886 г. Г. Р. Шмидт составил археологическую карту Гдовского уезда¹⁶. В 1899—1901 гг., в связи с подготовкой празднования 200-летия основания Санкт-Петербурга, был произведен сбор данных для первой археологической карты Петербургской губернии. В сборе сведений принимали участие слушатели Петербургского археологического института, свои данные предоставили В. Н. Глазов, А. Э. Мальмгрен, Л. Н. Целепи. Координировал эту работу и собирал все поступающие сведения член РАО художник Н. К. Рерих. Составление карты не было завершено, но собран-

ные сведения, хранящиеся в Рукописном архиве ИИМК РАН в фонде Н. К. Рериха ¹⁷, не утратили информационной ценности и использовались исследователями в течение последующих десятилетий.

В 1898 г. Императорская археологическая комиссия выступила с инициативами создания при МВД новой комиссии для выработки положения об охране памятников старины ¹⁸ и создания при губернских статистических комитетах отделений по составлению Сводов памятников старины и их охране ¹⁹. Комиссия по пересмотру законодательства об охране исторических памятников была сформирована в конце 1904 г. и состояла из представителей министерств внутренних дел, военного и императорского двора. В ней работали от Академии Художеств Н. П. Кондаков, председатель ИАК А. А. Бобринский, директор С.-Петербургского археологического института Н. В. Покровский. Весной 1905 г. Комиссия подготовила «Основные положения» ²⁰, которые в основных позициях повторяли «Проект правил о сохранении исторических памятников» 1877 г. Комиссия вынесла на обсуждение «компетентных учреждений» вопросы, по которым не смогла выработать единого мнения. Не решенными остались наиболее важные вопросы: следует ли создавать специальные органы охраны памятников или перепоручить их обязанности существующим губернским ученым архивным комиссиям; следует ли действие правил по охране памятников старины распространить и на недвижимое имущество, находящееся в частной собственности, если да, то в какой степени; может ли памятник, имеющий особое археологическое или историческое значение и находящийся в частном владении, быть отчужден за вознаграждение. В ходе обсуждения «Основные положения» были подвергнуты критике со стороны научной общественности как половинчатые. Характерно, что и Комиссия и ее основные оппоненты из Московского археологического общества впервые апеллировали к опыту западноевропейских стран. С другой стороны, попытка посягнуть на частную собственность вызвала противодействие со стороны Синода и других государственных учреждений. Русско-японская война и революция прервали работу Комиссии.

Вновь к вопросу об охране памятников вернулись только в 1908 г. Новая Комиссия начала свою деятельность с определения основ будущего закона. «Общие основания» декларировали необходимость государственной охраны памятников, установления единой системы охраны, организацию специального органа, ведающего охраной памятников, и право правительства на от-

чуждение памятников, являющихся частной собственностью или собственностью церкви. Комиссия использовала проект правил по охране памятников, разработанный в 1908 г. XIV Археологическим съездом²¹ и дополненный предложениями Московского археологического общества²².

Вокруг работы Комиссии вновь развернулась борьба. Ответственность консолидировалась, создав в 1909 г. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Председатель Московского археологического общества П. С. Уварова в письме Николаю II предложила объявить все предметы церковной старины государственной собственностью²³. Предложение было рассмотрено Советом министров и отклонено по инициативе обер-прокурора Синода и министра юстиции²⁴. Синод ответил Указом о запрещении перестраивать и реставрировать старинные церкви без согласования с Императорской археологической комиссией²⁵. Указ, формально способствующий охране памятников церковной старины, фактически защищал епархиальных чиновников от критики и контроля местной общественности, так как окончательное решение по всем спорным вопросам должен был принимать Синод. Главное управление казачьих войск и Синод попытались остаться вне действия закона об охране памятников древности. Главное управление казачьих войск предложило приравнять земли войска, в отношении применения к ним правил производства раскопок, к землям частным, а не общественным. Синод усмотрел в проекте закона нарушение своих прав как собственника всех церковных древностей и земель. Несмотря на эти и другие возражения, проект «Положения об охране древностей» был представлен министром внутренних дел А. А. Макаровым в октябре 1911 г. в Государственную Думу для обсуждения²⁶.

Замечания по проекту вносили Московское археологическое общество, Всероссийский съезд художников, Академия Художеств, Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины и другие общественные организации. Все они критиковали «Положение об охране древностей» за то, что в будущем органе охраны памятников большинство мест отдано чиновникам из министерств, которые могут заблокировать любое решение, ущемляющее интересы государственных ведомств, и за то, что выделенные средства и штаты мизерны. Но редактирование закона было поручено думской комиссии, которая фактически свела его к пустой декларации. Она исключила статью проекта о приоритете правительства в приобретении памятников

у частных лиц, возразила против статьи о запрещении вывоза памятников за границу, опротестовала статью о разрешении Археологической комиссии ведать раскопками на территории частных владений. В таком виде законопроект поступил в Думу в 1912 г., вновь возвращен на доработку и в 1913 г. направлен в Думу для окончательного решения. Первая мировая война приостановила дальнейшее обсуждение проекта закона.

Гибель многих памятников во время войны вынудила вновь вернуться к вопросу об их охране. В начале 1916 г. Московское археологическое общество инициировало подготовку закона о запрещении вывоза древностей из России. Было решено вернуться к обсуждению закона об охране памятников. Министерство внутренних дел отозвало свой законопроект из Думы для доработки. Осенью 1916 г. при министерстве было образовано особое совещание для пересмотра законопроекта, но что-либо сделать оно уже не успело.

Дореволюционная Россия не успела создать ни специального государственного законодательства по охране памятников, ни органов их надзора и защиты. Не был создан свод памятников. Камнем преткновения служило не только частное, но и ведомственное землевладение. В то же время было достигнуто понимание памятника как материального источника, отражающего историческое явление, были определены критерии отбора памятников для постановки под охрану. Эти понимание и критерии легли в основу декретов и законов советского времени.

По прошествию почти ста лет Россия вновь стоит перед близкими проблемами. Явочным порядком возникает частное и продолжает существовать ведомственное землевладение. Закон об охране памятников 1978 г. почти не обладает реальными рычагами воздействия. Свод памятников, в том числе археологические карты далеки от завершения. Охранная документация несовершенна и не совмещена с картами землепользования.

В настоящее время на территории России выявлено около 100 тысяч памятников археологии. Их эффективная охрана возможна только через включение в создаваемый впервые Земельный кадастр РФ земель историко-культурного назначения, к которым относятся и археологические объекты, а также через проведение регулярного мониторинга памятников. Первым необходимым практическим шагом является создание электронной карты и базы данных памятников, совместимой с базой данных Земельного кадастра, а также, что особенно важно, нового закона об охране историко-культурного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18. 1895. С. 1—4.
- ² Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII—начало XX в. Сборник документов. М. 1978. С. 21 [*Далее* — ОП].
- ³ ОП. С. 22—23.
- ⁴ О памятниках древности. Сведения, полученные от губернаторов (1840 г.). Архив ИИМК РАН. Ф. 6. Д. 51. Л. С. 35—40.
- ⁵ ОП. С. 76.
- ⁶ ОП. С. 86—91.
- ⁷ ОП. С. 92—94.
- ⁸ ОП. С. 98—100.
- ⁹ ОП. С. 101—106.
- ¹⁰ *Кельсиев А. И.* Подмосковное курганное кладбище при д. Митиной // Древности. М. 1885. Т. X. С. 34.
- ¹¹ ОП. С. 132.
- ¹² ОП. С. 116—118.
- ¹³ ОП. С. 133—134.
- ¹⁴ ОП. С. 134—137.
- ¹⁵ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Т. IX. 1884; Т. X. 1885.
- ¹⁶ Арх. ИИМК РАН. Ф. 4. № 176.
- ¹⁷ Арх. ИИМК РАН. Ф. 37.
- ¹⁸ ОП. С. 143—145.
- ¹⁹ ОП. С. 145—150.
- ²⁰ ОП. С. 162—169.
- ²¹ ОП. С. 189—191.
- ²² ОП. С. 193—196.
- ²³ ОП. С. 343—344.
- ²⁴ ОП. С. 183—189.
- ²⁵ ОП. С. 203—205.
- ²⁶ ОП. С. 214—253.

◆
**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
СТАРОЙ ЛАДОГИ**

**(по материалам Фотоархива
Института истории материальной культуры РАН)**

«Старая Ладога (Успенское) — сел. С.-Петербургской губ., Новолadoжского у., на левом берегу р. Волхова, при р. Лadoжке, в 12 в. от уездного города. Одно из древнейших русских поселений; существовало уже во второй половине IX в. ... Теперь это незначительное село с 500 жителей, представляющее интерес с сохранившимися в нем памятниками старины. ... Берега Волхова ок. Старой Лadoги усеяны курганами»¹. Такой на рубеже XIX—XX вв. предстала Старая Лadoга перед ее первыми исследователями (рис. 1). К нашим дням Старая Лadoга — один из эталонных памятников истории и археологии средневекового города, с потрясающей сохранностью древних строительных горизонтов, уникальными археологическими материалами, разработанной методикой исследования данного типа памятников, стратиграфией культурных отложений, позволяющей датировать отдельные слои и находки. За годы исследования накоплен значительный научный материал, его неотъемлемой частью являются фотодокументы, на которых запечатлены этапы археологического изучения Старой Лadoги, реставрационных работ в крепости и храмах, процесс развития методики раскопок средневекового города с сохранившимися деревянными конструкциями. Основная часть фотографий хранится в Фотоархиве Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН), в фондах Императорской археологической комиссии (ИАК), Российской академии истории материальной культуры, Русского археологического общества, Института истории материальной культуры, а также в личных фондах исследователей, поступивших в Фотоархив в различные годы.

Самые ранние фотографии, отражающие одни из первых работ по изучению памятников Старой Лadoги, связаны с именами Н. Е. Бранденбурга и В. В. Сулова. Н. Е. Бранденбург в 1880-е годы впервые произвел тщательные обмеры и фиксацию ладожских каменных стен и башен, сохранившихся к тому времени, исследовал остатки древнерусских храмов Лadoги и про-

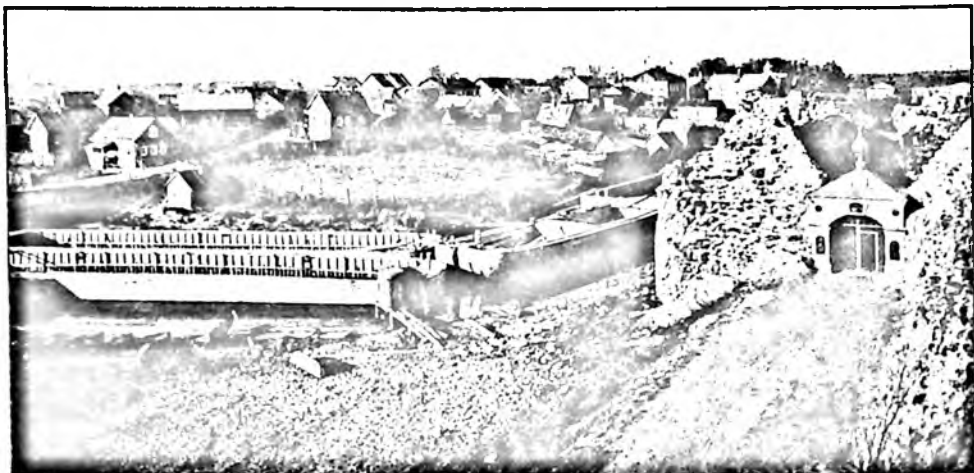

Рис. 1. Петербургская губерния. Старая Ладога. 1900 г.

извел раскопки двух из них (Спасская церковь, церковь на р. Ладожке)². В Фотоархиве хранятся пятнадцать негативов, переснятых с документов Рукописного архива ИИМК РАН, связанных с этими археологическими работами. На них зафиксированы внешние виды руин храмов с разных сторон и сохранившиеся фрагменты фресковой росписи. К работам в Старой Ладоге Н. Е. Бранденбург привлек архитектора В. В. Суслова, одного из крупнейших исследователей древнерусской архитектуры. В. В. Суслов разработал свою программу изучения памятников древнерусского зодчества, включавшую составление архитектурных обмеров храмов, сбор предметов прикладного искусства, зарисовки росписи, фотографическую съемку. В Старой Ладоге В. В. Суслов выполнил работы по техническому описанию архитектурных памятников, которое Н. Е. Бранденбург поместил в 1896 году в своей монографии «Старая Ладога»³. В собрании Фотоархива в личном фонде В. В. Суслова находится альбом фотографий «калек» фресковой росписи церкви Георгия в Старой Ладоге, выполненных в 80-е годы XIX в. (47 отпечатков и 35 негативов; рис. 2). Н. Е. Бранденбург провел осмотры Земляного городища Старой Ладоги и впервые обратил на него внимание археологов, подчеркивая важность исследования культурных слоев возможного места древнего поселения⁴.

Первые археологические работы на Земляном городище были осуществлены под руководством Н. И. Репникова в начале XX в. После разведочных работ 1909—1910 гг. в течение 1911—1913 гг. было вскрыто в общей сложности 780 м² культурного слоя, мощность которого достигала 3 м⁵. Это были первые сис-

тематические раскопки Земляного городища Старой Ладogi, произведенные на высоком методическом уровне с полной фотофиксацией стратиграфии и планиграфии. Об этом ярко свидетельствуют материалы, хранящиеся в Фотоархиве ИИМК РАН (75 негативов и 227 отпечатков). На них представлены обследования и раскопки церкви Климента, разведочные работы 1909—1910 гг. в Старой Ладoge и археологические работы 1911—1913 гг. на Земляном городище (рис. 3). На фотографиях, связанных с работами в церкви Климента, можно увидеть сохранившиеся к тому времени конструкции церкви, остатки росписи, общие виды руин храма. Материалы, относящиеся к раскопкам на Земляном городище, дают представление о тщательности фотофиксации в процессе археологических работ всех этапов расчистки строительных горизонтов, отдельных деталей деревянных конструкций и стратиграфии, здесь также присутствуют фотографии чертежей планов строительных ярусов, разрезов культурного слоя городища. Часть фотографий раскопок Н. И. Репникова поступила в Этнографический отдел Русского музея. В Фотоархиве ИИМК РАН, однако, имеются копии с ряда этих фотографий, сделанные в 1931 г. для несостоявшейся выставки «Охрана памятников», организацией которой занималась Государственная Академия истории материальной культуры. Все снимки произведенных Н. И. Репниковым работ в Старой Ладoge сделаны тремя фотографами: И. Ф. Чистяковым, фотографом ИАК, В. М. Машечкиным, фотографом Этнографического отдела Русского музея, и А. А. Гречкиным. Качество выполненных фотографий и негативов несомненно свидетельствует о высоком профессионализме фотографов.

Рис. 2. Старая Ладoga, церковь Георгия. Фреска с изображением пророка Давида в простенке барабана купола. Калька. Фонд В. В. Суслова. 1880—1890 гг.

В Этнографический отдел Русского музея. В Фотоархиве ИИМК РАН, однако, имеются копии с ряда этих фотографий, сделанные в 1931 г. для несостоявшейся выставки «Охрана памятников», организацией которой занималась Государственная Академия истории материальной культуры. Все снимки произведенных Н. И. Репниковым работ в Старой Ладoge сделаны тремя фотографами: И. Ф. Чистяковым, фотографом ИАК, В. М. Машечкиным, фотографом Этнографического отдела Русского музея, и А. А. Гречкиным. Качество выполненных фотографий и негативов несомненно свидетельствует о высоком профессионализме фотографов.

Рис. 3. Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки Н. И. Репникова. 1913 г.

Рис. 4. В. И. Равдоникас с учащимися Тихвинской школы в Старой Ладоге. 1958 г.

В Фотоархиве ИИМК РАН хранятся материалы из личного архива А. А. Миллера, переданного в 1935 г. (29 негативов и 14 отпечатков). В 1922 г. под его руководством было предпринято обследование Староладожской крепости, Земляного городища и сопок на левом берегу Волхова в качестве практики студентов Археологического отделения Факультета общественных наук Петроградского государственного университета⁶. Выполненные в процессе обследования фотографии представляют общие виды Земляного городища и крепости, а также снимки разрезов слоев городища, сделанных во время работ Н. И. Репникова.

Дальнейшее исследование Земляного городища Старой Ладogi продолжилось в конце 30-х годов XX в. Работы под руководством В. И. Равдоникаса проводились в течение 11 полевых сезонов (1938—1940, 1945, 1947—1950, 1957—1959 гг.). Экспедиция ставила перед собой широкие задачи планомерного изучения Ладogi, сочетая исследовательскую работу с практикой студентов Ленинградского государственного университета⁷. Благодаря материалам экспедиции значительно пополнилось собрание фотографий Фотоархива ИИМК РАН, отображающих процесс археологического изучения Старой Ладogi (1244 негатива, 1328 отпечатков и шесть пленочных катушек). Фотоматериалы с подробным описанием систематически поступали в Фотоархив после каждого года раскопок Земляного городища. Они включают в себя фотофиксацию планиграфии и стратиграфии раскопок, снимки как индивидуальных находок, так и сводные таблицы рисунков керамики и отдельных групп вещей, разнообразные рабочие моменты археологических работ, фотографии чертежей, среди которых представлены планы и разрезы культурных отложений, сделанные экспедицией под руководством В. И. Равдоникаса (рис. 4), а также сводные планы раскопок Н. И. Репникова и В. И. Равдоникаса. Фотосъемка производилась фотографами и сотрудниками Института истории материальной культуры Академии наук СССР (с 1959 г. — Ленинградское отделение Института археологии). Фотографии дают представление о методике исследований и объеме произведенных работ.

В Фотоархиве хранятся также материалы работ Невской экспедиции 1952 г. под руководством Н. Н. Гуриной. Экспедиция произвела обследование южного Приладожья, а также раскопала группу курганов в урочище Плакун близ Старой Ладogi⁸. На фотографиях, относящихся к этим археологическим работам, представлены процесс раскопок, чертежи планов и разрезов, находки (около 40 фотографий и негативов).

Раскопки курганного могильника в урочище Плакун были продолжены в 1968 г. Староладожским отрядом (начальник отряда — Г. Ф. Корзухина). Фотоматериалы, составившие альбом фотографий в количестве 29 снимков, отображают все этапы работ, чертежи и находки (рис. 5).

Новый этап археологического исследования Старой Ладogi начался в 1972 г. с организацией Староладожской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии под руководством А. Н. Кирпичникова⁹. В составе экспедиции работали отряды Е. А. Рябилина, В. П. Петренко, Е. Н. Носова. Значительно расширилось количество памятников, охваченных археологическим изучением, о чем свидетельствуют фотоматериалы, в которых подробно отражены архитектурно-археологические работы разных лет в крепости, в Никольском монастыре, исследование церкви Климента, раскопки на Земляном городище, на Варяжской улице, в урочищах Плакун и Победище, а также других окрестностях Ладogi. На данный момент сотрудниками Фотоархива ИИМК РАН научно и технически обработано около 1200 негативов и отпечатков, сделанных во время работы экспедиции; значительное количество материалов еще находится в текущей обработке. На фотоснимках, связанных с исследованиями в крепости, можно увидеть различные общие виды крепости, здесь же присутствуют фотографии отдельных башен, стен, проемов, фрагментов кладок, планов и разрезов крепостных сооружений. На них также зафиксированы все этапы работ по расчистке стен крепости, заложенной князем Мстиславом Великим, и их дальнейшей консервации (рис. 6); процесс восстановления Климентовской башни XVI в. и «Торговой арки» каменной крепости XII в.; шурфы, сделанные в различных частях крепости; находки, обнаруженные в процессе раскопок. Немаловажную ценность для истории археологического изучения Старой Ладogi представляют фотоматериалы, свидетельствующие об археологических работах на Земляном городище в течение 1970—1980-х годов и на Варяжской улице в 1972—1977 гг. Отпечатки и негативы, по сложившейся в предыдущие годы в ИИМК РАН системе комплектования, планомерно поступали после каждого сезона полевых исследований в Фотоархив Института. По ним можно проследить все этапы работ по расчистке строительных горизонтов культурных отложений Старой Ладogi, фиксации отдельных построек и их деталей. Материалы включают фотографии стратиграфии раскопов, чертежей планов ярусов, разрезов, а также многочисленных находок и сводных таблиц вещей и форм керамики. Аннотации и описание изображений содержатся в описях Фотоархива.

Рис. 5. Раскопки кургана в урочище Плакун. Староладожский отряд. 1968 г.

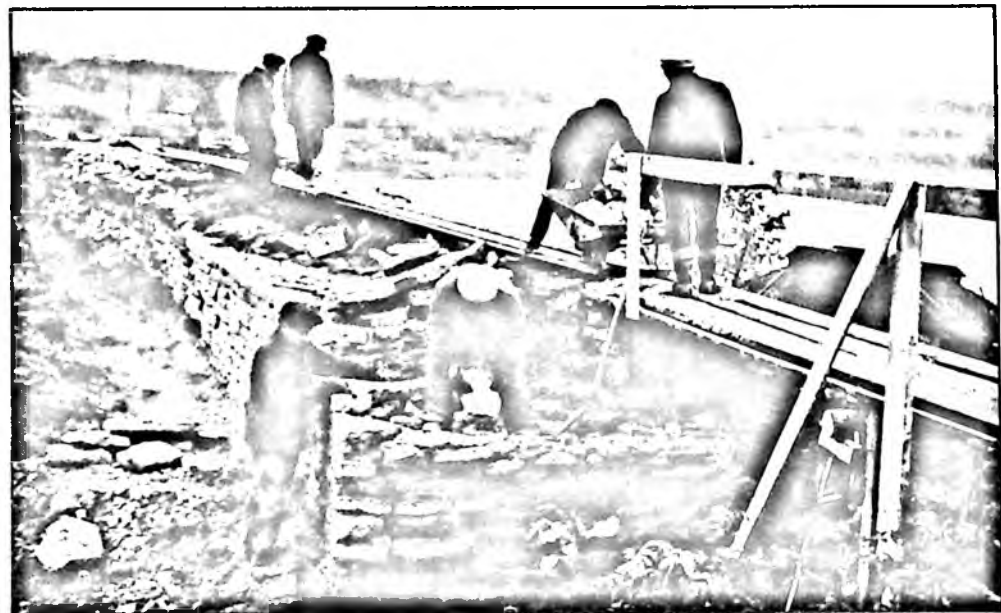

Рис. 6. Южная стена крепости 1114 гг. в процессе консервации.
Староладожская экспедиция. 1973 г.

В заключение следует отметить, что материалы Фотоархива подробно отражают все этапы истории археологического изучения Старой Ладogi с 1880-х годов и в течение XX в. и представляют несомненную ценность для современных исследователей. Работы Староладожской экспедиции продолжаются, и фотоматериалы дальнейших полевых исследований будут поступать в Фотоархив ИИМК РАН для последующей обработки.

Часть фотоматериалов, описанных выше, опубликована в статьях и монографиях авторов полевых исследований, в итоговых работах и научно-популярной литературе, но в связи с малыми тиражами изданий снимки по интересующей теме малодоступны широкому кругу читателей. При этом хотелось бы подчеркнуть, что опубликованные материалы отражают не весь комплекс фотодокументов, относящихся к исследованиям в Старой Ладoge и хранящихся в Фотоархиве ИИМК РАН, и выступают в качестве дополнительного источника. Возможно, чтобы облегчить доступ к рассматриваемым материалам, желательно создание CD-rom, посвященного изучению этого уникального памятника средневековой истории Северо-Западного региона России. Для выполнения данной задачи Фотоархиву потребуется помощь исследователей в отборе фотографического материала для записи на диск. Учитывая уровень развития компьютерных технологий на современном этапе, диск обеспечил бы доступ информации для всех желающих ознакомиться с фотографиями и негативами по истории изучения Старой Ладogi как в России, так и за рубежом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 61. Санкт-Петербург. 1900. С. 438.

² Лебедев Г. С. История Отечественной археологии. 1700—1917 гг. Санкт-Петербург. 1992. С. 154.

³ Бранденбург Н. Е. Старая Ладoga. Санкт-Петербург. 1896.

⁴ Тихонов В. Л. Записка Н. Е. Бранденбурга «Об исследовании Земляного городища в Старой Ладoge» // Чтения памяти Н. Е. Бранденбурга. Тезисы докладов. Санкт-Петербург. 1995. С. 153.

⁵ Старая Ладoga. Л. 1948.

⁶ Археологические экспедиции. 1919—1956 гг. Указатель. Москва. 1962. С. 17.

⁷ Равдоникас В. И. Старая Ладoga. Ч. I. // Советская Археология. № 11. 1949. С. 8.

⁸ Археологические экспедиции. 1919—1956 гг. Указатель. Москва. 1962. С. 188.

⁹ Киртчичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладoga — древняя столица Руси. Санкт-Петербург. 1996; Киртчичников А. Н. Старая Ладoga в свете новых историко-археологических изысканий. К итогам работ Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН в 1972—1997 гг. // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб. 1997. С. 37 сл.

◆
ПРЕДЧУВСТВИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
Размышления о русском пути к Балтике

«И небу — стихши — ясно стало:
туда, где моря блещет блюдо,
сырой погонщик гнал устало
Невы двугорбого верблюда»

Владимир Маяковский
(«Кое-что про Петербург», 1913 г.)

«А я один на свете город знаю
И ощупью его во сне найду»

Анна Ахматова
(«Северные элегии», 1945 г.)

Предчувствие великого русского города на Невских берегах намного старше Санкт-Петербурга, основанного в 1703 году *. Оно являлось материализацией давней «балтийской идеи», смысл которой был прост: получить свободный выход к Балтике для обеспечения прямых деловых связей Руси—России с Северной и Западной Европой. «С русской стороны, — справедливо подчеркивал А. Н. Кирпичников, — балтийское направление утверждалось медленным продвижением на Запад, закреплявшимся созданием Ладоги, затем в 1323 г. в истоке Невы — крепости Орешек, наконец, в 1703 г. основанием в дельте Невы Санкт-Петербурга»¹. Этой идеей был озабочен Господин Великий Новгород, а после его поглощения в 1478 г. Москвой идею эту переняло Русское государство. Начиная с новгородских времен, происходило последовательное хозяйственное и военно-оборонительное освоение Северо-Запада, прежде всего Приневья. Наряду с крепостным обустройством Новгорода и Пскова, сооружаются новые и реконструируются ранее существовавшие крепости: Ладога / Старая Ладога (1114), Копорье (1279—1280), Орешек (1323), Ямгород (1384), Ивангород (1492) и другие. Возникло своеобразное противостояние крепостей: со шведской стороны это были Выборг (1293), Корела (Кексгольм), а в устье Охты — Ландскрона (1300), на месте которой Якоб Делагарди возводит в 1611 году

---

* Выполнено в рамках проекта № 01-01-00026а, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

Ниеншанц (по-русски Канцы), дабы, по словам короля Карла IX, «защищать всю Неву под эгидой шведской короны»².

Одновременно с укреплением обороны западных русских земель, на обширной новгородской территории (как до, так и после ее включения в Московское царство) протекала крестьянская и помещичья колонизация, в которой участвовали не только местное славянское население (новгородские словене), но, со временем, и выходцы из других земель Руси. А православная церковь проводила христианизацию коренных насельников края (воть, ижора, вепсы, карелы и другие малые финноязычные группы)³. «Несмотря на численное превосходство аборигенного крестьянства, социальное доминирование поместного дворянства обеспечивало преобладание православно-христианской русской культуры»⁴.

Изучение образа жизни населения Северо-Западной части Русского государства до основания Санкт-Петербурга требует применения историко-этнографического метода к изучению места действия, то есть территории; в нашем случае — территории, на которой был в 1703 году основан Петербург, а также связанной с ним культурно-экономической округи («запличья», «хинтерланда»).

В самом деле, в Приневье на протяжении более одного тысячелетия сменилось несколько этнокультурных пластов, предшествовавших заключительному, российскому: балтофинноугорский, славянско-новгородский, новгородско-московский, шведский. Каждый из этих пластов существовал не изолированно от предшествовавших и последующих, но находился с ними во взаимодействии, частично передаваясь эстафетой, обеспечивавшей культурную преемственность. Синхронический подход заключается в рассмотрении данного региона не как самостоятельного, а как части более общей системы истории российской государственности.

Глядя с таких позиций на территориальный контекст будущего Санкт-Петербурга (по современным понятиям это Ленинградская, а также Новгородская и Псковская области, отчасти Вологодчина и Карелия), придется признать, что здесь, сравнительно с другими землями складывавшегося Русского централизованного государства, бытовали существенные ментальные отличия. С точки зрения интеллектуальной атмосферы это отчетливо проявлялось в значительно большей открытости и религиозной веротерпимости. Например, в работе по славянскому переводу так называемой Геннадиевской Библии (1499) в каче-

стве консультанта участвовал хорват Вениамин, член католического ордена доминиканцев, ведавшего делами инквизиции ⁵. Подобное сотрудничество в Москве тех же лет едва ли было возможно.

Эти черты были обусловлены не только изначальной полиэтничностью древнерусского (и его естественного правопреемника — Русского) государства, но и фактом существования давних европейских контактов Новгорода, в том числе в области торговли с Ганзой и другими зарубежными партнерами ⁶. Все это порождало религиозную толерантность, проявлявшуюся в существовании в разные годы в Новгороде и ряде других городов региона, наряду с православными, католических, лютеранских, иудейских и иных церквей. В свою очередь, такая, сложившаяся на протяжении многих веков, ситуация вызывала интерес к Новгородчине со стороны зарубежных наблюдателей ⁷.

Важная, во многом ключевая, роль Северо-Западного региона в становлении Российского государства закреплена, как известно, летописным сказанием о призвании трех варяжских братьев. Наряду с этой легендой возникали и местные, региональные легенды. Одна из них, судя по недавним разысканиям ⁸, сложилась не позднее 1126 года (!), хотя документированно известна лишь с середины XVII века. Эта северорусская (новгородская) легенда с именами Рюрика и его летописных братьев прямо не связана. Не связана она и с западнославянской легендой о «хорватских братьях» Чехе, Лехе и Русе. Речь идет о Сказании о Словене и Русе, которое читается в летописной статье «О истории еже о начале Руския земли и создании Новограда и откуда влечашеся род Словенских князей».

По смыслу Сказания, Словен выступает как первопредок славян, а его брат Рус — как первопредок «русских», то есть, в тогдашнем понимании, всех восточных славян. Важно, что в обоих случаях эпицентром этногенетического процесса постулируется Новгородская земля. При этом события Сказания локализируются побережьем озера Ильмень: Словен толкуется как основатель то ли некоего предшественника Новгорода (Словенска), то ли непосредственно самого Новгорода, а Рус — как основатель Старой Руссы.

Едва ли можно считать случайным совпадением, что рукописная фиксация и распространение во многих списках Сказания о Словене и Русе хронологически приходится на десятилетия XVII века, когда часть Новгородских земель (Ингерманландия) была отторгнута от Русского государства и временно вошла

в состав Шведского королевства. Не исключено, что в таких условиях древняя легенда приобретала патриотическое звучание, подтверждая исторические права славян на целостность исконных новгородских земель. В этом смысле письменно востребованная легенда о Словене и Русе имеет к предыстории Санкт-Петербурга прямое отношение: мифология соприкоснулась с реальным ходом событий.

Совокупный анализ памятников русской и зарубежной исторической мысли XVI—XVII веков показывает, как в результате переосмысления легендарных сведений возникло несколько этногенетических протогипотез. С их помощью ученые раннего Нового времени пытались объяснить происхождение славянской суперэтнической общности и отдельных народов, ее составляющих: балканская/дунайская, паннонская, вандальская, сарматская/скифская, готская, кавказская/колхидская. Зачастую эти протогипотезы переплетались друг с другом. И достаточно отчетливое звучание при этом обретала новгородская тема⁹.

Любопытно, что австрийский дипломат Зикмунд (Сигизмунд) Герберштейн дважды, в 1517 и 1526 годах, посетивший Русское государство, приводил в своих «Записках» одну из услышанных им версий: этноним «русские» происходит от названия города Старая Русса¹⁰. Возникает соблазн предположить, что Герберштейн мог услышать от кого-то из русских собеседников устно бытовавшее Сказание о Словене и Русе. И не потому ли новгородские края ассоциировались с местом происхождения славян (тому могло способствовать племенное название «словене») не только в памятниках русского происхождения, но и в работах соседей, интересовавшихся проблемой — польских авторов XVI века?

В начале этого столетия историк и географ Бернард Ваповский выдвинул гипотезу о происхождении славянского имени от некоего «озера Словёного» вблизи Великого Новгорода. Сложно со всей определенностью назвать источник домысла Ваповского. Можно предположить, что ответ следует искать в номенклатуре новгородской топонимики. Занимая важные должности секретаря польского короля и краковского каноника, и одновременно будучи автором карты Восточной Европы, Ваповский вполне мог быть осведомлен о топонимике Новгородской земли, в которой корневое «*слав» было распространено. О гипотезе Ваповского можно судить лишь по ее воспроизведению в середине XVI века другим польским историком, Марцином Бельским.

К тому времени труд Герберштейна приобрел европейскую известность. Со ссылкой на Ваповского (быть может, с корректировкой по Герберштейну) Марцин Бельский сделал выносную глоссу: «Словаки от озера Словоного». В близком по времени русском переводе книги Бельского «Хроника всего света» приведенный пассаж выглядел так: «Философ Ваповский пишет, что прозваны славяны от озера Словенского, которое озеро в Московской есть земле». Во всех случаях речь скорее всего шла об озере Ильмень. Поскольку же к моменту изготовления русского перевода Новгородская республика давно являлась частью Русского государства, переводчик, следуя политическому этикету, приписал Ильмень-озеро к «Московской земле»¹¹.

Сопоставляя отражение новгородской темы в русских и зарубежных (в данном случае австронемецких и польских) источниках раннего Нового времени, трудно отказаться от предположения, что авторы разных стран знали полностью либо в отголосках новгородское Сказание о Словене и Русе. А это может служить дополнительным косвенным подтверждением его фольклорного бытования на протяжении довольно длительного времени, не менее четырех веков, пока не было записано в XVII веке. А с началом следующего столетия, когда «балтийская идея» для России была осуществлена, новгородская тема естественно влилась в тему петербургскую.

Обстоятельства эти важны, с одной стороны, для понимания культурно-исторической сопряженности российского Северо-Запада с общероссийским развитием, а с другой стороны, для осмысления характера и объема этнокультурной традиции на этой территории от возникновения древнерусской (новгородской) политнической государственности до начала петербургского (общероссийского) периода. На этот вопрос существовало два возможных ответа: нет, российская этнокультурная традиция на Северо-Западе берет начало с основания Санкт-Петербурга, так сказать, с «чистого листа»; да, между «петербургским» и «допетербургским» этапами в том или ином виде некая культурная преемственность прослеживается или, во всяком случае, может быть обнаружена благодаря дальнейшим исследованиям.

Вопрос этот занимал умы еще людей XVIII века, в том числе и современников основателя города, которые, как правило, склонялись к версии «чистого листа». С точки зрения общественного воздействия показательны официозные поэтические панегирики, посвященные деяниям Петра Великого. Так, Антиох Кантемир в «Петриаде» (1730) воспевал Петра I, который начал «град

новый созидати» в земле, «тая, бывшая в долзе у соседах подвластна», а ныне «российцы в Ингрии засели»¹². Или В. К. Тредиаковский, который в стихотворении «Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу» (1752) восхвалял Петра Великого за основание города, который всем древним городам «ныне равен стал», а потому «обитать в нем всякому полезно». Обращаясь к потомкам, поэт пророчествовал:

«Но вам узреть, потомки, в граде сем,
Из всех тех стран слетающихся густо,
Смотрящих всё, дивящихся о всем,
Гласящих: “Сей рай стал, где было пусто!”»¹³.

Впрочем, возносились не одни дифирамбы. Для противников Петровских реформ слово «пусто» вплеталось в другое пророчество, согласно преданиям, принадлежавшее опальной царице: «Петербургу быть пусто» («И царицей Авдотьей заклятый», как писала Анна Ахматова).

Мысль о внезапности возникновения Санкт-Петербурга в дальнейшем становится более-менее общим местом для многих писателей. Вот, скажем, что можно прочитать у Петра Вяземского (1818):

«Я вижу град Петров, чудесный, величавый,
По манию Петра воздвигшийся из блат»¹⁴.

Почти дословно повторяет этот образ Николай Языков (1825), писавший, что свою новую столицу Петр «воздвиг среди болот»¹⁵. Но, конечно, наибольшее воздействие на умы современников и потомков оказали знаменитые Пушкинские строки о «юном граде», который «пышно, горделиво» вознесся «Из тьмы лесов, из топи блат». Строки эти, превратившись в расхожий штамп, по видимости как бы воспроизводили образ, уже открытый предшественниками поэта. Между тем, такое понимание выглядит односторонним и искажающим исторический подтекст «Вступления», не случайно предварявшего поэму «Медный всадник».

Да простит меня читатель, если я предложу еще раз вчитаться в знакомые с детства строки, но, что называется, под этнографическим углом зрения, не вырывая их из общего контекста «Вступления». Петр, согласно Пушкину, стоит на пустынном берегу Финского залива. Он вглядывается в морские дали, он размышляет о значении возвращенного от шведов новгородского наследия для будущего России: «Природой здесь нам суждено //

В Европу прорубить окно». «Медный всадник» был написан осенью 1833 года, а спустя два года в «Истории Петра» А. С. Пушкин напишет: «Посреди самого пылу войны, Петр Великий думал об основании гавани, которая открыла бы ход торговле с северо-западною Европою и сообщение с образованностью»¹⁶.

Но вернемся к «Вступлению» к поэме. Да, Петр стоял «На берегу пустынных волн» Балтики. Но так ли пустынна была тогда дельта Невы в описании А. С. Пушкина? Напомню: царь видел плывущий по реке «бедный челн», а «по мшистым, топким берегам» — разбросанные «здесь и там» чернеющие избы. К мысли о заселенности мест, где вскоре появится «юный град», А. С. Пушкин, спустя несколько строк, возвращается вновь, упоминая «финского рыболова», забрасывающего свой невод в «неведомые воды». Таким образом, вовсе не пустынным болотом рисовался поэту этот край, где спокон века, соседствуя с потомками новгородских словен, жили коренные финноязычные насельники Приневья. Шведские карты XVII века свидетельствуют, что берега здешних рек были буквально усеяны поселениями с финноязычными и русскими названиями (последние переданы в неточной латинской транскрипции). Так, на северном берегу Невы — Боротка и Головскино, на южном берегу — Велка, Миколска, Горка, Якова, Спаско (напротив Ньюэна), Ивана, Новоселки и другие¹⁷.

Поучительно сопоставить характеристики этих мест у А. С. Пушкина и у ряда его предшественников, частью приведенные выше: Петербург возник там, «где было пусто» (В. Тредиаковский), город, «воздвигшийся из блат» (П. Вяземский), построенный «среди болот» (Н. Языков) и так далее. Не трудно заметить, что Пушкин, частично используя прежнюю лексику (не «болот», например, а «блат»), придает ей иное осмысление. В этом можно усмотреть не заимствование или случайное совпадение, но элемент внутренней, скрытой полемики. В самом деле, под пером А. С. Пушкина вырисовывается совершенно иная, нежели у его предшественников, дихотомия: рыбацкие поселения в дельте Невы - «юный град», вознесшийся на их месте, а не пустынные болотистые места - Санкт-Петербург. Последнее — мифология; первое — историческая реальность. Новейшие исследования подтверждают достоверность именно такой панорамы «Невских берегов», какой ее изобразил А. С. Пушкин.

Мы не случайно акцентируем это обстоятельство, поскольку оно непосредственно не только сопряжено с предысторией Санкт-Петербурга, но и затрагивает более общую проблем

культурной преемственности в Приневьи (в частности, в современной Ленинградской области). Ключевым является вопрос об отсутствии или, наоборот, о наличии культурной традиции, которая связывала «допетербургский» и «петербургский» периоды истории российского Северо-Запада.

Вопрос этот и важен и сложен, принимая во внимание геополитические перемены, происходившие здесь от новгородских времен до возвращения приневских территорий (Ингерманландия), после временной шведской оккупации, в лоно Российского государства. Тема эта требует комплексного, междисциплинарного подхода и коллективных усилий заинтересованных специалистов. Но уже теперь, основываясь на новейших исследованиях, на поставленный вопрос можно ответить утвердительно: да, русская этнокультурная традиция берет начало не с XVIII века, а уходит корнями в эпоху славянской колонизации края.

В подтверждение приведем несколько примеров в последовательности сменявшихся на этих землях культурных пластов:

1. *Переход от дославянского к новгородско-словенскому периоду.* Характеризуя основные типы построек VIII—IX веков в Старой Ладоге по данным археологического изучения, А. Н. Кирпичников, в частности, писал: «По плану двухкамерные ладожские дома поразительно похожи на дома-пятистенки, обнаруженные археологами в Новгороде и Белоозере. Правда, последние относятся к несколько более позднему времени. Ладожские двухкамерные дома, а их в слоях VIII—X вв. открыто десять, можно рассматривать в качестве предшественников изб-пятистенок русского средневековья и нового времени»¹⁸.

2. *Новгородско-московский период.* Исследуя историю пространственной организации территории и связанную с этим топонимику, С. В. Семенов пришел к весьма интересным выводам. Из составленного им перечня названий поселений Приневья в XV—XVI вв. видно, что многие из них в той же или лишь в несколько измененной форме сохранились до сих пор. Например, деревня «На Усть Тосной на Неве ж» — ныне Усть-Тосна, деревня «Токсово над озером над Токсовым» — Токсово, деревня «Лукоци на реке на Ижере» — Лукаши и т. д. Замечу, что форма написания «Ижера» бытовала и после основания Петербурга, о чем, скажем, свидетельствовала приводившаяся выше «Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу» Тредиаковского. По наблюдениям Семенова, ряд проспектов, улиц и набережных современного Петербурга проложены по трассам дорог и переправ XV—XVII веков¹⁹.

3. *Шведский период*. Он приходится на большую часть XVII века, но был подготовлен в конце предшествующего столетия шведской оккупацией значительной части российского Северо-Запада. После силового противостояния и длительных дипломатических переговоров новая линия русско-шведской границы была установлена Столбовским мирным договором 1617 г.: «Швеция возвращала Русскому государству Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладугу, Гдов (с уездами). Территория, возвращенная России по Тязвинскому мирному договору 1595 г., с г. Корела (современный Приозерск), Копорье, Орешек, Ям, Ивангород, оставалась за Швецией»²⁰.

Шведский период, непосредственно предшествующий основанию Петербурга и возвращению шведской Ингерманландии в состав Русского государства, для рассмотрения культурной преемственности на этой территории особенно важен. Не имея возможности останавливаться на этой теме подробнее²¹, выделю лишь проблему урбанистического освоения Невской дельты в XVII веке. Завладев этими местами согласно Столбовскому договору, шведская сторона, как упоминалось выше, основала при впадении в Неву реки Охты — по правому берегу город Ньюн, а напротив него, по левому берегу — крепость Ниеншанц (первоначальные укрепления — в 1611 г.). Надо подчеркнуть, что появление шведского города и крепости имело, в свою очередь, предысторию, причем не только «шведскую» (Ландскрона 1300 г.), но и «русскую». Объяснялось это выгодным местоположением с экономической и стратегической точки зрения. Шведский город и крепость («Канцы») в устье реки Охты возникли не на пустом месте, а на месте ранее существовавшего русского поселения и, по-видимому, укоренившегося здесь торгового пункта «Невское устье». Скорее всего, выглядел этот торговый пункт весьма примитивно. Как документально показал И. П. Шаскольский, здесь в 1615 году «немецкие и русские люди торговые, стоя, торговали», а царев чиновник взимал с купцов «государеву торговую пошлину»²². В разные годы Ньюну, Выборгу, древнерусскому Ивангороду шведские власти даровали право самоуправления («магдебургское право»)²³. Вопреки торжественно провозглашенной Густавом II Адольфом политики веротерпимости, шведское правительство приняло ряд мер по искоренению православия и лютеранизации края²⁴. У Густава Адольфа существовали и другие амбициозные планы: создание в Ижорской земле сети городов, в том числе на территории будущего Петербурга (например, крепости на Заячьем острове, что осуществит Петр I); из-за малолюдства тяглогого

крестьянства, в целях пополнения королевской казны, а попутно и в интересах укрепления в Ингерманландии позиций лютеранской церкви, возник проект приглашения из Мекленбурга и соседних с ним земель помещиков с их крепостными крестьянами²⁵. Впрочем, успехов в реализации задуманного шведские власти не добились, прибегнув во второй половине XVII века к использованию «внутренних резервов» — переселению в Ингерманландию финнов-лютеран. Между тем, повседневная жизнь православных русских и финноязычных крестьян и ремесленников шла своим чередом. Это обусловило сохранение местных культурных традиций, постепенно включивших в себя и опыт финских новопоселенцев. Впоследствии интерес к этому отразился в русском общественном сознании²⁶.

4. *Российский период*. После овладения 1 мая 1703 года Петром I Ниеншанца крепость была разрушена, хотя по поводу даты этого существуют разные мнения. Возможно, разрушение, имевшее не столько стратегический, сколько символический характер, было произведено в несколько этапов. «На протяжении XVIII века местонахождение Ниеншанца отмечалось на всех картах Санкт-Петербурга значком в виде пентаграммы»²⁷. Имеются сведения, что не только в XVIII веке, но в 1820-х годах и позднее можно было видеть хаотические остатки шведских валов и укреплений. На месте разрушенной шведской цитадели «овраги и ямы, заваленные мусором и грязью» отмечены в начале XX века. Могу засвидетельствовать, что в школьные годы, еще понятия не имея об истории этой местности, летом 1944 года я с удивлением наблюдал (потому и запомнил) на правом берегу устья реки Охты оплывшие остатки старинных рвов и земляных валов, которые, как я теперь полагаю, остались от городских укреплений города Ньюна. Их следы были окончательно ликвидированы в послевоенный период, когда началась современная застройка этой части территории. В последние годы здесь развернулись археологические работы, сопровождающиеся интересными находками.

Историческая преемственность прослеживается и в практике строительно-хозяйственного освоения возвращенных России приневских краев. Хорошо известно, что первые серьезные сооружения Петровской эпохи возникали на ранее обустроенных местах. В строившемся Петербурге прежде всего: Летний сад с дворцом царя — на месте мызы шведского майора Конау; дворец царицы Прасковьи и Кунсткамера — около мызы шведского полководца Якоба Делагарди и так далее. Сходная картина на-

блюдалась и в пригородной зоне. Как отмечает один из крупнейших знатоков истории города С. Б. Горбатенко, царские и дворянские усадьбы «во многих случаях основывались на месте бывших шведских мыз. Самые яркие примеры такого рода — Царское Село, Стрельна, Петергоф, Гатчина»²⁸. Не только материальные, но и духовные рудименты предшествующего культурного развития Приневья, перешагнув рубеж XVII—XVIII веков, надолго вошли в повседневную жизнь Санкт-Петербурга и округи. Такая связь времен — и это надо подчеркнуть — прослеживается, в частности, на территории города Ньюна и предшествующих ему русских поселений. Этот феномен отразился, например, в ощущении жителями петербургской окраины — Охты — своей локальной особости. Вспомним хотя бы XXXV строфу первой главы «Евгения Онегина», в которой А. С. Пушкин воссоздает картину утреннего пробуждения города:

«Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит».

Обращает на себя внимание примечательная деталь: упоминаемые в этой строфе профессии (купец, разносчик, извозчик, «хлебник, немец аккуратный») названы без конкретной локальной привязки, так сказать, вообще, за одним исключением — читатель узнает, что разносчица воды — жительница Охты. И исключение это не случайно.

Сохранилось яркое описание нравов и быта жителей Охты конца XIX века в воспоминаниях К. С. Петрова-Водкина. Он с иронией писал: «Да и сама Охта, что это такое как местожительство: деревня — не деревня, посад — не посад, — ублюдок какой-то среди раскинувшихся дворцов и садов Петербурга». Мемуарист обрисовал психологию коренных охтинцев: «Но самовоображения у этой Охты хоть отбавляй. — Что нам, извольте видеть, Петербург, мы и до него существовали. Подревнее мы будем — Охта Орешку ровесница — вот как. А Санкт, этот самый, Петербург сбоку припека, выскочка, да-с? — скажет любой старожил Охты». Комментируя подобные настроения, Петров-Водкин приводил любопытное пояснение явно фольклорного бытования: «Охтинцы считали себя новгородскими выходцами и первыми страдальцами за места эти, а уж-де на готовенькое любому Петру, хоть и не великому, сесть легче. Но одно дело иметь пред-

ками новгородскую вольницу, а другое попасть на иждивение к огромному, пусть даже несуразному, городу в девятнадцатом веке»²⁹.

Приведенные свидетельства подтверждают наличие определенной сопряженности между, условно говоря, «допетербургским» и «петербургским» периодами. Причем не только на месте основания города, но и на других территориях Северо-Запада, включая Ингерманландию. Сопряженность эту не надо преувеличивать, но нет причин игнорировать, а тем более отрицать. Ибо, строго говоря, она не является неожиданной: здесь проявилась преемственность, совокупно реализуемая через этнокультурную традицию и территорию ее функционирования³⁰.

Здесь специфика механизма такой трансляции была обусловлена отмеченной выше особенностью демографического состава населения, славянского и финно-угорского по этническому происхождению, но объединенного по большей части конфессионально — православием. В то же время этнокультурная традиция в этом регионе Русского государства изначально — что принципиально важно — имела не моноэтнический, а полиэтнический характер. Такая трактовка термина «этнокультурная традиция» подтверждается новейшими этнографическими исследованиями Приневья и российского Северо-Запада в целом³¹.

Подобно тому, как «юный град» появился не на безлюдном болоте, не были безлюдными земли Приневья, в том числе и временно отошедшие к Шведскому королевству. Правда, согласно условиям Столбовского договора, в течение определенного времени (на это первоначально отвели две недели) православное население, исключая крестьян, могло покинуть Ингерманландию и переселиться в Россию. И большая часть действительно ушла туда на законных основаниях, либо в последующие годы нелегально бежало — последнее касалось главным образом крестьян. Однако, хотя и сильно сократившееся, православное население в Ингерманландии осталось, пополненное, как указано выше, финнами-лютеранами; кроме того, осталось и несколько русских дворянских родов (байюг), перешедших на службу к шведскому королю (Аминовы, Калитины, Клементьевы, Пересветовы, Чеботаевы и другие)³².

Культурный пейзаж ближайшего предпетербургского периода оказывался, таким образом, довольно пестрым, а этнографически изученным недостаточно. В этой связи хотелось бы предложить некоторые пути дальнейших фундаментальных и прикладных исследований исторической этнографии Приневья

с раскрытием преемственного развития полиэтнической этнокультурной традиции:

1. Комплексное рассмотрение в региональном и общероссийском контексте этнографии и фольклора русских и финноязычных насельников в их взаимосвязях и взаимовлияниях.

2. Привлечение данных краеведческих разысканий, в том числе материалы празднования многовековых юбилеев основания отдельных городов и сел Ленинградской области и близлежащих субъектов Российской Федерации.

3. Стадиальное изучение хозяйственно-культурных типов и использование исторического опыта в интересах развития современного сельскохозяйственного производства (например, молочного и мясного скотоводства, рыболовства, пищевой и легкой промышленности), поддержки и возрождения традиционных ремесел).

* * *

Предчувствие Санкт-Петербурга... Имманентное, но порой противоречивое, с отступлениями, как бы на ощупь выявляемое, оно берет начало с первых же шагов освоения северо-западных земель: Ладога — Новгород — Орешек. Такова, не считая многие промежуточные станции и полустанки, основная трасса долгого исторического пути, конечная цель которого была реализована в 1703 году.

Конечно, название будущего города в Невской дельте было неизвестно (и не могло быть ведомо) нашим предкам. Это лишь условный код, символ конечной цели русской балтийской идеи — обеспечение прямого выхода Руси—России на морские просторы Балтики. Но символ этот впитал в себя более чем тысячелетние традиции ментальности, сложившиеся на территории, совместно обжитой русским и местным финно-угорским населением. В известном смысле можно утверждать, что при выборе места новой столицы России Петр I, наряду с геополитическими и экономическими резонами, принимал во внимание и ментальные особенности Новгородских земель. Это было одно из проявлений той преемственности местной этнокультурной традиции, речь о которой шла выше и которая в чисто прагматическом, культурно-бытовом смысле отразилась хотя бы в том, что для первоначальных петербургских построек выбирались отнюдь не болота, но ранее — с новгородских и ближе — шведских времен, обжитые места.

Чем же объяснялась живучесть вошедшей в русскую литературную традицию и общественное сознание, ставшей чуть ли не полуофициозной мифологемы насчет топи и пустынных мест, на которых со сказочной быстротой вырос «юный град»? Вспомним, что предчувствие Петербурга отразилось в попытках не только научного, по меркам давних времен, но и фольклорного осмысления. И польские историки XVI века, и давнее северорусское Сказание о Словене и Русе, письменно востребованное в XVII веке, — все они видели в Новгородском крае чуть ли не прародину славян (город Словенск / Славенск — Новгород) или, по крайней мере, истоки их этнонима («Озеро Словёное»), а равно русских (город Русса / Старая Русса): «От сих пошли Словене и Руси» можно прочитать в ряде рукописных сборников все того же XVII века³³.

Обращает на себя внимание примечательная деталь: в легендарном Сказании подчеркивается, что братья Словен и Рус со своими соплеменниками прибыли в пустынные, необжитые места, которые принялись энергично осваивать: на северном берегу Ильмень-озера Словен основал город Словенск / Новгород, а его младший брат Рус на южном берегу — город Руса / Старая Русса. Отметить это важно, поскольку мотив прихода предков на плодородные, но незаселенные места типичен для этногенетических и патронимических легенд, посвященных обретению родины и «основанию» соответствующего народа. Этот фольклорный мотив и лег в переосмысленном виде в основу известной петербургской мифологемы. На деле, как мы видели, обстояло иначе. Предчувствие великого города на Невских берегах было вызвано к жизни реальными потребностями набиравшего силу Русского государства. То, что было неизбежно, произошло 300 лет тому назад!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Киртичников А. Н.* Начало древней Ладоги. Новые историко-археологические изыскания (К 25-летию деятельности Староладожской археологической экспедиции) // Петербургские чтения-1997. Петербург и Россия. СПб., 1997. С. 8. См. историографический обзор в кн.: *Каган М. С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996. С. 13—21.

² *Мильчик М.* Шведские крепости вокруг Петербурга // Шведы на берегах Невы. Сб. ст. Стокгольм, 1998. С. 25—33.

³ *Гадло А. В.* Общность «ямы» в описании населения Санкт-Петербургской губернии конца XVIII века // Петербургские чтения-1997. Петербург и Россия. С. 148—159: *Gadlo A., Novozhilov A., Chistiakov A., Egorov S.* Study on the Ethnik

Contacts on the Territory of South Ingria and in the Zone of the Vepsian Russian Boundary // *Studia Fennica ethnologica*, 1999. Vol. 5. P. 122—154.

⁴ *Новожилов А. Г.* Северо-Западные земли Водской пятины на рубеже XV—XVI веков // *Историческая этнография. Русский Север и Ингерманландия*. Межвуз. сб. СПб., 1997. С. 47.

⁵ *Алексеев А. А.* Библейская филология в Новгороде Великом // *Новгород в культуре Древней Руси. Материалы чтений по древнерусской литературе*. Новгород, 1995. С. 360.

⁶ *Рыбина Е. А.* Иноземные двory в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986.

⁷ *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI—начала XVIII века. СПб., 1999. [Т. 2]. С. 288—292.

⁸ *Ibid.* С. 331—332.

⁹ *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI—начала XVIII века. СПб., 1996. [Т. 1]. С. 258—270.

¹⁰ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах / Пер. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 1.

¹¹ *Мыльников А. С.* Ук. соч. Т. 2. С. 288—289.

¹² *Петербург—Петроград—Ленинград в русской поэзии*. Предисл. В. Рождественского. Л., 1975. С. 19.

¹³ *Ibid.* С. 23.

¹⁴ *Ibid.* С. 84.

¹⁵ *Ibid.* С. 94.

¹⁶ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.: Л., 1938. Т. 10. С. 69.

¹⁷ *Мыльников А. С.* Разработка истории этнокультурных процессов в Ленинграде и области и некоторые вопросы источниковедения // *Этнические исследования Северо-Запада СССР: Традиция и культура сельского населения; этнография Петербурга*. Л., 1977. С. 154—155; *Он же.* О менталитете русской культуры: моноцентризм или полицентризм // *Гуманитарий*. Ежегодник Академии гуманитарных наук. СПб., 1995. № 1. С. 144—152.

¹⁸ *Кирпичников А. Н.* Ук. соч. С. 18.

¹⁹ *Семенов С. В.* Санкт-Петербург: предыстория и первые шаги пространственного развития // *Топонимический журнал*, 1998. № 1. С. 27, 30.

²⁰ *Дипломатический словарь*. М., 1986. Т. 3. С. 430.

²¹ *Шведы на берегах Невы*. Стокгольм, 1998.

²² *Шаскольский И. П.* Русская морская торговля на Балтике в XVII веке. СПб., 1994. С. 134; *Сорокин П. Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001.

²³ *Soom A.* Ivangorod als selbständige Stadt 1617—1649 // *Opetadut Eesti Seltsi Aastaraamat* 1935. Tartu, 1937. P. 215—315.

²⁴ *Коваленко Г.* Швеция и Россия в XVII в. Из истории политических и культурных связей // *Forskningsarkivet*, Oktober 1995.

²⁵ *Amburger E.* Ingermanland: Eine junge Provinz Rußlands im Wirkungsbereich der Residenz und Weltstadt St.-Petersburg—Leningrad. Köln Wien. 1980. 1. Teilband. S. 38.

²⁶ См. напр.: *Гадло А. В., Чистяков А. Ю.* Финны Ингерманландии в поэзии А. С. Пушкина // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. 1999. Вып. 4. С. 3—11.

²⁷ *Приамурский Г.* Санкт-Петербург и судьба Ниеншанца // *Шведы на берегах Невы*. С. 44—51.

²⁸ Горбатенко С. Шведская мыза и графская резиденция: Карлберг—Царская Славянка // Шведы на берегах Невы. С. 34.

²⁹ Петров-Водкин К. С. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л., 1982. С. 119—120.

³⁰ Мыльников А. С. Этнокультурные традиции в пространственном измерении исторической памяти // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 114—123.

³¹ См. сб. «Историческая этнография. Русский Север и Ингерманландия», посв. 60-летию А. В. Гадло. СПб., 1997.

³² Пересветов-Мурат А. И. Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие русские байюг'ы // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7(17). С. 366—378.

³³ Мыльников А. С. Ук. соч. Т. 2. С. 25.

СТАНОВЛЕНИЕ РУСИ И ПЕРВЫЕ ГОРОДА

Процесс становления государственности в Древней или Киевской Руси принадлежит к числу кардинальных вопросов российской истории и его решение теснейшим образом связано с общей концептуальной позицией исследователей и научными традициями и представлениями той или иной эпохи. Важнейшей и определяющей ячейкой новых социальных, культурных связей и экономических структур были города. Именно в них кристаллизовались важнейшие черты нового общества, и они отражали складывающуюся государственность.

Территория Древней Руси принадлежит к тем районам Европы, где не были известны ранние формы урбанизации, восходящие к античности, и где появление городов было обусловлено развитием социально-экономических отношений в среде местных славянских племен. В первой половине I тыс. н. э. огромные пространства лесной зоны Восточной Европы были заняты восточно-балтийскими и финскими племенами. Редкое разбросанное население, небольшие родовые поселки, комплексное лесное хозяйство со скотоводством на первом месте, подсечно-огневым земледелием — на втором и большой ролью охоты, рыболовства и лесных промыслов, неспешная размеренная жизнь — вот характерные черты быта и жизненного уклада местного населения¹.

Вторая половина этого тысячелетия резко отличается. Появляются новые типы археологических древностей, интернациональные формы материальной культуры, первые поселения с центральными функциями, развивается ремесло и дальняя торговля.

На протяжении столетий проявившиеся новые тенденции определялись двумя главными историческими процессами. Основным являлось то, что из западных и юго-западных районов на Восточноевропейскую равнину началось широкое движение славянских племен. К середине I тыс. н. э. оно охватило Среднее Поднепровье, а в VI—VII—VIII вв. продолжилось к северу.

Славяне, как центрально-европейский народ, в сравнении с местными племенами, обладали устойчивыми навыками сельскохозяйственного производства, основанного на пашенном земледелии². Кроме того, в последние века I тыс. н. э. территорию Восточной Европы пересекли два крупных торговых и военных пути средневековья — балтийско-волжский путь и путь «из варяг в греки». Первый из них сыграл в истории региона особо значимую роль.

В конце I тыс. н. э. торговля с Исламским Востоком была единственным источником поступления серебра в Восточную Европу. Часть его оставалась на Руси, другая — по водным путям попадала в страны Балтики³. Сложение пути между Балтикой и Востоком оказало сильное влияние на экономику находившихся между ними территорий. Важнейшие поселения на его ключевых участках превращались в административно-военные, торговые и ремесленные центры территории⁴. Вдоль пути, вглубь Восточной Европы, ближе к источникам серебра и местным рынкам началось проникновение скандинавов⁵.

Именно сочетание двух отмеченных исторических процессов: славянского расселения и сложение пути Балтика—Восток определило многие черты становления Древнерусского государства и городов.

Появление древнейших городских поселений в советской историографии обычно рассматривалось под углом зрения поиска общих закономерностей для всей территории Руси и практически не уделялось внимания выявлению особенностей этого процесса в отдельных частях огромной страны. Сейчас становится все более очевидным, что сложение государственной территории на юге и на севере Руси, а также становление городов, как опорных центров новых общественных и экономических отношений и связей, несомненно, с одной стороны, подчинялись общим закономерностям развития восточнославянского общества, но, с другой стороны, имело немало специфических черт, что нельзя недооценивать. Отнюдь не случайно развитие государственности на берегах Волхова привело к образованию феодальной боярской республики, в то время как в Южной Руси сложились более авторитарные формы правления.

Традиционно принимаемая схема исходит из того, что европейский город немислим без своей округи, что он является ее порождением и города возникают в районах наибольшей концентрации сельского населения и развитого земледелия, что в свою очередь способствует развитию ремесла, торговли и т. д. Эти

построения вполне логичны и именно так было с возникновением большинства городов в Среднем Поднепровье — центре Южной Руси, где появлению первых городов предшествовал определенный период стабильности в развитии общества, последовавший за переселением сюда славянских племен. В обществе на основе развивающегося сельского хозяйства, ремесла, торговли, шел интенсивный процесс социальной дифференциации и уже для VI—VII вв. можно говорить о появлении укрепленных «градов», как, прежде всего, административно-политических центров обширных округ и племен⁶. Часть этих «градов» в дальнейшем переросла в города, однако широкий процесс образования городов, как нового типа поселений, противостоявших сельской стихии, начался позднее — в VIII—X вв.

Эти построения вполне соответствовали господствовавшим в советской науке марксистским социологическим схемам развития общества и становления феодальной формации, как обязательной стадии исторического процесса. Места дальней торговли, торгово-военным путям, иноземным влияниям, как существенным факторам развития общества и первых городов, при таких построениях, естественно, не оставалось. Равным образом и роль географической среды в истории страны, формировании ее территории и центров уходила на второй план. Немало сторонников подобного подхода, распространяемого на образования городских центров на всей территории Руси, остается и сейчас среди историков и археологов стран бывшего Советского Союза⁷.

Однако непредвзятый анализ материала и, прежде всего, постоянно накапливающиеся новые археологические данные, показывают, что на севере Руси наблюдается совсем иная картина, чем на юге, не укладывающаяся в традиционные схемы. Географическое размещение этой области на окраине славянского мира, откуда открывались выходы к торговым центрам Балтики и на богатые пушниной просторы Севера, ключевое расположение на перекрестке важнейших международных путей между Балтикой и Востоком, невысокое плодородие почв и неустойчивые климатические условия, при густой залесенности и широкой заболоченности местности определили особенности характера сельского расселения и формирования городов.

В центральном районе Северной Руси — в бассейне оз. Ильмень и вдоль Волхова нет ни одного поселения VI—VII вв., которое могло бы претендовать на роль «града», поскольку здесь не сформировались, как на юге, плотные сельскохозяйственные

округа. Город, как особый тип поселения, возникал в этих местах непосредственно при славянском расселении или вскоре после того. Он, вопреки традиционным взглядам, основывался, прежде всего, «для себя», для своей городской общины. Такой город сам начинал формировать округу, придавая экономическую значимость району. Так, на Волхове в середине VIII в. начиналась Ладога, а в IX в. — Городище или Рюриково городище (древнейший Новгород русских летописей), в X в. — Городок на Ловати и Гнездово (предтеча Смоленска) на Верхнем Днепре и т. д.

Города в Северной Руси возникали на новых местах в обществе, лишенном традиций урбанизма и следует говорить о внутренней природе этого явления. Итак, не потребности земледельческого населения создали город в центральном районе Северной Руси, где скудные природные и почвенные условия не давали основы для быстрого развития экономики на основе сельского хозяйства, связанного с ним ремесла и местной торговли. Тем не менее, города здесь появились, отражая процесс формирования важнейшего очага древнерусской государственности в Поволховье. Единственным явлением крупного масштаба, которое может объяснить это, является международная торговля, а именно сложившийся к концу VIII в. путь, связавший Балтику с Исламским Востоком. Важнейшие направления пути высвечивают многочисленные клады куфических монет и их скопления ⁸.

Первые славяне несомненно появились в Северном Приильменье и в Поволховье к началу последней четверти I тыс. н. э.; тогда же здесь стали складываться контуры и механизм обменной торговли серебром и мехами, которая и обусловила активное функционирование торговой артерии и оказала существенное влияние на социально-экономическое развитие этой части Восточной Европы. В середине VIII в. на Волхове появились и скандинавы, основная цель которых первоначально заключалась в продвижении и закреплении вдоль основных водных артерий, ведущих к источникам серебра и местным рынкам. В середине же VIII в. в низовьях Волхова была основана Ладога, древнейший город Северной Руси ⁹. Таким образом, славянское расселение, возникновение Ладоги, формирование торгового пути, первое появление скандинавов принадлежат исторически к одному периоду, а хронологически — к достаточно короткому отрезку времени и тесно взаимосвязаны ¹⁰.

Сразу необходимо подчеркнуть ошибочность иногда встречающихся высказываний о простом переносе скандинавской

«модели города» в Восточную Европу. Так, к примеру, в обобщающей работе, посвященной городам эпохи викингов, Х. Кларк и Б. Амброзиани, неоднократно подчеркивая, что викинги не имели собственной городской культуры и многое могли заимствовать на западе, столкнувшись во время своих набегов с городами Галлии и Британии, обратившись к восточным землям, наделяют скандинавов особыми градостроительными знаниями, сами же признавая это «удивительным»¹¹. В этой работе неоднократно поднимается вопрос о переносе «идеи строительства городов», о ее заимствовании из Западной Европы в Скандинавию, а из Скандинавии на Русь. Однако надо признать, что в VIII в. в Скандинавии никаких устойчивых урбанистических традиций не существовало и процессы городского развития на берегах Балтики в западнославянских и скандинавских землях и на Руси развивались синхронно на местной основе, в чем проявился общий ритм развития славянского и скандинавского обществ, находившихся на одной стадии социально-экономического развития в период становления государственности.

В последнее время предметом оживленного обсуждения вновь стал вопрос о так называемых «парных» городских центрах¹². Споры о существовании на Руси подобных центров в отечественной науке ведутся давно и начались они, прежде всего, с вопроса о Гнездове. Этот уникальный археологический комплекс находился на Верхнем Днепре, на переломе водных систем, замыкающихся на Киев и на Новгород и одновременно открывающих выходы на восток — в бассейн Волги и на запад — по Двине. Он датируется, в основном, X в. и характеризуется полиэтнической материальной культурой. Комплекс состоял из нескольких поселений, включая два укрепленных ряда курганных групп, насчитывающих более 3 тыс. курганов (по некоторым подсчетам их было до 5 тыс.), богатых кладов вещей и восточных монет. После своего бурного расцвета в X в., Гнездово в XI в. уступило место находящемуся от него в 12 км Смоленску, одному из крупнейших городов Древней Руси, центру княжества и епископии.

Городище (Рюриково городище) в истоке Волхова также на рубеже X—XI вв. отдало свой приоритет Новому городу, находящемуся от него в 2 км. Новгород стал центром огромной земли, в нем располагался христианский комплекс (епископский двор, епископская церковь, общегородской храм), торг, княжий двор, новая крепость.

Сарское городище в Северо-Восточной Руси в начале XI в. уступило место Ростову, ставшему опорным пунктом княжеской власти и центром епископии. В конце X—начале XI вв. затухает жизнь на трех значительных торгово-ремесленных поселениях Верхней Волги — Тимеревском, Михайловском и Петровском и в 10—12 км от них возникает город Ярославль. В начале XI в. прекращается жизнь на торгово-ремесленном поселении Городок в верховьях Ловати и в нескольких километрах от него основывается город Луки (Великие Луки).

Таким образом, на рубеже X и XI в. на обширной территории Северной Руси в целом ряде случаев меняется система городских центров. Рядом с ранними центрами строятся новые города. Отдельные примеры можно привести и для Южной Руси, где самым ярким является пара Шестовицы и Чернигов на нижней Десне. Долгое время исследователи выдвигали различные многовариантные конкретные объяснения существования пар городов и причин их взаимной смены — изменение направления торговых путей, недостаток городской площади, смена этнического состава населения и т. д. Поскольку сейчас очевидно, что «перенос» города явление общее, хотя и проявляется в конкретных формах, то необходимо и общее объяснение. При этом следует иметь в виду три принципиальных момента: первое — в число парных городов обязательно входит центр, возникший в VIII—X вв., чаще всего вне тесной связи с местной средой; второе — новый город находится поблизости от предшественника, то есть он как бы не совместим с ним, но и не разрывает полностью традицию преемственности; и третье — смена центров происходит на рубеже X—XI вв.

Ранние торгово-ремесленные и военно-административные центры VIII—X вв. ориентировались на внешние связи и торгово-ремесленную деятельность, обслуживали военно-дружинные слои общества и не зависели целиком от местной округи, а, наоборот, во многом способствовали формированию последней. Новые города базировались на местной экономической основе и являлись центрами сельских территорий, центрами, где после принятия Русью в конце X в. христианства сосредотачивались новые органы государственного и административного управления. Появление новых городов было связано со стабилизацией государственных структур, формированием на внутренней экономической основе новых территориальных образований, распространением христианства¹³.

Города не оставались на прежних местах, поскольку менялись их социальная структура, экономическая основа их существования, и они становились христианскими центрами, где размещались епископские дворы и храмы, городские соборы. Новая идеология была несовместима с языческой религией, пронизывавшей прежнее общество. Очень показательным это топографическое соотношение в Новгороде. Языческое святилище в урочище Перынь находилось почти напротив древнейшего торгово-ремесленного и военно-административного поселения на Городище (Рюриковом городище), а новый христианский центр, вокруг которого стала селиться местная аристократия и возник торг, был заложен совсем в ином месте, в 3 км вниз по течению р. Волхова.

Были и исключения. Например, Ладога в низовьях Волхова. С момента своего возникновения в середине VIII в. она дает пример комплексного торгово-ремесленного поселения при важнейшей водной артерии. Ладога выполняла роль промежуточного посреднического центра между регионом Балтики и внутренними районами Восточной Европы, где кончались традиции морского судоходства и где начинался многотрудный путь по рекам через волоки и пороги. Ладога была своеобразными воротами между двумя мирами юга и севера. Однако, находясь на окраине славянских земель и лишенная плотной земледельческой округи (цепочка поселений вдоль Волхова общей картины не меняет), она в VIII—X вв. так и не стала главным административным и культовым центром формирующейся государственной территории Северной Руси. Не стала она таковым центром и позднее в XI—XIII вв., всегда выполняя прежнюю основную функцию перевалочной базы, своеобразного форпоста при входе во внутренние районы Восточной Европы. Эта стабильность функций определила и стабильное положение города на одном месте.

Смена типов городов на севере Руси сопоставима с аналогичным процессом в регионе Балтики. Здесь также четко улавливаются две системы городов в период от начала VIII в. до середины XII в.: ранняя до 1000 г. и более поздняя, начиная с рубежа X—XI вв. Экономическая основа ранних городов определялась их расположением на пересечении торговых путей, то есть в стратегически важных и географически удобных пунктах, куда стекались богатства от грабежей в заморских странах, дальней торговли и даней от зависимых племен. Исследователи подчеркивают связь урбанизации и эксплуатации внешних территорий и дальней торговли¹⁴. Новые города, образующие более позднюю

систему, отражали возникновение нового политического порядка, новой центральной системы. Образование христианских государств произошло в конце X в. в Дании, то есть одновременно с Русью, около 1000 г. в Норвегии, и, вероятно, чуть позже в Швеции.

Можно отметить единый ритм социальных процессов в Скандинавии и на Руси. Это и объясняет, почему скандинавы столь легко интегрировались в восточнославянское общество и его правящую элиту. Интересно, что в Скандинавии известны и пары городов: Бирка и Сигтуна, Хедебю и Шлезвиг, Каупанг и Тенсберг или Скин, передвижение Орхуса в Скании на новое место и т. д.

На рубеже X—XI вв. и в Скандинавии, и в Северной Руси происходила смена типов городов. Это подчеркивает общность процесса урбанизации и подтверждает, что эту смену следует объяснять не множеством конкретных фактов, а общей тенденцией, которая шире границ государств, хотя она и проявлялась в конкретных формах. «Узлами прочности» в формировании новых политических и религиозных институтов были города.

Таким образом, возникновение и развитие городов Киевской Руси является надежным и археологически улавливаемым индикатором становления и укрепления государства и типологически вполне сопоставимо для северной части страны с аналогичными синхронными процессами, проходившими во всем регионе Балтики и, прежде всего, в Скандинавии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шукин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 21—22; Коцецкий В. Я., Самойлов К. Г. К проблеме возникновения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. н. э. // Археологические вести № 7. СПб., 2000. С. 320—325.

² Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 236 сл.; Седов В. В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 110—117; Минасян Р. С. О появлении пашенного земледелия в Верхнем Поднепровье и северо-западных областях РСФСР // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 24. Л., 1983. С. 86—88; Носов Е. Н. Первобытно-общинный строй. Возникновение производящего хозяйства // История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. СПб., 1994. С. 8—21; Коцецкий В. Я., Самойлов К. Г. Ук. соч., с. 326.

³ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956; Noonan T. S. The Islamic World, Russia and the Vikings, 750—900. The Numismatic Evidence // Variorum Collected Studies Series CS 595. Ashgate Publishing Company. Brookfield., 1998.

⁴ Носов Е. Н. Новгородская земля IX—XI вв. (Историко-археологические очерки). Автореф. дис. докт. ист. наук. Л., 1992. С. 12—15, 29—35.

⁵ Носов Е. Н. Скандинавы в Поволховье // Российско-норвежские контакты. Взгляд из Санкт-Петербурга. СПб., 1996. С. 7—17.

⁶ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 19.

⁷ Носов Е. Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России. СПб. С. 59—78; *Nosov E. N. The Emergence and Development of Russian Towns some outline ideas // Archaeologia Polona* 32. P. 185—196.

⁸ Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути // Вспомогательные исторические дисциплины, VIII. Л., 1976. С. 95—110.

⁹ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь (На материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Киев. 1979. С. 92—106; Кирпичников А. Н. Ладога VIII—X вв. и ее международные связи // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., 1995. С. 31 сл.

¹⁰ Носов Е. Н. Скандинавы в Поволховье, с. 7—17.

¹¹ *Clark H., Ambrosiani B. Towns in the Viking Age. Leicester and London, 1991. P. 24, 89, 117, 126, 177.*

¹² Дубов И. В. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 70—71; Носов Е. Н. Проблема происхождения первых городов, с. 68—69.

¹³ Носов Е. Н. Проблема происхождения первых городов, с. 75—76.

¹⁴ *Andren A. The early Town in Skandinavia // The Birth of Europe. Archaeology and social Development in the first Millenium A. D. Roma 1989. P. 173—177.*

Н. И. ПЛАТОНОВА

К ИСТОРИИ ОДНОГО ОТКРЫТИЯ В АРХЕОЛОГИИ

(Г. А. Бонч-Осмоловский
и «Дело Серебрякова» 1924 г.)

Весной 1924 г. молодой ленинградский ученый Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский готовил археологическую экспедицию в Крым. В предыдущем сезоне им были произведены небольшие раскопки в пещере Кош-Коба, к востоку от Бахчисарая. Они позволили высказать предположение о палеолитическом возрасте памятника. Однако материал оказался слишком невыразительным, чтобы на основе его определить хронологию и культурную принадлежность древнейших отложений пещеры¹. Интуиция подсказывала исследователю, что он на пороге решения важной проблемы. В Крыму памятники эпохи палеолита были впервые обнаружены еще К. С. Мережковским в 1879—1880 гг., но затем результаты его работ оказались на долгие годы забыты, а полученный материал — заброшен и едва ли не «закрыт» для науки.

Действительно, К. С. Мережковский прекратил свою раскопочную деятельность спустя всего два года после ее начала. Он оставил потомкам два кратких полевых отчета и несколько заметок в печати, но обещанной монографии о каменном веке в Крыму подготовить не смог — по-видимому, из-за постигшей его тяжелой болезни. В дальнейшем исследователь совершенно отошел от указанной проблемы. Коллекции из его раскопок были частично потеряны, частично рассеяны по различным музеям. Накануне Первой мировой войны Крым посетил немецкий археолог Р. Шмидт. Он «заложил шурфы в ряде пещер, ничего не нашел и заявил в печати, что палеолита там нет и быть не могло — в древности полуостров был изолирован от материка. Любой из нас кинулся бы на защиту своих открытий, а Мережковский промолчал» — читаем мы в книге А. А. Формозова². Таким образом, самый факт наличия в Крыму палеолитических памятников стал дискуссионным.

В 1920 г. указанной проблемой неожиданно заинтересовался Г. А. Бонч-Осмоловский, в ту пору — петербургский этнограф, заброшенный на юг России революцией и гражданской войной. Чтобы заняться археологией всерьез, он в 1922 г. возвращается в Петроградский университет, в течение года стажировался по палеолиту в семинарии П. П. Ефименко, затем в 1923 г. получает свой изрядно запоздавший диплом * и немедленно начинает в Крыму самостоятельные разведки и раскопки. Приходилось спешить — великовозрастному выпускнику университета уже стукнуло тридцать два года, а в науке он к тому времени не сделал почти ничего ³.

В своем заявлении, приложенном к ходатайству о выдаче Открытого листа, поданном в мае 1924 г., Глеб Анатольевич пишет: «...В палеолитическом слое исследованной мной в прошлом году пещеры Коуш-Коба было обнаружено слишком незначительное количество кремневых орудий, чтобы их можно было отнести к какой-либо определенной эпохе палеолита. Присутствие там крайне примитивных костяных орудий заставило с особой внимательностью отнестись к этой культуре. В верхнем слое этой пещеры оказалась своеобразная керамика ранне-железной (или поздне-бронзовой) эпохи, тождественная с обнаруженной в 1920 г. мною, Эрнстом и С. И. Зобниным в пещере Кизил-Коба и на открытых стоянках у обеих пещер. В связи с изложенным я предполагаю наступающим летом исследовать имеющиеся в районе второй гряды Крымских гор пещеры, раскопать открытую стоянку на р. Альме... и, наконец, связать припещерную керамическую культуру с находящимися вблизи этих пещер погребениями» ⁴. Даже по этой краткой записке хорошо видна четкость постановки задач и профессиональный, далеко не «ученический» подход к делу у вчерашнего студента.

4 июня 1924 г. Глеб Анатольевич выступает с докладом на заседании этнологического отделения РАИМК. Резолюция по его докладу гласит: «...Совет I отделения РАИМК полагает, что исследование крымских палеолитических стоянок, предпринятое Г. А. Бонч-Осмоловским, является одной из насущнейших задач

---

* Г. А. Бонч-Осмоловский фактически успел окончить курс естественного отделения физико-математического факультета Петроградского университета еще до революции. В 1910—1915 гг. он специализировался по этнографии у Ф. К. Волкова, вел самостоятельные полевые исследования на Кавказе. Однако в 1915 г., не сдав последних экзаменов, Г. А. ушел добровольцем на фронт. В результате в 1922/23 гг. он был вынужден вернуться на студенческую скамью для получения диплома.

русской палеоэтнологии, и всемерно поддерживает пожелание докладчика, чтобы в текущем полевом сезоне были продолжены изыскания, с таким успехом начатые... в прошедшем году. Секретарь отделения П. Ефименко»⁵.

Деньги на раскопки 1924 г. были получены из Главнауки — по признанию самого Глеба Анатольевича, «путем личных ходатайств»⁶. Будущий известный археолог С. Н. Бибиков — в ту пору симферопольский школьник, участник экспедиции — 50 лет спустя выражался об этом так: «...Никто не ставил палок-рогаток на пути к познанию прошлого человечества вообще. Но никто не давал денег. Прилежность, говоря мягко, Г. А. в поисках средств привела к желанной цели...»⁷. В результате, весной 1924 г. средства на раскопки все-таки были выделены, пусть даже «в далеких от желаний размерах». 9 июня пришел Открытый лист, а в начале июля Глеб Анатольевич благополучно начал полевые работы в Крыму. В этом сезоне его ожидало самое замечательное открытие — исследование слоев эпохи нижнего палеолита в пещере Киик-Коба у с. Кипчак и находка костей неандертальцев — ребенка и взрослого — в той же пещере.

О важности подобных результатов можно судить хотя бы по тому, что к 1924 г. мировой науке было известно всего 5 находок останков неандертальцев. Восточная Европа и Россия, в целом, по представлениям того времени, лежали вне зоны расселения *Homo neardentalensis*. Равным образом, еще не было известно случаев *преднамеренного* захоронения пещерных людей. Найденное Г. А. Бонч-Осмоловским погребение древнего киик-кобинца, помещенное в яму, специально выдолбленную для этого в скалистом грунте, вызвало большой резонанс в археологическом мире. Блестящие открытия сезона 1924 г., по сути, определили творческую судьбу их автора, в дальнейшем посвятившего своим киик-кобинским находкам три монографии. Но сегодня мало кто знает, что, в действительности, открытый могло и не быть. В том году судьба оказалась вдвойне благосклонной к Глебу Анатольевичу. Задержись он в Ленинграде еще недели на две, и, возможно, вся жизнь его пошла бы по-другому — в силу причин, не имевших к археологии никакого отношения. И свобода, и будущее молодого ученого висели тогда на волоске.

Эта история развивалась по всем законам хорошего детектива. Начало ей было положено 5 февраля 1924 г. В тот день нелегально пересек советско-финскую границу и явился затем в Ленинград Анатолий Эсперович Серебряков — друг юности Глеба Бонч-Осмоловского. Когда-то — петербуржец, сотрудник Эрми-

тажа, ученик М. И. Ростовцева. Выпускник историко-филологического факультета, оставленный в 1915 г. при университете для подготовки к профессорскому званию. А в дальнейшем — белый офицер-артиллерист, эмигрант и, возможно, профессиональный разведчик. В феврале 1924 г. он провел в Ленинграде около трех недель, имея на руках фальшивые документы на имя Знаменского Николая Герасимовича. При обратном переходе границы 23 февраля нарушителя задержали.

В этой ситуации Серебряков действовал решительно, грамотно, по-военному. Он отстреливался, выпустил по красноармейцам около 30 пуль из двух пистолетов. Получив короткую передышку, успел уничтожить документы, находившиеся у него за подкладкой шапки, затем выбросил в лесу и шапку, и вещмешок. И только потом, уяснив бесполезность дальнейшего сопротивления, — сдался ⁸.

25 февраля А. Э. Серебряков показал на допросе, что, будучи в Ленинграде, встречался там со старыми друзьями, «с коими имел беседы на общие политические и личные темы». Друзьям Анатолий говорил о своем желании вернуться на Родину и о том, что вернуться открыто для него слишком опасно. Он планировал сделать это нелегально и жить в России под чужим именем. «...Мой нелегальный переход... им был известен, — читаем мы далее в протоколе, — и все они отнеслись к этому неодобрительно, опасаясь за мое положение в будущем. Намерение же мое вернуться в Россию одобряли, советовали это оформить, обещая помочь в случае получения легальной возможности возвращения. Перед уходом обратно я сказал матери и брату, и некоторым знакомым, что желание вернуться в Россию еще больше усилилось и что в недалеком будущем... я вернусь на Родину таким же порядком, так как легально выехать из Финляндии я не мог, ввиду крайней трудности...» ⁹.

Никто из друзей Серебрякова не знал, что, в действительности, он связан с иностранной разведкой, что переход его через границу устроен и оплачен неким Александром Андреевичем Старком, который якобы поручил Анатолию Эсперовичу «выяснить положение в России, осмотреться, повидаться со старыми знакомыми и после рассказать ему все» ¹⁰. Были у Серебрякова в 1924 г. какие-то другие задания? — Да, вероятно, были.

Позднее, уже 20 июня 1924 г., при повторном осмотре места задержания в лесу были найдены брошенные шапка и вещмешок Анатолия Эсперовича, а в нем — военная литература, купленная в Ленинграде. Поначалу Серебряков заявил, что книги по воен-

ной тактике и технике снабжения Красной Армии предназначались им «для передачи Старку, с той целью, чтобы расположить его к себе и заслужить его доверие...»¹¹. Однако затем он признал, что, в действительности, в его обязанности входил сбор информации о расположении, численности и организации войск. «...О военных сведениях Старк особенно не распространялся, — читаем мы в протоколе допроса от 12 ноября 1924 г., — ибо знал, что я сам военный, что я и так достану то, что ценно»¹². Наконец, в следственном деле упомянуто, что, по оперативным данным, обвиняемый «проходит, как курьер английской разведки в Финляндии от Бунаковской организации, что, однако, Серебряков отрицает»¹³.

Никаких имен и адресов единомышленников, связанных с ним в СССР, Серебряков так и не назвал. В записке, направленной руководителями ленинградского ОГПУ в Москву В. Менжинскому и А. Артузову, буквально приводится его заявление: «Не буду выдавать людей!»¹⁴. Однако легенда, которой он пытался придерживаться поначалу — о стремлении вернуться на Родину с целью «включиться в культурную работу» — эта легенда требовала привлечения свидетелей. И немедленно после ареста Анатолий Эсперович называет таких свидетелей — своих знакомых, заведомо не причастных ни к какой политической или шпионской деятельности. Уже 26 февраля на допросе прозвучало имя Г. А. Бонч-Осмоловского. Будучи в Ленинграде, задержанный не менее четырех раз ночевал у старого друга и, по-видимому, вел с ним долгие беседы «за политику»...¹⁵

Еще были названы археолог А. В. Шмидт, историк и краевед Н. П. Анциферов, этнографы Ф. А. Фиельструп и А. П. Смирнов, сотрудница Музея революции Т. С. Стахевич...¹⁶ Все они в прошлом были товарищами Серебрякова по университету и Эрмитажному кружку. Этот кружок — содружество молодых идеалистов, мечтавших приобщать рабочих к ценностям мировой культуры — сложился в начале 1910-х¹⁷. Гражданская война разметала «эрмитажников» в разные стороны, но, встретив Анатолия в Ленинграде в феврале 1924 г., ни один из них не попытался уклониться от общения с изгнанником, ни один не захотел его выдать. Это был сознательный риск, ведь, по словам самого Серебрякова, друзья его *знали*, что он нелегально перешел границу. Но, по-видимому, кодекс порядочности русского интеллигента значил для каждого из них неизмеримо больше, чем любые политические разногласия и опасность, которой они подвергались.

«Все мои друзья, которых я видел, многие из которых весьма сочувственно относятся к советскому строю, ... говорили с энтузиазмом о своих работах на научном поприще, в музейном и школьном деле... — показывал Серебряков на допросе 25 февраля. — Все они говорили, что произошел большой сдвиг, и для всякого, искренне желающего работать на культурном поприще, имеется полная возможность это сделать. Они утверждали, ... что, если отойти от политики, то можно спокойно посвятить себя избранному делу. Они говорили, что жизнь значительно изменилась к лучшему и, безусловно, страна возрождается...»¹⁸.

В дополнительных показаниях, данных 20 марта, Анатолий Эсперович подробнее передает свои разговоры с друзьями, не забывая при этом подчеркивать их лояльность советской власти. В частности, по его словам, Г. А. Бонч-Осмоловский «полон энтузиазма ко всему совершающемуся... Он даже хотел бы поступить в партию, но удерживает недостаток веры. Целиком ушел в свою научную работу...». О своей встрече с Н. П. Анциферовым Серебряков показал на допросе буквально следующее: «Когда я ему рассказал о своих впечатлениях о жизни в Советской России на основании чтения советских газет, то он ответил: “Я газет почти не читаю, дорого это, да и времени нет, слишком много дела. Ты, может быть, знаешь больше нашего, но твои знания теоретичны. Надо пережить, прочувствовать совершающееся здесь, и тогда отрицательное твое отношение к очень многому заменится положительным”. Он указывал, что надо оставить политику, что он сейчас не только беспартийный, но аполитичен и политикой не интересуется. Много рассказывал о своей экскурсионной работе, о том, с каким вниманием слушают. С большой симпатией говорил о своих учениках-“зиновьевцах”. Затем много говорил о комсомольцах, что в комсомол уходят лучшие, самые энергичные ученики школ 2 ступени, все те, кто жаждут общественной деятельности...»¹⁹.

Эти показания А. Э. Серебрякова представляют собой ценное свидетельство для современного историка общественной мысли в России. Они подтверждают тезис о том, что научная интеллигенция 1920-х гг. в СССР нашла себе «экологическую нишу» в историко-краеведческой работе. Отказ от эмиграции явился совершенно сознательным актом, по крайней мере, для части просвещенных людей того времени. Они сознательно абстрагировались от текущих политических событий, но при этом всеми силами стремились не дать народу одичать. И, быть может, важнейшей задачей их было — приобщить к культуре ту часть молодежи,

которая «жаждала общественной деятельности» и в дальнейшем могла напрямую влиять на ход событий в стране. Однако можно предположить, что усилия Н. П. Анциферова на этом пути так и остались втуне. Его ученики-«ззиновьевцы», скорее всего, пополнили собой тюрьмы и лагеря в период разгрома левой оппозиции.

На основании изучения «дела Серебрякова» складывается впечатление: следствие вели люди, желавшие узнать правду, а не сфабриковать фальшивые обвинения. Контрразведчики добывались от задержанного сведений о его настоящих, а не вымышленных шпионских связях. При этом непричастность к шпионажу всех названных им лиц была оперативникам совершенно ясна. Вероятно, именно поэтому в течение почти полугода университетских товарищей Анатолия никто не трогал. И только в июле 1924 г., после находки в лесу брошенных вещей Серебрякова, дошел, наконец, черед и до его друзей.

3 июля всем им были направлены повестки с указанием явиться в ГПУ для допроса. Все явившиеся подтвердили факт своего общения с А. Э. Серебряковым и тут же были вынуждены дать подписку о невыезде из Ленинграда, как лица, повинные в недоносительстве и укрывательстве преступника. Однако троих не оказалось на месте. Г. А. Бонч-Осмоловский и Ф. А. Фиельс-труп уже успели уехать в Крым, в экспедицию, а Т. С. Стахевич, по свидетельству управдома, пребывала на даче где-то в Гатчине²⁰. Характерно, что никто не стал разыскивать этих отсутствующих. Хотя сроки приезда их было нетрудно узнать, в ГПУ их более не вызывали. Стоит ли указывать лишний раз, что к моменту выхода первого постановления ОСО по делу Серебрякова (январь 1925 г.) вся троица давно возвратилась домой? Но бывают чудеса на свете.

А вот дело по обвинению Н. П. Анциферова, А. В. Шмидта и А. П. Смирнова закрутилось и пошло своим чередом. В январе 1925 г. постановлением ОСО все трое были приговорены к высылке в Сибирь сроком на 3 года, «как элемент социально вредный»²¹. Каждый из них успел уже доехать до места ссылки, когда вся эта история получила вдруг неожиданный конец. Сыграли роль ходатайства влиятельных лиц. Анатолий Серебряков был сыном профессиональных революционеров-народовольцев, и все общество старых политкаторжан взволновалось, узнав о грозящем ему расстреле.

Вначале группа старых революционеров подала совместное заявление в Совнарком и направила в Ленинградское ОГПУ телеграмму с просьбой не применять к виновному высшей меры²².

Затем последовало несколько непосредственных обращений их с письмами в защиту как самого Серебрякова, так и других пострадавших по его делу. Письма были адресованы Н. К. Крупской, Н. П. Горбунову, Л. Б. Каменеву, Ф. Э. Дзержинскому, Г. Е. Зиновьеву... Крупская, в свою очередь, обращается к В. Р. Менжинскому²³, Горбунов — к «дорогому товарищу Ягоде»²⁴. В результате еще в феврале 1925 г. А. Артузов, начальник Контрразведывательного отдела ГПУ, дает в Ленинград телеграмму приостановить высылку Н. П. Анциферова, однако телеграмма приходит слишком поздно²⁵. Параллельно и Академия наук в лице своего неперменного секретаря С. Ф. Ольденбурга несколько раз выступает с просьбой облегчить участь своего сотрудника А. В. Шмидта²⁶.

На общем фоне выделяется негодующее письмо, направленное в ГПУ революционеркой В. Н. Фигнер (кстати — родной теткой Т. С. Стахевич, чудом избегнувшей репрессий по этому самому делу!). «...Серебряков на допросах назвал Анциферова, Смирнова и других лиц, которых он посетил после своего приезда, — пишет Фигнер. — И на вопрос, почему он сделал это, ... *мотивировал тем, что эти лица так далеки от всякой политики, что ни в коем случае не подвергнутся никаким неприятностям* (курсив мой, Н. П.). А теперь, оказывается, они попали в глухие места Сибири, их семьи остались без всяких средств, к тому же жена Анциферова страдает туберкулезом, имеет ребят 1 и 3 лет, и на иждивении Анциферова были еще старики — отец и мать жены. Высылка этих оговоренных Серебряковым — полное недоразумение, и я прошу войти в рассмотрение изложенных обстоятельств. Они совершенно неповинны в делах Серебрякова...»²⁷.

История имела неожиданно счастливый конец. Самому А. Э. Серебрякову расстрел заменили десятью годами лагерей. Дальнейшая судьба его неизвестна. А осужденных друзей его, повинных в недоносительстве, тогда, действительно, помиловали. Постановлением ОСО при Коллегии ОГПУ от 24 апреля 1925 г. все они были освобождены, хотя и оставлены «на оперативном учете»...²⁸ И в течение почти года, на разных этапах следствия чиновники ГПУ невозмутимо вписывали в протокол одну и ту же фразу: «Дело на Бонч-Осмоловского, Фельструп (так в деле, Н. П.) и Стахевич, как *неизвестно где проживающих* (sic! Н. П.), временно прекратить, возбудив в отношении их розыск»²⁹. После амнистии «социально вредным», осужденным по этому делу, «временное прекращение» автоматически преврати-

лось в постоянное, а «розыск» благополучно закончился, по-видимому, так и не начавшись. Но могло ведь обернуться иначе...

Вот так и вышло, что в 1924 г. русскому археологу Г. А. Бонч-Осмоловскому все-таки удалось совершить свое выдающееся открытие. И еще несколько спокойных лет оказалось отпущено ему для полноценной творческой работы. Свои раскопки в Крыму Глеб Анатольевич начал в 1923 г. Сезон 1933 г. стал для него последним — осенью последовал арест по «делу Российской национальной партии». И сума, и тюрьма положительно были написаны ему на роду³⁰. Последние 10 лет жизни явились одним непреодолимым испытанием. Воркутинские лагеря, затем бесправное житье «за 101 километром» под Ленинградом — вплоть до снятия судимости уже перед самой войной. Потом — блокада и эвакуация. В 1943 г. исследователь скончался — не выдержало сердце... И все же три блестящих монографии — три объемистых тома «Палеолита Крыма» — оказались написаны именно в эти труднейшие годы³¹. А в основе их лежали материалы, полученные в ходе исследований грота Киик-Коба. Середина 1920-х гг. была самым счастливым временем в жизни Г. А. Бонч-Осмоловского³².

И только перелистывая пожелтевшие страницы «дела Серебрякова», начинаешь понимать, какая нешуточная опасность грозила исследователю уже в самом начале его творческого пути. Научная деятельность Глеба Анатольевича могла оборваться в 1924—1925 гг. — такая перспектива кажется сейчас вполне реальной. По странной прихоти беда прошла тогда мимо. То был подарок судьбы, цена которому — жизнь. И трудно отделаться от мысли, что Глеб Анатольевич расчелся за подарок сполна — расчелся всей своей жизнью, безоглядно отданной науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О раскопках Бонч-Осмоловского Г. А. в Крыму. Рукописный архив Института истории материальной культуры (РА ИИМК) РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1923. Ед. хр. 93. Ч. 1. 21 л.

² *Формозов А. А.* Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983. С. 58—61.

³ *Платонова Н. И.* Г. А. Бонч-Осмоловский. Этапы творческой биографии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историкографические очерки. СПб., 1995. С. 121—144.

⁴ О раскопках Г. А. Бонч-Осмоловского в Крыму. РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Ед. хр. 123. Л. 3—4 об.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Личное дело Бонч-Осмоловского Г. А. РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Ед. хр. 33. Л. 19.

⁷ Письмо С. Н. Бибикова к О. Г. Бонч-Осмоловской от 24.02.1971. Хранится в личном архиве автора.

⁸ Дело по обвинению гр. Серебрякова А. Э. и др. Архив Управления Федеральной службы безопасности по С.-Петербургу и Ленинградской области. Ед. хр. 20704. Л. 9—18, 67 об.

⁹ Там же. Л. 35 об. — 36.

¹⁰ Там же. Л. 35.

¹¹ Там же. Л. 81.

¹² Там же. Л. 205 об.

¹³ Там же. Л. 24 об.

¹⁴ Там же. Л. 176.

¹⁵ Там же. Л. 20—20 об.

¹⁶ Там же. Л. 19—19 об, 52—52 об.

¹⁷ Об Эрмитажном кружке подробнее см.: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 202—214.

¹⁸ Дело по обвинению гр. Серебрякова А. Э. и др. Л. 19.

¹⁹ Там же. Л. 52.

²⁰ Там же. Л. 90, 99, 105—107.

²¹ Там же. Л. 240.

²² Там же. Л. 187.

²³ Там же. Л. 259.

²⁴ Там же. Л. 248.

²⁵ Там же. Л. 260—261.

²⁶ Там же. Л. 258, 265, 289.

²⁷ Там же. Л. 291—292.

²⁸ Там же. Л. 287.

²⁹ Там же. Л. 214 и др.

³⁰ См. об этом: *Ашпин Ф. Д., Алтатов В. М.* Дело славистов. 30-е годы. М., 1994. С. 63—69.

³¹ *Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 1. М., Л., 1940; *его же.* Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 2. М., Л., 1941; *его же.* Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 3. М., Л., 1954.

³² Подробнее об этом см.: *Платонова Н. И. Г. А. Бонч-Осмоловский...* С. 133—142.

ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

(по материалам средневекового
прошлого Северо-Западной Руси)

В IX—X веках на обширных пространствах Восточной Европы развернулся процесс сложения раннефеодального Древнерусского государства. В условиях вызревания классовых отношений и борьбы за преодоление былой племенной разобщенности великокняжеская власть нуждалась во всеобъемлющей идеологической доктрине, отвечающей интересам формирующегося феодального строя.

В 988 году великий князь киевский Владимир Святославич приказал низвергнуть, иссечь и предать огню языческих идолов, которым поклонялись жители его столицы, самих же киевлян крестить в Днепре. Согласно летописному рассказу, повеление князя носило ультимативный характер: «Аще не обрящется кто завтра на реце... противен мне да будет». Как повествует тот же источник, подвергнутые водному крещению горожане утешали себя: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляры прияли»¹. Разумеется, в подобной ситуации ни о каком сколько-нибудь сознательном восприятии новой религии основной массой киевлян (исключая феодальную верхушку общества) говорить не приходится. Это было лишь формальное совершение акта крещения, выполненное по грозному указу государя Руси.

Аналогичным образом происходило начальное насаждение христианства и в других русских городах: под секирами княжеских дружинников рушились языческие идолы, население загонялось в водную купель. Нередко такие акции сопровождались кровавыми столкновениями. В одной из летописей, в частности, сохранилось легендарное повествование о «крещении» новгородцев воеводами Владимира Добрыней и Путятой «огнем и мечом». В конце X—XI века крупнейшие города Руси превращаются в центры епископий, в них строятся храмы и монастыри, быстро растет число священников и миссионеров — выходцев из местной славянской среды. Но даже и в этих основных форпостах христианизации еще длительное время стойко сохранялись

старые верования и обряды. Так, в Ростове Великом до самого конца XI века горожане продолжали поклоняться священному камню Велеса, а первый исторически достоверный епископ ростовский Леонтий в 1070-х годах погиб мученической смертью от рук местных язычников. Сын Владимира Святославича Глеб, посланный на княжение в Муром, не был даже первоначально принят «неверными» и вынужден был поселиться рядом с городом. Еще более интересный сюжет, характеризующий уровень христианизации жителей Новгорода, приведен в летописи под 1071 годом. Достаточно было появиться здесь языческому жрецу-волхву, как «бысть мятеж в граде и вси яша ему веру»². Следует напомнить, что это происходило через 80 лет после крещения новгородцев, когда уже сменилось несколько поколений тех людей, которые были обращены в христианство при Владимире. Но внуки и правнуки последних оставались тайными приверженцами веры своих предков, лишь формально считаясь христианами. Показательна и расстановка социальных сил ревнителей новой и старой религиозной идеологии: за епископа новгородского «идоша и сташа» только князь с дружиной, «а людьє вси идоша за волхва».

Примеры такого рода можно продолжить. Но и сказанное убедительно свидетельствует о том, что даже в старых центрах насаждения религии полная христианизация населения (замена языческих представлений православными формами культа и быта) носила не одноактный, а весьма длительный характер.

Но что же тогда происходило в сельских районах Руси, среди обитателей многих тысяч деревень, возникавших на рощистях дремучих лесов или на плодородных почвах «ополий»? Этот вопрос представляется тем более важным, что средневековая Русь оставалась преимущественно крестьянской, в селах и «весах» проживало более 90% населения восточнославянского государства. Именно в крестьянской среде исторически сложился своеобразный православно-языческий комплекс, доживший до недавнего прошлого и характеризующийся сложным сплетением верований, обычаев, суеверий, религиозно-мистических обрядов языческого происхождения с элементами православия³. К сожалению, письменные источники XI—XV вв. содержат слабые сведения по этому вопросу. Здесь на помощь исследователям приходят материалы археологии, дающие представление о быте и духовной культуре древнерусского крестьянства. Они со всей очевидностью показывают сложность и многообразие процессов взаимодействия язычества с христианством в разных районах Древнерусской державы.

Тема эта поистине неисчерпаема. В данном очерке речь пойдет об одном таком регионе, охватывающем северо-запад новгородской территории и входившем в средневековую эпоху в состав Водской земли Великого Новгорода и район расселения «чуди» (западная часть современной Ленинградской области). Именно здесь в ходе многолетних археологических исследований автором было вскрыто свыше 500 погребений и ряд поселений, позволивших проследить динамику изменений в материальной и духовной культуре северного крестьянства с XI до XVII в.

Исконными обитателями северо-запада Новгородской земли были не славяне, а местные прибалтийско-финские племена водь и ижора. Потомками этих некогда крупных группировок, рано вступивших в тесные контакты с продвинувшимися в их районы славянами, являются малые народности Ленинградской области — водь и ижорцы, заселяющие южное побережье Финского залива.

Когда здесь появились первые славяне, письменные источники не сообщают. Ответить на этот вопрос позволяют материалы археологических раскопок. Продвижение славян отмечено многочисленными курганными кладбищами, часто располагающимися рядом с современными селениями, обычно в живописных, заросших деревьями и кустарником, местностях. Курганы легко распознаются по внешнему виду. Это земляные насыпи полукруглой формы, нередко окруженные по основанию венцом из крупных валунов. Рядом с могильниками находились и связанные с ними древние поселки (селища).

Установлено, что древнерусское освоение Водской земли началось в XI веке. Его осуществляли славяне-земледельцы, шедшие из Приильменя в поисках новых неосвоенных земель. Особенно привлекали их наиболее плодородные для того времени почвы: Ижорской возвышенности, ставшей в средневековую эпоху основной житницей Новгородской земли. Здесь возникали первые славянские деревни, вырубались окрестные леса и очищенные участки засеивались рожью, пшеницей, ячменем, льном. Крестьяне держали лошадей, коров, овец, косили для скота сено, ловили в реках, озерах и на Финском заливе «рыбу белую всякою ловлею».

Тревожная обстановка на новгородском порубежье, издавна привлекавшем к себе хищные взоры немецких, шведских и датских феодалов, нередко заставляла мирного земледельца оставлять свой плуг и менять рабочий топор на боевую секиру или копье. Часто случавшиеся неурожаи, косившие людей мор и бо-

лезни, военные невзгоды накладывали суровый отпечаток на жизнь древнерусских крестьян, проходившую в постоянной борьбе за существование. Молодежь рано вступала в браки (нередко в 12—15 лет)*, но и жизненный век людей, достигших зрелости, был недолог и чаще всего, как свидетельствуют данные раскопок, не превышал 30—35 лет. Особенно велика была детская смертность.

Тем не менее, суровые стороны быта северных крестьян не должны заслонять того, что именно в их среде происходило формирование яркой и самобытной народной культуры, складывался богатейший былинно-сказочный фольклор, зарождались многие обряды и празднества, в трансформированном виде дожившие до современности. К сожалению, археологические материалы не могут осветить все стороны духовных процессов, протекавших в сельских районах Новгородской земли. Раскопки курганных могильников позволяют определить, прежде всего, характер и составные элементы погребальной обрядности, тесно связанной с глубинным пластом идеологических представлений древнего населения.

Традиция захоронения умерших под искусственными насыпями возникла в восточнославянской языческой среде еще во второй половине I тысячелетия н. э. и уже в готовом виде была принесена новопоселенцами в Водскую землю. Возведение холмов — «могыл» — диктовалось стремлением сородичей укрыть и уберечь прах предков от опасности разрушения и уничтожения. В некоторых сопредельных районах — например, в Юго-Восточном Приладожье — отчетливо прослеживается реализация в курганах идеи «домиков мертвых» (имитация реально существовавших жилищ с очагом в центре и делением усыпальницы на мужскую и женскую половины).

Отношение к умершим у древних славян носило двойственный характер. С одной стороны, это были «свои» предки — агенты коллектива в ином мире, охранители живых сородичей. С другой стороны, судя по данным этнографии, фольклора, сохранялось представление о вредоносной сущности мертвецов (вспомним хотя бы предания об упырях, относящиеся к древнейшему пласту языческих верований). Верой в благотворные

---

* По средневековым церковным канонам брачный возраст для «отроков» и «отроковниц» определялся в 15 лет. Однако в действительности браки заключались значительно раньше. Еще в XV веке митрополит Фотий обращался к новгородцам с запрещением венчать «девичок меньше двунацати лет» (*Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.—Л., 1966. С. 188.*)

свойства предков объясняется сооружение курганов в непосредственной близости от селений, стремлением удалить мертвеца в загробный мир — целый ряд охранительных действий. К последним некоторые исследователи относят практиковавшееся на раннем этапе сожжение умерших как самое эффективное средство избавления живущих от их вредоносного начала ⁴.

В начале II тысячелетия н. э. обряд кремации уже в основном вышел из употребления. На северо-западе Новгородской земли известны лишь единичные курганы, содержащие сложенные в груду сожженные человеческие кости. Однако пережитки этого обряда еще в течение нескольких столетий проявлялись в элементах «огненного» ритуала.

Так в XI—XIII вв. погребальная площадка в основании кургана предварительно обжигалась ритуальным костром, умершего же клали поверх мощного слоя угля и золы. Более сложные обрядовые действия прослежены при вскрытии ряда насыпей у деревень Бегуницы и Лашковицы (Волосовский район Ленинградской области). По краю погребальной площадки, в центре которой помещался умерший, вырывалась круговая канавка. Ее заполняли легким горючим материалом — ветками, соломой — и затем поджигали. Огненно-дымовая завеса скрывала от участников похорон мертвеца, одновременно ограждая его от живого мира. Аналогичный «огненный» ритуал отмечен в различных областях восточнославянского расселения. По-видимому, такая имитация сожжения покойника была известна у современников под названием «дымы» ⁵.

Однозначного объяснения перехода от сожжения к обычному погребению в конце I—начале II тысячелетия пока не существует. Однако ясно одно — в сельской среде он не был связан с воздействием на население христианской религии. Этому противоречит как языческий характер обряда, в котором заметное место составляют пережитки «огненного» ритуала, так и отсутствие в материалах захоронений предметов христианского культа. По всей видимости, отказ от кремации обусловлен резкими внутренними изменениями в жизни древнерусских коллективов. Именно в указанный период происходил повсеместный распад старых родовых отношений, все большее значение приобретала индивидуальная семья как основная производственная ячейка общества. Кризисные явления в родовой системе в эпоху формирования раннефеодальных классовых отношений не могли не сказаться на характере идеологических представлений, что и нашло отражение в существенных элементах погребального обряда ⁶.

Важной составной частью похоронного ритуала являлись творимая над умершим тризна и поминальный пир («страва»). Судя по письменным известиям, тризна включала боевые игры, ристания и особые обряды, призванные отгонять смерть от оставшихся в живых; собравшиеся на похоронах в знак скорби «кроение и лиц настрекания и драния творяше». Археологическим свидетельством «стравы» являются постоянно встречающиеся под дерном насыпей черепки битой посуды и кости животных. Очевидно, поминальный пир справлялся сородичами уже после возведения курганов. Эта древняя традиция зафиксирована и при исследовании погребений XVI—XVII вв., а ее пережитки дожили до современности.

В XI—первой половине XIII в. крестьян хоронили в основании насыпи вместе с сопутствующими вещами. В ногах обычно ставили глиняный горшок с пищей. Рядом с умершими женщинами клали серп, мужчин погребали с топором или косой-горбушей, иногда с острой, копьем, боевой секирой или набором стрел. К поясу погребенных прикреплялся нож в чехле и матерчатый или кожаный футляр, содержащий кресало и кремь для высекания огня. Таким образом, по представлениям современников, умерший в потусторонней жизни нуждался в вещах, которыми он пользовался в повседневном быту.

Сходная традиция сохранялась в среде финно-угорского (водского) населения еще в XVII—XVIII вв. Показательно, однако, что верования финнов подразумевали предварительное «умерщвление» сопутствующего хозяйственного инвентаря: постоянно встречающиеся в водских могилах серпы, косы, ножи всегда бывают согнутыми или сломанными.

Переломный момент в развитии курганной языческой обрядности приходится на середину—вторую четверть XIII в. В этом убеждают материалы раскопок серии могильников, осуществленных автором в округе центра Водской земли — города-крепости Копорье. В середине тринадцатого столетия прекращает функционирование крупное курганное кладбище у дер. Бегуницы. Остальные могильники, расположенные в радиусе 7—10 км от указанного памятника, использовались и позднее, однако именно в это время их обряд претерпевает заметные изменения. Умерших перестают класть на поверхность погребальной площадки, а помещают в могильные ямы в центре основания кургана. Могилы на этом этапе выкапывались на глубину всего лишь 5—15 см, то есть имели еще сугубо символический характер. Но

данный факт приобретает особое значение в связи с тем, что появление «символических» подкурганых ям прямым образом коррелируется с полным исчезновением обычая помещать с умершими орудия труда, оружие, бытовой инвентарь и посуду. Уже не прослеживаются пережитки «огненного» ритуала, весьма неустойчивая в прошлом ориентировка погребенных заменяется стандартным положением головой только на запад. Налицо ослабление языческих черт обряда при заметном усилении христианских традиций.

Еще более разительные изменения наблюдаются в середине — второй половине XIII в. у предков водской народности — «чуди» новгородских летописей, заселявшей прибрежные участки Финского залива. До этого времени она хоронила сородичей по обряду сожжения; прах умерших вместе с побывавшими в погребальном костре вещами, углями и золой ссыпался на поверхностные вымостки из камней, служившие коллективными усыпальницами всей общины. С указанного момента средневековая водь внезапно переходит к погребению несожженных трупов в могильных ямах. Ранние могилы имели глубину до 20—30 см, помещенные в них захоронения лишь слегка присыпали тонким слоем земли. Столь резкая ломка традиционного обряда не может объясняться внутренними причинами. Она явно связана с каким-то сильным внешним воздействием, в целом одноактного порядка. Одновременность этих явлений в землях древнерусского и финно-угорского обитания также не может считаться случайной.

Понять причины происшедших изменений помогают данные исторических источников. По более поздним сведениям, относящимся к концу XV в., исследованные нами курганные кладбища принадлежали деревням одного малого административного подразделения Новгородской земли — Ильинского Замошского погоста. Известно, что в центральных селениях погостов располагались церкви и христианские кладбища прихода. А именно Бегуницы, рядом с которым в середине XIII в. неожиданно перестали сооружать языческие курганы, и являлись таким центром. Это позволяет установить время появления здесь первой христианской церкви и определить, таким образом, начало непосредственного внедрения новой религии в сельскую среду — наиболее осязаемого в местах пребывания духовенства и ослабленного в остальных пунктах.

Распространение православия диктовалось осложнившейся военно-политической ситуацией на северо-западе Новгородской земли. Зимой 1240/1241 г. ливонские рыцари перешли реку На-

рову и попытались укрепиться в старом новгородском погосте «в Копорьи». Однако князь Александр Невский отбил у немцев Копорье, а в 1242 г. разгромил полчища немецких крестоносцев на льду Чудского озера. Для нашей темы особый интерес представляет летописное упоминание о том, что после взятия Копорья Александр «вожан и чудцу переветники извеша»⁷ [НПЛ 1950 : 78]. Очевидно определенная часть древнерусского населения Водской земли и местной «чуди» в период начавшихся военных столкновений занимала довольно неустойчивую позицию по отношению к Новгороду. С таким положением русские власти не могли больше мириться.

Интересы княжеской политики нуждались в соответствующем идеологическом обеспечении. Религиозной оболочкой ожесточенной борьбы Руси за порубежные северо-западные территории являлось противостояние православия с «латинской» (римско-католической) церковью. Известно, что в 1227 г., когда Швеция усилила натиск на новгородскую Карелию, князь Ярослав Всеволодович — отец Александра Невского — «посла крести множество карел, мало не все люди»⁸. Ту же цель явно преследовал и Александр Ярославич, приступив после событий 1241—1242 гг. к насаждению христианства в форме русского православия среди славянского и финно-угорского населения Водской земли.

В связи с устанавливаемым временем археологического проявления этого процесса интерес представляют письменные известия о событиях 1250-х гг. В конце 1254 г. два немецких феодала из датской Эстонии — Дитрих фон Кивель (летописный «Дидман») и Отто фон Люнебург — отправили послание к римскому папе с известием, что язычники, живущие вблизи их земель, будто бы изъявили желание принять католичество. По мнению И. П. Шаскольского, поскольку земли «Дидмана» были в основном расположены в северо-восточной Эстонии (в области Вирония) и поскольку население Эстонии в то время считалось уже полностью христианизированным, под живущими рядом язычниками явно подразумевалось прежде всего население Водской и Ижорской земель. Это прямо подтверждается последующей перепиской папского престола с рижским архиепископом Альбертом: буллой папы Александра IV от 19 марта 1255 г. о принятии мер по обращению упомянутых язычников в христианство, ответным посланием архиепископа Альберта с конкретным указанием на проживание последних в Вотландии, Ингрии и Корелии и предписанием папы о назначении особого епископа для Вотландии, Ингрии и Корелии⁹.

Предпринятая в 1256 г. попытка «Дидмана» совместно с войсками шведов укрепиться на восточном берегу р. Нарвы и построить здесь опорную крепость не была осуществлена из-за угрозы нападения новгородцев¹⁰.

Зимой 1256 г. Александр Невский предпринял далекий поход в землю союзников шведов еми, двинувшись по замерзшему Финскому заливу через Копорье. Для данной темы важно отметить, что при новгородской рати находился глава русской церкви митрополит Кирилл, дошедший до Копорья и вернувшийся затем в Новгород. Здесь опять-таки уместно сослаться на комментарий И. П. Шаскольского: «Митрополит сопровождал великокняжеское войско, пока предполагалось, что военные действия ограничатся обороной от захватчиков коренных русских земель; в далекой и опасной военной операции, за пределами коренных русских земель, в заморской стороне, митрополит участвовать не мог»¹¹. Есть основания полагать, что первое исторически засвидетельствованное пребывание церковного иерарха и сопровождающего его духовенства в Водской земле (включая округу Копорья) отразилось в активизации миссионерской деятельности и создании церквей в центрах сельских погостов. В этом отношении рассмотренные выше изменения в погребальной обрядности середины—третьей четверти XIII в. населения региона вполне согласуются со сложившейся именно к этому периоду военно-политической ситуацией на порубежье новгородских владений и потребностями ее идеологического обеспечения.

Итак, лишь с середины—третьей четверти XIII в. новая религия получает постоянную оседлость в сельской среде Северо-Западной Руси, только с этого времени можно исчислять начало ее действительного влияния на языческое мировоззрение северного крестьянства. Вряд ли приходится говорить о значительной запоздалости этого явления по сравнению со многими другими землями. По заключению академика Б. А. Рыбакова, «русская деревня стала христианизироваться только после татарского нашествия»¹². Своеобразие рассматриваемой территории, не затронутой монгольским погромом и, вследствие этого, избежавшей резких передвижек населения, заключается в более устойчивом характере местных традиций. Здесь вплоть до XVI—XVII вв. продолжали функционировать кладбища, возникшие еще в древнерусскую эпоху. Это, в свою очередь, позволяет проследить процесс христианского воздействия на культуру и погребальную обрядность населения уже на стадии формирования современных русского и финно-угорских народов.

При изучении поздних памятников намечается генеральная линия эволюции обряда, преемственно связанной с языческими курганами, но завершающейся переходом к христианским грунтовым погребениям. Начало этой трансформации отмечено появлением в середине XIII в. «символических» могильных ям под искусственными насыпями. По мере углубления ям происходило и уменьшение высоты курганов. С начала XIV в. небольшие земляные холмики, окруженные по основанию венцом из валунов, начинают возводиться только над самой могилой. В это же время появляются древнейшие каменные кресты, отмеченные в изголовье некоторых погребений. Окончательная деградация курганных традиций выразилась в полном исчезновении насыпей; погребальные комплексы XV—XVII вв. (т. н. жальники) — это уже по существу христианские могилы, выделяющиеся лишь наличием поверхностных каменных оградок.

Эволюция обряда красноречиво свидетельствует о постепенном, затянувшемся на целый ряд столетий, внедрении христианских традиций в древнерусскую среду, и что особенно важно отметить, документирует их приспособление к языческим нормам ритуала. Однако вырисовывающаяся картина не носила универсального характера. На северо-запад Новгородской земли проникали различные по происхождению земледельческие группы. Пришельцы из окрестностей Новгорода и других русских городов в это время были уже в основном христианизированы. Их оседанием объясняется появление грунтовых жальничных кладбищ, изобилующих каменными крестами и надгробными плитами. Вместе с тем, в рассматриваемый район продвигались выходцы из окраинных земель, не затронутых еще воздействием новой религии. Последним объясняется всплеск языческих традиций в XIII в. — появление в ряде могильников погребений не в обычном — вытянутом, а в сидячем положении. Следует также учесть, что далеко не во всех погостах существовали церкви и имелись православные священники. В таких местностях курганный обряд дожил в первоначальном виде до XVI в. Наиболее затяжной характер носила христианизация финского — водского и ижорского — населения Новгородской земли, яркая и самобытная система языческих представлений которого отличалась особой устойчивостью.

О длительном переживании дохристианских культов свидетельствуют и вещевые находки. Это, прежде всего, разнообразные бронзовые и костяные амулеты, составлявшие типичную принадлежность женского убора. Многие из них имели «ин-

тернациональный» характер и пользовались широкой популярностью как в древнерусских, так и в финно-угорских землях.

Нередко такие амулеты образуют устойчивые наборы. Среди них — миниатюрные подвески в виде ложек и ковшей, гребешков, ключей и ножей. По образному выражению Б. А. Рыбакова, это «языческие письмена», запечатлевшие архаический круг семейных верований: ложки и ковши символизировали сытость и благополучие, ключи — сохранность, неприкосновенность домашнего имущества, гребни — здоровье и жизнь человека, ножи, возможно, должны были устрашать невидимую нечисть¹³. Символика имитаций бытовых вещей заключалась в их магической сущности, противостоящей христианским представлениям.

Но наибольшее, поистине массовое распространение на севере Руси до начала XV в. имели подвески, изображающие коня и птицу¹⁴. Разгадать их культовое назначение помогают данные этнографии и фольклора.

Многие постройки в северных областях России и на финно-угорских территориях до сих пор украшены изображениями коней и птиц; конские и птичьи головки вырезались на нижних концах «куриц», поддерживавших крышу, и на наличниках окон. Хотя в настоящее время древнее назначение таких фигурок и забывается, но еще сохранились живые свидетельства их охранительной роли — оберегать дома от пожаров, ветра и т. д.

Конь и птица являлись излюбленным мотивом в русском и финно-угорском народном искусстве. Их изображения имеются на прялках, ковшах, железных сечках, медных гребнях и зеркальцах. Они же широко представлены и в вышивке Русского Севера, где также угадывается отражение былых представлений об их магических, защитных свойствах. Не вызывает сомнения, что в средневековую эпоху охранительное значение подвесок в виде животных и птиц прекрасно осознавалось носившими их женщинами. По языческим поверьям, такие обереги обеспечивали плодovitость, рождаемость, что при необычайно высокой детской смертности являлось важнейшим фактором выживания и продолжения рода древних коллективов.

Следует подчеркнуть, однако, вторичность такого значения амулетов, основанного на глубинных представлениях о священной, космогонической роли коня и птицы. Лошадь в хозяйстве земледельца Северной и Центральной России была незаменимой и главной производительной силой. Это обусловило почитание ее как животного, оказывавшего сверхъестественное влияние на плодородие полей, введение в славянскую аграрно-магическую

обрядность. По своей семантике образ коня был тесно связан с культом солнца, являясь одушевленным олицетворением небесного светила.

В языческих верованиях населения славяно-финских земель особая роль отводилась водоплавающей птице. Истоки ее культа уходят в каменный век. В мифах многих северных народов утка (гусь, селезень) — прародительница всего сущего на земле, семантически связанная с солнцем. Если вторичные — защитные — свойства священных животных и птиц нашли выражение в использовании подвесок-оберегов, то представление об их первичной — космической — сущности было запечатлено в средневековых магических действиях и обрядах. В трансформированной форме последние сохранились в быту северного населения до современности.

Приведенная выше характеристика погребального обряда и некоторых находок из захоронений свидетельствует о языческой подоснове верований обитателей Новгородской земли, лишь с XIII в. начавших медленно и постепенно усваивать христианскую идеологию, приспособляя ее при этом к местным традициям. Однако материалы могильников содержат информацию лишь о некоторых сторонах духовной жизни этого населения. Что же представляло собой мировоззрение северного крестьянства в заключительную эпоху функционирования средневековых кладбищ? Каково было реальное соотношение в нем языческих и православных норм и канонов? Ответить на эти вопросы помогают письменные известия XVI в., относящиеся непосредственно к рассматриваемой нами территории ¹⁵.

Итак, лето тысяча пятьсот тридцать четвертое... Поскрипывает перо писца в палате архиепископа Новгородского и Псковского Макария во Владычном дворе. Прилежно вписываются киноварью заглавные буквы, четким уставом выводятся чернильные строчки. Ведь не кому-нибудь адресует грамоту глава Новгородской церкви, а самому «государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси самодержцу!» Правда, самому самодержцу русскому, позднее вошедшему в историю под громким именем Грозного, было тогда от роду четыре года, и вместо него всеми делами государственными заправляли бояре, но выработанная титулатура оставалась неизменной...

Что же послужило причиной составления этого послания, копии которого сохранились, к счастью, в актовых источниках? Оказывается, дела творятся неладные «около окрестных градов Великаго Новаграда, в Вотской пятине, в Чюди и в Ыжере, и

около Иваняграда, Ямы града, Корелы града, Копории града, Ладоги града, Орешка града, и по всему поморию Варяжского моря в Новьгородцкой земли, и по всем рекам поморским от немецкого рубежа Ливонской земли, от Норовы реки, до Невы реки и от Невы реки до Сестрии реки, до рубежа свейских Немец, и во всей Корельской земли и до Коневых вод и за Нево езеро великое, и до каянских Немец рубежа, и около Пелеискаго озера и до Лексы реки и до Лопи до дикие и около великого озера Нева...»¹⁶. Пожалуй, немного найдется средневековых документов, где с такой обстоятельностью давалась бы географическая характеристика территории. А территория эта поистине огромная — от порубежья с землями Ливонского ордена на западе по реке Нарове, вдоль южного побережья Финского залива («помория Варяжского моря») до Ладожского озера («великого езера Нево») и далее на восток до лопских погостов Прионежья, а на севере достигала «каянских Немец рубежа» — шведских владений в Финляндии у Ботнического залива; всего, по подсчетам составителя грамоты, «в длину больши 1000 верст, а в широту до Великого Новаграда за 60 верст, а инде за 50 и за 40». В этой обширной зоне, заселенной финно-угорскими племенами — «чюдью» (водью), ижорой, карелами и лопью (саамами), а также «во многих Руских местех», население продолжало «обычая дежахуся от древних прародителей».

Сообщает Макарий о том, что через пятьсот с лишним лет после крещения Руси, «еже мы прияхом от святого великого князя Владимиреа», здесь повсеместно продолжали сохраняться «скверные молбища идолские». Русское и иноязычное население поклонялось священным деревьям и источникам, камням и «горы и холми, солнце, и месяц, и звезды, и езера, и проста рещи всей твари поклоняхуся яко богу, и чтяху и жертву приношаху кровную бесом, волы и овцы, и всяк скот и птицы». Для этого обитатели новгородских селений «проста человека у себя держяху и почитаху, яко священника, его же нарицаху арбуем».

В 1548 году Новгородский архиепископ Феодосий в послании в Водскую пятину, в Чюдь, в Ижору, и в «Руские» места обратился ко всему духовенству Новгородской земли. В грамоте говорилось, что церковных праздников и постов местное население не соблюдает, а «на свои скверныя молбища они призывають злодеивых отступник арбуев Чюдцких, и мертвых деи своих они кладут в лесех по курганом и по коломищом, с теми же арбуи, а к церквам деи на погосты тех своих умерших они не возят...»¹⁷.

Некоторые из этих сюжетов нашли отражение в рассмотренном выше археологическом материале. Даже в шестнадцатом столетии в глухих уголках русского порубежья северные крестьяне продолжали насыпать курганы. Но в основном они хоронили своих сородичей на «коломищах» — грунтовых и жальничных могильниках близ своих деревень, не вызывавших в предшествующий период особого раздражения у ревнителей христианской веры. Однако времена изменились, и будущий глава русской церкви Макарий, венчавший в 1547 году Ивана Васильевича на царство и в течение двух десятилетий неизменно пользовавшийся расположением этого грозного государя, считал, что только кладбища в погостских центрах рядом с церквями отвечают требованиям истинно православной веры.

Посыльные грамоты ярко иллюстрируют культовое почитание животных и птиц, магическое значение которых отразилось в подвесках-оберегах, представленных в деревенских курганах. При этом письменные источники фиксируют, прежде всего, их глубинную, первичную семантику, восходящую к космологическим представлениям и не улавливаемую по археологическим материалам.

Почитание небесных светил и звезд, деревьев, водных источников и камней входило в круг распространенных верований славянского и иноязычного населения Руси и сопредельных территорий. Так, поклонение «идоложертвенным» деревьям отмечено в средневековых письменных источниках на огромном пространстве от Прибалтики до Зауралья. Например, языческие обитатели окрестностей Муром в XI в. «дуплинам деревянным ветви убрусцем (полотенцами, платками, вообще всякой тканью — Е. Р.) обвешивающе и сим поклоняющиеся»; священные деревья, обвешанные шкурами жертвенных животных, наблюдал в конце XIV в. у предков коми-зырян христианский миссионер Стефан Пермский¹⁸.

Таким же всеобщим было и поклонение священным источникам. То же муромское население XI в. продолжало «рекам и езерам требы класти». Интересные археологические данные, свидетельствующие об устойчивой, нередко исчисляемой тысячелетиями традиции почитания озер, рек и ручьев, получены при обследовании водных источников Прибалтики. На северо-западе России, включая и Ленинградскую область, отголоски водного культа сохранились в легендах и преданиях до настоящего времени.

Поклонение камням зарегистрировано на севере Восточной Европы, в Прибалтике, Финляндии и странах Скандинавии. Археологами проделана большая работа по систематизации культовых камней¹⁹. Среди них наиболее широко представлены камни-следовики. Это крупные валуны с выбитым углубленным изображением отпечатков человеческой ступни — как босой, так и с имитацией обуви. Иногда такие изображения сопровождаются углублениями в виде следов животных: конского копыта, медвежьей или волчьей лапы, овечьего следа. Реже встречаются отпечатки человеческой руки и изображения козьих рогов, рыбы, трезубца, треугольника, круга, овала, стрелы и т. д. Особую и весьма многочисленную группу образуют так называемые чашечные камни с характерными круглыми углублениями.

Легенды и предания, связанные с этими камнями, носят, в основном, характер позднейших христианских наслоений. Однако местное население длительное время сохраняло веру в лечебные свойства культовых камней. Еще в XIX—XX вв. в ряде деревень им приносили дары — масло, творог, лепешки, яйца. Интересен обряд поклонения священному камню, наблюдавшийся в одном из уголков Эстонии: на валун клали белую и черную шерсть, головы и ноги баранов, убитых тут же, у камня. Он разительным образом перекликается с сообщением Макария о жертвоприношениях средневековых жителей Новгородской земли.

Существует достаточно обоснованное предположение о связи камней-следовиков с культом языческого бога Велеса — покровителя домашнего скота, трансформировавшегося позднее в христианского Власия. Если это так, то обнаруженный нашей экспедицией на окраине курганного могильника у дер. Большая Вруда (Волосовский р-н) огромный валун с выбитым изображением человеческой ступни позволяет расшифровать одного из персонажей местного языческого пантеона XI—XIII вв.

Весьма интересно упоминание Макария о «скверных молбищах» близ селений. Очевидно это были общинные святилища (капища), где стояли идолы и совершались ритуальные обряды. О характере более ранних святилищ дают представление раскопки некоторых славянских и финно-угорских культовых мест. Так, под Новгородом археологами было исследовано святилище Перынь IX—X вв., представляющее собой круглую площадку диаметром 21 м, окруженную рвом с восемью лепестковидными расширениями. В центре капища находилось деревянное изображение Перуна, в восьми расширениях рва горели неугасимые костры²⁰. Правда, в какой степени проекция ранних святилищ

конца I тысячелетия может быть перенесена на северорусские святилища XVI в. — судить трудно.

Главная роль в языческих ритуальных действиях и обрядах принадлежала арбуям. В посылных грамотах они упоминаются в важном для нас контексте «чудские» (финские). Финно-угорское происхождение, как выясняется, имеет и само слово «арбуи», восходящее к финскому «агараа» — жрец, предсказатель. Их наличие у води, ижоры и других северных племен вполне естественно. Но, как мы видели выше, язычество при участии арбуев процветало в XVI в. и «во многих Руских местех». Вряд ли в русские селения жрецы приглашались из финской среды. По-видимому, в данном случае мы сталкиваемся с интересным примером сближения дохристианских верований и представлений у чересполосно живущего и тесно связанного между собой разнородного населения Руси. При этом яркая и уходящая в глубины столетий система языческих культов финно-угорских народов оказала значительное влияние на «миросозерцание русских», как это отмечал еще выдающийся историк В. О. Ключевский²¹.

Сближение славянского и финского язычества началось очень рано. Интересное сообщение об этом приводится в летописи под 1071 годом: «в то же время, в те же годы, случилось некоему новгородцу прийти в землю Чудскую, и пришел к кудеснику, прося волхования его. Тот же по обычаю своему начал призывать бесов в дом свой. Новгородец же сидел на пороге того дома, а кудесник лежал в оцепенении, и вдруг ударил им бес... Бесы же, тряся его, поведали то, ради чего пришел новгородец»²². Колоритная картина, переносящая нас на 900 лет назад, примечательна вдвойне. Во-первых, становится очевидным, что уже в XI в. новгородские славяне были знакомы с финским язычеством и, более того, верили в его действенность. И это при том, что жаждущий результатов волхования новгородец был христианином; чтобы не мешать «бесам», вещавшим устами кудесника, он вынужден был, как повествует летописец, снять висевший на шее крест и положить его на время «вне дома того»!

Во-вторых, не менее выразительным представляется и сам рассказ о действиях кудесника, в котором с полным основанием мы можем видеть предшественника «арбуев чудских» XVI в. Этот сюжет был проиллюстрирован на миниатюре Радзивилловской (или Кенигсбергской) летописи, составленной в конце XV в., но, по всей вероятности, воспроизводящей более древний рисунок. На изображении хорошо виден волхв с шаманским бубном в руке, летописный же текст, по определению Е. И. Горюновой —

специалиста в области изучения славяно-финских древностей — явно воспроизводит сцену шаманского камлания, призывания беса, который «меташе им», т. е. текст рисует «картину экстатического состояния, в котором кудесник, гадатель пророчествует»²³. Очевидно арбуи сочетали в себе функции гадалея, прорицателя и посредника между духами и людьми. Они могут быть сопоставлены с «черными шаманами», известными в средневековую эпоху у пермских финно-угорских народов, выразительный рассказ о которых сохранился в «Житии Стефана Пермского» (конец XIV в.). Такие шаманы выполняли функции знахаря и прорицателя, судьи и хранителя традиций, они же совершали обычный ритуал камлания.

Итак, скудные строчки документов XVI в. после их сопоставления с другими источниками ожили, наполнились глубоким реальным содержанием. Стал ярким образ жрецов-арбуев, четыре с половиной столетия назад успешно конкурировавших с христианскими священниками...

Возникает вполне естественный вопрос — в какой степени население этого времени можно все же считать христианизированным? Снова обратимся к посыльным грамотам и задержим внимание на сообщении о том, что местные кудесники-арбуи давали имена новорожденным. Значит ли это, что младенцев не крестили и тогда, даже по формальным признакам, жители северных областей Руси оставались язычниками? Вопрос этот отнюдь не такой простой, как может представляться на первый взгляд. В руках у исследователей средневекового прошлого Новгородской земли имеется драгоценный источник — писцовые (переписные) книги всего населения края, древнейшие из которых составлены еще на рубеже XV—XVI вв. Их появление было продиктовано вполне объяснимыми историческими причинами. В 1478 г. была окончательно ликвидирована независимость боярской Новгородской республики, а сам Новгород с его обширными владениями был подчинен Москве. Московскому правительству требовалась точная перепись жителей приобретенного края для исчисления оброков и податей. По всем погостам Новгородской земли разъехались московские писцы, записывая дворовладельцев, размеры их земельных угодий, объем посевов и т. д. Сотни и тысячи доселе безымянных крестьян вдруг приобрели свои имена и прозвища...

Обращаясь к этим именам, мы сталкиваемся с поразительной картиной: у живущих в одном дворе братьев один нередко имел христианское, а другой — местное имя; отец мог быть записан

в писцовых книгах как Петр или Иван, а сын его оказывался Гошумем, Вишумем и т. д. Такая пестрота личной ономастики может объясняться наличием у крестьян двух имен, одно из которых давал при крещении священник, а другое — местный жрец-арбуй. Наиболее нравившееся имя и сообщалось их владельцем писцам из Москвы, которым были абсолютно безразличны скрывающиеся за этим тонкости религиозного порядка.

Вырисовывающаяся картина представляет собой своего рода ключ к пониманию религиозной обстановки, сложившейся на северо-западе Новгородской земли к шестнадцатому столетию. С эпохи Александра Невского, определившей начало непосредственного внедрения догматов православия в местную среду, прошло уже около трех столетий. За этот длительный период элементы новой религии постепенно откладывались в сознании многоплеменного населения края. Наиболее активно процесс христианизации протекал в погостских центрах — местах сосредоточения духовенства и в местностях, осваивавшихся из окрестностей русских городов. Значительно более затяжной характер носило распространение православия в финно-угорских землях. Влияние финского язычества на систему славянских верований определило устойчивость и консервативность дохристианских традиций. Повидимому, прав был В. О. Ключевский, писавший, что если бы преподобный Феодосий Печерский (XI в.), впервые применивший понятие «двоеверие» для характеристики духовных воззрений своего времени, увидел, «как потом к христианству прививалось вместе с язычеством русским еще чудское, он, может быть, назвал бы столь пестрое религиозное сознание троеверием»²⁴.

Двоеверие представляло собой синкретизм язычества и христианства, называемое иногда этнографами православным язычеством. Применительно к эпохе XVI в. можно констатировать, что компромисс между двумя религиозными системами был явно неустойчив. Северные крестьяне в это время уже имели общее представление о догматах православной церкви, однако это не мешало им совершать «молбища» языческим богам. В основном пришел к завершению языческий курганный обряд погребения, но хоронить умерших сородичей местное население предпочитало не у церквей на погостах, а на своих исконных кладбищах близ деревень. При крещении детей и на похоронах отнюдь не исключалось участие священников (думается даже, что обличительный акцент посыльных грамот XVI в. был преувеличен), но не вызывает сомнения важная роль в совершении этих обрядов языческих жрецов.

Неустойчивый (в целом наиболее близкий к язычеству) компромисс между идеологическими системами был разрушен в 30—40-х гг. XVI в. Новгородский митрополит Макарий и его преемник Феодосий не ограничились обличительными грамотами. В Водскую пятину, в «Чюдь и Ыжеру» был отправлен с миссионерской целью инок Илья, которого сопровождали вооруженные «дети боярские». Ревнителями православия были разрушены святилища, иссечены жертвенные рощи и сброшены в воду культовые камни. Жестокая кара постигла жрецов-арбуев, суровый запрет, подкрепленный силой оружия, был наложен на все «бесовские игрища». Запрещалось хоронить умерших по селам, вменялось в обязанность посещать все богослужения в погостских церквях. Не соблюдающие этих требований крамольники подвергались аресту и отправке в Новгород на суд во Владычный двор.

По-видимому, эти меры достигли определенного результата. Именно в XVI в. прекращают функционирование древнерусские могильники Водской земли. В зоне финно-угорского расселения православие распространялось более медленно, но и здесь наблюдается усиление христианского воздействия, выразившееся, в частности, в появлении над могилами XVI в. первых каменных крестов; более чем вероятно, что это связано с деятельностью миссионера Ильи и его преемников в «чудских» погостах.

Набиравшее в последующем свою силу православие вбирало в себя элементы древних самобытных воззрений и культов; при этом изменялся облик самого православия, шло его «язычечавание», приспособление к жизни народа, к народному «языческому» сознанию, мироощущению, психологии²⁵. Но эта весьма интересная тема уже выходит за пределы нашего историко-культурного очерка о средневековом прошлом населения Северо-Западной Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повесть временных лет. Ч. 1. М.—Л., 1950. С. 80.

² Там же, с. 120.

³ Носова Г. А. Язычество в православии. М., 1975. С. 3.

⁴ Петрухин В. Я. Язычество славян в свете междисциплинарных исследований // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1984. С. 274.

⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 88 и 89.

⁶ Моця А. П. Трупосожжение и трупоположение у славян Среднего Поднепровья // Славяне и Русь. Киев. 1979. С. 115—122.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 78.

⁸ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 1, М., 1962, под 1227 г.

⁹ *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 208—209.

¹⁰ Новгородская первая летопись. С. 81.

¹¹ *Шаскольский И. П.* Борьба Руси. С. 216.

¹² *Рыбаков Б. А.* О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 31.

¹³ *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. С. 540—546.

¹⁴ *Рябишин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси. XI—XIV вв. Л., 1981.

¹⁵ Дополнения к актам историческим. Т. 1. СПб., 1846. С. 27—30; Прибавления к Псковским летописям // Полное собрание русских летописей. Т. V. СПб., 1897. С. 73—74.

¹⁶ Сравни: *Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джансон Т. Н.* Письменные известия о корелах. Петрозаводск. 1990. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 68.

¹⁸ Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. СПб., 1860. С. 235; Житие святого Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897. С. 35.

¹⁹ *Александров А. А.* О следах язычества на Псковщине // Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 175. М., 1983. С. 12—17; *Курбатов А. В.* Культовые камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // *Латиш В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. Часть 2 (приложение). СПб., 1995. С. 179—193.

²⁰ *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. С. 254—256.

²¹ *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 1. М., 1956. С. 300—303.

²² Повесть временных лет. С. 119—120.

²³ *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР, 94. М., 1983. С. 144—145.

²⁴ *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 1. С. 307.

²⁵ *Носова Г. А.* Язычество в православии. С. 14.

А. И. САКСА

**ВЫБОРГ — ГОРОД ЧЕТЫРЕХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ**
(итоги исследований 1998—2000 гг.)

ВЕХИ ИСТОРИИ

Выборг находится в западной части Карельского перешейка при впадении западного, ныне практически пересохшего, русла Вуоксы в Выборгский залив (рис. 1). Город является центром самого северо-западного, граничащего с Финляндией, района Ленинградской области. Земли эти издавна были заселены карелами, давшими название всему перешейку между Финским заливом и Ладожским озером. Отмеченное географическое положение, а также проходящие через перешеек водные пути делали эту территорию чрезвычайно выгодной уже на раннем этапе ее освоения для охотничьих и промысловых поездок далеко на север, а затем, по мере развития торговли на Балтике, разветвленная сеть рек и озер стала важнейшим фактором формирования местного рынка и прежде всего рынка пушной торговли. Эти водные пути имели прямой выход как в Финский залив, так и в Ладожское озеро, а через них непосредственно на международные водные пути и центры торговли. Немаловажное значение для экономики карел к первой половине II тыс. н. э. стали иметь плодородные земли по долинам рек и берегам озер. Все эти благоприятные обстоятельства давали карелам возможность использовать себе во благо упомянутые выше природные факторы.

Карелы, как и другие прибалтийско-финские племена побережья Финского залива (водь, ижора), достаточно долго сохраняла независимость, не входя формально в состав Новгородского государства. До начала массированного наступления Швеции и немецких крестоносцев на регион Невы эти земли управлялись местными старейшинами и в какой-то степени являлись ничейными. Активное участие в этой экспансионной политике принимала папская курия, что придавало шведским и орденским военным предприятиям середины—второй половины XIII в. характер крестовых походов. Успешно проведенные Александром

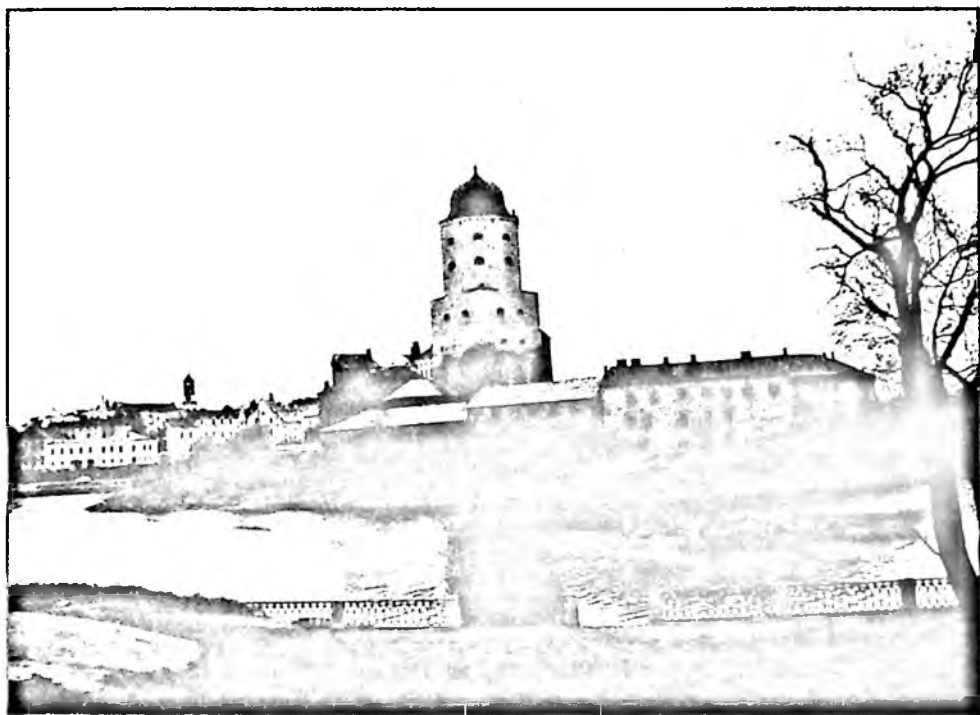
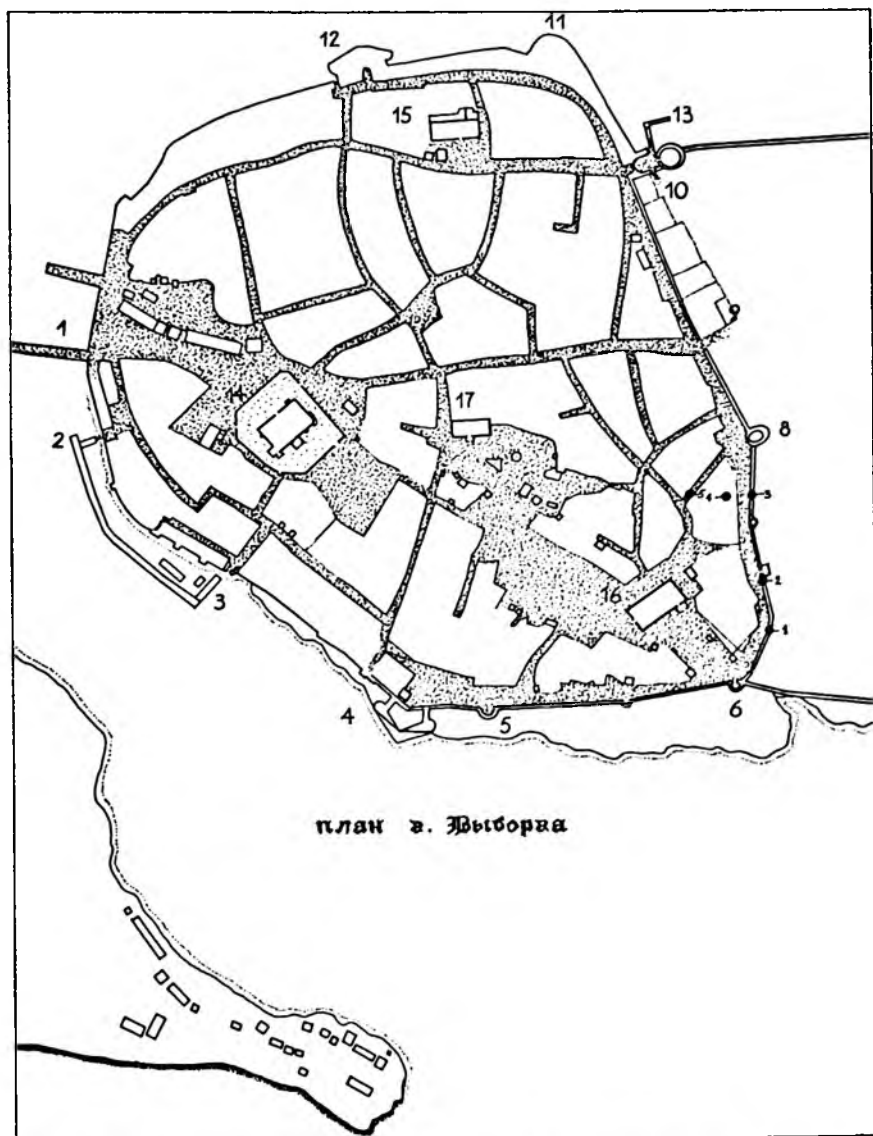

Рис. 1. Выборгский замок и город Выборг. Вид с севера

Ярославичем (Невским) битвы в устье р. Ижоры на Неве и на Чудском озере установили надолго стратегическое равновесие в регионе. Параллельно укреплялась административная власть Новгорода на территориях и ранее находящихся под его влиянием. На место союзнических и договорных обязательств приходит административное подчинение и включение в состав Новгородского государства. С 1270-х годов в источниках уже постоянно упоминается Карельская (Корельская) земля Великого Новгорода, для управления которой назначался наместник. Одновременно на этом заканчивалась эпоха межплеменных войн корелы с емью.

На другом берегу Финского залива аналогичные по характеру и содержанию события начали происходить столетием раньше. Швеции в результате так называемого первого крестового похода в Финляндию (середина 1150-х гг.) удалось утвердиться в земле суми (Юго-западная Финляндия) и в дальнейшем построить в устье реки Аурайоки каменный замок Або (Турку). Успеху операции способствовало то, что эта территория (области Сата-

план г. Выборга

Рис. 2. 1—5 (черные кружочки) — места раскопок 1998—2000 гг.
1—17 — средневековые сооружения города:

1 — место Торговой (также Круглая и Воротная) башни; башни (в том числе проездные): Катанпяя (2); Хакона (3); Уусипортти (Новая) (4); Памппала (5); Монашеская (также Зимняя) (6); Ратушная (7); Андреаса (8); Королевская (Центральная) (9); Карьяпортти (10); Лакамунда (11); Водяная (12); Круглая (построена позднее других в 1547—1550-е гг.). Проездными или своего рода воротными устройствами являлись башни Торговая, Катанпяя, Хакона, Уусипортти, Королевская (Центральная), Карьяпортти. 15, 16 — церкви францисканского и доминиканского монастырей; 17 — Ратуша

кунта и Каланти) уже находилась под шведским религиозным и торгово-экономическим влиянием. Второй крестовый поход был осуществлен в центральные населенные язычниками земли Финляндии (Хяме) в конце 1230-х гг. и связан с именем известного по Невской битве 1240-го года яряля Биргера. В Финляндии возник еще один шведский форпост — замок Хямеенлинна.

Третий крестовый поход был направлен в Карелию и с ним связано основание Выборгского замка в 1293 году. На острове, который позднее стал называться Замковый, к моменту строительства шведами первых укреплений уже существовало карельское укрепленное поселение¹. Оно запирало устье западного рукава Вуоксы во внутренней части Выборгского залива, являясь частью цепи укрепленных городков по самой главной водной артерии древней Карелии. Шведы, хорошо понимая, что тот, кто владеет всеми этими укреплениями (помимо Выборга еще Тиверский городок и Кякисалми — Корела), станет обладателем всей Карелии, уже на следующий год совершили поход в восточную часть перешейка. Новгородцы не могли смириться с захватом стратегически важного городка, контролирующего выход из Вуоксы в Ладогу, и вскоре (1295 г.) отбили его у шведов, после чего значительно усилили. В 1310 г. на месте обветшавшей крепости была построена новая — Корела. Безуспешные попытки новгородцев овладеть новоотстроенным шведским замком в западной части Карельского перешейка, так же как и неудачная попытка шведов продвинуться к берегам Ладоги, обозначили определенное равновесие сил, которое было закреплено мирным договором, «вечным миром», подписанным в только что построенной новгородской крепости Орешек в устье Невы в 1323 г. Новгород был вынужден оставить шведам три западных карельских погоста, и с этого времени начинается шведская история Выборга, получившего городские привилегии в 1403 г.

Попытки новгородцев овладеть Выборгом продолжались и в XV веке. В 1411 году им удалось сжечь часть города и захватить в плен значительное количество его жителей, но замок взять не смогли. Следующую попытку завладеть городом, который к тому времени уже был защищен каменной стеной, предприняли московские войска осенью 1495 года. Поход на Выборг огромного по тем масштабам войска был частью объявленной Великим князем Иваном III войны Швеции. Поводом послужило нарушение шведами условий Ореховского мирного договора, а конкретно постройка на новгородской стороне в 1470-х гг. мощной каменной крепости Олавинлинна и захват части ранее принадле-

жавшей Новгороду территории. Открытым считался также вопрос о трех западных новгородских погостах Эурепя, Яскис и Саволакс. Швеция, ссылаясь на имеющийся у нее фальсифицированный текст договора, не признавала претензий московского князя. Осада Выборга длилась с 24 сентября по 15 декабря 1495 года. Московские войска были близки к победе, однако решающий штурм 30-го ноября не удался. Пограничная полоса в 80 миль перешла в руки русских. Следует в этой связи упомянуть, что события у Выборга были лишь частью той политики, которую проводил Иван III на Балтике с целью получить выход к морю. Проведенные в 1497 году в Новгороде переговоры привели к миру, сохранявшемуся вплоть до русско-шведской войны 1555—1557 гг. И на этот раз попытки русских войск овладеть городом и замком не увенчались успехом. Необходимо в этой связи заметить, что как замок, так и город постоянно укреплялись и их оборона совершенствовалась. Особенно масштабные работы были проведены в середине 1470-х гг. во время наместничества Эрика Аксельсона Тотта (городская стена, усиление замковых стен и строительство новых башен) и в период правления Густава Вазы и Юхана III в середине и второй половине XVI века (Круглая башня и бастионы с восточной части городской стены, а также перестройка верхней части башни св. Олафа и другие работы в замке).

Помимо военных действий разрушения городу причиняли и пожары — обычное явление для средневековых городов. Наиболее уничтожительный произошел в сентябре 1594 года, во время которого пострадали даже башни замка. К XVI веку назрела кардинальная перестройка городской уличной сети и с конца 1630-х—начала 40-х годов начинается период регулярной застройки; на место беспорядочной средневековой уличной сети приходят прямые, пересекающиеся под прямым углом улицы (рис. 1, 2). Начинает преобладать строительство каменных домов, некоторые из которых и ныне видны в городе. Значение Выборга как исторического торгового центра возрастает. Выборг был и остается многонациональным городом, а также крупным религиозным (с первой половины XIV в. в городе функционируют кафедральный собор, доминиканский и францисканский монастыри) и культурным центром² (рис. 2). Реформация середины XVI в., естественно, внесла свои изменения в эту картину.

С заключением Столбовского мира между Швецией и Россией в 1617 г. Выборг оказывается в глубоком тылу и теряет военное значение. В то же время его торговля переживает еще

большой расцвет. В городе существовала значительная по величине колония немецких купцов. Общее количество населения в нем достигало в середине XVII в. четыре тыс. человек. Большинство горожан составляли финны (вне сомнения сюда следует включить также и местное карельское население), затем следовали шведы. Богатая верхушка бюргерской среды формировалась главным образом из немцев и шведов. Своего рода визитной карточкой города служили представительная двухэтажная каменная ратуша и кафедральный собор с колокольной.

Длившийся 417 лет шведский период в истории Выборга закончился 13 июня 1710 г., когда войсками Петра после более чем двухмесячной осады и бомбардировок город был взят и последний комендант города сдался на милость победителя. В истории города наступил российский период, длившийся до 1812 года, когда Выборгскую губернию (существовала с 1743 г.) присоединили к остальной Финляндии (Великому княжеству Финляндскому). После взятия города были устранены разрушения от осады и организована новая власть. Однако сильный пожар 17 июля 1738 года принес новые разрушения. Количество жителей в результате войны и последующих тяжелых лет сократилось практически втрое; в 1718 году их насчитывалось лишь 1327 человек. Большая часть покинувших город были немцы и шведы. Для защиты города на этот раз уже с запада еще в последние годы правления Петра планировались новые, отвечающие современным требованиям укрепления. В 1740 году эти укрепления получили название по имени императрицы Анны Иоанновны (Аннинские). Расцвет Выборга наступил в эпоху Екатерины Великой, когда был утвержден новый генеральный план города и построены многие административные, жилые и культовые здания. Значительно вырос объем торговли, и город опять стал привлекателен для купцов, прежде всего немецких, значительная часть которых происходила из стран Прибалтики.

С 1917 года Выборг становится вторым по величине городом независимой Финляндии и неформальной столицей Финской Карелии. В 1944 г. город был отвоеван советскими войсками. Ныне Выборг переживает не лучшие времена, однако восстановление его «генетической памяти», стабилизация властных структур и активная и конструктивная позиция общественности города вполне реально могут остановить процесс захирения города и хотя бы отчасти вернуть ему былую славу.

Археологическое изучение Выборга впервые было предпринято в конце XIX в., когда А. Хакман провел исследования Выборгского замка. Он также произвел небольшие раскопки в подвале башни Святого Олафа. В 1893 г. был основан Выборгский исторический музей, в котором экспонировались также и некоторые обнаруженные при земляных работах вещи. Летом 1913 г. были разобраны при модернизации порта укрепления Южного вала. За этими работами надзор осуществлял С. Пяльси, который также обследовал Кафедральный собор. На следующий год другой финский археолог Ю. Ринне на основании отчета Пяльси произвел внутри собора раскопки. С 1927 по 1937 год надзор за историческими памятниками города осуществлял О.-И. Меурман, являющийся в то же время главным архитектором города. Незначительные по объему археологические раскопки в Выборге эпизодически происходили на месте францисканского собора в 1925 г. (У. Ульберг) и в 1936 г. (Е. Кахила). В 1941 и 1943 гг. О. Ниemi производил спасательные работы у Доминиканского собора и внутри него³.

В советский период археологические исследования Выборга были начаты в связи с образованием в замке краеведческого музея в 1960-е годы и происходили исключительно на Замковом острове (Е. А. Кальюнди, 1965, 1967, 1969 гг.). В 1979 г. была образована Выборгская архитектурно-археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (начальник В. А. Тюленев), исследовавшая в 1979—1994 гг. территорию Замкового острова (1979—1991 гг.), Кафедральный собор (1985—1991 гг.), монастыри Доминиканцев (1985—1994 гг.) и Францисканцев (1979, 1986 гг.), а также основание Скотопроегонной башни и часть основания городской стены 1470-х гг. у Круглой башни на Рыночной площади (1978 г.). Новостроечные работы и шурфовка культурного слоя были проведены практически на всей территории средневекового города. Основные работы, принесшие новые наиболее важные данные по истории замка и города, были проведены на Кузнечном дворе, где выявили и изучили предшествующее шведскому замку карельское поселение новгородского времени, а также на Рыночной площади, где изучен целый комплекс средневековых оборонительных сооружений, состоящий из башни, участка городской стены и воротного устройства — барбакана. Часть успешно выполненных

работ на Замковом острове имела целью изучение строительной истории замка ⁴.

После безвременной кончины В. А. Тюленева ответственность за археологическое исследование Выборга перешла к автору настоящей работы, коллеге Вячеслава Альбертовича по Институту и исследованию древнего прошлого карел. Новый этап изучения города экспедицией Института истории материальной культуры РАН (бывший ЛОИА АН СССР) под руководством автора этих строк начался в 1998 году и был связан со спасательными работами у Ратушной башни и примыкающем к ней участке средневековой городской стены, переданным катакомбной церкви для устройства в башне церкви, а у стены «катакомбы — пещеры», своего рода алтаря. Деньги на исследование уже открытого к тому времени участка стены 1470-х годов и основания башни срочно нашлись в Финляндии, в Фонде содействия изучению карельской культуры (г. Йоенсуу). Дальнейшие исследования Выборга также финансировались упомянутым Фондом. В 1998 г. была произведена лишь зачистка вскрытого участка стены. Собственно же раскопки на этом участке (рис. 2: 1—5) продолжались два следующих сезона. Раскопы были заложены как с внутренней, обращенной к городу, стороны стены, так и с наружной у основания башни. В ходе работ выявились интересные детали, связанные со строительством городской стены во второй половине XV в. и ее позднейшим состоянием. При том, что башня и стена строились одновременно, нижние три ряда камней в городской стене уложены «впритык» к башне и лишь более верхние ряды вмурованы в нее. Сохранившаяся высота стены на этом участке достигала 3-х метров, а первоначальная (у башни) 5,2 м. Ширина ее составляла 2 м. При строительстве, по-видимому, постоянно ощущалась нехватка известкового раствора и поэтому пространство внутри стены между облицовочной кладкой было заполнено большим, чем принято, количеством достаточно крупных камней, скрепленных незначительным количеством раствора. Это делало стену уязвимой для артиллерии и влияния погодных условий. Процесс разрушения стены пытались остановить или замедлить при короле Юхане III, по указу которого в 1580 г. следовало укрепить стену башнями — бревенчатыми клетями, заполненными землей и камнями. При раскопках 1999—2000 гг. выявлены как следы разрушения городской стены на разных горизонтах, так и остатки конструкций защиты наружной части стены от разрушения, которые не в полной мере соответствовали классическим башням.

С наружной стороны стены в нижней части культурных напластований выявлен мощный слой пожара. Наиболее вероятно, что это следы осады русскими войсками города в 1495 году.

При раскопках прослежены некоторые приемы строителей в связи со сложностями рельефа территории города. Так, чтобы получить горизонтальную поверхность, ими под основание стены в случае углублений в скале в них укладывались более крупные камни, а при наклоне поверхности скалы использовались заполненные землей и строительным мусором бревенчатые клетки. И лишь на полученную таким образом ровную поверхность укладывались камни стены, длина которой составляла около двух километров. По ее периметру возвышалось не менее девяти башен⁵. В 2000 г. был изучен также участок стены по улице Титова вблизи несохранившейся башни св. Андреаса (рис. 3).

ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДСКИХ СЛОЕВ В 2000 ГОДУ

Раскопки на углу улиц Титова и Сторожевой башни в Выборге в 2000 году (продолжены в 2001 г.) также следует назвать спасательными, поскольку они были связаны со строительством жилого дома на этом участке, котлован первой очереди которого уже уничтожил часть культурного слоя. Прежде всего были зачищены и задокументированы юго-западная и юго-восточная стенки строительного котлована, на которых было видно, что в этой части средневековый культурный слой сохранился лишь на скальной поверхности и его мощность составляет около 40 см. На противоположной, северной стороне котлована скала у улицы Сторожевой башни выходит на поверхность, в то время как на месте зачистки она залегает на глубине 2,3 м от современной дневной поверхности. Ширина котлована 15 метров. На непо тревоженной части строительной площадки были заложены два раскопа площадью 32 кв. м (№ 5) и 24 кв. м (№ 4) (рис. 4). В раскопе 5, разбитом в 3-х метрах к югу от котлована, прослеживалось лишь два строительных горизонта. Первый и наиболее мощный представляет собой слой гумуса со строительным мусором, кирпичами и скоплениями камней. В сущности, весь слой до самого нижнего предматерикового горизонта — результат перекопов XIX—XX вв. Остатки средневековых слоев выявлены лишь на поверхности скалы. В южном углу раскопа на поверхности скалы была расчищена средневековая мощеная камнем улица шириной 2,1 м (рис. 2, 4). Она вела от Доминиканского монастыря к башне св. Андреаса. С севера к ней примыкает каменный

Рис. 3. Фрагмент городской стены 1470-х гг. (раскоп № 3)

фундамент постройки размерами 3 × 2,2 м. Как известно, башня Андреаса была взорвана при осаде русскими войсками Выборга в 1495 г. и именно с ней связана легенда о «Выборгском громе», согласно которой в день святого Андреаса (30 ноября 1495 г.), когда состоялся решающий штурм, комендант замка Кнут Поссе, используя свои колдовские способности, изготовил волшебное зелье, которым взорвал башню, на которой уже были русские войска, с большим громом, вызвав этим среди них панику. Согласно другой версии в этот день на небе появился гигантский сияющий крест св. Андреаса, который так напугал русских, что они спешно отступили, теряя людей «тысячами». Легенда распространилась в Европе и уже на карте Северных стран Олауса Магнуса (1539 г.) Выборг обозначен взрывом на круглой башне.

Раскоп 4 стал эталонным с точки зрения стратиграфии средневекового культурного слоя города и его строительной истории. Он был заложен в 22 м к юго-востоку от раскопа 5, между ним и каменной городской стеной (рис. 2). В раскопе уже в верхних горизонтах сохранились непо потревоженными слои XIX в., а именно участок очень искусно вымощенной мостовой. Ниже под слоями планировочной подсыпки и слоем гумуса с примесью строительного мусора прослежены остатки деревянного сооружения в виде лежащего в центральной части по линии ЮЗ—СВ двухчастного бревна, перекрытого поперечно расположенными досками. Значительную часть северной половины раскопа занимает яма округлой формы, по-видимому мусорная, заполнение которой изобилует фрагментами кожаной обуви и кусками кожи. В ней также найден берестяной лапоть. Рассмотренное сооружение относится к периоду регулярной застройки города. Еще ниже на глубине около 1,3 м зафиксированы нижние части двух деревянных построек — пола из досок и бревенчатой мостовой. С рассматриваемым комплексом связана одна конструктивная, имеющая хронологическое значение особенность. В отличие от предыдущих горизонтов, постройка и мостовая этого слоя ориентированы в направлении запад—восток по диагонали к линии улиц времени регулярной застройки города. Это сооружение было очевидно возведено фактически накануне появления регулярной планировки. Нижележащий горизонт представлен основанием бревенчатой постройки и набросом уже ранее бывших в употреблении бревен (рис. 5). В самой нижней части культурного слоя у самой поверхности скалы на глубине около 1,8 м вскрыта угловая часть сруба со скоплением обгоревших в огне камней. Два спила из бревен постройки и соответствующего ей горизон-

Рис. 4. Средневековая улица с примыкающим к ней каменным основанием постройки (раскоп 5)

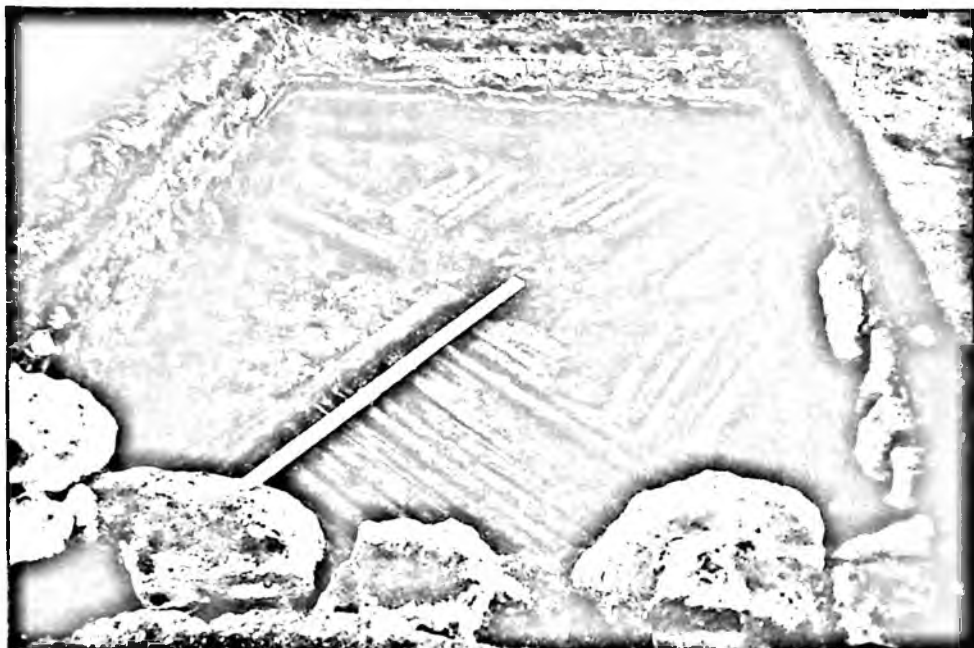

Рис. 5. Нижние части средневековых деревянных построек (предположительно XVI века) (раскоп 4)

та датированы дендрохронологически (лаборатория университета Йоенсуу, Финляндия) 1476 и 1480 гг. и соответствуют по времени со строительством городской стены Выборга. При расчистке северо-западной части раскопа выявилось необычное сооружение — водосток в виде сходящихся под углом двух покрытых берестяными листьями желобов. Они, соединившись, сливались в один желоб. Отмеченные желоба, возможно, относятся к конструкции бани. К северу от нее был открыт своего рода склад листов бересты со стандартными размерами: примерно в среднем 25 × 25 см. Между скалой и постройкой залегал слой темно-коричневого гумуса с большим содержанием щепы и навоза.

Стратиграфия культурных напластований города, выявленная в раскопе 4, дает основание для надежды получить полный разрез культурных слоев Выборга с момента застройки исследуемого участка от уровня скальной поверхности до практически времени последней войны, когда деревянные дома квартала сгорели и были позднее разобраны. Комплекс находок из раскопок 1999—2000 гг. представлен фрагментами кожаной обуви, изделиями из кожи и бересты, металла, курительными трубками и керамикой. Монетные находки представлены шведскими, российски-

ми и финскими монетами. В нижних слоях найдены грузила от сетей, аналогичные находкам из слоев XIII—XIV вв. в крепости Корела, а также поплавками из сосновой коры и обломками керамики, аналогии которой находятся в Приладожской Карелии (крепость Корела, Тиверский городок, городище Паасонвуори, могильники корелы XII—XIV вв.). Подобная керамика была распространена также во всех средневековых городских центрах Северо-Запада России. Более поздняя керамика XV—XVII вв. имеет многочисленные аналогии в Центральной и Западной Европе, Скандинавии, странах Юго-Восточной Прибалтики. Такой же широкий ареал и у моделей кожаной обуви. Местное изготовление обуви не было развитым производством, поскольку находки обрезков кожи чрезвычайно редки.

Как уже выше отмечалось, раскопки в Выборге, в том числе и работы сезона текущего года, носили спасательный характер. Это определялось тем обстоятельством, что охранные зоны средневековой части города, разработанные еще в 1992 году, до последнего момента не были утверждены на федеральном уровне. Успех раскопок отчетного периода определялся в немалой степени сложившимися доброжелательными и конструктивными отношениями с застройщиком (Выборгское строительное сообщество), а также пониманием общественностью и администрацией города ценности впервые открытых в Выборге слоев с деревянной застройкой и с хорошо сохранившимися изделиями из органических материалов, а также важности их археологического изучения. Археологические наблюдения дают основания для выводов о неравномерности освоения территории в первоначальный период истории города и времени его бурного развития, попадающего на конец XV—XVI вв. За последние два года раскопок сложился действенный коллектив экспедиции, позволяющий решать практически все сложные вопросы изучения средневекового города. Итак, данные археологии, история архитектуры выделяют Выборг как уникальное культурное явление, созданное усилиями карел, финнов, шведов, русских. Задача современности раскрыть и сохранить все богатое наследие, созданное в течение веков этими народами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тюленев В. А. 1995. Изучение старого Выборга. Санкт-Петербург. 83 с.; Тюленев В. А. 1997. Сто лет археологии Выборга // Славяне и финно-угры. Археология, история, культуры. С.-Петербург. С. 173—178; Tjulenev V. A. 1987.

Viipurin arkeologisen tutkimuksen tuloksia // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita 8. C. 5—37.

² *Ruuth J. W.* 1908. Viipurin kaupungin historia. Helsinki; Neuvonen, Petri. 1994. Viipurin historiallinen keskusta. Rakennusperinnen nykytila. Helsinki. 156 s.; *Gardberg C. J., Welin P. O.*, 1996. Viipuri-kivestä rakennettu kaupunki. Juvaskyla. 143 s.; *Kent E. E.* 1992. Выборг. Художественные достопримечательности. Выборг; *Gardberg.*

³ *Тюленев В. А.* 1995. Изучение старого Выборга. Санкт-Петербург. С. 7—14; *Тюленев В. А.* 1997. Сто лет археологии Выборга // Славяне и финноугры. Археология, история, культуры. С.-Петербург. С. 173—178; *Saksa A., Suhonen M.* 2001. Viipurin kaupunkikaivukset 1999—2000 // Hiidenkivi 2. С. 26—29; *Saksa A., Suhonen M.* Каупункіаркеология Виіpurіssa (в печати).

⁴ *Тюленев В. А.* 1995. Изучение старого Выборга. Санкт-Петербург. С. 15—82.

⁵ *Sinisalo A.* 1972. Viipurin keskiaikainen kaupunginmuuri // *Monrepos* 1. С. 6—9; *Тюленев В. А.* 1995. Изучение старого Выборга. Санкт-Петербург. С. 43—48.

П. Е. СОРОКИН

АРХЕОЛОГИЯ МОРЯ.

ПОДВОДНОЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ

В конце октября 1809 года русский фрегат «Поллукс» под командованием капитан-лейтенанта П. Ф. Тротскевича, возвращаясь из Финляндии в Кронштадт, стал на неизвестный ранее подводный камень в 8 милях к западу от маяка Урренгрунт. Повреждения были значительны — сильным ударом оторвало руль и часть киля. Командир принял меры по спасению корабля — для облегчения в воду было сброшено несколько пушек, после чего «...стали было стягиваться с мели». Однако открылась большая течь, что угрожало потоплением на глубине. Тогда для спасения команды, груза, да и самого корабля решено было стать на мягкую мель. Был взят курс к острову Унасу, находившемуся поблизости. Но случилось непредвиденное — по пути корабль ударился о другой камень. На этот раз пробоина оказалась для него роковой. Получив сильную течь и сойдя на глубину 12 сажень, он вскоре затонул. Люди пытались спастись на шлюпках, на обломках рей и мачт, торчавших некоторое время над поверхностью. Единственной надеждой на спасение был находившийся недалеко островок. Положение осложнялось сильным ветром, сумерками и в особенности низкой температурой воды. В результате в борьбе с разбушевавшейся стихией, прежде всего от переохлаждения, погибли: капитан корабля, пять офицеров и 134 человека нижних чинов. Спасти удалось лишь 94 членам команды фрегата.

Комиссия, расследовавшая обстоятельства крушения, пришла к заключению, что единственным правильным выходом в создавшейся ситуации могла быть постановка корабля на якорь на первой банке и перевозка людей на сушу на шлюпках. «...Но капитан, заботясь о своей чести более чем о жизни, поступил как должно искусному и неустрашимому офицеру и не захотел оставить вверенного ему фрегата, желая испытать все, что было возможно для спасения его. Опыт имел пагубные последствия,

но поступок его достоин удивления и подражания» — говорилось в рапорте.

В исторических архивах Санкт-Петербурга хранятся сотни дел, свидетельствующих о морских трагедиях прошлого, каждое из которых повествует о событиях не менее драматичных, чем гибель пресловутого «Титаника». Тысячи кораблей нашли свое последнее пристанище в водах Финского залива и Ладоги, где с давних пор проходили оживленные корабельные пути. Уже в средневековье эти воды бороздили дракары и кноры викингов, ганзейские коggi и ладьи новгородцев. Но особенную интенсивность судоходство приобретает здесь после основания Петербурга, куда с востока по речным системам стекались грузы из бескрайней России, а с запада приходили корабли со всего мира.

Опасности для мореплавателей здесь крылись в мелях, подводных камнях и порогах, в отсутствии надежных гаваней, где можно было бы переждать штормовую погоду.

Множество судов затонуло вблизи Петербурга. Известно, что только за первые 15 лет его существования в Южной Ладоге, связывавшей Северную столицу с центральными областями России, погибло более 10 тысяч судов, перевозивших продовольствие, строительные материалы и прочие грузы, необходимые в строящемся городе. Именно это и послужило причиной петровского указа о сооружении обводного канала вдоль южного берега озера, опасного для судоходства.

В результате изучения документов о гибели судов, исторических водных путей и навигационных карт определились места массовых кораблекрушений различных эпох, представляющих интерес для проведения подводно-археологических работ. Они находятся на опасных для плавания участках водных магистралей. В Финском заливе это: Нарвская и Выборгская бухты, окрестности островов Гогланд, Котлин и Березовых. В Ладожском озере кладбища судов находятся в юго-западной части — от истоков Невы до устья Волхова. Интересным представляется также изучение порожистых участков рек Волхова, Наровы и Невы (рис. 1).

Каждый из затонувших кораблей представляет собой маленький мир — срез всего того, что имеется на большой земле, скрытый в морских глубинах. Известно, что во все времена корабль представлял собой комплекс наивысших достижений построившего и снарядившего его общества. Здесь воплощались новейшие инженерные решения, заключенные в конструкции и устройстве судна. Военные суда оснащались новейшими корабельными

Рис. 1. Преодоление Волховских порогов, 1638 г.
Гравюра из книги Адама Олеария

орудиями и боеприпасами, а их команда вооружалась современными ружьями, пистолетами, кинжалами и шпагами. Навигационные инструменты и карты характеризуют широту познаний в области судоходства и астрономии. В ростре — носовой фигуре и резных украшениях каждого корабля, в его архитектурном оформлении находит отражение художественный стиль породившей его эпохи. Грузы транспортных судов содержат информацию об экономике и торговле своего времени. Кроме того, на корабле имеется полный набор личных вещей членов команды: одежда, обувь, украшения, посуда, провиант, монеты и многое другое. Наконец, зачастую здесь находят и сами владельцы всего этого, те, для кого затонувший корабль стал местом последнего упокоения.

Подъем на поверхность потерпевших крушение кораблей и их грузов в окрестностях Санкт-Петербурга начинается с петровского времени. В 1715—1722 гг. южнее острова Котлин проводятся работы по подъему затонувшего после попадания молнии корабля «Нарва». Но только в 1882 г. в Кронштадте была основана специальная водолазная школа, выполнявшая подводные технические работы. Развитие водолазного дела и совершенство-

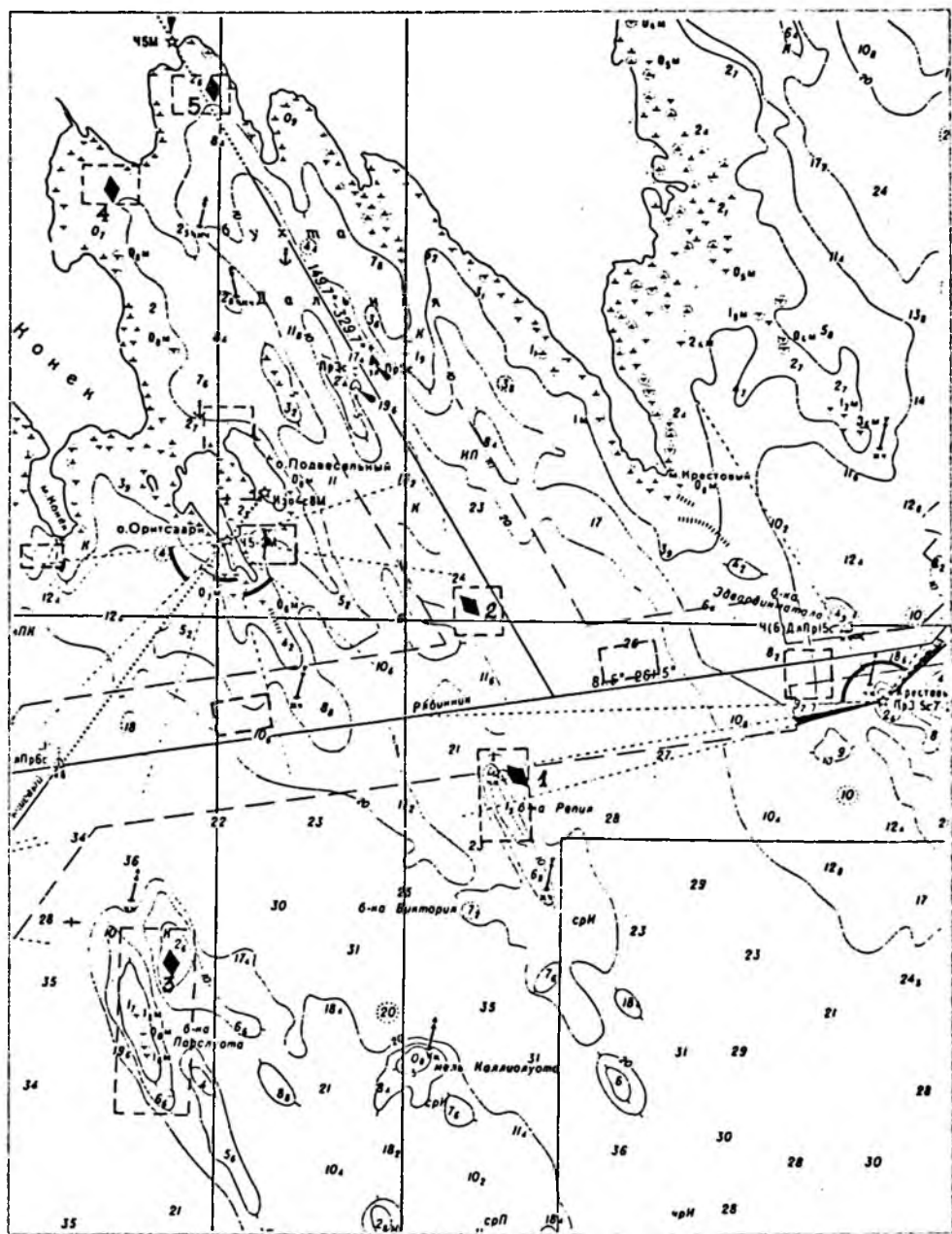

Рис. 2. Корабли, обнаруженные на месте Выборгского сражения:
 1. Линейный корабль «Хедвига Элизабет Шарлотта»; 2. Фрегат «Земира»;
 3. Линейный корабль «Ловиза Ульрика»; 4. Остатки двух кораблей в бухте Дальняя; 5. Лодка в бухте Дальняя

вание техники судоподъемных работ открывало новые перспективы для ведения подводно-археологических исследований.

Первой подводной находкой, изученной археологами на Северо-Западе России, стала ладья, груженная каменными ядрами, которая была найдена рыбаками у истоков реки Наровы в Чудском озере (рис. 3). Обследовал ее петербургский археолог В. Н. Глазов. Работы по подъему отдельных частей ладьи и ядер производились зимой через прорубь с поверхности льда, с помощью специального приспособления, напоминающего щипцы¹.

Зарождение российской подводной археологии как науки, связанное с городом на Неве, относится к концу 30-х гг., когда это направление было возглавлено профессором Р. А. Орбели. Импульсом к организации широкомасштабных подводных исследований стали работы Экспедиции подводных работ особого назначения, созданной в 1923 г. для поиска и подъема кораблей, грузов и ценностей с морского дна.

В своих научных работах Р. А. Орбели писал о необходимости изучения подводных памятников, проведения археологических раскопок на дне морей, а также высказал идею создания специализированных гидроархеологических научных учреждений. Он предлагал создать музей подводных изысканий и институт подводной археологии в системе Академии наук. Эти организации должны были осуществлять работы в области подводной археологии, сбор и изучение вещей, найденных в морях, реках и озерах, координацию работ краеведческих музеев и ЭПРОНа, а также создавать гидроархеологическую карту страны². Однако реализации этих передовых в то время идей не суждено было состояться из-за начавшейся Великой Отечественной войны и смерти ученого.

Первые крупномасштабные подводные археологические исследования в Северо-Западном регионе были связаны с отысканием следов сражения 1242 г. на Чудском озере («Ледовое побоище»), между русскими и немецким орденом. Они были проведены в 1957—1959 гг. комплексной экспедицией Академии наук. Из исторических документов известно, что во время этой битвы, происходившей на льду, множество отступавших орденских рыцарей утонуло в воде. Найти их останки и планировали исследователи.

Здесь впервые подводные поисковые работы велись с использованием данных гидрологии, аэрофотосъемки, с применением металлоискателей, тяжелого водолазного снаряжения и аквалан-

Рис. 3. Объекты подводно-археологического исследования на Северо-Западе России

I. Места морских сражений и поля битв: 1. Выборгское сражение 1790 г.; 2. Битва на Чудском озере 1242 г.; 3. Невская битва 1240 г.

II. Затонувшие суда: 1. Выборгский залив; 2. Ладья с каменными ядрами; 3. Нарвский залив; 4. Район острова Котлина; 5. Бухты острова Валаам; 6. Озеро Ильмень

III. Гидротехнические сооружения, гавани, укрепления: 1. Кронштадт; 2. Бухты острова Валаам; 3. Старая Ладога

IV. Стоянки древнего человека: 1. Река Нарова; 2. Сестрорецкий разлив; 3. Озеро Сенница

гов. Однако находок, непосредственно связанных с самой битвой, обнаружить не удалось. Тем не менее, были выявлены древности разных эпох, а также получены данные о значительном повышении уровня воды в этой части озера со средневекового периода, что повлекло за собой затопление побережья. В предполагаемом месте ристалища было обнаружено скопление валунов и кладки из камня и плитняка, принятые исследователями за разрушенные укрепления крепости Городец и фундаменты средневекового храма, существовавшие в этих местах ³.

В конце 80-х гг. в Финском заливе работала подводно-археологическая экспедиция Ленинградского отделения института археологии Академии наук под руководством К. К. Шилика. В результате обработки архивных материалов XVIII—XIX вв. были определены перспективные для поиска затонувших судов районы — вблизи Кронштадта, в проливе Бьеркезунд, у островов Гогланд, Сескар и Нерва. Здесь впервые были организованы поисковые исследования с использованием сонара, что позволило определить местоположение ряда затонувших судов. Одним из них стал линейный корабль «Лефорт», затонувший в 1857 г. невдалеке от о. Гогланд. В разные годы остатки судов исследовались любителями и археологами в Нарвском заливе, в районе Кронштадта, в озерах Ладога и Ильмень.

К настоящему времени несколько затонувших кораблей, обнаруженных по данным гидролокации, обследовано в Выборгском заливе и у острова Валаам на Ладожском озере. Последние из этих работ велись одновременно с наземными раскопками Валаамского монастыря, возникшего в XIV в. Его островное положение в северной части Ладожского озера способствовало развитию судового дела и рыболовства у его обитателей. Наиболее удобными местами для стоянки судов на острове были Монастырская и Никоновская бухты.

Подводные исследования проводились здесь в 1990—1991 гг. На глубинах до 10 метров вблизи берега было обнаружено семь судов XIX—начала XX столетий и старый плавучий причал. Затопленные суда, принадлежавшие монастырю, служили для транспортировки грузов и пассажиров, а также для рыболовства. Среди извлеченных на поверхность находок: двушквивный блок, два кованных якоря кошки и один адмиралтейский системы Паркера.

Интересным объектом являются остатки рыбопроизводных сооружений монастыря. Они представляли собой закрытую акваторию, отделенную двумя рядами ряжей — деревянных срубов,

заполненных булыжником. В их центральной части имелись пропускные сооружения. Согласно описаниям XIX века сюда помещали икру ценных пород рыб, а после появления мальков их выпускали в озеро, пополняя, таким образом, рыбные ресурсы вблизи островов Валаамского архипелага ⁴.

Морские сражения XVIII—XIX столетий, происходившие в российских водах Финского залива почти не оставили после себя никаких следов. Исключение составляет Выборгское сражение 1790 г., которое по праву считается одним из крупнейших в истории Балтики. Весной 1790 года шведский флот пытался прорваться к Санкт-Петербургу. Однако после неудачи шведские корабли укрылись в Выборгском заливе, где были блокированы русским флотом. После месячного противостояния, 22 июня, с попутным ветром шведский флот начал прорыв вдоль западного берега залива в обход главных сил русских. К началу сражения шведские силы включали: 22 линейных корабля, 13 фрегатов и около двухсот более мелких судов. В состав русского флота входили: 27 линейных кораблей, 14 парусных и гребных фрегатов, 2 бомбардирских корабля и около 160 гребных судов.

Основной удар принял на себя, стоявший на пути шведских кораблей у мыса Крестовый, отряд контр-адмирала Л. А. Павлишина, в составе пяти линейных и одного бомбардирского кораблей. Именно здесь разгорелось наиболее ожесточенное сражение. Шведские корабли, стремившиеся поскорее проскочить опасный участок, находившийся под обстрелом, загорались, садились на камни и шли ко дну. В сражении погибло около 30 шведских судов. Основная часть их затонула у мыса Крестовый.

Из архивных документов известно, что обстоятельства гибели этих судов были различны. Три из них затонули мгновенно в результате сильного взрыва. Некоторые же из кораблей стали на камни и затем еще длительное время оставались на поверхности, что позволило победителям снять с них часть вооружения и снаряжения до их полной гибели во время штормов.

Изучение места Выборгского сражения было начато Выборгской экспедицией (ИИМК РАН) под руководством В. А. Тюленева в 1990 г. (рис. 2). В этом году была предпринята попытка проведения эхолокации в проливе Бьеркезунд у мыса Крестовый и на банках Репия и Пааслуото, где, согласно документам, затонула основная часть кораблей. Тогда же здесь впервые были проведены разведочные подводно-археологические погружения.

На склонах банок были обнаружены: корабельные детали, глиняная черепица, фрагменты поливных керамических сосудов, которые связывались с погибшими шведскими судами.

Работы активизировались в 1994 г., когда в заливе работали две международные экспедиции. Российско-итальянской экспедицией были обследованы два деревянных судна в бухте Дальняя, обнаруженные местными рыбаками на мелководье⁵. Российско-шведской экспедицией «Аврора» был обнаружен и осмотрен шведский военный корабль у подножия банки Репия. Судя по всему, это был линейный корабль «Хедвига Элизабет Шарлотта», разбившийся согласно описаниям здесь о камни⁶. В следующем 1995 г. были более подробно обследованы конструкции корабля, выступающие из грунта, и подняты отдельные детали его такелажа и рангоута.

В том же 1995 году на банке Пааслуота был найден еще один из кораблей, погибших в сражении, по предварительным оценкам — линейный корабль «Ловиза Ульрика»⁷.

В 1995—1996 гг. были проведены подводно-археологические раскопки 12-метрового деревянного судна в бухте Дальняя. Раскопки велись с помощью пневмоэжектора послойно по квадратам. В ходе этих работ проводилась графическая и фотографическая фиксация конструкций судна и отдельных находок. Все поднимаемые на поверхность судовые детали были нанесены на сводный план и переданы в лабораторию консервации. Радиоуглеродная датировка остатков показала, что исследованное судно относится к XVIII столетию, а, следовательно, также может быть связано с Выборгским сражением.

В 1998 г. с участием представителей ассоциации «Маре Нострум» археоклуба «Италия» были начаты научные исследования еще одного из шведских кораблей, погибших у мыса Крестовый. Он был обнаружен в 1996 г. фирмой «Интари» по результатам гидролокации бокового обзора на глубине около 28 м. Было установлено, что остов корабля, сохранившийся до нижней палубы, выступает из грунта на высоту до 1,8. Размеры обнаруженной носовой части корабля составляют около 30 м в длину и 11 м в ширину.

Конструкции судна, сделанные из дуба, носят явные следы разрушения и пожара. Обшивка двойная, каждый слой которой состоит из брусьев толщиной около 10 см. В верхней части шпангоутов сохранились массивные деревянные нагеля, крепившие кницы, несшие на себе не сохранившийся палубный настил. С внешней стороны борта покрыты медными листами, размера-

ми 1,6 × 1,6 м, толщиной 0,5 см. Медная обшивка предохраняла подводную часть судна от повреждений и гниения.

Внутренняя часть корпуса оказалась заполнена балластом — гранитными булыжниками. Среди развала деревянных конструкций корабля зафиксированы орудийные стволы и части лафетов. Здесь же в значительном количестве встречены пушечные ядра и заряды, железные обручи от бочек, использовавшиеся для хранения воды или провианта, детали рангоута и такелажа, бухты канатов. Скопление кирпича в носовой части является остатками судовой печи. Вблизи корабля обнаружен якорь высотой около 2,5 м с деревянным штоком.

Состояние останков корабля, подвергшегося разлому и сильному пожару, его местонахождение, конструкция и отдельные размеры позволяют предполагать, что обнаруженный остов принадлежит фрегату «Земира», построенному в 1785 г. в Карлскруне по чертежам известного кораблестроителя Чапмана. Из документов явствует, что в пылу сражения корабль столкнулся с двумя другими шведскими судами: горящим брандером «Постильон» и линейным кораблем «Энигхетен». В результате возникшего пожара три сцепившихся судна взорвались и пошли ко дну.

Отдельное место среди древностей, оказавшихся под водой, занимают стоянки и поселения древних людей. Их затопление произошло из-за изменения уровня воды в реках и озерах Северо-Запада. В 1983 г. в нижнем течении реки Наровы (5 км от устья) была обнаружена и изучена затопленная неолитическая стоянка «Веникюла»⁸. На донной поверхности собрали значительную коллекцию фрагментов керамических сосудов и каменных орудий.

Плодотворные подводно-археологические исследования свайных поселений эпохи неолита — бронзы IV—II тыс. до н. э. и объектов раннесредневекового времени в южной части Псковской и на севере Смоленской областей проводятся экспедицией Государственного Эрмитажа. Здесь в озерах и реках, на небольшой глубине, были изучены остатки свайных построек и настилов, а также обнаружены многочисленные орудия, изготовленные из камня, кости, рога и дерева, фрагменты деревянных и керамических сосудов. Среди вещей — богато орнаментированные предметы, зооморфные и антропоморфные фигурки. Наиболее интересные находки были сделаны на озере Сенница. Здесь на глубине 0,7—1,2 м были исследованы древние стоянки, на которых было обнаружено значительное количество фрагментов

керамических сосудов, а также такие уникальные находки, как две флейты и фрагмент лыжи. В этом же районе были обнаружены остатки железоделательного производства — сруб, заполненный железистыми шлаками⁹.

Эти работы продолжаются в настоящее время на реке Сертейка в бассейне Западной Двины на свайном поселении Сертея II. Разборка подводного торфяника ведется по квадратам вручную, с помощью ножей и мастерков. Извлекаемый со дна грунт поднимается на поверхность для промывки¹⁰.

Целое гнездо неолитических поселений было выявлено и в окрестностях Петербурга — на дне Сестрорецкого разлива. Эти стоянки оказались затоплены в начале XVIII в. в результате подъема уровня воды после строительства здесь плотины. Найдены они были впервые в 20-е гг. нашего столетия, после спуска воды из озера. Разведочные работы 1996 г. показали, что в настоящее время эти стоянки оказались перекрыты илистыми отложениями.

Многолетние подводно-археологические исследования в акваториях Северо-Запада, особенно в последние десятилетия, привели к обнаружению и предварительному обследованию значительного количества объектов и привлекли широкое общественное внимание к подводным памятникам историко-археологического наследия в этом регионе России. Сейчас в водах Северо-Запада выделяются следующие категории подводно-археологических объектов: затонувшие суда, стоянки, поселения, древние гавани и порты, гидротехнические и фортификационные сооружения (рис. 3).

В настоящее время ведется работа по созданию свода подводно-археологических объектов и их паспортизации. Она включает сбор архивно-библиографической информации и предварительное обследование затонувших судов для создания первичной учетной документации, необходимой для постановки их на государственную охрану. В 1998 году были утверждены паспорта на первые в нашей стране памятники подводной археологии. Охраняемыми объектами стали: шесть кораблей, исследованных в районе Выборгского залива, включая броненосец «Гангут», затонувший в 1897 г., грузовой корабль с каменными блоками и четыре судна, погибшие в Выборгском сражении 1790 г., среди которых линейный корабль «Хедвига Элизабет Шарлотта», фрегат «Земира». Кроме того, на государственную охрану были поставлены затопленные неолитические стоянки в районе Сестрорецка.

Имеются прекрасные перспективы создания в исторических музеях Северо-Запада экспозиций, связанных с морской археологией. Одной из интереснейших тем для экспонирования представляется Выборгское морское сражение. На его месте была бы возможна организация первого в стране подводно-археологического музея-заповедника.

Существуют возможности и туристического обозрения затонувших кораблей прямо в водной среде в легководолазных костюмах или с подводных спускаемых аппаратов, что позволило бы, с одной стороны, избежать их дорогостоящих подъема и консервации, а с другой, внесло бы в экспонирование элементы романтики и экзотики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Глазов В. Н. Лодья с каменными ядрами, затонувшая в Чудском озере. СПб., 1911.

² Орбели Р. А. Исследования и изыскания. М.—Л., 1947.

³ Караев Г. Н. Результаты подводного археологического обследования восточного побережья Чудского озера // Ледовое побоище 1242 г. М.—Л., 1966. С. 60—64.

⁴ Сорокин П. Е., Козырев А. И. Подводные исследования в акваториях Валаама. Изучение памятников морской археологии. Вып. 4. СПб., 2000. С. 183—194.

⁵ Тюленев В. А., Сорокин П. Е., Пандольфи О. Археологическое изучение места Выборгского морского сражения 1790 г. Изучение памятников морской археологии. Вып. 4. СПб., 2000. С. 60—74.

⁶ Голенцов А. С., Плюснин И. А., Эрикссон Т. Опыт работы российско-шведской морской археологической экспедиции «Аврора» // Изучение памятников морской археологии. Вып. 2. СПб., 1995. С. 7—17.

⁷ Шопотов К. А. Хроника экспедиционных работ общества «Память Балтики» // Выборг и морская археология. СПб., 1997.

⁸ Петренко В. П. Отчет Ивангородской экспедиции за 1983 г. Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1983 г. оп. хр. 35.

⁹ Микляев А. М. Подводные археологические исследования озера Сенница в 1982—1987 гг. // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 54. Л., 1990. С. 17—21.

¹⁰ Мазуркевич А. Н., Кротов Я. А., Коноваленко В. В. О методике подводных археологических раскопок по материалам Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Изучение памятников морской археологии. Вып. 4. СПб., 2000. С. 154—160.

В. Л. ЯНИН
◆
РУСЬ НА ВОЛХОВЕ

Два великих города восточных славян, Киев и Новгород, многое объединяет. Эти «точки пересечения» достаточно неплохо изучены. Мы же подробнее остановимся на принципиальных отличиях киевской и новгородской систем власти. Последние находки Новгородской археологической экспедиции добавили в известную нам до сих пор картину важные штрихи*.

В 1998 году на Троицком раскопе в слоях середины XII века было обнаружено помещение древнего новгородского суда (ряд административных построек и большой помост). Находки 1999 года подтвердили наши ожидания. Уже в июне, в первый месяц раскопок, нам во множестве стали попадаться так называемые цилиндры. С помощью этих хитроумных деревянных приспособлений новгородцы обеспечивали сохранность собранных налогов. Цилиндр служил чем-то вроде современной пломбы: этот загадочный предмет представлял собой обрубок дерева с продольными и поперечными каналами. Собранную на погостах дань складывали в кожаные мехи и запечатывали с помощью цилиндров. Мехи завязывались подобно современному рюкзаку или капюшону, а концы веревок пропускались через цилиндр. Для того чтобы вскрыть содержимое, необходимо было либо расколоть цилиндр, либо разрезать мешок. Надписи на цилиндрах объясняли, откуда и в каком количестве был собран налог, иногда указывалось, кому он предназначался.

Впервые они были найдены в 1951 году и встречались археологам исключительно редко; до нынешнего года в Новгороде было найдено всего 11 экземпляров. А к 20 июля 1999 года нам удалось обнаружить еще 34 цилиндра, и это число в будущем наверняка существенно возрастет.

---

* Первая публикация: В. Л. Янин. Русь на Волхове. // Родина. 1999. 8. С. 22—24.

Цилиндры представляют собой чрезвычайно характерную деталь для анализа состояния раннего новгородского общества. Когда новгородцы заключали договор с приглашенным князем, последний должен был соблюдать два важнейших условия. Во-первых, князь, его княгиня, бояре и дружинники не имели права владеть ни единым клочком новгородской земли. Во-вторых, все государственные налоги и подати на территории Новгородской земли собирали сами новгородцы, а не княжеские люди. Эти порядки существенно отличали Новгород от Киева: на юге Руси, как нам хорошо известно из летописей и зарубежных хроник, князь с дружиной «самолично» объезжал места сбора дани, а затем распределял собранное. Найденные нами цилиндры показывают, что в Новгороде дань делилась вдалеке от княжеской резиденции, на усадьбах родоплеменной знати.

Новгородская система контроля над государственными доходами, реконструированная нами по археологическим материалам, заставляет усомниться в истинности теории «киевоцентризма», в свое время провозглашенной М. С. Грушевским, в советское время поддержанной Б. А. Рыбаковым и разделяемой сегодня многими украинскими историками. Ученые же, серьезно изучающие новгородские древности, а также «примкнувшие к ним» белорусы, придерживаются иного мнения. Эта, более правильная, на мой взгляд, точка зрения гласит, что система государственного устройства распространялась не из Киева в Новгород, а, наоборот, из Новгорода в Киев.

Грушевский и его последователи полагают, что древнерусская государственность зарождается в Среднем Поднепровье на основе древних корней, уходящих еще в скифские времена. В 1982 году эти идеи очень пригодились партийным товарищам во главе с В. В. Щербицким, торжественно отпраздновавшим мифическое 1500-летие Киева (на самом деле города на Руси образуются не раньше VIII века). Я очень рад, что подобные игры с историей не легли в основу празднования юбилея Москвы: в конце концов, на нынешней московской территории археологами раскопаны стоянки времен неолита и Москве вполне можно отметить 50 тысяч лет! А киевский юбилей изрядно подпортили обнаруженные известным историком-эмигрантом О. Прицаком еврейские письмена, из которых следует, что Кий якобы был жив еще в середине X века.

По версии «киевоцентристов», эти государственные начала потом распространяются на прочие земли восточных славян. Б. А. Рыбаков пошел еще дальше, чем Грушевский, заявив, что

Новгород был основан киевлянами на краю их обширной империи для защиты северных рубежей государства. Своей государственности здесь быть не могло, потому что «в тридцати верстах от тайги», в краю непроходимых болот, для этого якобы не было экономических условий. И только впоследствии из-за удаленности от Киева новгородская знать стала проявлять сепаратистские тенденции.

Многолетние исследования в Новгороде показали, что древненовгородский диалект, отразившийся уже в самых ранних берестяных грамотах XI—XII веков, резко отличался от того «общерусского» диалекта, на котором говорили в Киеве. По находкам на бересте прослеживается около 30 отличий, аналоги которым мы находим в языке западных и южных славян. Западные корни кривичей и новгородских словен прослеживаются также в материалах антропологии, курганного обряда, топонимики и метрологии (работы В. В. Седова). Очевидно, именно эти славянские переселенцы с запада и создали впоследствии государство в Новгороде. Государство возникает как логический результат естественного для любого общества процесса саморегуляции. И не важно, поселились ли люди на тучных черноземах или на болотах, они закономерно выбирают себе старейшин, устанавливают определенный порядок. Север Руси заселяется славянами довольно поздно: первые следы их присутствия здесь относятся ко второй половине VIII века. Пришельцы с Южной Балтики, обосновавшись на Новгородской земле и потеснив угро-финнов, принесли сюда свои традиции (а не те, что сформировались к тому времени в Среднем Поднепровье).

Очень важен вопрос, в какой форме образуется государственность. То государство, которое образовалось на севере в результате призвания варягов в середине IX века, было основано на принципах строгого соблюдения приглашенным князем и его дружиной выработанных новгородцами условий. Стесненный в своих действиях князь чувствует себя в Новгороде неуютно и постоянно стремится уйти отсюда на юг. Пример тому подал Олег, открыто нарушивший договор с новгородцами и обосновавшийся на юге, в Киеве, после убийства Аскольда и Дира. После этого в Киеве возникает власть, основанная не на договоре, а на завоевании. Киев изначально развивается как монархия, Новгород же до конца XV столетия придерживается начал первоначальной государ-

ственности, возникших еще в докняжеский период. Это вече (народное собрание), посадники, которые продолжают традиции родоплеменных старейшин, тысяцкие (военачальники) и т. д.

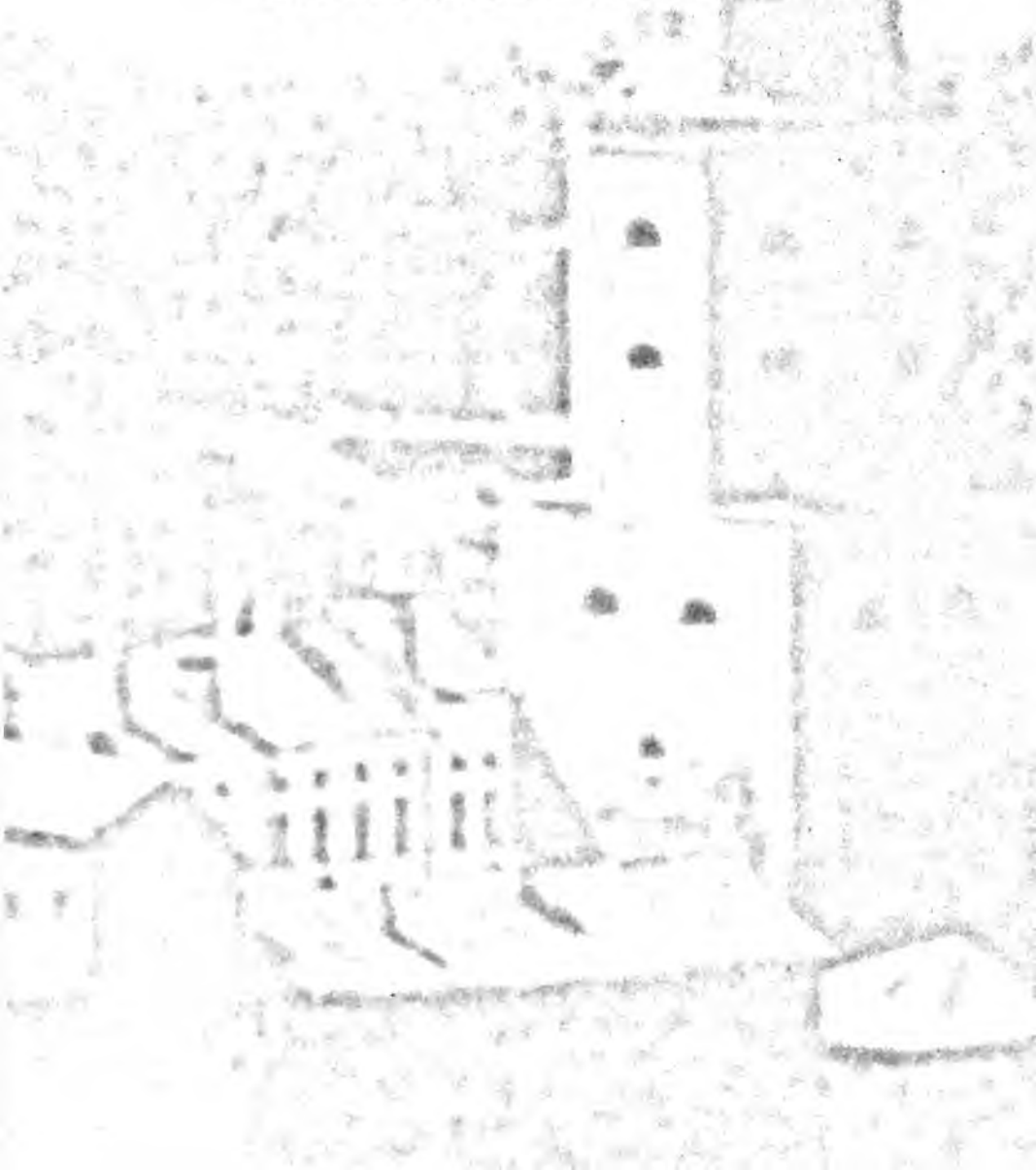
В итоге в Новгороде сложилась боярская демократия. Бояться этого слова не надо — последние годы научили нас тому, что любая самая безбрежная демократия в основе своей есть все-таки «власть немногих». И только Ивану III, наследнику киевских и владимирских монархических традиций, удалось силой подчинить Новгород Москве и завести здесь «привычные порядки».

Часто путают реальные политические события, связанные с утверждением монархии, с упомянутыми выше основами общественной организации. Никто не спорит с тем, что киевская государственность автохтонна и при этом древнее новгородской. В Древней Руси реально существовали два центра развития государственности — Киев и Новгород. Задача историков при этом — накапливать новые данные, медленно, но верно продвигать вперед историческое знание.

А современные нам попытки «вернуться к истокам», полностью доверяясь концепции Грушевского, непродуктивны. Это то же самое, что на нынешнем уровне науки слепо следовать за выводами Карамзина или Ключевского, Соловьева или Милюкова. Со времен этих выдающихся историков наука ушла далеко вперед. Вспомним, что Василий Осипович Ключевский полагал, что на Руси не было ремесла, а Павел Николаевич Милюков был убежден в том, что в древности население было поголовно неграмотным. А потом в Новгороде нашли берестяные грамоты... Сколько нам твердили о том, что в древности было две культуры — для богатых и бедных. Наши последние исследования показывают, что эстетический мир древнего новгородца был един, независимо от имущественного положения (одни и те же мотивы, сюжеты, орнаменты и т. д.). Известнейший искусствовед и художник академик Игорь Эммануилович Грабарь был убежден в примитивности художественного вкуса новгородцев: мол, понаставили «кособоких церквей» без особого понятия. А когда по итогам раскопок удалось выявить истинные пропорции храмов (без учета позднейших культурных наслоений расстояние между древним и современным полом Софийского собора в Новгороде — 1 м 90 см), никаких сомнений в высочайшем мастерстве зодчих не осталось. Уверен, что и наши украинские коллеги скоро преодолеют в своих работах пиетет перед трудами Грушевского.

ЛЮДИ И КУЛЬТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ЖАН БЛАНКОВ

(Брюссель)

◆
**НА СЛУЖБЕ РОССИИ:
БЕЛЬГИЕЦ В РУССКОМ
ЭКСПЕДИЦИОННОМ КОРПУСЕ
ВО ФРАНЦИИ
(1916—1917 гг.)**

Подробная история русского экспедиционного корпуса во Франции (1915—1918 гг.) еще не написана. В сотнях трудов и альбомов, посвященных первой мировой войне, этот корпус упоминается крайне редко, а если упоминается, то очень коротко. В 1930-е годы было издано несколько брошюр о жизни русских во Франции, но этот трагический эпос привлек мало внимания исследователей, как во Франции, так и в России. Выходили короткие эссе, информационные сообщения, воспоминания, ссылки на события, связанные с жизнью и действиями корпуса; и только несколько фотографий, относящихся к данной истории, были опубликованы в журналах и бюллетенях с маленькими тиражами. Один из французских историков Р. Адам посвятил этому явлению, этой странице франко-русских отношений в XX веке обстоятельный труд ¹, но, к сожалению, автор сосредоточивает свое внимание больше всего на событиях, которые явились последствиями февральской и октябрьской революций, то есть на восстаниях и бунтах русских войск и жестоких репрессиях французских властей. А. А. Игнатъев в своей книге «Пятьдесят лет в строю» (книга IV, глава II) дает минимальную информацию о жизни корпуса. Маршал и министр обороны СССР Р. Малиновский, будучи с официальным визитом во Франции в 1964 году, упомянул, что он являлся участником этих событий и ссылался на бои в провинции Шампань ². Один из наших студентов посвятил в 1979 году свою дипломную работу истории русского экспедиционного корпуса ³. Несмотря на замечательный вышеупомянутый труд историка Реми Адама, полное восстановление исторического пути этих бригад, насколько это возможно, потребует еще много исследований, как в западных, так и в русских архивах. И это необходимо: ибо история эта драматична, славна, а часто и гнусна — как история всех войн.

Ограничимся здесь описанием жизненного пути одного из членов экспедиционного корпуса, моего отца Бориса Осиповича Бродовикова (Бланкова) (1895—1973 гг.), ставшего впоследствии известным хирургом, президентом бельгийского общества ортопедов, главным врачом клиники Роже де Гримберген в Бредене, около Остенде, во Фландрии, потом и других лечебных заведений.

Его родители поженились в Лондоне, зарегистрировав только гражданский брак. Вот почему доктор Б. Бланков относительно долго носил фамилию своей матери — Бродовиков. Фамилию же отца, Бланков, он смог получить только после 1918 года. Он родился в Брюсселе 21 ноября 1895 года. Учился в лицее, а, получив среднее образование, сдал экзамен на бакалавра в Париже. Все это время он был без гражданства, бельгийское подданство получил вскоре после войны.

Его мать, Ольга Михайловна Бродовикова, родилась в 1871 году на золотых приисках реки Зеи (Амурская область), изучала медицину в Лозанне (Швейцария) и в Брюсселе (Бельгия). Она стала одной из первых женщин-медиков в Бельгии (1908 год). Его отец, Осип И. Бланков родился в Иркутской области в 1870 году и был инженером. Скончался в молодом возрасте, в 1901 году.

В 1916 году молодой Борис, находясь в Париже, решает стать добровольцем французской армии. Ему объяснили, что это невозможно, поскольку он родился в Бельгии, да вдобавок его родители — русские... Бельгийские власти ему тоже отказали, ссылаясь на то, что хотя он и родился в Брюсселе, у него нет гражданства и еще, что «в бельгийской армии достаточно солдат!». Тогда он обратился в русское императорское консульство. Там ему ответили, что тот факт, что у него родители — русские, является положительным условием для удовлетворения его просьбы. Кроме того, Россия только что подписала с Францией, через сенатора П. Думера (декабрь 1915 года), соглашение о военном сотрудничестве. Предвиделось отправление русского экспедиционного корпуса на французский фронт. Бориса попросили немедленно, в разгар войны, отправиться в Петроград. Молодой человек поплыл в Лондон, потом в Норвегию и через Финляндию добрался до русской столицы. Оттуда он поехал сначала в Иркутск, где собиралась часть войск, потом в Благовещенск, родину его предков.

Учитывая прекрасные знания французского и русского языков, Бориса Бродовикова назначили переводчиком в экспедиционный корпус, но любопытно, что в его военном билете было

указано: «неграмотный переводчик». Ему откровенно признались, что это был специальный маневр начальства, чтобы предотвратить его выдвижение в офицеры и перевод в главный штаб. Укомплектованный, пополненный корпус выплыл из Порт-Артура (порт Дальний) на трех присланных Францией кораблях, а через несколько дней еще на двух небольших русских. Переводчик Бродовиков находился на борту «Латуш-Тревиля».

Судно вышло 28/29 февраля 1916 года. Объезжая Азию, оно проходило мимо Японии, Сингапура, Цейлона, Синайского полуострова и, пройдя через Суэцкий канал, пришло в Марсель, где его горячо встретило местное население. Русские солдаты устроили парад на улицах Марселя. Их разместили в лагере Мирабо. Они были почти без снаряжения и вооружения. Французы им выдали и то и другое. Мундиры были русские, каски французские, окрашены цветом хаки, с двуглавым орлом. Сформированные бригады отправили в провинцию Шампань: в лагеря Маин и Мурмелон-ле-Гран. В лагере находились даже два мальчика, которые считались сыновьями полка, а из представителей животного мира был медведь Миша — всеобщий любимец.

В обязанности младшего унтер-офицера Бродовикова входило посредничество между местными властями и русскими военными, а также переговоры с французскими офицерами связи.

Здесь достаточно только упомянуть о страшных боях на шампанском фронте: битва за форт Помпель, за Краон, Курси, форт Бримон и другие. Русские солдаты принимали участие в самых тяжелых боях на передовых позициях и часто должны были в штыковых атаках овладевать немецкими траншеями. Потери были, конечно, тяжелыми: тысячи человек. Очень скоро русские почувствовали, что они были использованы, как пушечное мясо.

История экспедиционного корпуса зафиксирована в фотографиях, на нескольких документах, которые мы унаследовали от отца, и в двух альбомах, вышедших ограниченным тиражом: *Е. Шульц*. Через моря и океаны во Францию. (Париж, 1916/1917 гг.); *Е. Шульц*. Жизнь русских солдат во Франции на фронте и в тылу. 1916—1918. (Париж, 1919). Некоторые фотографии в свое время были использованы для открыток, что не удивительно, только те, которые показывали успокаивающую сторону событий.

Подпоручик Р. Малиновский был участником корпуса и, занимаясь революционной пропагандой, агитировал за мир. Весть о февральской революции 1917 г. была принята с энтузиазмом

большей частью солдат. В ближайшее время появились новые знамена с лозунгом: «Свобода, равенство, братство» и они заменили императорские знамена, носившие монограмму Н-II и образ Христа...

Русское военное руководство (генерал Лохвицкий и др.), как и французское, с тревогой следили за ситуацией. Скоро стала выходить газета корпуса, антантофильская, название которой говорило о ее направленности: «Солдат — гражданин во Франции». Борис Бродовиков стал редактором этой газеты. Первый ее номер вышел 25 (12) июля 1917 года. Только четыре экземпляра первых ста номеров были напечатаны на специальной бумаге «Япон» и переплетены в пергаменте, иллюстрированы от руки в русском стиле. Экземпляр, который мы унаследовали (может быть единственный сохранившийся), носит инициалы отца: Б. Б. Газета перестала выходить в ноябре, сразу же после большевистской революции, когда вспыхнули мятежи и пошли репрессии. Сотый номер носит дату 20 (7) ноября 1917 года... Газета откликается на события в Петрограде и Москве, сообщает об аресте в Гатчине штаба Керенского.

Этот мало известный источник о войне содержит, кроме официальных сообщений, интересную информацию о жизни русского корпуса. Родион Малиновский упомянут два раза: (№ 7, 1917, стр. 4), во второй раз, как «большевистский провокатор» (№ 39, 1917, стр. 7). В № 98 помещена короткая рецензия Н. Гумилева на сборник стихов Н. Алексеева «Венок павшим». Этот же Алексеев печатался несколько раз в газете. Номер газеты содержит среди разных прокламаций стихотворение «Голос из Ля-К-н», то есть Ля Куртин в департаменте Крез, который расположен в центре Франции, где с июня месяца были интернированы непокорные русские солдаты, требующие возвращения домой, и где будет зверски убита часть мятежников; другие будут сосланы в Северную Африку⁴.

Что касается «маленькой истории» медведя Миши, то его отправили в парк Жардэн дэ Плант, где он вел довольно грустный образ жизни, радуясь только весьма редким посетителям, говорившим с ним по-русски...

Семейство Бориса Бродовикова жило тогда в Париже и Брюсселе. Он вернулся во французскую столицу и был демобилизован. В 1918 году он вернулся в Брюссель, начал изучать медицину и получил бельгийское подданство. Его контакты с русской армией возобновились в 1945—1946 гг., когда он стал лечащим врачом в лагере бывших военнопленных, освобожденных в Гер-

мании и сосредоточенных в Брюсселе. Среди них было много перемещенных лиц, и все они были в плохом физическом состоянии. Они жили в Брюсселе на улице Елисейских полей, а потом вернулись в Советский Союз. Комендантом лагеря был старший лейтенант Монисов. Две медицинские сестры русского происхождения помогали доктору Бланкову тоже как добровольцы. Как дополнительную деталь к жизни русских в Бельгии, стоит упомянуть, что в 1930-е годы, когда наш отец был главным врачом клиники Роже де Гримберген в Бредене, среди персонала доктора Бланкова была вдова В. М. Пуришкевича, одного из участников убийства Распутина. Справедливости ради надо сказать, что особа эта, которую я еще помню, была великой стервой, с настолько ужасным характером, что позволяла себе избивать больных детей...

* * *

Уважаемый читатель, если когда-нибудь его величество случай приведет вас на дороги провинции Шампань, загляните на русское кладбище в Сент-Хилэр-ле-Гран. Правда, не все погибшие солдаты русского экспедиционного корпуса там покоятся. Многие из них похоронены как неизвестные: одни в Ля Куртине, другие в Северной Африке или на Балканах, а иные и в Галлиполи... *

---

* Жан Бланков родился в 1931 г. в селении Бреден близ Остенде в Бельгии. В 1956 г. закончил Брюссельский университет. Образование продолжил в Гарвардском университете в США. В 1962—1963 гг. проходил стажировку в СССР как специалист в области русской культуры и искусства. Ныне профессор Бельгийского университета. Авторитетный знаток и эксперт русской истории и филологии. Хорошо известен русским славистам и археологам, много раз приезжал в Россию, участник раскопок в Старой Ладоге и Новгороде. Многолетний организатор гуманитарного научного сотрудничества между Бельгией и Россией. Перу бельгийского ученого принадлежат более 130 книг и статей на французском, русском, английском, голландском, грузинском, украинском и немецком языках. Перевел на французский язык «Слово о полку Игореве». В настоящее время участник международной научной программы «Великий Волжский путь», осуществляемой властями и учеными Татарстана. О нем см.: *Ex Oriente lux. Mélanges offerts en hommage au prof. J. Blankoff à l'occasion de ses soixante ans*. Vol. 1, 2. Bruxelles 1991; Jean Blankoff 70 ans, Bruxelles, 2001. (Прим. ред.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Rémi Adam*. Histoire des soldats russes en France. 1915—1920. Les damnés de la guerre. Paris, 1946.

² *Р. Малиновский*. J'étais sur le front de Champagne en 1916... (France-URSS magazine, № 219, 1964). *Р. Малиновский*. Солдаты России. Москва, 1978.

³ *F. Pattijn*. La Russie en guerre. Histoire des unités russes sur le front occidental. 1914—1917. Bruxelles, mémoire, 1979.

⁴ *Rémi Adam*, op. cit. — *H. Barbusse*. Ceux qu'on n'a pas domptés (Faits-divers, Paris, 1928, 91—112).

Н. В. ВЫРУБОВ
(Париж)

СОЛДАТЫ ЧЕСТИ

Посылаю Вам мои размышления по поводу русского участия в Соппротивлении в период после перемирия 1940 г. и до освобождения Франции в 1944 г. В течение этого времени Французское государство перестало воевать и вело с Гитлером примирительную политику. Русские эмигранты, решившиеся участвовать в Соппротивлении без обязанности и принуждения, просто по собственной совести, основательно отличались от советских граждан.

Никто из нас Родины не знал, мы имели о ней только духовное понятие, во Франции мы не успели укорениться и, находясь в русской среде, недостаточно привязались к местному населению. Мы жили в полной свободе, думали, как хотели, увлекались западной культурой. Нашего сознания никто не насилует. Наши убеждения были основаны на сознании преобладания духовных ценностей над всеми остальными и составляли главную побуждающую силу нашего решения принять участие в Соппротивлении.

Отношение к войне населения в Советском Союзе было фундаментально другое. Народ был поколениями угнетаем властями, лишен права решать за себя, притесняем и ни за что подвергаем наказанию, просто ради уравнивания всего населения. Военные неудачи, жестокие испытания народа возродили национальный подъем, вызвали желание спасти страну, достигнув победы.

Мы не знали любви к Родине, стране, земле. Наш патриотизм был духовного содержания. Поражение Франции, перемирие, пассивность основного населения и примирительная политика правительства особенно не затрагивали эмиграцию. Напомню, что Соппротивление во Франции возникло постепенно, вначале были отдельные попытки, плохо подготовленные и вскоре прерванные арестами и расстрелами, как это было в случае с Вильде, Левицким и Верой Оболенской.

Рис. 1. Н. В. Вырубов в день награждения орденом Кавалера Почетного Легиона. 1952 г.

Рис. 2. Президент Франции Жак Ширак вручает Н. В. Вырубому галстук Командора ордена Почетного Легиона. 1996 г.

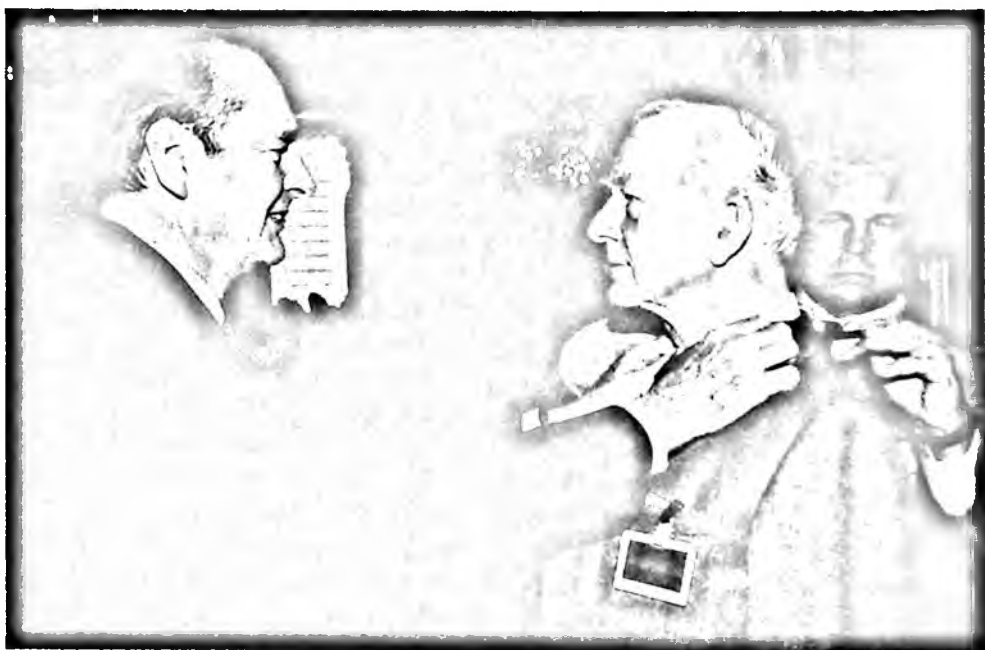

Рис. 3. Памятник, сооруженный Анной Воронко-Гольдберг в память сына и его соратников, погибших в рядах французской армии и Сопротивления во время войны 1939—1945 гг. на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем

Коммунистическая партия, которая впоследствии стала опорой Сопротивления, вначале, после своего исключения из парламента за антивоенную пропаганду и до вторжения немцев в Советский Союз, ничего не предпринимала против оккупантов. В этих обстоятельствах эмигранты не брали на себя никакой инициативы. У них было сознание исполненного по отношению к Франции долга: они служили достойно, воевали доблестно, принесли многие жертвы из своих рядов, и до перемирия находились в рядах армии. К немцам эмигранты не питали враждебности по историческим причинам и ввиду близких отношений между русскими общинами во Франции и Германии.

Немцы видели в эмигрантах «белых», принципиальных противников Советского Союза, и поэтому относились к ним корректно. К тому же антисоветские чувства эмиграции были действительно сильны. Было стыдно за договор Молотова—Риббентропа, неловко по отношению к окружающим за то, что Россия не находится на стороне союзников, а советские войска захватывают Финляндию, страны Прибалтики, Польшу. Даже после вторжения немцев в Советский Союз русская община не проявила никакой солидарности. Только после Сталинграда победы русских войск возбудили сочувствие и гордость. Не удивительно, что количество эмигрантов, добровольно участвовавших в Сопротивлении или в рядах войск генерала де Голля, было весьма незначительным.

В добровольцы шли самые разные люди: были военные, были юноши и студенты, были ученые, были пожилые скромные люди, женщины и мужчины, холостые и семейные. Каждый из них поступал по личным соображениям и собственной совести, без повиновения кому-либо, без обязанности и принуждения, без угрозы и притеснения. Все были убеждены, что война не кончилась с поражением Франции, что победа возможна и за нее надо бороться — принять в войне участие; думали о России. Это были люди незаурядные, пылкого характера и твердых убеждений, решительные, свободолюбивые и независимые. Если эмиграция не участвовала в Сопротивлении, то не нарушила ни общественных, ни гражданских обязанностей. Можно только сожалеть о скромных масштабах ее участия, зная при этом, как отзывчив может быть русский человек.

Принятие решения об участии в борьбе имело у всех примерно одни корни, но судьбы этих людей были разными. Те, что остались во Франции, начав подпольные действия, подвергались постоянной опасности доноса, ареста, пытки, расстрела. Почти

все из них погибли. Те же, что вступили в ряды войск генерала де Голля, приняли на себя участь воинов. «Не пропадет ваш скорбный труд», — можно вспомнить эти слова Пушкина, направленные к декабристам.

Борис Вильде и Анатолий Левицкий

Вместе с Верой Оболенской они стали самым ярким примером самоотверженности и твердости убеждений. Оба были видными русскими учеными, этнологами, сотрудниками Музея человека в Париже. Оккупация, с первого взгляда, ничего не нарушила в их работе и жизни. Однако с первых дней они отказались принять унижительное перемирие, верили в победу и решили призывать других к сопротивлению, несмотря на примирительную политику маршала Петена.

Плохо подготовленные к подпольной работе, они вскоре были арестованы и в 1942 г. подвергнуты расстрелу. На суде высота их духа поразила немецкий трибунал и вызвала уважение. На смерть они шли с непоколебимой силой своих убеждений. Нам теперь в полной мере трудно понять, каковы были побуждавшие их силы. Может быть отказ свободного человека покориться и придал столько достоинства их смерти.

Оба героя посмертно награждены генералом де Голлем медалью Сопrotивления. Воспроизводим текст приказов, запечатленных на памятной доске в вестибюле Музея человека в Париже:

«Вильде. Оставлен при университете, выдающийся пионер науки, целиком посвятил себя делу подпольного Сопrotивления в 1940 г. Будучи арестован агентами гестапо и приговорен к смертной казни, явил своим поведением во время суда и под пулями палачей высший пример храбрости и самоотречения. Алжир, 3 ноября 1943 года»

«Левицкий. Выдающийся молодой ученый, с самого начала оккупации в 1940 г. принял активное участие в подпольном Сопrotивлении. Арестованный агентами гестапо, держал себя перед немцами с исключительным достоинством и храбростью, вызывающими восхищение. Алжир, 3 ноября 1943 года»

Пример Веры Оболенской (1911—1944 гг.) Вам известен.

В молодости она пользовалась большим успехом, была очень привлекательная, жизнерадостная, независимая, с пылким характером, обаятельная. Выехав из Парижа, чтобы избежать встречи с вступавшими немецкими войсками, она оказалась с мужем Николаем Оболенским в Бордо. Есть свидетели, что вид

немцев так раздражал Веру, что она решила вступить в Сопротивление уже с самого начала.

Вернувшись в Париж, при первом же намеке знакомого на подпольную работу, она сразу дала свое согласие, воодушевляемая идеей быть полезной в борьбе. Это сознание после ареста давало ей силу переносить пытки; терпение и молчание были для нее борьбой. Казнена в тюрьме Плотцензее в Берлине 4 августа 1944 г. То, что видя конец, она обращала свои мысли к России, — вполне правдоподобно, в этом нет ничего просоветского. Многие из нас думали о России во время войны.

Княгиня Вера Аполлоновна Оболенская посмертно награждена орденом Почетного легиона, Военным крестом с пальмами и медалью Сопротивления. В приказе фельдмаршала Монтгомери от 6 мая 1946 г. о ней справедливо сказано, что Вера Оболенская «в качестве добровольца Объединенных наций отдала свою жизнь, чтобы Европа снова могла стать свободной».

Игорь Кривошеин

Участник гражданской войны, сын видного министра Николая II и впоследствии генерала Врангеля, инженер по профессии, жил с семьей в Париже. Его требовательная совесть не переносила поражения, перемирия и оккупации. У Кривошеина всегда присутствовало сознание, что война продолжается и что победа достижима.

Вначале он помогал матери Марии, посвятившей свою жизнь угнетенным и погибшей на добром деле (после ареста ее отправили в лагерь Равенсбрюк, где она умерла от истощения). Восприняв вторжение немцев в Советский Союз как угрозу самому существованию страны, он вступил в активную работу подпольного движения, чтобы приносить пользу общему делу победы. Был арестован и сослан в Бухенвальд, откуда вернулся в Париж после войны, решившись посвятить свои силы пользе России. Своей готовностью усмирить антисоветские убеждения, сознавая, что Россия находится под угрозой, Кривошеин служил примером эмиграции. Ничто не обязывало его вступить на этот опасный путь.

Зиновий Пешков

Старший брат Якова Свердлова, 54-летний полковник в отставке Иностранного легиона беззаботно жил в мирном Марокко.

Во время перемирия 1940 г., находясь в окружении государственных и военных сторонников маршала Петена, он принял рискованное решение присоединиться к воюющему генералу де Голлю, когда победа была еще ненадежной. В Лондон он прибыл через Нью-Йорк. За время войны исполнил много важных и сложных заданий, заслужил генеральский чин и после войны получил должность посла в Токио. Его душеприказчиком был отец Николай Оболенский.

Дмитрий Амилахвари

Грузинский князь, капитан иностранного легиона. Во время перемирия оказался со своей частью в Англии, после эвакуации из Норвегии. Несмотря на приказ маршала Петена прекратить боевые действия и вернуться на базу полка в Алжире и на ненадежность победы, рискуя приговором военного суда, совместно с другими офицерами решил примкнуть к генералу де Голлю, считая, что война с поражением Франции не окончена. Доблестно воевал и был убит в бою при Эль-Аламейне.

В решении Амилахвари не было патриотизма в обычном смысле слова. Грузия не воевала, а Франция официально уже не участвовала в войне. Решение было основано на сознании личного понятия чести и долга. Поступок капитана Амилахвари, капитана Румянцева и многих других офицеров и гражданских лиц, решивших продолжать воевать вопреки заключенному перемирию, доказывает, что высшие требования оправдывают отказ повиноваться властям.

Николай Румянцев

Офицер того же выпуска офицерской школы Сен-Сир, что и Амилахвари, не приняв французского гражданства, был направлен в Иностраннный легион. После участия в войне во Франции в 1940 г. вернулся на свою базу в Алжир. Убедившись, что война носит мировой характер и что поражение Франции не окончательное, он принимает решение участвовать в войне и, несмотря на перемирие и приказы начальства, дезертирует из Алжира и через Гибралтар прибывает к генералу де Голлю в Лондон, за что приговаривается к смертной казни алжирским начальством.

Затем Румянцев назначается в Ливию командующим эскадрой броневиков, а при высадке в Нормандии он командует

кавалерийским марокканским полком. В бою был всегда на виду, всем известен своей отвагой, завешан орденами. Гордился своей русскостью. Его личное сознание долга также превзошло обязанность повиновения.

Александр Ручейков

Солдат Иностранного легиона, где он прослужил 20 лет. Вышел из строя инвалидом, потеряв левую руку и один палец на правой. Никого не зная, без семьи и друзей, он остался при казарме в Дамаске, где служил в солдатской столовой, влача жалкую жизнь. В это время я с ним и познакомился, а вскоре немцы вторглись в Советский Союз.

Когда мы двинулись в поход в Ливию, он обязательно хотел идти с нами и уговорил нашего капитана взять его с собой вольным солдатом без назначения. Всегда был при нашем капитане, в том числе, когда капитан был убит в Италии. Прodelав все походы в Ливии и Тунисе, был послан в тыл и под конец войны очутился во Франции, где раньше никогда не бывал. В неподходящей ему городской жизни Ручейков угас.

Какая сила побудила его к участию в войне? Может быть, желание придать значение своей тусклой, бесцельной жизни в казарме, стремление пошевелиться, принести помощь хотя бы своим присутствием. А может быть, при известии, что его страна находится под угрозой, в нем взволновалась его русская кровь.

Александр Слюсарев

Немолодой солдат, женатый, живший в Париже, был призван на военную службу в начале войны и послан со своей частью в Ливан. При первой возможности перебрался к нам в Ливию, отказываясь от репатриации во Францию. Доблестно воевал, отличался храбростью. Был ранен в сражениях в Тунисе и в 1940 г. спокойно умер в госпитале с сознанием исполненного долга, избранного добровольно.

Трудно проникнуть в душу человека и понять, что побудило его к тому или иному поступку. Возможно, что он хотел вернуться в Париж, где была его жена, в ореоле победителя, но и желал внести свою лепту в общее дело победы.

Евгений Арсаматов

Память об этом человеке — мое самое светлое воспоминание военной эпохи. Это был веселый, красивый, жизнерадостный юноша, сын русских эмигрантов из Шанхая. Окончив французский лицей, вскоре после перемирия он решил присоединиться к войскам генерала де Голля, прибыл к нам в Египет в 1941 г. и был определен эстафетным мотоциклистом при штабе. Всегда на ходу, в спешке, напряжении, он хотел увидеть неизвестную ему Францию. После высадки в 1944 г. на юге Франции в первые дни был убит в бою при Тулоне. Оставил у всех светлую память.

Арсаматов ни Франции, ни России не знал, но, наверное, не мог упустить возможность принять участие в совершающихся событиях, не затрагивавших его лично, но сотрясавших весь мир.

Среди русских участников я один из последних, а может быть, и последний из живых, поэтому даю о себе краткие сведения.

Я родился в Орле в 1915 г. и выехал с семьей из Советского Союза в 1924 г. Жил с отцом в Париже и после лицея поступил в Оксфордский университет. Там меня застало объявление войны в сентябре 1939 г. Я в то время был ападридом без подданства.

Я сразу решил воевать. Мой отец сочувствовал моему решению. Войну он считал продолжением первой войны, где Россия потерпела поражение от Германии, в которой он видел виновника пришествия революции.

Были разные побудительные причины: хотелось проявить благодарность воюющей Франции за прожитые там мной и моей семьей годы и за ее культуру, которой я увлекался. Хотелось также быть солидарным с моими английскими друзьями. Были и русские поводы: мне было очень неловко по отношению к окружающим за захват советскими войсками Финляндии, Прибалтики и Польши. Мне было стыдно за позорный договор между Советским Союзом и Германией и я был удручен тем, что Россия не находится на стороне союзников.

Не получив быстрого ответа от французского консульства на мое прошение принять меня на военную службу во Франции, я обратился в Оксфордский студенческий призывной пункт и был

записан на офицерский курс. Со временем, не будучи английским подданным, я не смог попасть в боевую часть, после чего, в 1940 г., решился вступить солдатом в войска генерала де Голля.

Я проделал все походы в Африке, Ливии, Тунисе, Италии и Франции, и после пяти лет мне было дано дожидаться дня Победы¹.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Николай Васильевич Вырубов в войне 1940—1945 гг. участвовал как рядовой солдат, затем как унтер-офицер. Всегда сражаясь в передовых порядках, был несколько раз ранен. Награжден двумя военными крестами и одним из самых редких и почетных орденов Франции — Крестом Освобождения, учрежденным генералом де Голлем. В 1952 г. удостоен ордена Почетного легиона. В декрете о награждении этим орденом, опубликованном 10 июня 1952 г., говорилось: «Николай Вырубов — великолепный воин русского происхождения, состоял на службе Франции. Добровольно присоединившись к Свободным силам Франции в августе 1940 г., принимал участие в кампаниях в Дакаре, Сирии, Ливии, Тунисе, Италии, Франции. Проявил исключительную храбрость и абсолютное пренебрежение опасностью. Раненый в ходе кампании в Италии, отказался уйти с поля боя и продолжал сражаться в составе армии. Являет собой выдающийся пример самопожертвования во имя Франции». 18 июня 1996 г. в Елисейском дворце президент Франции Жак Ширак вручил Н. В. Вырубому галстук Командора ордена Почетного легиона. Николай Васильевич передал Фонду культуры, Тургеневскому музею в Орле, Гатчинскому музею ценнейшие рукописи и печатные материалы и произведения искусства, связанные с историей, культурой и политикой России. Среди них оказались опубликованные в 1998 г. в Москве, с предисловием Н. В. Вырубова, «Воспоминания» главы Временного правительства князя Г. Е. Львова. Заслуживает упоминания и брошюра Николая Васильевича «В память павших воинов», содержащая перечень воинов-эмигрантов, павших в рядах французской армии и силах Сопротивления в годы Второй мировой войны. Брошюра издана в 1991 г. в Париже ничтожным тиражом. Более подробно о Н. В. Вырубове и его семье см.: «Русская фамилия Вырубовы» («Наше наследие», № 28. 1993. С. 101—112). (Прим. ред.)

◆
**С БАРОНОМ ЭДУАРДОМ ФАЛЬЦ-ФЕЙНОМ
ПО СЛЕДАМ КОЛЛЕКЦИИ
СЕРГЕЯ ЛИФАРЯ ***

Представляю друга барона, также влюбленного в русское искусство. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, в прошлом банкир. Гражданин США, но живет в Лондоне. Красивый человек шестидесяти с небольшим лет, с внешностью настоящего русского аристократа. По-русски говорит прекрасно, с выразительными интонациями, как актеры старой театральной школы. Он из Рюриковичей. Жили в эмиграции в Болгарии. Когда она стала советской, семью «беляка» посадили в тюрьму, и Никита еще ребенком стал эком. Маленький князь ходил по камере в мешке из-под лука с дырками для головы и рук. Отца расстреляли, мать умерла от рака. Его выпустили из тюрьмы умирать, он был на последней стадии дистрофии. Но он выжил, спорт помог ему окрепнуть физически. По плаванию брассом ставил большие рекорды. Закончил Оксфорд. Острослов, от тюремного прошлого остался на всю жизнь интерес к неформальной лексике.

---

* Первая публикация Н. Данилевич «Барон Фальц-Фейн. Жизнь русского аристократа». М., 2000. С. 206—215. Надежда Витольдовна Данилевич — журналист, историк. Закончила факультет журналистики Московского государственного университета. С 1994 г. секретарь и пресс-атташе Э. Фальц-Фейна. Опубликовала десятки статей и книги о жизни и меценатской деятельности Эдуарда Александровича и представителей его рода Фальц-Фейнов-Епанчиных.

Барон Э. А. Фальц-Фейн родился в 1912 г. В 1918 г. вместе с родителями выехал из России. Спортсмен, журналист, бизнесмен. Коллекция документов и художественных произведений в доме барона в Лихтенштейне представляет бесценное сокровище для исследователей русской культуры и жизни эмиграции первой волны. Многие годы Эдуард Александрович помогает возвращать в Россию казалоось навсегда исчезнувшие ценности культурного наследия. Его заботами увековечена память А. В. Суворова в Швейцарии и Лихтенштейне и сохраняются некоторые русские могилы за рубежом. Награжден российским орденом «Дружбы народов» и украинским — «Знак президента». Фальц-Фейна не случайно называют народным бароном (*прим. ред.*).

В письмах князя барону всегда есть сюрприз: хулиганские стихи, рисунки и анекдоты. Тридцать лет жизни потратил на собирательство и сегодня он — самый крупный в мире коллекционер театрального искусства. Главная ценность — работы дягилевских художников. Благодаря выставкам, коллекцию знают во всем мире от США до Японии. И вот он решил продать ее в Россию. В 1994 году с этой целью он выпустил роскошный каталог всей своей коллекции на русском языке. Директор Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина Ирина Александровна Антонова собиралась купить ее для Музея личных коллекций. Я организовала презентацию этого великолепного издания в Москве в газете «Культура». Никита Дмитриевич, узнав, что я собираюсь в Швейцарию, сказал:

— А вы были в Музее Лифаря в Лозанне?

— Нет, и не слышала об этом.

— Как!? Ведь барон (Э. А. Фальц-Фейн) был другом Лифаря. Он все знает. Спросите его. Они с Зильберштейном упрасивали Лифаря вернуть в Россию письма Пушкина к своей невесте.

Я знала, что частью коллекции Лифаря было богатейшее дягилевское наследие. Именно Дягилев заразил молодого танцовщика страстью к коллекционированию. Он первый преподавал ему уроки истории искусства, показал мировые музеи, заставил изучать классиков живописи по книгам, которые сам для него подбирал. В отличие от других коллекционеров-фанатиков он был широк и щедр, умел собирать для других. Составил галерею картин Леониду Мясину, а позднее заложил основу коллекции Лифаря. Дарил ему после каждой премьеры картины Миро, Эрнеста и других модных тогда в Париже художников. С Лифарем он делился бурными переживаниями по поводу всех своих счастливых приобретений русских реликвий. Счастье часто улыбалось Дягилеву, его путь коллекционера был освещен чередой волшебных удач. После своей смерти он оставил ценнейшее собрание: около тысячи редчайших книг, автографы, письма Державина, Жуковского, Вяземского, Лермонтова, одиннадцать писем Пушкина, которые хранила в эмиграции внучка поэта графиня Торби. И это не считая коллекции картин, рисунков, эскизов, скульптур и других раритетов.

— Одиннадцать писем Пушкина — самое ценное, что имел Лифарь в своем архиве рукописей, — вспоминает Эдуард Александрович. — Все думают, он получил это даром от Дягилева. Ничего подобного. Дягилев никакого завещания не оставил, он не собирался умирать. И все его собрание попало в распоряже-

ние правительства Франции. Хочешь что-то иметь — покупай. Бедный Сережа! Он беспрерывно танцевал, не зная отдыха, и думал только о том, как бы не вывихнуть ногу. Тогда все пропало, так как сроки платежа были очень жесткими. Он мне говорил, что дягилевские реликвии он спас от распродажи, работая ногами. Сережа ни за что не хотел продавать письма Пушкина, хотя коллекционеры из Америки предлагали ему миллион долларов.

А он нуждался. Жить ему было трудно. И хотя графиня Лиллан Алефельд очень богата, Сережа ни в коем случае не хотел жить на ее деньги.

— Почему же он не продал эти письма?

— Берег для России. Такой был патриот. Хотя в течение своей жизни он понемножку что-то продавал. Первый раз он попал в трудное положение еще в 1933 году, когда гастроли его маленькой труппы не имели успеха в Америке и он должен был расплатиться с долгами и купить обратные билеты. Его очень подвела Барбара Хаттон, так как она обещала пригласить за свой счет оркестр, но не сделала этого. Во время гастролей Лифарь устроил выставку своей уникальной коллекции макетов к знаменитым балетам Дягилева, которую собирал с тех пор, как приехал в Париж. И он должен был с ней расстаться. Ее купил Хартфордский университет в штате Коннектикут.

Барбара Хаттон после замужества с князем Мдивани и до встречи с Кэри Грантом, вторым ее мужем, упорно добивалась внимания Лифаря. В 1930-х годах это был самый известный человек в Париже.

Он был тогда прекрасен. Красив, образован, знаменит. Барбара не знала, как его поймать, приглашала в свой салон в отеле «Riz» в Париже. А он был несколько лет влюблен в красавицу княгиню Натали Палей, которая уехала в Америку. И вот Барбара Хаттон узнала от Лифаря, что у него есть заветное желание, которое он исполнить не может из-за отсутствия денег: издать на достойном уровне письма Пушкина к его невесте Натали Гончаровой, которые он только что выкупил. Она предложила свою помощь, а Лифарь обещал посвятить ей это издание.

Барбара так и не добилась любви Лифаря и опять его обманула, не дала денег на издание писем Пушкина. Потом он это сделал без ее помощи и был страшно рад, что не пришлось делать на книгу посвящение «глупой» американке, не понимающей, что такое Пушкин.

В 1975 году он опять вынужден был продавать свои вещи. Состоялся аукцион в Монте-Карло, на котором барон присутство-

вал вместе с Лифарем, дававшим советы: что покупать. Торги шли вяло, и сто лучших книг из этой коллекции Эдуард Александрович купил в половину цены — за 100 тысяч долларов и передал на родину Лифаря. Барон подарил мне каталог «Sotheby's» — особенное издание — не в мягкой глянцевої обложке, как обычно, а в жестком тканевом переплете зеленого цвета с золотом. Видимо, расчет был на богачей Монте-Карло. Сама принцесса Грейс интересовалась балетом и театральной живописью и мечтала создать в своем княжестве Музей костюма и танца. Но почему-то это не вышло. Вероятно, князь Ренье не дал ей денег, так как на новое строительство музея потребовался бы не один миллион.

На каждой странице каталога пометки барона с ценами — сегодня это издание библиографическая редкость.

Эдуард Александрович, подписав мне его, сказал, чтобы я забирала все аукционные каталоги, какие найду в его библиотеке: — Мне они больше не нужны. Пусть это будет в России. Я помогу пополнять эту коллекцию, чтобы получилась уникальная библиотека справочных изданий о русских реликвиях за границей. Ничего подобного нигде нет. Даже в Министерстве культуры.

Я чувствовала, что рассказы о том, что он видел и знал, утомляют его. Но и носить груз этих знаний в себе ему еще тяжелее, и он расставался с прошлым с большой охотой и большой ответственностью, зная наверняка, что каждое слово будет записано, все ценное будет сохранено и когда-нибудь выйдет книга о том, как они — эмигранты тут жили без России, но с Россией в сердце.

Через девять лет был еще один аукцион «Sotheby's» «Балетный реквизит и автографы из коллекции Сержа Лифаря». Он состоялся в мае 1984 года в Лондоне. Переворачиваю страницы каталога и вижу изумительные вещи. Работы Бенуа, Билибина, Бакста, Жана Кокто. Дорожный саквояж Дягилева, внутри которого миниатюрная икона святой Елены в серебряном окладе, его щетки всевозможных размеров, помазок для бритья, туалетные пузырьки, пудреница и пуховка из лебединого пуха, пилочки и ножницы. Сохранилась на ручке багажная бирка, на которой написано «Монте-Карло». А вот его знаменитая «черная» записная книжка — вещь редкой ценности для историка балета и биографии Дягилева. Бюст Павловой, стопа Нижинского, посмертная маска Шаляпина, маска Дягилева из бронзы, стоит 50 тысяч... Коллекция из 228 лотов продана была за 1 миллион 140 тысяч долларов. Кто все это купил? Эскизы декораций теперь в теат-

ральном собрании Гарвардского университета, музыкальные рукописи попали в Библиотеку конгресса в Вашингтоне — все разошлось по миру.

— Эти вещи я помогал Сереже перевозить в Швейцарию и устраивать их в подвалах отеля в Монтре, где он тогда поселился, — говорит барон. — Он мне рассказывал тогда массу интересных историй. Сережа умел это делать, за каждым предметом была история. Я помню, как взял в руки тяжелую бронзовую маску Дягилева, а он мне сказал ужасную вещь, которая потрясла меня. Когда гипс застыл, то мастер-итальянец, который это делал, стал бить молотком по голове покойника. И так ужасно грубо это делал, что бедный Сережа разрыдался.

— Зильберштейн писал, что коллекция Дягилева—Лифаря вернется в Россию. Что же случилось?

— Да вот, чиновники все испортили. Он много раз со мной говорил об этом. Все ценное, что он так берег и никогда не думал продавать, он мечтал подарить России. Начал пробовать что-то возвращать: Пушкинскому дому передал подорожную 1820 года, выданную Пушкину, когда он отправлялся в южную ссылку. Дому-музею Чайковского в Клину — автограф композитора... Но никаких слов признательности не получил. И все равно он готов был отдать свое уникальное собрание, автографы Пушкина, Лермонтова, а с ним поступали всегда очень грубо, не по-человечески. Не дали осуществить его мечту — поставить балет «Федра» в Большом театре. Даже, когда воспитанная им труппа Гранд Опера танцевала поставленные им балеты в Большом театре, ему, прославленному на весь мир балетмейстеру, было отказано во въездной визе. Как вам это нравится?! Хамство! А он все терпел.

Илья Зильберштейн умолял меня поехать с ним к Лифарю, в Лозанну и убеждать его отдать свои сокровища в новый Музей личных коллекций, где для них будет предоставлено самое лучшее место. Он еще только строился в Москве, и, конечно, Сережа бы так и поступил, если бы еще пожил. Но он умирал, надо было писать завещание. Что он должен был делать на смертном одре, когда возле него никого нет, кроме его преданной подруги Лиллан Алефельд. А она шведка, на Россию ей наплевать, раз она так жестоко обидела ее Сержа. Он был милейший, сердечный человек, очень благородный. Пушкин, как он говорил, был его Богом, его Солнцем. И я нахожу, что эти проклятые чиновники, которые не умеют себя вести с такими тонкими людьми, как Лифарь, испортили все дело. С Гостелерадио и из Министерства

культуры к нему приехали под конец его жизни эти ужасные «начальники» и не просили, не советовали, как это делали мы с Зильберштейном, а нахально требовали: «Вы обязаны вернуть России письма Пушкина! Они принадлежат народу. Это ваш гражданский долг!». Они так огорчили Сережу, что сократили его последние дни.

Потеряв надежду по-хорошему уладить дело в России, Лифарь решил подарить собрание Лозанне. Стал готовить для публичного показа свою коллекцию. Я был на открытии выставки в историческом музее 30 октября 1986 года и хорошо помню, что ее все воспринимали как постоянную экспозицию Лифаря. Сережи там не было. Он не вставал с постели. Я поехал к нему. Он держался мужественно, шутил, рассказывал, как он хоронил Шаляпина, как умирал Дягилев, о встрече с больным Нижинским, как он ужасно ревновал Дягилева к молодому композитору Игорю Маркевичу. У меня был диктофон, и я записал его воспоминания на пленку. «Завтра сделаю две копии, говорит мне барон. Одну дам тебе, а другую я обещал Шаляпинскому центру в Москве. Напомни утром, чтоб я не забыл». Но я знаю, он никогда ничего не забывает.

Прощаясь, я не думал, что вижу Сережу в последний раз. Надеялся, что он поправится. Дух его был еще крепким, он строил планы. В декабре, как обычно, я поехал в Париж на спортивную встречу в «Maxim's». Поехал на поезде, так как у меня была с собой масса бумаг и счетов, которые я должен был привести в порядок. А когда едешь, удобно это делать, так как ты не теряешь времени. Проезжая Лозанну, подумал о Лифаре, послал ему мысленно привет. В Париже, на вокзале купил вечернюю газету. И на первой странице увидел сообщение: сегодня днем умер Лифарь. Как раз, когда я о нем думал. Мой привет оказался прощальным. Я сразу же позвонил графине Алефельд:

— Пожалуйста, не закрывайте гроб. Я непременно хочу его увидеть в последний раз.

Я много раз фотографировал Сережу, и он был очень доволен, когда я привозил или присылал ему фотографии. Он обожал лилии, с которыми танцевал в «Жизели», и они лежали вокруг гроба. Я решил снять Сережу в последний раз. Увидев меня с фотоаппаратом, графиня, как фурия, набросилась на меня: «Как Вы смеете фотографировать мертвого!». Выхватила у меня из рук аппарат и выбросила пленку. Я был удивлен и подавлен, и тут же вернулся в Париж. Из газет я узнал, что вопреки желанию Сережи лежать рядом с Коко Шанель на кладбище в Лозанне (он не

раз говорил мне об этом), погребение состоится на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, под Парижем.

Гроб стоял в Гранд Опера. Сережа рассказывал, как тут в 1938 году лежал Шаляпин, а он стоял у изголовья. А теперь я прощался с ним. Директор театра и другие важные лица произносили речи, было много знаменитых танцоров, музыкантов. Хоронили поздно, в семь часов вечера. Был ужасный холод. Шел снег, на кладбище было темно...

После этого печального рассказа я еще и на следующее утро находилась под его впечатлением. А барон был бодр и готов предпринимать какие-то новые действия. После завтрака он сказал: «Ну что ж, надо звонить в муниципалитет Лозанны. Узнать часы и дни работы музея Лифаря».

Он так и сделал, а ему сказали, что у них такого музея нет. Мы были обескуражены, где же теперь искать коллекцию Лифаря? Барон тут же позвонил Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому в Лондон.

— Князь, Вы рекомендовали Надежде посмотреть Музей Лифаря в Лозанне. А где же он? В муниципалитете города сказали, что не слышали о таком музее.

— Спасибо, что сказали мне об этом, дорогой барон. Я был уверен, что он там есть, и всем знакомым, которые собирались в Швейцарию, я советовал непременно увидеть театральный музей Лифаря в Лозанне. Никто мне до сих пор не сказал, что его там нет.

Барон решил найти коллекцию, не могла же она бесследно исчезнуть. Звонил во все музеи, архивы. Наконец, он сказал, что завтра едем в Лозанну. Нас ждут в одиннадцать в Городском архиве. По совету князя взяли с собой фотоаппарат, «дабы запечатлеть исторические следы». В семь утра, выпив только горячий шоколад и взяв с собой в дорогу два банана, мы выехали из Вадуца. Мы спешили на встречу с главным архивистом лозаннских архивов Жильбером Кутазом. Он знал Лифаря и устраивал его выставку. От него мы узнали, что экспозиция в Историческом музее работала и после его смерти, ее разобрали только 25 января 1987 года. Но у города не было средств, чтобы построить отдельное здание для музея Лифаря. А так как он официально в феврале 1986 года передал весь свой архив Лозанне, то его и поместили в Городской архив.

Нам принесли объемистый том в 475 страниц с перечнем отделов фонда Лифаря, в котором со швейцарской скрупулезностью описан подробно каждый предмет. 1009 афиш (с 1925 по

1986 год), 2676 программ (с 1912 по 1986 год), корреспонденция (с 1916 по 1986 год) состоит из 7628 документов, в том числе и на русском языке 1638 писем; 117 документов, связанных с Пушкиным, 1162 музыкальных автографа (с 1930 по 1986 год). И далее также пунктуально перечислено, сколько фотографий, фильмов, сценариев, разных предметов, связанных с русским балетом, сколько газетных вырезок о мэтре Лифаре на всех языках мира. По этим спискам мы выбрали все, что нас больше всего интересовало, и, наконец, перед нами открылись двери архива под номером «Р63». Чувство благодарности и восхищения перед этим бездомным гением с великой самоотверженной душой охватило меня, когда я увидела огромное количество папок, которые оставил после себя Лифарь для русской и мировой культуры, для будущих исследователей балета.

Господин Кутаз предложил сделать копии с писем и фотографий, увидев, с каким интересом мы все это разглядываем и как бурно выражаем свое удивление. «К пяти часам все будет готово, можете забрать», — сказал он, поговорив со своим помощником. Он рассказал, что из России в фондах Лифаря еще никто не был. Недавно, правда, приезжала одна дама из Москвы, но ее интересовала система хранения и организация лозаннских архивов. Была тут недавно графиня Лиллан Алефельд, размышляла, куда бы устроить ей свою часть коллекции Лифаря, доставшуюся ей в наследство. У нее много интересных вещей, например портрет Лифаря, сделанный Пикассо.

Открытием для меня был Лифарь-художник. Барон давал комментарии: «Многие из этих картин я видел на выставке Сережи в Париже. Он любил наивное искусство, собирал художников-примитивистов». В живописи он был таким же наивным, непосредственным, набирал на кисть несмешанные лучезарные краски. Но сам он примитивистом не был. Его почерк — человека с утонченным вкусом, большого артиста. Он оставил несколько десятков картин. Те, что находятся в лозаннском архиве, можно разделить на три части: натюрморты, портреты и балетно-эротические фантазии. Большое впечатление своей элегантно-простотой произвел на меня портрет Дягилева с моноклем на синем фоне и натюрморт с ландышами. Мокрая свежесть цветочных импровизаций чудесна, это по-настоящему талантливые работы. Барон не разделял моих восторгов, он любит только реалистическое искусство, но добросовестно снимал все эти странные «абстракты».

Господин Кутаз делал много поблажек барону, как другу Лифаря, даже разрешил картины вынести на улицу на солнце, чтобы получилась хорошая съемка, тем более что Эдуард Александрович приехал не с пустыми руками — привез в подарок фотографии Лифаря из своего архива.

В самом шикарном отеле города «Beau Rivage», где два последних года жили Лифарь и Алефельд, нас ждали в два часа. Портье Альберто Григолини, который работает здесь почти сорок лет, вышел встретить барона, открыл дверцу его автомобиля и увидел, что он в шортах.

— Точно таким же, очень загорелым и всегда в шортах ходил Лифарь. Больше никто никогда здесь так не ходил, — смеется добродушный и с чувством юмора Альберто. Вдруг лицо его меняется, становится сосредоточенным и серьезным. Да, конечно, он хорошо помнит, что Лифарь и графиня занимали апартаменты 254 и 255 на втором этаже. От доктора Лифаря он знает, что у него был рак костей. Перед смертью он позвонил и попросил ему принести стакан холодной минеральной воды. Было около полудня. Он лежал в постели. Попросил открыть ставни. «Какой хороший день, — сказал Лифарь. — Я чувствую, это последний день в моей жизни». Не прошло и четверти часа, как позвонила графиня Алефельд: «Лифарь умер».

В отеле запрещено держать покойников. Что делать? Доктор Депре, лечивший Лифаря, разрешил перевезти гроб к себе на виллу рядом с отелем. К сожалению, с доктором Депре мы не встретились. Год назад он умер, а его жена была в отъезде. Мы все же туда заехали, чтобы сфотографировать красивую виллу и двор, который окружен живой зеленой стеной, а в нишах ее, искусно выстриженных, стоят белые мраморные бюсты античных героев. Вот здесь Лифарь лежал в белых лилиях и отсюда повезли его в последний путь.

На встречу с нами в отель «Beau Rivage» приехал Жан Пьер Пастори, президент Ассоциации танца в Лозанне, который писал статьи о Лифаре и встречался со многими людьми, посещавшими его. Из русских запомнил только Григоровича из Большого театра. Почему у Лифаря нет своего музея, как он хотел, господин Пастори не знал. Но припомнил, что во время выставки в 1986 году возникли какие-то недоразумения с городскими властями. Видимо, на устройство музея нужны были значительные средства, которых город не имел. Может быть, в будущем это будет возможно сделать. Но как бы там ни было архивы Лифаря

в полном порядке. И к ним графиня Алефельд собирается присоединить свою коллекцию.

Поехали дальше, барон показал на берегу озера здание, в котором находится штаб-квартира Международного Олимпийского Комитета, знаменитый МОК. Над домом развевался большой белый флаг с пятью разноцветными кольцами. Эдуард Александрович сказал: «Здесь теперь музей Олимпиад, в том числе и Московской».

Здание Исторического музея, в котором в 1986 году проходила выставка Лифаря, носило отпечаток всей Лозанны, обклеенной вдоль и поперек фривольными афишами. На фасаде музея красовались гигантской величины груди малинового цвета. Между ними болтался католический крест. Здесь экспонировалась теперь выставка эротики.

До пяти часов у нас было еще время. Барон вышел из автомобиля на вокзале и пошел узнать, как доехать до кладбища, где похоронена Коко Шанель. А я в это время купила красивую лозаннскую марку и отправила большую открытку с видом Вадуца в Лондон князю Лобанову-Ростовскому, описав путешествие по следам Лифаря, все, что нам удалось увидеть и сфотографировать.

На кладбище Bois de Vaux тихо, ни души. Увидев нас, из конторы вышел служитель: «Прямо до фонтана, от него направо». Здесь, как в раю. Цветущий сад. Журчание воды в фонтане, молчаливая печаль густо-зеленых беклинских деревьев, застылость лилий в пруду. Умиротворяющий покой лег на душу. Смерть показалась не страшной, когда я увидела красивую могилу Коко Шанель, похожую на большую постель с периной из белых цветов. У изголовья белая мраморная плита с фризом из красиво вырезанных пяти львиных голов. Надпись по-французски: Габриэль Шанель. 1883—1971. И крест, в две палочки. Слева скамейка тоже из белого мрамора, на львиных лапах, где мы присели под зонтиком, так как накрапывал легкий теплый дождик.

— Сережа обожал Коко Шанель. Часто приходил сюда с цветами и нашел свободное место для себя рядом, — показал барон на пустой квадрат справа, покрытый зеленой стриженной травой. — Столько лет прошло, а не нашлось достойного лежать рядом. Шанель была настоящим другом русского балета. Не раз спасала она труппу Дягилева от банкротства. После танцевального триумфа Лифаря в «Аполлоне» Дягилев поцеловал ногу Лифаря и подарил ему золотую лиру. И эту дорогую награду Лифарь отдал своей «крестной матери» — Коко Шанель. У постели умирающего Дягилева в Венеции оказались, как всегда, предан-

ные ему Лифарь и Шанель. Отношения между ними были очень нежные на протяжении всей жизни. А Лиллан ужасно ревновала Сережу ко всем. И, конечно, к Шанель и даже к ее памяти. Вот почему она не выполнила его последнюю волю — похоронить в Лозанне, рядом с Коко.

Наше путешествие в Лозанну закончилось, и к позднему ужину мы вернулись в Вадуц. А утром барон обнаружил, что в фотоаппарате не было пленки или он случайно засветил ее, точно не помню. Непривыкший попадать в неловкое положение, он деловито сказал: «Мне некогда, меня ждут мои служащие».

Когда он вернулся, я боялась даже напомнить ему об этом. А наутро опять взошло солнце, и с рассветом мы вновь помчались через всю Швейцарию в Лозанну, чтобы непременно добиться той цели, которую мы перед собой поставили — запечатлеть следы Лифаря в Швейцарии.

Я привезла в Москву фотографии, сделанные самим бароном. Журнал «Арт престиж» опубликовал мой репортаж о Лифаре в Швейцарии с массой великолепных цветных иллюстраций.

А теперь остается ответить на один вопрос. А куда попали 11 писем Пушкина из коллекции Дягилева—Лифаря? Барон сказал, что в конце 1980-х через «Sotheby's» они были приобретены Советским правительством за один миллион долларов и теперь хранятся в Пушкинском доме. А на вырученные деньги графиня Алефельд в память о Лифаре основала в Париже Фонд помощи молодым артистам балета.

А. К. КЕППЕН
(США)

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

ВВЕДЕНИЕ

Данных о работе наших соотечественников за рубежом очень мало. Единственное, что я нашел, была работа профессора П. Е. Ковалевского¹. Но, к сожалению, он прожил свою жизнь во Франции, и его работа «Наши достижения» лишь слегка касалась деятельности наших земляков в Новом Свете. Моя работа представляет собой скромную попытку научного работника и инженера с практикой на трех континентах заполнить этот пробел.

Ведь нас ушло из России после революции и Второй мировой войны более двух миллионов (некоторые авторы считают, что ушло более трех миллионов). Мы рассеяны по всему свету. Это, несомненно, правда, ибо когда после Второй мировой войны я приехал в США и попал на службу в научно-исследовательскую лабораторию при одной из крупных американских компаний в штате Вирджиния, то я был очень удивлен, когда на одном из первых собраний технического персонала ко мне подошел господин маленького роста и завязал разговор. Он отрекомендовал себя начальником цеха подсобных продуктов (это было его детище). Он оказался бывшим офицером Балтийского флота, после разгрома Белого движения эмигрировавшим в США и окончившим здесь колледж. Таким образом, даже в «медвежьих углах» можно найти соотечественников!

Причины нашего ухода были различные, но Иван Алексеевич Бунин так охарактеризовал эту причину в своей речи 24 февраля 1924 г. в Париже о миссии русской эмиграции. «Мы так или иначе, — сказал он, — не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину»². Этот двухмиллионный поток первой

и второй эмиграции* после конца Первой и Второй мировых войн раскинулся почти по всему свету (Европе, Северной и Южной Америке, Австралии). Так, перестав работать для России, большое количество научных работников, профессоров, инженеров, химиков, биологов, врачей, экономистов и других специалистов обогащали своим трудом западный мир.

Многие из них, к сожалению, из-за недостатка знания иностранного языка должны были временно работать физически или же брать низкооплачиваемые работы

чертежника, водителя такси, официанта и т. п. Так было, в особенности, там, где был переизбыток собственной интеллигенции или же существовала неприязнь к России и россиянам. Но, несмотря на большие трудности при устройстве новой жизни, большинство из них довольно быстро «встало на ноги».

После Второй мировой войны условия для русских были из-за Ялтинского Соглашения очень неблагоприятны. Репатриационные комиссии рыскали по всем европейским странам, вылавливая для репатриации своих соотечественников, обвиняя их в пособничестве гитлеровскому режиму. Все это делалось с одобрения или прямой помощью союзников, опасавшихся, что в противном случае их собственные граждане, находившиеся в то время в руках советских властей, не смогут вернуться на родину.

---

* Автор, к сожалению, не имеет достаточных данных о третьей эмиграции, начавшейся в семидесятые годы XX века, и решил посвятить эту статью лишь первой и второй эмиграции. (Первая публикация настоящей статьи в журнале «США: экономика, политика, идеология». 1996, 8. С. 86—96.)

Андрей Карлович Кеппен с супругой. 1998 г.

День и ночь шли эшелоны на восток с «остовцами» и «власовцами». Было много случаев самоубийств!

Русская общественность, проживавшая в США и других странах западного мира, возмутилась этой принудительной репатриацией. Толстовский комитет в США и проживавший в США генерал Деникин заявили открытый протест, опубликованный в западной прессе. Вскоре после этого репатриационные миссии были отозваны, и в американской и английской зонах Германии и Австрии было организовано несколько лагерей для русских беженцев. Однако это облегчение не касалось советских граждан, служивших в немецкой и «власовской» армиях. Часть из них сумела найти себе приют в лагерях ДП («перемещенных лиц») или просто на фермах зажиточных крестьян, ощущавших в то время острый недостаток рабочей силы. О принудительной репатриации советских граждан после Второй мировой войны можно найти подробные сведения в книгах Николая Толстого ³, Nicholas Bethell ⁴ и других. Из этой, так называемой «второй эмиграции», лишь незначительное количество осталось в Европе. Большинство уехали за океан и осели в Австралии, Северной и Южной Америке и в Канаде. Ниже привожу известный мне перечень русских эмигрантов — корифеев науки и техники. Использовали американские энциклопедические и другие издания ⁵.

ЧАСТЬ I

Среди многих тысяч русских эмигрантов, послуживших науке и технике в США, особенно выделяются три специалиста, которые несомненно сделали революцию в области строительства самолетов, химии и электроники. Они хорошо известны американской публике: Сикорский, Ипатьев и Зворыкин. Также известны они и в России.

Игорь Иванович Сикорский

Когда я думаю об аэродинамике, особенно в области применения теоретических принципов ее к воздухоплаванию, то в первую очередь приходит на ум наш знаменитый соотечественник Игорь Иванович Сикорский, проживший большую часть своей жизни в США. Один из знаменитых американских генералов, пионер авиации Джемс Дулиттл, заявил, что по его мнению круп-

нейшими достижениями Сикорского являются развитие много-моторных самолетов, крупных гидропланов и вертолетов, пригодных для практических целей ⁶.

Привожу краткую биографию этого поистине замечательно-го человека.

Он родился 25 мая 1889 года в Киеве, был сыном известного профессора и основателя факультета психологии при Киевском университете, доктора Ивана Алексеевича Сикорского. Мать его также окончила медицинский факультет, но не практиковала в медицине, посвятив себя заботе о семье (три дочери и два сына, Сергей и Игорь). Из рассказов матери Игорь почерпнул много интересного. Он с увлечением слушал ее рассказы о великом Леонардо да Винчи и его проектах машин, способных летать горизонтально и вертикально. Так, у мальчика впервые родился интерес к воздухоплаванию, особенно к машинам, которые могут подниматься вертикально. Уже двенадцати лет от роду он смастерил первую модель вертолета, поднимавшегося на воздух с помощью натянутой резинки.

В 1903 году он поступил в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, но оставил его в 1906 году, заинтересовавшись инженерной авионавтикой. Для студентов в России это были тяжелые времена. Большинство технических школ было закрыто из-за студенческих беспорядков. И Игорь решил, чтобы не терять напрасно время, продолжать свое образование в Париже, где он поступил в одну из тамошних инженерных школ. В 1907 году он вернулся в Россию и был принят в Киевский политехнический институт. На следующий год он поехал с отцом в Германию. В то время европейские газеты были полны сообщениями о полетах графа Цеппелина в Германии и братьев Райт в Америке, один из которых продемонстрировал в Европе первые полеты на самолетах уже в 1908 году.

Когда Игорю Сикорскому исполнилось девятнадцать лет, он окончательно решил посвятить свою жизнь авиации и специально вертолетам. Сестра Ольга одолжила ему деньги на покупку мотора, и молодой человек отправился опять в центр европейского воздухоплавания — Париж. Как это иногда бывает, многие осторожные друзья и родные предполагали, что он скоро вернется назад без денег (это было обычным явлением для молодежи того времени) и без мотора. Однако, он скоро вернулся назад, и с мотором!

Авиация в то время была в зачаточном состоянии. В Париже Сикорский подружился с капитаном французской армии Фердинандом Фербером и посещал его летную школу. Таким образом он приобретал необходимые практические навыки, которые не замедлил применить на деле. Сзади дома отца в Киеве стояла маленькая дача. Это и была первая «мастерская» молодого изобретателя. Первые шаги его не имели успеха. Машина могла только «танцевать» по земле, поднимая облака пыли.

Сознавая, что время для вертолетов еще не пришло, Игорь начал работать над созданием самолетов, и в 1910 году выпустил свою первую модель С—1. За ней быстро последовали модели С—2, С—3, С—4 и С—5. Все это было сделано за пару лет, а в 1911 году Сикорский получил от Императорского Всероссийского аэроклуба пилотскую лицензию № 64.

В 1911 же году Русская армия пригласила его принять участие в маневрах, где, после того как он пролетел 35 километров, был представлен императору Николаю II. В 1912 году его модель С—6А получила первый приз на Московской выставке аэропланов. После этого деятельностью Сикорского заинтересовался Балтийский завод в С.-Петербурге, который пригласил его руководить новооткрытым отделом постройки самолетов. В тот же год самолет С—6А вышел на первое место на состязании своих и иностранных самолетов в Санкт-Петербурге и получил первый приз в размере 30 000 рублей. Это помогло ему, наконец, расплатиться с долгами, сделанными у членов семьи и других. А долгов у него к тому времени собралось немало.

В том же 1912 году Сикорский и его сотрудники построили первый в мире четырехмоторный самолет, который прекрасно себя показал. Этот самолет был окрещен «Grand». Практика с самолетом типа «Grand» помогла группе Сикорского ввести в Императорскую армию тяжелые четырехмоторные бомбовозы типа «Илья Муромец». Немцы ответили на это русское начинание постройкой еще больших аэропланов типа «R-Flugzeuge».

Революция 1917 года прервала постройку этих первых четырехмоторных самолетов. Из 73 «Муромцев», построенных до революции, примерно половина приняла боевое крещение на фронте, остальные применялись для учебных целей. После Октябрьской революции цех постройки самолетов был закрыт, и Игорь с его шурином Димитрием Винером решили оставить Россию. В феврале 1918 года они получили свои паспорта и уехали через Мурманск в Лондон и Париж. Игорь имел рекомендательное письмо от начальника французской военной миссии, и ему

удалось устроиться в Париже в военно-конструкторское бюро по постройке тяжелых бомбовозов. Заключение мира с Германией прервало эту деятельность. Он получил эмигрантскую визу в Америку и 24 марта 1919 года оставил Европу.

Работа в Америке. По приезде в США Сикорский нашел, что после заключения мира военная авиация, как таковая, перестала существовать, а коммерческая авиация еще не родилась. Кроме того, он очень мало был знаком с английским языком. После недолгих мытарств, знакомых каждому эмигранту, он нашел место учителя математики в вечернем институте для русских эмигрантов. В 1921—1922 гг. он преподавал в русском обществе «Наука», где встретил свою будущую жену Елизавету. Она была русской беженкой из Манчжурии и происходила из русской офицерской семьи. Ее отец служил на китайско-монгольской границе.

В марте 1923 года Сикорский сформировал свою собственную компанию «Sikorsky Aero-Engineering Corporation». Первым пристанищем этой компании, состоявшей в большинстве из русских беженцев, была небольшая ферма, принадлежавшая бывшему офицеру морского флота Утгофу. С 1923 по 1928 год фирма могла выстроить небольшое количество самолетов (С—29А, С—34 и С—35). Успех пришел с новыми амфибиозными бипланами С—37 и С—38. Эти оба типа оказались надежными, и фирма получила много заказов. Потом пошли гидропланы С—39 и С—40, которые использовались для полетов в страны Южной Америки. Фирма переменяла свое местопребывание и в 1929 году была переведена в город Стратфорд в штате Коннектикут. В 1937 году первый коммерческий полет через Атлантический океан был сделан авиакомпанией «Pan American Airlines», использовавшей для этого модель Сикорского С—42.

После того, как производство многомоторных гидропланов было освоено, Сикорский, после почти тридцатилетнего перерыва, начал работать над своей старой идеей постройки геликоптера-вертолета. В этом ему помогали его двоюродный брат Игорь Алексеевич Сикорский, Борис Лабенский, Михаил Вуйвуд и Михаил Глухарев. Заново спроектированная машина VS—300 была впервые испробована 14 сентября 1939 года и освоена для полетов в 1941 году. Далее она получила название XR—4 и еще позже R—4. Вертолеты особенно прославились во время Корейского конфликта, войны в Вьетнаме и во время эвакуации населения при стихийных бедствиях.

Игорь Иванович вышел в отставку в мае 1957 года, но до своей смерти служил консультантом фирмы «Sikorsky Aircraft».

За заслуги он получил многие награды и ордена как в Америке, так и в Европе. Он всегда был другом русского народа, пророчески заявляя в те годы, когда СССР считался врагом Америки: «Я утверждаю, что теперешний радикальный социализм исчезнет, а Россия и русские останутся. Россия и русские, по определению, являются друзьями Америки». («I would say that the present radical socialism will disappear, while Russia and the Russian people will remain. And Russia and the Russian people are inherently, normally, and naturally friends of America»), — говорил он своим американским друзьям.

Он скончался 26 октября 1972 года в городе Истон, в штате Коннектикут, оставив после себя многочисленную семью. Сикорский был глубоко религиозным человеком. Они с группой сослуживцев построили в Бриджпорте православную церковь Св. Николая.

Владимир Кузьмич Зворыкин

Отец современного телевидения Владимир Кузьмич Зворыкин родился 30 июля 1889 года в городе Муроме Московской области. Окончив Муромскую гимназию, он поступил в С.-Петербургский технологический институт. После окончания института он, так же как и многие специалисты того времени, продолжил свое образование за границей (в College de France в Париже). Во время Первой мировой войны он служил в корпусе связи.

Он эмигрировал в США в 1919 году и поступил на службу в Westinghouse Electric Corporation в Питтсбурге, и в 1923 году подал заявление на получение патента «иконоскопа», или телевизионного передатчика, а в 1924 году — «кинескопа», или телевизионного приемника. Эти два изобретения создали костяк современной телевизионной системы. Несмотря на малый энтузиазм со стороны руководства Westinghouse Electric, он смог усовершенствовать свою систему.

Демонстрация этого изобретения перед одним из видных руководителей Radio Corporation of America в 1929 году привела к тому, что ему предложили место заведующего лабораторией электроники RCA в г. Камден, в штате Нью-Джерси. В этой лаборатории Зворыкин усовершенствовал свою телевизионную систему, ставшую импульсом для современного телевидения. Помимо этого он изобрел цветное телевидение, получив на него патент уже в 1928 году. Кроме того, он изобрел первый «электронный глаз», применяемый для охраны помещений, сейфов и т. п. Ему также удалось усовершенствовать электронный мик-

роскоп, применяемый сейчас почти во всех научно-исследовательских лабораториях. Его радиоэлектронная лампа, чувствительная к инфракрасным лучам, была базой для «снайпероскопа», применявшегося в темноте во время Второй мировой войны. Он также изобрел суперчувствительный детектор радиации.

Он очень любил собак, природу и охоту на фазанов. В последние годы своей жизни он был очень недоволен тем, во что выродилось современное телевидение, ставшее «огромной пустыней (vast wasteland)», загруженной рекламой и программами на сексуальные и уголовные темы. Он хотел, чтобы его детище было использовано для просвещения и распространения культуры, а не на такую ерунду. Насколько я знаю, в его доме никогда даже не было телевизионного приемника.

В 1954 г. Зворыкин был назначен почетным вице-президентом Radio Corporation of America и директором Рокфеллерского научно-исследовательского института в Нью-Йорке. Помимо этого он основал и был первым президентом Интернациональной федерации медицинской и биологической электроники.

В 1965 году ему была присвоена медаль Фарадеевского общества Англии. За ней последовала Президентская медаль Науки США в 1966 году, и в 1967 году он получил от Национальной Академии США Научную медаль. В 1977 году он был выбран в члены National Hall of Fame [Национальной Палаты Славы] и Палаты Славы Конгресса Русских Американцев. Он умер 29 июля 1982 года в городе Принстон в штате Нью-Джерси, США.

Владимир Николаевич Ипатьев

Владимир Николаевич родился 21 ноября 1867 года в Москве, в старой дворянской семье⁷. Сначала он готовил себя для военной карьеры и в 1887 году был произведен в офицеры, а в 1889 году поступил в Михайловскую артиллерийскую академию в С.-Петербурге. Пишущий эти строки имел удовольствие быть знакомым с некоторыми выпускниками этой академии и от них узнал, как тяжелы были экзамены в это учебное заведение и как трудно было офицеру попасть в нее. Он ее окончил в 1892 году и потом (1898—1906) преподавал там химию, получив титул профессора. Одновременно с молодым Фаворским * посещал лекции

---

* С сыном академика Фаворского, Алексеем, автор этих строк был знаком по школе.

по органической химии. Здесь он тоже вел исследовательскую работу по органической химии и защитил диссертацию.

В 1896 году Ипатьев получил разрешение посетить Германию для дальнейших научных изысканий. Ему было позволено работать в лаборатории великого немецкого химика Адольфа фон Байера. Когда он смог доказать в три-четыре месяца структуру карона, фон Байер был так поражен, что разрешил молодому иностранцу быть соавтором этой работы. В этой же лаборатории Ипатьев встретился и подружился с двумя молодыми немецкими химиками Вильштеттером и Гомбертом, ставшими впоследствии знаменитостями.

В 1900 году он открыл, что во время термальной диссоциации изопентил алкоголя в бутадиен реакция происходила скорее в железной трубке, чем в кварцевой. Ипатьев пришел к заключению, что металл имел каталическое воздействие на реакцию. Так была открыта первая каталистическая реакция.

После этого открытия Ипатьев начал свое капитальное исследование других каталических реакций, и одно открытие следовало за другим. После этих открытий ему было разрешено представить на рассмотрение свою диссертацию «Катализныи реакции под высоким давлением и температурой», и в 1908 году он получил за нее звание доктора химии от С.-Петербургского университета. В следующем году он открыл действие активатора на химическую реакцию. В настоящее время введение активатора в катализныи реакции очень часто применяется в промышленности. Он также открыл новый процесс для получения фосфорной кислоты и синтетического каолина. В 1910 году он был произведен в чин генерала. В 1914 году он был назначен директором Общероссийской Комиссии по изготовлению взрывчатых веществ.

В годы Первой мировой войны мой отец, Карл Кеппен, будучи главным инженером бывш. Владимирского порохового завода (теперь город Рошаль), не раз обращался к Ипатьеву за помощью по снабжению новопостроенного завода необходимыми материалами. Ипатьев всегда был очень любезен и готов помочь. Все это свидетельствует о том, что этот гений науки имел в то же время прекрасный организационный и административный талант.

После Октябрьской революции он был назначен директором Центральной химической лаборатории в Петрограде и председателем Химического комитета Высшего Совета национальной экономики. Помимо этого он был назначен председателем Научно-технической администрации и ему было подчинено более

четырнадцать институтов. В 1927 году он получил от Советского правительства высшую награду — орден Ленина.

Но в 1930-е годы многие из его коллег (инженеров и химиков) были арестованы или пропали без вести. Шел процесс «Промпартии», и многие из великих мира науки сидели на скамье подсудимых. Коллективизация не прошла даром, и страна чувствовала недостаток продовольствия и других необходимых товаров. Кому-то надо было за все это ответить! В 1930 году Владимир Николаевич поехал с женой на Конгресс энергетики в Берлине и не вернулся на родину.

С помощью Густава Эглова (Universal Oil Products) и Варда Эванса (Northwestern University) он попал в США, где в возрасте 63 лет начал новую карьеру — Директора научно-исследовательской лаборатории United Oil Products и профессора Northwestern University в пригородах Чикаго.

В 1939 году Ипатьев даровал Northwestern University специальную субсидию для постройки каталитической лаборатории высоких давлений. Он сделал это для того, чтобы, как он говорил, «хоть частично отплатить свой долг этой стране» (США).

С 1931 по 1952 год Ипатьев был автором и соавтором публикаций более 160 научных работ и получению 200 патентов. Все это было сделано в течение 21 года его жизни в США. Это удивительно и очень жаль, что эта колоссальная работа пропала для России!

Он всегда был верующим, православным христианином, умер 19 ноября 1952 г. Его верная супруга скончалась на десять дней позже. Он погребен в Elmwood Cemetery в Elmwood Park, Illinois. После его смерти Американский Союз Химиков (A.C.S.) установил ежегодный приз имени Ипатьева.

ЧАСТЬ II

В нижеследующей части моей работы я хочу дать краткий обзор творчества других наших выдающихся тружеников науки в Северной Америке.

АСТРОНОМЫ

Один из потомков основателя Пулковской обсерватории, **Отто Людвигович Струве**, родился в 1897 г. в Харькове, заведовал кафедрой астрономии одного из калифорнийских университетов. Он опубликовал целый ряд научных трудов и председательствовал на Конференциях Международного Астрономиче-

ского Общества. Особенно известны его труды об астероидах, орбитах малых звезд, радиальной скорости 368 звезд, физических свойствах газового субстрата и др.

Гапошкин Сергей Илларионович родился в 1898 г. в Евпатории. Окончил Берлинский университет. Получил степень доктора по астрономии в 1932 году. С 1933 года служил в обсерватории Гарвардского университета в Кембридже (Массачусеттс) США. Он автор многих книг и статей об астрономии; открыл одиннадцать двойных звезд; изобрел метод для измерения яркости звезд и многое другое.

Музеп Петр Владимирович родился в Николаеве, окончил Белградский университет в Югославии и получил степень доктора по математике в 1955 г. Служил в обсерватории Белградского университета в 1939—1942 гг.; в Германии (Берлин, Гейдельберг) в 1942—1949 гг., в университете города Цинциннати в штате Огайо в 1949—1959 гг. и с 1962 г. — профессором астрономии при университете штата Мэриленд. Автор многих работ по астрономии, активно участвовал в Программе спутников; изучал влияние луны и солнца на искусственные спутники и т. п.

Высоцкий Александр Николаевич родился в Москве. Окончил Московский университет; в США с 1923 г., защитил докторскую диссертацию при Университете штата Вирджиния в 1926 г., профессор астрономии там же — 1945—1958 гг. Создал научные работы по движению звезд, структуре вселенной; автор многих публикаций.

БИОЛОГИ, БИОФИЗИКИ, БИОХИМИКИ,
ГЕНЕТИКИ, ЭМБРИОЛОГИ

Богорад Лаврентий родился в 1921 г. в Ташкенте; защитил докторскую степень в Чикагском университете в 1942 г., преподавал в Чикагском и Гарвардском университетах. Работал над механизмом формации и декомпозиции гематина и хлорофила; над пластидами, содержащими хлорофил.

Добжанский Феодосий Григорьевич родился в 1900 г. в г. Немирове на Украине. Окончил Киевский университет в 1921 г. В 1927 г. был послан в Колумбийский университет Нью-Йорка, где работал с американским генетиком Нунтом. Ему была предложена профессура в Калифорнии, и он не вернулся в СССР. Он был одним из крупных ученых, которые в 1920—1930-е годы объединили теории эволюции Дарвина с генетической теорией Менделя. Его работа о генетике фруктовых мух (*Drosophila*) можно

считать классической для новой теории генетики. Его работа по генетике насекомых была с успехом применена учеными, работающими над генетикой и палеонтологией человека. В 1940 г. он получил должность профессора зоологии в Колумбийском университете, а в 1962 г. перешел в Рокфеллеровский институт, Нью-Йорк, откуда ушел на пенсию в 1971 г. Он получил многие награды международных институтов; опубликовал более 400 научных трудов. Его сочинения внесли ценный вклад в генетику и эволюционную теорию XX в.

Фабержэ Александр Кириллович * родился в 1912 г. в Москве, получил докторскую степень в Лондонском университете, генетик и цитолог; работал и преподавал в Англии; прибыл в США в 1945 г.; преподавал в Университете штата Висконсин в 1945—1947 гг. Доцент в Университете штата Мэриленд 1947—1955 гг. Автор многочисленных работ о питании, витамине С, метаболизме, полисахаридах, гликопротеинах, ревматоидном артрите и пр.

Федоров Сергей родился в 1925 г. в Латвии, получил докторскую степень в Саскачеванском университете (Канада) в 1958 г.; профессор с 1964 г. Вел научные исследования по токсическому влиянию серума крови на клетки животных; также нашел гетерофильную антигенную систему, где антигены находятся на поверхности клеток некоторых видов животных. Был удостоен нескольких наград научных обществ. Автор многочисленных работ о биологии клеток.

Рашевский Николай родился в 1899 г. в Чернигове; биолог-математик. Окончил Киевский университет в 1919 г.; эмигрировал в 1924 г.; был профессором Русского университета в Праге (1921—1924 гг.) Получил Рокфеллеровскую стипендию для работы в Чикагском университете 1934—1935 гг.; профессор математической биологии в 1947—1965 гг. в Чикаго, затем в Университете штата Мичиган в Анн-Арбор. Автор книг о математической биологии и ее принципах, а также большого количества других научных трудов.

Романов Алексей Лаврентьевич родился в 1892 г. в С.-Петербурге; эмбриолог; учился в Петербурге, Томске и Владивостоке в военное время, затем в США, где защитил докторскую диссертацию в 1928 г. в Корнельском университете в штате Нью-Йорк. Остался при кафедре университета в 1948—1960 гг. и был профессором химической эмбриологии. Он автор многочисленных

---

* Возможно родственник Карла Фабержэ, всемирно известного ювелира.

работ по эмбриологии; структуре и химическому составу яиц; химической эмбриологии роста зародыша и его метаболизма; влиянию среды на его развитие и т. д.

Скипский Владимир Павлович родился в 1913 г. в местечке Угроеды на Украине; биохимик; окончил Киевский университет в 1938 г.; защитил докторскую диссертацию в Университете Южной Калифорнии в Лос-Анжелесе в 1956 г. Работал в разных исследовательских институтах США и позже в Корнельском университете в штате Нью-Йорк. Научная деятельность была сосредоточена в области изучения рака и липоидов, их хромографии и липопротеинов в мембранах клеток.

Сорокин Константин родился в 1903 г. в Царицыне (Волгограде); биолог; окончил Донской сельскохозяйственный институт в Новочеркасске в 1929 г., стал кандидатом наук Сельскохозяйственной академии в 1936 г. Защитил докторскую диссертацию в Техасском университете в 1955 г. В 1951—1955 гг. работал там же научным сотрудником; старшим научным сотрудником — в Университете штата Мэриленд с 1955 г. Научные работы и публикации — о физиологии клеток, фотосинтезе, секреции клеток; разработал концепт старения клеток. (Автор, к сожалению, знает очень мало о работах других биологов. Ему известно, что при Чикагском университете работал профессор Максимов, специалист по воспалительным процессам. Его работа по культуре клеток вне организма заслуживает внимания.)

Ставраки Георгий Владимирович родился в 1905 г. в Одессе; физиолог; окончил Одесский университет в 1926 г., врач. Окончил также университет Мак-Гил в Монреале в Канаде со званием магистра наук, в 1932 г. работал научным сотрудником, и с 1936 г. был профессором физиологии в Университете Вест-Онтарио в Канаде. Научные работы — о передаче нервных импульсов в теплокровных организмах; механизме выделения в гастронутренней системе; множество других публикаций.

Новиков Алексей Веньяминович родился в 1913 г. в Чернигове; биохимик. Окончил Колумбийский университет в Нью-Йорке и защитил там же докторскую диссертацию в 1938 г. В 1954—1955 гг. профессор медицины в Колледже Медицины Альберта Эйнштейна в Нью-Йорке. Исследования и публикации о биохимической цитологии здоровых и больных клеток.

Окулич Владимир Иосифович родился в 1906 г. в С.-Петербурге; геолог; защитил докторскую диссертацию в Университете Мак-Гил в Монреале в 1934 г., в 1944—1949 гг. профессор палеонтологии в Ванкуверском университете в Канаде; декан геологического факультета там же в 1953—1964 гг. Из научных работ известны его труды по палеонтологии бесхребетных (1955 г.), исследование о первичных бесхребетных, камбрийских каменных породах и др.

ФИЗИКИ

Балинкин Исай родился в 1900 г. в Одессе; физик; эмигрировал в 1925 г.; защитил докторскую диссертацию в Университете Цинциннати (штат Огайо) в 1929 г.; служил долгое время в разных компаниях в США; профессор физики с 1952 г.; удостоен наград и премий. Научные работы: исследования ртути; ламп, основанных на амальгаме ртути, и создание различных приборов.

Кистяковский Георгий Богданович родился в 1900 г. в Киеве; физикохимик; учился в Киевском университете; был добровольцем в Белой армии. Получил докторскую степень в Берлинском университете в 1925 г. В 1955 г. защитил вторую докторскую диссертацию при Гарвардском университете в Кембридже (Массачусетс), США. Профессор химии при Гарвардском университете в 1937—1959 гг. В 1961 г. был назначен специальным ассистентом президента Эйзенхауера по вопросам техники. Автор многих научных публикаций. Известен как изобретатель детонатора первой атомной бомбы. Был удостоен наград многих научных обществ. Научное поле деятельности: кинетика и термодинамика органических молекул; исследование волн детонации; молекулярная спектроскопия и др.

Колин Александр родился в Одессе; биофизик; учился в Техническом университете в Берлине; защитил докторскую диссертацию по физике в Праге в 1934 г. и в тот же год эмигрировал в США. Преподавал в Колумбийском университете, Нью-Йоркском университете, Чикагском университете и Калифорнийском университете (Лос-Анжелес), где стал профессором биофизики с 1956 г. Был удостоен награды за изобретение электронного измерения потока жидкости. Имеет публикации по электропорезису; открыл электромагнетопорезис. Опубликовал большое количество научных работ.

Гамов Георгий родился в 1904 г. в Одессе; физик; учился в Ленинградском университете; защитил докторскую диссертацию в 1928 г. Был научным работником в университетах Германии, Дании и Англии, преподавал в Париже и Лондоне; профессор физики Университета в штате Вашингтон и Денверском университете в штате Колорадо, США. Автор многих книг на английском языке, в которых он популяризовал научные достижения в области атомной физики. Его теоретические наблюдения вели к пониманию ядерного расщепления и сплавления; он сформулировал закон Гамова—Геллерского о бета-эмиссии электронов; разработал теорию о происхождении химических элементов и др.

Азаров Леонид Владимирович родился в 1926 г. в Москве; физик; защитил докторскую диссертацию в Массачусетском технологическом институте в 1954 г., работал в Чикаго; профессор Иллинойского технологического института в Чикаго в 1957—1966 гг., затем был профессором физики и директором Института Науки о природе материалов при Университете штата Коннектикут. Автор книг о новой технологии; статей о распределении атомов в кристаллах; образовании и количестве сплавов металла.

Шнейдеров Анатолий родился в 1912 г. в Екатеринбурге; космофизик; эмигрировал в США через Китай; окончил Вашингтонский университет в Сиэтле в 1944 г. и в 1948 г. получил научную степень при Колумбийском университете в Нью-Йорке; с 1945 г. работал геофизиком в Отделе геологических изысканий в Вашингтоне. Научные работы и публикации по теории о расширении земли; астросейсмологии и др.

ХИМИКИ

Ипатьев Владимир Николаевич (см. выше).

Григорьев Владимир родился в 1908 г. в г. Ханькоу (Китай); химик; окончил Цюрихский университет (Швейцария) в 1932 г., получил докторскую степень в Чикагском университете в 1939 г., работал в нескольких частных предприятиях в 1947—1953 гг., член Совета Института атомной энергии в г. Окридже. С 1964 г. помощник директора специальных проектов. Публикации в технических журналах; исследования по пиротехнике, работы над композицией стекла с малым коэффициентом расширения; по изоляции из синтетических материалов и т. д.

Гривский Евгений Михайлович родился в 1911 г. в Пскове; химик; защитил докторскую диссертацию в Брюсселе; работал сначала в фармацевтической фирме в Бельгии, а потом в такой

же фирме в штате Нью-Йорк. С 1958 г. переводчик-референт при Союзе американских химиков (ACS; American Chemical Society). Исследования и публикации в области органической химии и фармакологии, синтеза новых медикаментов и т. п.

Хензель Владимир родился в 1914 г. в Фрейбурге (Германия), родители были из Москвы; химик; получил докторскую степень при Северо-Западном университете в Чикаго в 1941 г., работал все время на Universal Oil Products Co., был ассистентом В. Н. Ипатьева. С 1964 г. вице-президент Научно-исследовательской лаборатории. Был удостоен наград от всевозможных обществ химической промышленности. Исследования, публикации по катализаторам, особенно по катализу углеводов; сделал открытие, которое привело к применению платинового типа катализаторов в очистительных заводах для нефти.

Глинка Исидор родился в 1911 г. в Тернополе на Украине; химик; защитил докторскую диссертацию при Калифорнийском технологическом институте в 1939 г., служил научным работником в Министерстве Сельского Хозяйства в Виннипеге (Канада). Редактор канадских сельскохозяйственных агрожурналов. Исследования и публикации о влиянии химических компонентов на вкус сыра. Применил концепцию о структуре протеина в трех измерениях и т. д.

Иргон Иосиф родился в местечке Полонное, Россия; физико-химик; защитил диссертацию при Массачусетском технологическом институте в 1948 г. Работал в научно-исследовательских лабораториях на разных предприятиях; с 1962 г. консультант. Разработал быстрый метод испытания горючего для ракет; открыл статистический метод для исследования новых материалов в океанографии; открыл новые виды твердого горючего для ракет.

Косолапов Геннадий Михайлович родился в 1909 г. в Вятке; химик; защитил диссертацию на степень кандидата технических наук по биохимии при Мичиганском университете в 1933 г. и получил диплом химика в 1936 г. Работал в частных научно-исследовательских лабораториях в США; профессор и научный работник в Университете штата Алабама в 1953 г. и лектор по химии фосфора и фосфорно-органических соединений. Автор известной книги «Органофосфорные соединения». Пишущий эти строки имел удовольствие познакомиться с этим милым человеком и нередко консультировал его по вопросам об органофосфорных соединениях. Хотя он оставил Россию в малом возрасте, он всегда с любовью говорил о ней и о деревне Косолаповке под Вяткой, где жили когда-то его родители. К сожалению,

инфаркт безвременно пресек жизнь этого милейшего, веселого и жизнерадостного человека.

Остромысленский Иван Иванович родился в 1880 г. в Москве; химик. Получил свое образование за границей, где за короткий срок сдал экзамены на инженера-химика и врача и экзамен на степень доктора. После того как он оставил Россию, он был приглашен Эрнестом Хопкинсоном из United States Rubber Co. работать над производством искусственного каучука (1922—1925 гг.) и был пионером этого нового процесса. Работая в лаборатории, он был одним из первых, кто занимался полимеризацией диена. Этот метод был позже использован для получения искусственного каучука. Он также вел интенсивную работу по полистиринам. Он умер от инфаркта и был похоронен на кладбище в Лонг-Айленде, штат Нью-Йорк.

Каррер Павел родился в 1890 г. в Москве; химик; еще в бытность мою студентом в Германии мне попался в руки прекрасный учебник по органической химии Павла Каррера. Этот же учебник был весьма популярен в США, и я почти не знаю библиотеки исследовательских институтов по химии, где бы он отсутствовал. Разбирая литературу для этой статьи, я узнал, что профессор Каррер наш земляк, оставшийся после Первой мировой войны в Швейцарии и сделавшийся европейской знаменитостью. Привожу данные о нем: он, как и многие россияне, в дореволюционное время получил образование за границей и в 1911 г. защитил докторскую диссертацию в Цюрихском университете, там и остался и в 1919 г. стал деканом химического факультета, вплоть до ухода на пенсию в 1959 г. Он известен своими исследованиями каротина, флавина и витаминов А и Б. Он также определил структуру и синтезировал витамины В₂, а также витамины А и Е. Получил за эти работы Нобелевскую премию по химии.

Кеппен Андрей Карлович родился в Петербурге в 1915 г.; инженер-химик. В 1939 г. с отличием закончил целлюлозно-бумажный факультет Лесотехнической академии в звании инженера-технолога. Во время войны насильственно вывезен в Германию. В 1946 г. поступил в Высшую школу в Дармштадте. Там подготовил и в 1948 г. защитил диссертацию, получил звание доктора-инженера на факультете органической химии Технического университета в Дармштадте. Эмигрировал в Австралию, где работал над использованием тропических пород древесины из Новой Гвинеи в Австралийском государственном институте. После переезда в США служил в научно-исследовательских лабораториях, работал над новыми процессами получения полицеллюлозы

из древесины. Последние годы работал директором (впоследствии вице-президентом) научно-исследовательской лаборатории на предприятиях химической промышленности в Чикаго. Там занимался исследованием новых материалов, не загрязняющих окружающую среду, коррозионных ингибиторов и новых химикалий для переработки макулатуры (патенты). В течение трех лет (1958—1962 гг.) был профессором Западного университета в Каламазу (штат Мичиган). Является автором многих научных публикаций. С любовью вспоминает свою великую Родину, давшую ему верное направление жизненной деятельности.

МАТЕМАТИКИ, СТАТИСТИКИ, РЕОЛОГИ

Бесикович Абрам Самойлович родился в 1891 г. в Бердянске в Белоруссии; математик; окончил С.-Петербургский университет в 1912 г., доцент того же университета в 1920—1925 гг., профессор математики в Путейском институте, Педагогическом институте и др. в 1926—1927 гг., профессор математики в Англии в 1927—1958 гг., профессор в США: в Пенсильванском университете в 1958—1962 гг., в Дартмут колледже 1962—1963 гг., Орегонском университете в 1964—1965 гг. Преподавал также в Висконсинском и Корнельском университетах. Автор научных трудов по математике, теории вероятности и др.

Котляр Михаил родился в 1920 г. в Киеве; математик. Защитил докторскую диссертацию в Чикагском университете в 1953 г., профессор в университетах Ла Плата и Буэнос Айреса в Аргентине 1946—1950 гг., научный сотрудник Чикагского университета 1951—1953 гг., профессор Вашингтонского университета в г. Сент-Люис (штат Миссури) в 1958 г. Автор научных статей в математических журналах; основатель Института парапсихологии в Буэнос Айресе.

Филлипов Владимир родился в 1901 г. в Петергофе; реолог; окончил Технический университет в Берлине в 1932 г.; защитил докторскую диссертацию в 1934 г.; эмигрировал в США в 1948 г.; работал в частных научно-исследовательских лабораториях в 1951—1959 гг. С 1968 г. профессор Бруклинского политехнического института. Автор большого количества научных трудов в области реологии, полимерных растворов, вибрационных испытаний, лучей Рентгена в мыльном растворе, полимеров при флотации и т. д.

Сокольников Иван Степанович родился в 1903 г. в Чернигове; математик; защитил докторскую диссертацию по математике

в Висконсинском университете в 1930 г.; профессор математики там же в 1941—1946 гг. и в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе с 1946 г. Был удостоен наград от многих научных обществ. Автор множества книг: «Математическая теория эластичности» (1946), «Математика и физика современного инженерного дела» (1958) и др., а также многих других научных работ.

МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ (врачи, вирусологи, патологи, психиатры)

Де Савич Евгений родился в 1915 г. в С.-Петербурге; хирург и патологоанатом; учился в Пастеровском институте в Париже, сдал экзамен на доктора медицины в Чикагском университете в 1935 г.; работал в США и Франции; специализировался в хирургии с 1939 г. Участвовал в нескольких экспедициях в Африку; автор научных трудов по витаминам и антибиотикам, применяемым при туберкулезных заболеваниях.

Цильборг Георгий родился в 1895 г. в Киеве; психиатр; сдал докторский экзамен при Петербургском психоневрологическом институте в 1917 г. Был врачом в Российской армии; участник Февральской революции; служил в кабинете князя Львова и Керенского. Сдал вторичный докторский экзамен в Колумбийском университете в 1926 г.; работал в различных госпиталях США и имел частную практику; международный лектор по психиатрии; член множества международных психиатрических обществ; автор многих книг и большого количества научных работ по психиатрии. Умер в 1959 г.

Рагинский Бернад Борисович родился в 1902 г. в Екатеринославе; врач; сдал докторский экзамен в Макгилском университете (Канада) в 1927 г. и работал там же демонстратором фармакологии в 1931—1933 гг. Врач в Монреале при Еврейском госпитале в 1934—1962 гг. С 1962 г. занимался частной практикой. Служил также директором исследовательского института гипноза и советником по терапевтическому применению гипноза; получил несколько медалей за успешное применение гипноза; автор многочисленных научно-исследовательских статей.

Соколов Борис Федорович родился в 1898 г. в С.-Петербурге; врач-исследователь; защитил докторскую диссертацию в Санкт-Петербургском университете в 1911 г. и сдал экзамен на доктора медицины в 1916 г. Специализировался по изучению проблем рака и артериосклероза; работал в Пастеровском институте в Париже в 1928 г., Рокфеллеровском институте медицины; Вашингтонском университете; Колумбийском университете. Автор многих книг («Рак», «Болезни цивилизации», «История пеницил-

лина» и др.). Автор множества публикаций; открыл антибиотики против рака; писал о лекарствах из кактуса, средствах от рака из фунгуса [лишаев].

Федукович Елена Терентьевна врач-офтальмолог; работала много лет в России и опубликовала там 35 научных статей. Приехала в США в 1949 г. Устроилась на работу в Нью-Йоркском университете и проработала там 25 лет. Последние годы она была директором отдела офтальмологической бактериологии; руководила микробиологической лабораторией глаза при госпитале Бельвью. В 1963 г. она издала по-английски книгу «Наружные инфекции глаза — бактериальные, вирусные и грибковые». Вышло три издания этого труда. Съезд Американской Академии офтальмологии в Сан-Франциско в 1982 г., на котором присутствовало 20 000 человек, торжественно чествовал доктора Федукович за ее труды и избрал ее почетным членом Академии. Е. Т. Федукович была также торжественно введена в Палату Славы Конгресса Русских Американцев ⁸.

ИНЖЕНЕРЫ

Тимошенко Стефан родился в 1878 г. в Киеве; инженер-механик; окончил Путьский институт в С.-Петербурге в 1901 г.; защитил докторские диссертации: доктора-инженера в Мичиганском университете в 1938 г., в Политехническом институте в Цюрихе (Швейцария) и в Техническом университете в Мюнхене в 1948 г. В 1902—1903 гг. доцент Политехнического института в С.-Петербурге; в 1903—1906 гг. профессор Киевского политехнического института; в 1906—1917 гг. профессор Политехнического института в С.-Петербурге; в 1920—1922 гг. профессор Загребского университета в Югославии. Эмигрировал в США в 1922 г. Первые годы работал для частных фирм; затем стал профессором инженерной механики в Мичиганском университете в 1927—1936 гг., профессор инженерной механики Станфордского университета (Калифорния) в 1936—1944 гг. Член многих Академий, а также член-корреспондент Академии Наук СССР. Автор каждому инженеру известных книг: «Сопrotивление материалов», «Инженерная механика», «Теория эластичной стабильности» и др. Оказал большое влияние в западном мире на разработки теоретической и прикладной механики, теорию эластичности, теорию вибрации.

Карпетов Владимир родился в 1876 г. в С.-Петербурге; инженер в области электричества; окончил Путьский институт в С.-Петербурге в 1897 г., учился в Техническом университете Дармштадта (Германия); защитил докторскую степень в Политехническом институте в Бруклине, в США. Профессор электротехники в Корнельском университете в 1904—1939 гг.; преподавал в Технологическом институте Стивена в 1939—1940 гг., служил во время Второй мировой войны в государственном Комитете экономической войны в 1942—1943 гг.; консультант компании Bethlehem Steel. С 1944 г. в Военно-Морской Академии США. Был удостоен наград и медалей американских научных обществ. Автор многих книг в области электротехники, других публикаций и патентов. Это был исключительно талантливый и плодотворный электроинженер. Умер в 1948 г.

зоологи, энтомологи, ихтиологи

Белкин Иван Николаевич родился в 1913 г. в С.-Петербурге; энтомолог. Учился в Гарвардском университете. Защитил докторскую степень в Корнельском университете в 1946 г. Служил в научно-исследовательских лабораториях высших учебных заведений в 1946—1948 гг. Профессор энтомологии в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе в 1949 г., в 1958—1962 гг. профессор зоологии. Автор книги «Комары в Тихом океане» (2 тома) и большого количества научных работ о классификации и биологии комаров, медицинской энтомологии и др.

Петрункевич Александр родился в 1875 г. в местечке Плиски на Украине; зоолог; учился в Московском университете в 1894—1898 гг., Фрейбургском университете (Германия) в 1900 г.; докторская степень в Университете штата Индиана в США в 1951 г. Читал лекции в Фрейбургском университете, Гарвардском университете, был профессором зоологии в Университете штата Индиана в 1906 г. и Йельском университете в 1917—1944 гг. Автор многих книг («Морфология беспозвоночных»; «Натуральная классификация пауков»; «Исследование янтарных пауков»; «Каталог американских пауков» и др.).

Автор, к сожалению, знает очень мало о других ученых естественных наук, например о работе ихтиолога профессора Гарвардского университета Н. А. Бородина.

Леонтьев Василий родился в 1906 г. в С.-Петербурге; экономист; окончил Ленинградский университет в 1925 г., а затем Берлинский университет в 1928 г., эмигрировал в США в 1931 г., преподавал экономику в Гарвардском университете в 1931—1975 гг., в 1948—1975 гг. был директором Гарвардского экономического исследовательского проекта структуры американской экономики. В 1974 г. он был приглашен на место профессора экономики в Нью-Йоркский университет, где также возглавлял Институт экономического анализа. Приобрел известность тем, что разработал новый вид экономического анализа «ввод — отдача [input-output]» или «затраты—выпуск». Этот метод анализа экономической производительности теперь применяется в более чем пятидесяти странах. Леонтьев также разработал метод линейных программ — математическую технику для разрешения сложных экономических проблем. Кроме того, он известен открытием «Леонтьевского парадокса», согласно которому в США капитал, а не рабочая сила, является дефицитным фактором в производстве. Автор многих публикаций и книг по экономике, был награжден Нобелевской премией по экономике в 1973 г.

Аспатурян Вернон родился в 1922 г. в Армавире, специалист по политической науке; защитил докторскую степень в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе в 1951 г., преподавал там же в 1950—1951 гг., был начальником отдела психологической войны в Токио в 1952 г.; ассистент-профессор политических наук в Пенсильванском университете в 1952—1956 гг. и профессор с 1961 г., приглашенный профессор в Колумбийском и Джон Хопкинс университетах 1961—1963 гг. и Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе 1964—1965 гг. Автор книг «Новые политические системы Европы», «Советский Союз в мировой коммунистической системе» и др.; разработал новые концепции по анализу Советской системы и иностранной политики в дипломатии.

Сорокин Питирим Александрович родился в 1899 г. в деревне Турия в России; социолог; посещал и окончил учительскую семинарию Костромской губернии 1903—1906 гг., затем Психоневрологический институт в С.-Петербурге в 1909—1910 гг., С.-Петербургский университет в 1910—1914 гг., получил звание магистра по криминалистике в 1915 г. Защитил докторскую диссертацию по социологии в 1922 г.; был активным участником Февральской революции в 1917 г., главным редактором органа социал-рево-

люционеров газеты «Воля народа» в 1917 г., депутатом Учредительного Собрания в 1918 г. Эмигрировал в США в 1923 г., преподавал в Миннесотском университете в 1924—1930 гг., был профессором социологии Гарвардского университета в 1930—1964 гг. После этого был директором «Центра творческого альтруизма». Автор книг по социологии: «Преступление и наказание», «Социология революции», «Настоящие теории социологии», «Сила и мораль», «Американская сексуальная революция» и многих других. Умер в 1968 г.

Великовский Иммануил родился в Витебске; космолог; учился в Московском экономическом институте, Харьковском университете, который окончил со званием врача. Практиковал в Берлинском госпитале Шаритэ, в Институте мозга в Цюрихе (Швейцария). Проходил курс психоанализа в Вене, работал врачом и психологом в Палестине в 1924—1939 гг. Автор многих книг полуфантастического характера: «Столкновение миров», «Годы хаоса», «Земля в перевороте» и др. Он первый предположил, что поверхность планеты Венера имеет очень высокую температуру, что планета Юпитер излучает радиоволны и что существует земная магнитосфера, доходящая до луны. Все эти гипотезы были потом подтверждены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение я хочу повторить, что моя публикация ни в коем случае не претендует на полноту. Я знал многих научных работников российского происхождения, которые до сих пор не входят в американские энциклопедии, в основном использованные мной для моей работы. Также невозможно было включить в нее всех ученых, инженеров, врачей, педагогов и прочих специалистов, выходцев из России. А сколько их до сих пор живет или «ушли в мир иной» в Европе, Австралии и Южной Америке!

Несомненно, что эмиграция, истребление интеллигенции во время гражданской войны, голод во время разрухи и чисток 1930 годов не смогли не отразиться на количестве и качестве научных достижений. Кроме того, полная отрезанность советских ученых от западного мира, незнание иностранных языков и предпочтение, отдаваемое военно-промышленному комплексу, сильно затормозили развитие науки и техники в стране. Но я уверен, что с концом второго «смутного времени», через которое проходит наша страна сейчас, настанут лучшие времена!

Научно-технический потенциал российской эмиграции (а она значительно пополнилась в последние годы, но это особая тема)

очень велик. Эти люди, работая на Западе, накопили большой запас знаний. Это особенно важно, когда наша страна перестраивается и вошла в эпоху великих реформ и рыночной экономики. В настоящее время громадное большинство эмигрантов, думая о помощи Родине, пользуются поговоркой «поживем — увидим». Стоит вспомнить об этих специалистах. Насколько я знаю, Польша, Прибалтика, особенно, Китай, широко используют знания и помощь эмигрантов, работавших по своей специальности на Западе. Мне кажется, что России надо последовать этому примеру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ковалевский П. Е.* Наши достижения. Газета «Русская жизнь» от 28/12, 29/12/1990 и 2/1/91 года. Сан-Франциско.

² «Миссия Русской эмиграции». Речь Ивана Алексеевича Бунина в 1924 г.

³ *Tolstoi N.* The Secret Betrayel 1944—1947. London, 1978.

⁴ *Bethell N.* Das letzte Geheimnisc. Frankfurt am Main, 1978.

⁵ *World Who's Who in Science.* Chicago. The 1st Edition; American Men and Women of Science. N.-Y., L., 1974. Сокращенный вариант публикуемой статьи А. К. Кеппена — см. также США: экономика, политика, идеология. М., 1996, 8. С. 86—95.

⁶ *Delear F. J.* Igor Sikorsky — His Thace Careers in Aviation. New York, 1976.

⁷ *Whaley T.* Wladimir Nikolaewich Ipatieff. «The Chemical Bulletin of Chicago Section of the «American Chemical Society», December 1975 г.

⁸ *Н. Недрига.* Успехи доктора Е. Т. Федукович в Америке. Газета «Русская жизнь» от 23 мая 1991 г. Сан-Франциско.

Н. Д. ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ
(Лондон)

◆
**ВОСПОМИНАНИЯ
О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ
ЗА РУБЕЖОМ**

Начну эти заметки с некоторых обобщений, связанных с художниками, эмигрировавшими большей частью после 1917 года — их человек двадцать — и затем дам наброски их портретов. Скажу сразу же: мои взгляды субъективны. Они отражают взгляды не искусствоведа, а коллекционера, более того, коллекционера не станковой, а театральной живописи.

1. Начну с вопроса, несомненно волнующего многих: почему художники эмигрировали?

Были, наверное, разные причины, и из тех двадцати художников, о которых я буду говорить, четверо выехали из России до 1916 года, никого в 1917 году и лишь один — в 1918. Вообще мне представляется, что никого из них не вынудили к эмиграции политические причины. Художников, в сущности, не интересует, как правило, что происходит вокруг. Каждый из них интересуется прежде всего своей живописью, своей работой. Было, как известно, несколько периодов между 1917 и 1928 годами, когда возникали пики эмиграции художников. Те, о которых я буду говорить, в основном, мастера, которые потеряли рынок — их произведения после 1918 года стали никому не нужны. Государственные закупочные комиссии приобретали произведения «левых» художников, независимо от качества, давая им возможность иметь паек и быть явно включенными в художественную жизнь страны. Не «левые» были такой возможности лишены. А такие художники, как, скажем, Сомов или Бенуа остались в стороне потому, что были уже людьми прошлого. Несколько изменилась ситуация при нэпе, когда вновь появились люди, способные покупать произведения искусства. В этот период уехало сравнительно мало художников. После смерти Ленина, в 1924 году, среди художников наступает сдвиг к эмиграции, и в этом году уезжает их пятеро: Добужинский, Экстер, Анненков, Серебряковы... Скорее всего, они осознали, что в будущем у них не будет возможности работать в сложившейся обстановке. Началась

массовая эмиграция художников, закончившаяся с отъездом Чехонина в 1928 году.

2. Второй вопрос, которым задавались многие, и я, разумеется, в их числе: в каком направлении развивались уехавшие художники? В России долго господствовало мнение, что все художники в эмиграции стали писать хуже, а некоторые и вообще перестали. Здесь трудно делать обобщения. Замечу, однако же, что, к примеру, Александр Бенуа всю свою жизнь проработал в одном и том же стиле. У Гончаровой и Ларионова появился взрыв цвета, но нет новаторства — за 50 лет во Франции Ларионов ничего нового не создал. Они творили хорошо, даже замечательно, но не создали ничего нового.

Я получил письмо от Сергея Чепика — одного ленинградского художника, выехавшего за границу в 1989 году. Он ощущает развитие русских художников в эмиграции таким образом.

«Вот некоторые рассуждения, — пишет он, — по поводу выставки Вашего собрания в ленинградском “Манеже”. Первое впечатление — просто шок от изобилия первоклассной живописи! Обилие имен, зачастую просто неизвестных: Челищев, Экстер, Билинский, Габо и многие другие. ...Огромная страница русской культуры была практически недоступна не только для широкой публики, а даже для профессионалов. Да что говорить! Ведь с художественной школы внушается: “Эмиграция для русского художника, писателя, композитора — творческая смерть”. Он (художник-эмигрант) а) пьет “горькую” без просыпу; б) плачет, стонет, спокойно не может видеть березку; в) конечно, сидит без гроша и чуть ли не каждый день режет свои холсты. “Горька судьба русских художников-эмигрантов, не понявших значения Великой Октябрьской... и т. д.: Шагала, Суэтина, Кандинского, Цадкина, Архипенко... Приговор гласит: художник-эмигрант ни черта не пишет и работать не может! Ваши выставки перечеркнули эту ложь. Ведь изобразительные искусства — это практика, а не теория. Выставка — о единстве русской культуры, до и после 17-го года... И можно сколько угодно говорить о том, что де художники вне России хорошего ничего не создали — вот посмотрите, Коровин, Бенуа, Бакст, Добужинский — все создано не в запойной зеленой тоске, а блистательно нарисовано, скомпоновано и написано... Все эти художники блистательно представлены на Вашей выставке. Многих мы знали понаслышке или плохим репродукциям. ...Мне, как профессионалу, Ваша выставка дала богатейший материал для понимания и переосмысления

В. Васнецов. Царевна. 1885 г.
Собрание автора

А. Н. Бенуа. Портрет С. Есенина.
1915 г. Собрание автора

подхода к холсту, задачи фактуры, значения локального пятна и линии”».

3. Очень важный вопрос: отразилась ли массовая эмиграция художников на развитии живописного искусства в тех странах, которые их приняли?

В Берлине работали Челищев и Пуни — в кабаре «Синяя птица» Яши Южного. Это кабаре пользовалось таким успехом, что возникли два немецких кабаре, оформленных на русский лад. И это явно доказывает влияние русских художников хотя бы в этой области. Бакст, Делоне, Гончарова и Ларионов работали во Франции и повлияли на тамошние ювелирные изделия, на моду и на сценографию. Судейкин и Ремизов работали в США, где повлияли на театр-оперу и на моду. Судейкин работал в Метрополитен-опера, а Ремизов — в Голливуде. Был ли на их работы спрос среди коллекционеров? У меня список из девятнадцати торговцев русской живописью только в Париже, у которых я сам покупал картины за последние 35 лет. Такой же список у меня есть и по Нью-Йорку и по Германии. Так что русское искусство не было забыто в тех странах, где они работали. Параллельно шла, конечно, очень интенсивная культурная жизнь в философии, поэзии, прозе, но я, к сожалению, здесь не специалист и не могу проследить эти параллели.

4. Какова же ситуация сегодня? Десятки художников сейчас живут

Н. А. Бенуа и Н. Д. Лобанов-Ростовский.
Милан. 1985 г.

и работают на Западе. В Лондоне нет месяца, когда не открывалась бы выставка современных русских художников. Некоторые проходят бесследно, другие — средние. Есть и те, чьи работы продаются за очень большие деньги.

Но меня очень волнует то, что никакого влияния на местную культуру они не оказали. Нет, к примеру, художника в Англии, который пишет в манере Булатова или Кабакова. Художники в США или Англии относятся к русским художникам как к провинциалам. Речь идет, разумеется, о художниках нынешней эмиграции.

Меня лучше поймет читатель, если скажу далее немного о русском театральном дизайне.

Отношения художника с театром принимают самые различные формы, и превосходство русского дизайна определяют, наряду с артистическим дарованием, организационные факторы.

Если вернуться к 1880 годам, можно проследить закономерность того, что театральное оформление в Европе, как и в России, находилось в руках ремесленников, которые зачастую были постоянными сотрудниками определенного театра. Даже спустя десятилетие, французские художники вносили свой вклад в театральное искусство лишь рекламными плакатами. В России же

Н. Д. Лобанов-Ростовский у входа
в мемориальный дом в Филевском
парке в Москве.
Май 2001 г.

в 80-х годах начались радикальные изменения в этой области искусства, инициатором которых был московский железнодорожный магнат и покровитель искусств Савва Мамонтов. Его друзья и художники, гостившие в его поместье в Абрамцево, или в его московском доме, в 70-х годах прошлого века стали свидетелями начала постоянно усложнявшихся любительских театральных представлений.

С точки зрения Мамонтова, театральная декорация должна представлять прекрасную картину, пробуждающую соответствующее чувство стиля и атмосферы. С тем, чтобы провести свою идею в жизнь, Мамонтов приглашал для работы в своем домашнем театре известных художников. Ре-

зультатом их творчества стали костюмы и декорации, созданные, так сказать, станковистами, сочетавшими в своей работе большое техническое мастерство и талант профессионального художника с надлежащим образованием и культурной базой. На этой почве развились таланты таких известных художников, как Валентин Серов и Виктор Васнецов. Их подход к театральной сцене был естественно артистичным, их декорации были двухмерными в зависимости от эффекта в сочетании с занавесом из прозрачного тюля. Однако они, в основном, опирались на глубокие познания в области качества ткани, края, ее соотношения со светом, на конструкцию изделия и тому подобные технические стороны дела.

В 1885 году после отмены государственной монополии на театры в России, кульминацией театральной жизни стало создание Мамонтовым профессионального оперного театра в Москве. К работе в опере он также привлек выдающихся художников того времени. По мере того, как в эти годы сметались границы и свобода творчества распространялась по всей России, такие художники обогащали театр своими авангардными идеями и современными эстетическими принципами. В результате, театраль-

ные художники новой формации начали расширять сферу своего влияния на театральный мир в целом. Они завоевали себе право участвовать в создании спектаклей, наряду с режиссерами и постепенно стали вносить более важный вклад в постановку театральных представлений.

Будучи режиссером-любителем, Мамонтов оказался инициатором этого процесса. Дягилев — балетный импресарио, разовет в будущем этот процесс, правда, в основном, на благо иностранной аудитории. Ведущие толкователи самых различных течений в русском театре на родине — его поколения и последовавшего — сделали многое для пропаганды позиции художника как театрального дизайнера в рамках процесса создания спектакля. Комиссаржевский и Станиславский, Таиров и Меерхольд были режиссерами, которые предоставили в концепции постановки определенную творческую роль ведущим художникам. Среди балетмейстеров подобную роль сыграли Фокин и Горский. В своей области эти люди были преданы тем же эстетическим идеалам, что и их коллеги художники. Все они преследовали одну цель — поиски новых форм.

Такое сотрудничество режиссера с художником, и их общая преданность возрождению русского театрального дизайна сопровождались развитием русской станковой живописи. В сущности, историю русского театрального дизайна в период с 1880 по 1930 годы можно рассматривать, как микрокосм всей истории развития живописного искусства в России того времени.

Закат русского возрождения начался в конце 1920-х годов, когда политическое поощрение или по крайней мере терпимость к экспериментальному искусству были заменены приверженностью к более консервативному артистическому вкусу. В 1934 году эта тенденция укрепилась — социалистический реализм стал единственно правильной философией в советском государстве.

За те прошедшие столетия, ни одна страна в Европе, за несколькими обособленными исключениями, не сумела создать сколь-нибудь значительной школы театрального дизайна. С другой стороны, лучшие работы русских театральных художников, в особенности дореволюционного периода, были задуманы для европейской аудитории и представлены ей на суд. С 1908 года — года первого сезона Дягилева в Париже — именно с помощью его спектаклей русские художники сумели оказать воздействие на западную аудиторию. Такое взаимодействие Москва—Париж

привело к двум важным событиям, имевшим большое значение. Во-первых, к 1910 году театральные эскизы начали занимать достойное место на русских выставках живописи. По традиции эскизы костюмов и декораций не выставлялись наряду со станковой живописью в Европе, но, следуя примеру русских, такая практика изменилась и работы театральных дизайнеров стали появляться на профессиональных выставках в Париже, а позднее в других частях Европы и США. Во-вторых, с 1914 года, при явном наличии потенциальных возможностей в этой области, нерусские художники, такие как Пикассо, приступили к сотрудничеству с театром Дягилева. Многие художники сочли эту область благодатным средством самовыражения, и к 1929 году их число, согласно записям Дягилева, достигало 42: 22 — русского происхождения и 20 — нерусских. Однако, мечта о симбиозе русских и нерусских художников, как и сам импресарио, осуществивший эту мечту, были несомненно русскими.

Ниже расскажу о некоторых из художников русской, не нынешней, эмиграции и о своих встречах с ними. Естественно, что мною двигало стремление пополнить свою коллекцию, но при этом в таких встречах зачастую проявлялись чисто человеческие черты самих мастеров и их близких, штрихи их быта, окружавшая их атмосфера.

Словом, все то неуловимое, мимолетное, что может быть собрано лишь по крохам, но что и составляет жизнь.

Мне хотелось бы лишь привести перед началом рассказа маленькую табличку: в каком году кто из художников эмигрировал, а также сделать краткие замечания об обстановке в стране — может быть, это в какой-то мере позволит ответить на вопрос, почему покидали художники страну.

Художник	Год эмиграции	Художник	Год эмиграции
1. Андреев А.	1920	11. Экстер А.	1924
2. Анисфельд Б.	1918	12. Ларионов М.	1914
3. Анненков Ю.	1924	13. Пожедаев Ю.	1921
4. Бакст Л.	1909	14. Пуни И.	1920
5. Бенуа А.	1926	15. Ремизов Н.	1920
6. Бенуа Н.	1924	16. Серебряков А.	1924
7. Гончарова Н.	1915	17. Судейкин С.	1920
8. Григорьев Б.	1919	18. Челищев П.	1919
9. Делоне С.	1910	19. Чехонин С.	1928
10. Добужинский М.	1924	20. Шагал М.	1922

Год

Число эмигрирующих
краткая характеристика обстановки периода

1917	0
1918	1 — доминируют «левые» художники
1919	2
1920	4
1921	1 — начало нэпа
1922	1 — пик господства «левых» художников
1923	0
1924	5 — умер Ленин. Начало владычества Сталина
1925	0
1926	1
1927	0 — восход соцреализма
1928	1

После этого выезд из СССР становится практически невозможным. Перехожу здесь к конкретным персоналиям.

Михаил Федорович Андреенко-Нечитайло
(Жил на 228 Rue Vauqirard, Paris 15)

Родился в 1894 году в Херсоне, умер в 1982 году в Париже.

Под влиянием концепций кубизма и конструктивизма А. Экстер, Андреенко разработал определенный стиль, совмещавший коллаж, яркую цветовую гамму и мастерство рисовальщика. В последние годы у Андреенко ухудшилось зрение, и его работы, начиная с 1960-х годов, утратили чистоту красок, а дар рисовальщика его постепенно покидал.

Впервые я встретился с Андреенко в его парижской мастерской в 1964 году. Ему тогда было 70 лет. Он уже плохо видел и жил почти всеми забытый в нищете в огромной, грязной студии. Спроса на его работы не было. Я купил у него десять эскизов костюмов и несколько эскизов декораций. Несмотря на преклонный возраст и полуслепоту, он обладал ясным умом, остроумно шутил и, что особенно приятно, объективно говорил о своих коллегах, русских художниках в Париже, в частности, об Анненкове.

Андреенко был снова «открыт» дельцом-печатником Кристофером Цвикликером в 1973 году, когда на поверхность снова стало всплывать русское модернистское искусство. Цвикликер сделал несколько литографий кубистических работ Андреенко и в 1974 году включил их в экспозицию с каталогом под названием «Видение Руси». На этой выставке работы Андреенко стоили от 800 до 18 000 немецких марок.

Следует заметить, что мода на любую живопись непостоянна, у нее есть подъемы и спады. Подъем русского искусства пришелся на 1960-е годы.

Борис Израилевич Анисфельд (Бер Анисфельд)

Родился в 1879 г. в Бессарабии, умер в 1973 г. в штате Коннектикут (США).

Анисфельд — романтик, бывший под влиянием символизма и интересовавшийся Востоком. Оттого-то Фокин пригласил его оформить несколько спектаклей. В последние годы жизни Анисфельд жил уединенно в хижине в Скалистых горах. Как правило, с ним жил кто-нибудь из учеников. В то время работы его напоминали смесь Филонова с Врубелем. В течение его жизни в Америке он постоянно выставлялся и картины его продавались. С возрастом он потерял интерес к работе в театре. Большая часть его театральных работ сейчас хранится в Публичной библиотеке при Линкольн-Центре в Нью-Йорке.

В связи со склонностью Анисфельда к затворничеству мне не удалось с ним встретиться. Но я навещал его дочь Марочку, когда они еще жили в Вашингтоне. Сейчас Марочка живет в Коннектикуте, на берегу моря, часах в трех езды на поезде от Нью-Йорка.

В Вашингтоне большая часть работ Анисфельда в 1964 году сложена была в подвале, они сильно пострадали от сырости. Никого они не интересовали, даже родную дочь. Но, к счастью, у Марочки Анисфельд была школьная подруга — хранительница танцевальных коллекций в Нью-Йоркской Публичной библиотеке. Поскольку спроса на театральную живопись не было и не предвиделось, дочь Анисфельда отдала (а частично продала) лучшие театральные работы отца Публичной библиотеке в Нью-Йорке. Там, по крайней мере, им было обеспечено квалифицированное хранение.

В 1984 году Роберт Шепард купил у Марочки несколько больших ранних работ отца маслом — дореволюционных и до 1920-х годов. Он реставрировал их и выставил в своей галерее в Нью-Йорке (на углу 84-й улицы и Мэдисон Авеню). Выставка была с каталогом. Большую часть работ купил миллионер из Чикаго. Занятно, что причиной покупки было то, что поместье отца этого миллионера примыкало к землям Анисфельда в Бессарабии. Причину эту стоит упомянуть, хотя она весьма далека от понимания искусства.

Юрий Павлович Анненков

(Жил на 31 bis, rue Campagne Premère, Paris 14; tel. ODE 00-26)

Родился в 1889 г. в Петропавловске-на-Камчатке, умер в 1974 г. в Париже.

Лучшие работы Анненкова относятся к концу 1910-х—началу 1920-х годов — это ранние портреты. Хотя он всегда много работал для театра, его произведения, выполненные в Советском Союзе имеют большее художественное и историческое значение, чем все то, что он создал с 1924 года в эмиграции.

Впервые я встретился с Анненковым в Париже в 1964 г. Ему было тогда 75 лет. В это время в Париж часто наезжал Василий Алексеевич Пушкарев, тогдашний директор Русского музея в Ленинграде, — единственный директор советского музея, которого я встречал за границей, который покупал за валюту произведения русского искусства в Париже (а может быть, и в других городах) и возвращал их в Советский Союз.

Тут я позволю себе небольшое отступление. Одним из главных торговцев русским искусством в Париже был Исар Саулович Гурвич. Он обладал таким огромным количеством картин, что и сам порой не знал, что у него есть. Конечно, Пушкарев, приезжая в Париж, всегда приходил к нему. Вот у Гурвича я и был однажды представлен Пушкареву. Исар Саулович представил: «Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский». Пушкарев как-то удивился и очень сурово на меня посмотрел. Желая разрядить эту суровость шуткой, я с юмором заметил, что не всех же князей успели расстрелять, я-то, мол, жив. На что Пушкарев без улыбки ответил: «жаль». Но это все так, мимоходом. О Пушкареве вспоминаю с большим уважением. Вообще-то я на него не в обиде: времена еще были в Союзе суровые, а он был человек старой закваски. Когда его убрали с поста директора Русского музея по причинам, весьма далеким от искусства, на его место пришел человек, замешанный в уголовщине...

Анненков был превосходный рассказчик, причем трудно было отличить в его рассказах действительность от вымысла: он умел присочинить, чтобы рассказ получился поувлекательнее. В последние годы, к сожалению, он впал в склонность к абстрактной живописи, коллажам, монтажах — неэстетичным и, на мой взгляд, зачастую безобразным. Жил он довольно хорошо, в превосходном здании, построенном под мастерские художников, в котором жили многие русские художники и ныне еще продолжают жить Серебряковы — дочь и сын Зинаиды Серебряковой.

Но вот как меняются времена! 5 октября 1989 г. на аукционе Кристи в Лондоне портрет Тихонова кисти Анненкова был продан за 100 тысяч фунтов. В Париже 15 ноября 1989 г., при распродаже коллекции Доминика, владельца известного русского ресторана, портрет В. И. Меерхольда, выполненный Анненковым тушью в 1922 г., продали за 200 тыс. франков. Я бился за него до 100 тысяч, но психологически оказался к борьбе как-то не подготовлен. Давно ли я покупал эти работы по сто долларов!.. Так за две работы Анненкова была выложена сумма, которую он не выручил за свои картины за всю жизнь в эмиграции.

Лев Самойлович Бакст

(Жил на 40, rue Lauriston, Paris 16^e; tel. 704-44-31)

Родился в 1866 г. в Гродно, умер в 1924 г. в Париже.

Бакст был истинным волшебником и архитектором сцены. Он сочетал в себе неповторимый талант рисовальщика, превосходное чувство цвета и пластики с вдохновенной интерпретацией восточных мотивов. В отличие от своих последователей, Бакст расширил трактовку характеров на листе, включив экстремивность динамики движения. Бакст — единственный театральный художник, цены на работы которого всегда поддерживались на высоком уровне, как правило, раз в 10 выше, чем цены на подобные эскизы, скажем, Бенуа или Добужинского.

Я познакомился с сыном Бакста Андреем. У него был оригинал афиши «Святой Евгении», проданной 5 октября 1989 г. на аукционе Кристи в Лондоне за 25 тысяч фунтов. А эскиз танцовщицы-негритянки был продан на аукционе в Сотсби в 1984 г. в Нью-Йорке за 93 тысячи долларов. Работы Бакста унаследовали три его племянницы. К ним я попал, к сожалению, в 1964 г., после того, как у них уже побывали два солидных покупателя. Один из них — профессор Эмилио Бертонати (собственник Галерея дель Леванте в Милане), который первым в послевоенный период занялся скупкой работ русских художников всех стилей XX века и устроил в 1964 г. первую выставку с каталогом. Он купил у племянниц Бакста самые лучшие вещи. За ним прибыл коллекционер из Нью-Йорка Хауард Ротшильд (не тот, правда, банкир Ротшильд, но тоже не бедный). Ротшильд тоже покупал хорошие вещи. Он, к сожалению, ничего никогда и никому не показывает. Однако мне с его коллекцией удалось познакомиться, и только потому, что он просил меня выдать ему сертификат на одну из работ, которую он продавал. Покупатель не соглашался с тем,

что работа принадлежит Баксту. Я должен был подтвердить подлинность.

Бакст был очень продуктивен, думаю, не в последнюю очередь потому, что его всегда ценили и покупали. Кроме того, он — один из немногих художников (известен еще этим Билибин), у которого были помощники, которые делали основной рисунок. На рисунках Бакста можно заметить, что он очень интересовался эрогенными зонами. Зоны эти во времени меняются, меняются и в разных культурах — в Японии, к примеру, это ступни ног, в некоторых восточных странах — торс и так далее. У Бакста эти мотивы повторяются достаточно часто.

В Нью-Йорке есть книжный магазин «Брентано», где после Второй мировой войны заведовал отделом редких книг г-н Мартьянов, который уговорил хозяина магазина торговать русскими театральными эскизами. Г-н Мартьянов приезжал раз в год в Париж, скупал работы Ларионова и Гончаровой, а также Бакста. Поэтому в Нью-Йорке в 1940-х и, позднее, в 1950-х годах всегда можно было купить у «Брентано» очень приличные работы Бакста. Их много и сейчас в Америке, много и в Париже.

Александр Николаевич Бенуа

(Жил на 26, rue Auguste Vitu, Paris 15; tel. Lec. 95-54)

Родился в 1870 г., в Петербурге, умер в 1960 г. в Париже.

Бенуа сумел развить собственный стиль, но на том и остановился. Он как бы навсегда остался в начале Серебряного века и поэтому выбирал для оформления только те постановки, которые отвечали его классическому вкусу. Единственной большой уступкой модернизму было оформление «Петрушки», благодаря которому он так хорошо известен вне России. Как художнику, ему не хватало живости стиля и пронизательности, но, как оформитель, он умело вносил упорядоченность и гармонию, что всегда приводило к превосходным результатам на сцене.

А. Бенуа — наиболее продуктивный из русских театральных художников, живших вне России. Например, «Петрушку» ставили десять раз, и каждый раз — по новым эскизам Бенуа. Жил он на улице Огюст Виту, в 15-ом квартале Парижа, неподалеку от завода «Ситроен», где жило большинство не очень состоятельных русских. Квартира была двухэтажной, внизу — студия Бенуа, наверху спальни и столовая. Отдельная комната была еще на последнем, пятом этаже. Там Александр Николаевич писал книги, воспоминания, статьи, там же хранились его книги. Дружила

семья Бенуа, в основном, с русскими. На воскресные чаепития всегда приходили С. Эрнст, Д. Бушен, И. С. Гурвич. Приходил и Лифарь, когда ему нужны были какие-нибудь воспоминания или эскизы для постановок. После кончины Бенуа его дочь Анна Александровна Черкесова жила в этой квартире с сыном. Семья жила как бы в полной независимости от Франции: никогда не платили налогов, но и не получали никаких пособий. Когда Анна Александровна болела, то они звонили в Советское посольство и оттуда приходил врач. Даже если что-то случалось с электричеством, звонили туда же и приходил электрик, и делал то, что нужно. Семья эта явно не сочувствовала господствовавшим в СССР политическим принципам, но они были глубоко русскими людьми и остались такими.

Бенуа вел дневники, которые вышли в СССР в 1990 г. в двух томах без сокращений. Но в них отсутствуют его заметки о революционных годах. Анна Александровна отдала мне эту рукопись. Я передал ее американскому профессору Джону Боулту, который поместил ее в американский банк, где она будет храниться еще 20 лет.

Николай Александрович Бенуа

(Жил на Piazza Maria Adelaide 2 Milano 20129; tel. 290-61-23, Italy)

Родился он в 1901 г. в Ораниенбауме, скончался в 1988 г. в Милане.

Этот плодовитый художник во многом напоминает отца, хотя и менее талантлив. Впервые я встретился с ним в Милане в 1967 г. Он жил в великолепной квартире в стиле барокко. И он и его жена были замечательными щедрыми людьми. У Николая Александровича сохранялась огромная любовь к России и привязанность к своим родным. Так, свою часть отцовского наследства он оставил своей сестре Анне Черкесовой с тем, чтобы она по мере необходимости продавала эти работы (как я уже говорил, она не могла рассчитывать на какую-нибудь помощь государства).

Н. Бенуа постоянно путешествовал, принимал участие в новых постановках, и у него практически не осталось времени привести в порядок свои бумаги и мемуары. Его просили об этом, убеждали, но его желание продолжать творить, видеть свои произведения на сцене не позволило ему этим заняться. Он был уверен, что проживет до девяноста лет, как его отец и дед, но умер в 87, за шесть месяцев до основания музея Бенуа в Петергофе.

История создания этого музея вызывает у меня тяжелые воспоминания, потому что, когда в 1984 году Николай Александрович начал это дело, он повсюду встречал отказы. Он просил и меня заняться этим. Я ходил куда только возможно, к Зильберштейну, Глазунову, Вознесенскому — меня выслушивали, более или менее внимательно, и... все. Дело двинулось тогда лишь, когда был создан Фонд культуры, и Николай Александрович сам приехал в СССР. Очень много помогла в этом деле директриса Ленинградского Театрального музея Евстигнеева, а необходимый толчок в контактах дало Общество «Родина». Я счастлив, что, наконец, создание музея осуществилось. Сейчас я предложил Фонду культуры собрать письма Н. Бенуа — их очень много и у меня, и у других людей — и издать их. Очень хотелось бы, чтобы его бумаги не разлетелись по свету.

Борис Дмитриевич Григорьев

(Жил на Villa Boris-Ella Caques-sur-Mer Albes-Maritimes, France)

Родился в Рыбинске в 1886 г., умер в 1939 г., в Кань-Сюр-Мер, Франция.

Линия является доминирующим компонентом как рисунков, так и живописи Григорьева. Хотя его работы можно сравнить с творчеством немецких экспрессионистов, таких как Отто Дикс или Георг Грош, но Григорьев выше. К сожалению, его недооценивают. Кажется, его подзабыли. Но те редкие его вещи, которые попадают на аукционах, продаются, тем не менее, очень дорого.

Я посетил вдову Григорьева Елизавету Федоровну в 1965 г. Из Канна в Кань поездом, потом в гору на такси и, наконец, к «Борис Элла», вилле с великолепным видом на залив. До сих пор там живет сын Григорьевых Кирилл.

С г-жой Григорьевой меня познакомила Анна Александровна Евреинова — вдова Николая Евреинова. Она предупредила меня, что Кирилл крайне несдержан и бьет мать, чуть что не понравится из того, что она делает. Поэтому она посоветовала мне в дом не заходить, а вызвать г-жу Григорьеву на разговор. Так я и сделал. Во время нашего разговора на террасе одного из кафе поблизости я попросил ее продать мне картину «Человек с козой», про которую мне рассказала А. Евреинова. Елизавета Федоровна согласилась и попросила у меня 150 долларов. Она пошла за картиной, вернулась и вручила мне ее. Я присоединился к моей жене, которая сидела за столиком неподалеку вместе с моим сослуживцем по банку, приехавшим с нами. Мы сидели там

около получаса, когда г-жа Григорьева вдруг вернулась и, с трудом сдерживая слезы, попросила картину обратно, отдав мне деньги. Я вернул картину. Она сказала, что сын заметил, как она выходила с картиной и пригрозил, что если она не вернется с картиной, он ее изобьет. Так что, с точки зрения пополнения коллекции, свидание оказалось неудачным. Я знаю, что в доме осталось довольно много работ Григорьева. Кирилл раньше периодически встречался с советским культурным атташе в Париже. Может быть, эти вещи вернуться в Россию. А может быть и уже вернулись?

София Ильинична Делоне (Терк)

Родилась в 1885 г. в Градибске на Украине, умерла в 1979 г. в Париже.

Делоне — создательница симультизма. Она заменила традиционные орнаменты геометрическими мотивами и экзотическими образами. Комбинации контрастирующих ярких тонов, наряду с градацией оттенков и цветовых сочетаний, предопределили в 1916—1917-м годах направление будущей моды.

Впервые я встретился с ней в 1964 году, когда ей было 69 лет. Она была очень грузна и передвигалась с трудом. За ней ухаживали и вели все ее финансовые дела двое молодых гомосексуалистов, от которых она полностью зависела. Я выбрал у нее четыре театральные работы, и мы уже договорились о цене. Но когда я собрался уносить картины, молодые люди отговорили ее продавать работы. После смерти Софии Делоне один из них, Жак Дамас, открыл галерею в Париже. Там он продает ее картины.

С. Делоне с мужем были центром артистической жизни Парижа 1920-х годов. К счастью, они были состоятельными людьми и широко принимали в доме русских и иных художников.

Театральные работы Софии Делоне стоят сейчас очень дорого, в особенности те, которые делались для Дягилева. Вообще, работы, выполненные для антрепризы Дягилева, ценятся раза в два-три дороже, чем другие работы тех же художников, независимо от их качества.

Мстислав Валерианович Добужинский

Родился в 1875 г. в Новгороде, умер в 1957 г. в Нью-Йорке. Добужинский — художник, приверженный традициям. Он отли-

чается интенсивной стилизацией и поэтическим синтезом малейших деталей повседневной жизни от своих современников, работавших в натуралистической манере.

Я познакомился в Нью-Йорке с сыном Добужинского Всеволодом Мстиславовичем, который сделал очень большое дело: он собрал и записал воспоминания современников о своем отце. А его брат Ростислав Мстиславович, живущий в Париже, собрал среди русской эмиграции деньги для издания книги о Добужинском. Эта книга вышла в Париже, а потом Р. М. Добужинский помогал одному ленинградскому искусствоведа издать подобную же книгу в СССР. К сожалению, книга эта вышла с купюрами. Это очень обидело Ростислава Мстиславовича; его заверяли, что текст будет публиковаться без изъятий. В «Русской мысли», парижской газете, он опубликовал огромную статью со всеми цензурными купюрами, сравнив с материалами, опубликованными в Париже. Сейчас можно было бы в России подготовить переиздание — не только без купюр, но и существенно дополненное — ведь появились новые материалы в архивах, к которым ныне доступ свободен.

Александра Александровна Экстер

Родилась в 1882 г. в Белостоке, умерла в 1949 г. в Фонтене-о-Роз под Парижем в полной нищете.

Александру Экстер можно поставить в один ряд с самыми талантливыми и своеобразными русскими художниками. Ее собственный живописный стиль, тонкое восприятие цветовых сочетаний неизменно привлекают зрителя красочностью и декоративностью. Она создала школу в Киеве в 1919—1920 годах, из которой вышли такие замечательные художники, как Рабинович, Петрицкий, Меллер, Челищев и многие другие.

Я долго разыскивал работы Экстер. В 1962 г. я встретился с художником Лиссимом, киевлянином и другом Экстер. Жил он под Нью-Йорком. Он унаследовал все работы, которые после ее смерти были присланы ему в Америку поверенным художницы. Думаю, что Экстер завещала ему работы потому, что во время и после войны он посылал ей продукты, и это продлило ее жизнь. Я передал в ЦГАЛИ ее письма к Лиссиму, где она описывает ужасную нищету и голод во время войны в Париже, где у нее не было близких, а работы ее никто не покупал.

У Лиссима я и увидел все эти замечательные работы. К сожалению, я тогда располагал весьма скудными средствами, и Лиссим, зная это и ценя наш большой интерес к театральной живописи (а я тогда интересовался только ею), пригласил нас и устроил выставку одних ее театральных работ. Абстрактные работы маслом он даже не показал. Потом он сказал, что мы можем выбрать десять работ и заплатить за каждую, сколько сможем, но что второго такого показа никогда не будет, поэтому выбирать нужно тщательнее. Я выбрал и предложил ему по 30 долларов за каждую работу — мне стыдно было предложить меньше. Но тогда у нас и таких денег не было, и он дал рассрочку на два года! Рассказал я об этом вот почему. В 1989 году в Сотсби, в Лондоне, работа Экстер из собрания Костаки была продана больше, чем за миллион долларов. А театральный эскиз Экстер прошел за сто двадцать тысяч долларов в 1990 г. тоже на аукционе в Сотсби.

В конце жизни Лиссим хотел как-то пристроить основное наследие Экстер и в 1968 г. предложил мне купить его за пятнадцать тысяч долларов. Таких денег у меня тогда, увы, не было. Я пошел к наиболее известному торговцу русским искусством в Нью-Йорке Хатону и предложил ему купить это собрание пополам со мной. Если он понесет убытки, добавил я, то я верну ему впоследствии его долю. Хатон отказался. (Двадцать лет спустя он признался мне, что это решение было одним из самых неудачных в его жизни.) Тогда я обратился к искусствоведу Накову, моему товарищу еще со студенческих лет. Он загорелся этим и организовал поддержку двух владельцев галерей — в Париже и в Нью-Йорке. Они дали деньги на покупку, затем отреставрировали картины, а в 1972 г. сделали первую ретроспективную выставку Экстер в Париже, с каталогом. Еще в 1964 г., когда мы выставили часть нашего собрания в музее Метрополитен в Нью-Йорке, там никто не знал, кто такая Александра Экстер.

Наталья Сергеевна Гончарова

(Жила на 16, rue Jacques Callot, Paris 6^e; tel. 354-55-68)

Родилась в 1881 г. под Тулой, умерла в 1962 г. в Париже.

Гончарова внесла в театральный живопись всю живость и яркость своих картин. На нее оказало большое влияние народное русское искусство — например, вывески лавок. Кроме того, она пользовалась приемом иконописи — передачей перспективы через высоту.

С ней я не встречался, а виделся только с ее преемницей, второй женой Ларионова Александрой Клавдиевной Томилиной, ненавидевшей Гончарову.

И. С. Гурвич, торговец картинами, о котором я говорил раньше, рассказал мне безусловно малоизвестную историю. Когда в конце жизни Наталья Сергеевна очень болела и крайне ослабла, на лестнице она повстречалась с Томилиной, жившей этажом выше. Томилина нарочно толкнула Наталью Сергеевну, та упала, и это ускорило ее кончину. После ее смерти Томилина стала зарегистрированной женой Ларионова. Очень крутая винтовая лестница все еще сохраняется в том доме.

В 1964 г., когда я был в Париже, ни Натальи, ни Миши уже не было в живых. Томилина распродала по дешевке работы Гончаровой — доллара по два за акварель. Создавалось впечатление, словно она хочет побыстрее избавиться от картин Гончаровой в доме. Но при этом она почти всегда отказывалась продать хотя бы одну работу Ларионова.

Михаил Федорович Ларионов

(Жил на 16, rue Jacques Callot, Paris 6^e; tel. 354-55-68)

Родился в 1881 г. в Тирасполе, умер под Парижем в 1964 г.

В 1915 г., в разгар войны, Ларионов отправился для поправки здоровья в Швейцарию. Тогда ему было 34 года, и к этому времени, хотя прожил он потом еще 50 лет, он сделал все самое значительное в своем творчестве. Париж в 1915 г. потерял интерес к абстрактному искусству. Приехав в Париж, Ларионов решил полностью отдать свою творческую энергию Дягилеву и работал с ним до дягилевской смерти в 1929 г. Театральные работы Ларионова насквозь русские — они светятся от напряженной, открытой первозданности цветовой гаммы и тесно связаны с его ранними работами в стиле неопримитивизма. Из всех художников, которые работали с Дягилевым, — а их было 41 — Ларионов был единственным, который сделался хореографом и поставил балет «Лис».

После смерти Дягилева в 1929 году Ларионов почти перестал работать. Он, по-видимому, потерял интерес к живописи и в силу того еще, что был отрезан от стимулирующего воздействия событий в Советском Союзе. Друзья в Париже считали его величайшим лентяем. Это, правда, никак не сочетается с воспоминаниями его товарищей по Художественному училищу. Те считали его самым трудолюбивым и плодовитым студентом.

Работы Ларионова ценятся высоко, а поскольку они встречаются редко, стоят они почти вдвое больше, чем работы Гончаровой. Его маленькая двухкомнатная квартира на ул. Жака Калло была буквально завалена картинами, но несмотря на все мои старания и усилия моей жены, мне не удалось приобрести что-то у его вдовы Томилиной. Образ жизни она вела очень аскетический и работ Ларионова почти никогда не продавала. Часть работ она все же отдала или продала парижскому торговцу Шовлену; он очень много помогал ей в повседневной жизни, даже ходил за покупками.

Поскольку у самого Ларионова денег не было, он подрабатывал, помогая коллекционерам покупать картины. Вкус у него был, по-видимому, превосходный. К примеру, он помог собрать знаменитую коллекцию Владимира Николаевича Башкирова, крупного маклера по зерну, жившего тогда в Нью-Йорке. Башкиров приехал в 1919 г. в Америку миллионером. Он один из очень немногих русских эмигрантов, которым удалось вывезти состояние. Дело в том, что Башкиров был в свое время директором Волжского банка и имел право на подпись. Сразу же после Октябрьского переворота он поехал в Токио и выписал чек на токийское отделение на миллион долларов, который затем перевел на свой счет в Нью-Йорке, где и продолжил свою деятельность. Большие декорации Гончаровой и Ларионова я купил у его вдовы. Сам Башкиров наезжал в Париж два раза в год и покупал картины, подобранные для него там Ларионовым. Это все серьезная, хорошая живопись.

Георгий Анатольевич Пожедаев

(Жил на 33, rue du Champ de Mars, Paris 7; tel. INO 76-78
и на даче в Menerbes (Vaucluse); tel. (16-90) 722-245)

Родился в Курске в 1899 г., умер в 1971 г. в Париже.

Пожедаев — колоритный и декоративный художник второго эшелона. Он был последователем Бакста и Экстер, использовал манеру Бакста в эскизах костюмов и при том пренебрегал исполнением естественно падающих складок тканей.

Человеком он был необычайно приятным. Щедро он дарил свои эскизы. Например, послал мне по почте свой автопортрет. Георгий Анатольевич дал мне много биографических сведений о других художниках. Спрос на его работы был ограничен, но к счастью, у него был загородный дом, где с возрастом он проводил все большую часть жизни. После его смерти его вдова Вален-

тина Михайловна, очень мудро распорядилась его наследием — она начала очень активно его распродавать в разные руки и в разные страны, не концентрируя, однако, его работ нигде. Поэтому он вошел во многие коллекции, часто появляется на аукционах и не канул в неизвестность, как другие, вполне достойные художники — Щекотихина-Потоцкая, например. О ней, кроме как в работах по фарфору, редко кто упоминает.

Иван Альбертович Пуни

(Жил на 86, rue Notre Dame des Champs Paris 6^e; tel. 033-53-87)

Родился в 1894 г. в Куоккале, умер в 1956 г. в Париже.

Пуни — одаренный художник, который после 1924 г. полностью перешел к фигуративно-импрессионистической живописи, схожей с работами Боннара и Вийера. Французская энциклопедия живописи называет его «младшим импрессионистом». Его работы русского и берлинского периодов были более оригинальными, динамическими и новаторскими, чем парижские работы после 1924 г.

Я побывал в знаменитой мастерской, где он жил на протяжении 40 лет. Когда я поднялся на четвертый этаж, на звонок вышла мадам Леже и сказала, что я ошибся входом; мне нужно зайти в следующий подъезд. Я пришел в гости к его жене — художнице Ксении Леонидовне Богуславской. В 1964 г. она больше всего увлекалась футболом и футболистами. Но в это же время самозабвенно трудилась над каталогом-монографией «Пуни» и стремилась во что бы то ни стало опубликовать книгу еще при своей жизни. Чтобы поднять это нелегкое дело, она продала несколько важнейших работ маслом Пуни торговцу хлопком г-ну Бернингеру из Цюриха. Вместе с Ксенией Леонидовной Бернингер затем потратил массу времени и денег на создание великолепной монографии в 2-х томах. Вот пример для вдов художников: пренебрегая своей живописью, она всецело посвятила себя сохранению памяти мужа.

В 1964 г. для того, чтобы пробудить интерес к живописи Пуни, Ксения Леонидовна передала в Лувр 66 его работ, которые экспонировались в филиале Лувра «Оранжери». Одновременно с этим владелица небольшой галереи «Диана Верни», русская по происхождению, сделала коммерческую выставку, где работы продавались. Я, разумеется, пошел туда, но необходимых денег не имел, а работы продавались, начиная от тысячи долларов. В отчаянии я поехал прямо к Ксении Леонидовне и рассказал ей

о причине моего посещения. Госпожа Пуни показала мне несколько эскизов костюмов, поставленных в хорошие рамки, на задней стороне которых были наклеены этикетки, как доказательство того, что эти эскизы висели на многочисленных международных выставках. Однако цены были для меня недостижимы, и я спросил Ксению Леонидовну, нет ли у нее нескольких рисунков менее замечательных, которые она могла бы продать по более низкой цене. Она нашла пять эскизов костюмов, один из которых был разорван посередине. Тем не менее, цена, которую она запрашивала за него, была вдвое выше того, что я предполагал истратить.

Поторговавшись немного, я встал, сказав, что у меня назначено свидание с Андреем Бакстом в 5 часов. Убедившись в том, что госпожа Пуни постоянно нуждается в деньгах — она финансировала французскую футбольную команду — я передал ей свою визитную карточку и сказал, что, если ей понадобится сто долларов наличными, я могу немедленно ей их передать в обмен на испорченный эскиз. Я отворил было уже парадную дверь, чтобы выйти, когда госпожа Пуни схватила меня за руку и сказала: «Вы ужасный человек, но наличные деньги нужны мне сейчас». Таким образом мне удалось приобрести первый рисунок Пуни. После искусной реставрации его в Париже у Пруте, рисунок этот выглядел как новый. С этого началось мое собрание Пуни.

Николай Владимирович Ремизов

Родился в Петербурге в 1897 г., умер в 1975 г. в Палм Спрингс, в Калифорнии.

Ремизов был способным второразрядным театральным художником, отнюдь не новатором. Он хорошо знал требования театрального оформления и запросы публики. И был еще великолепным карикатуристом.

Ремизов прибыл в Америку в 35 лет. Вместе с Судейкиным он пользовался там огромным успехом. До этого они работали в Париже у Никиты Балиева в кабаре «Летучая мышь», с ним приехали в Нью-Йорк, да так оба и остались. Ремизов затем переехал в Калифорнию, где работал для студий в Голливуде и имел большой успех. Ремизов полностью обамериканился, целиком вошел в артистический мирок Голливуда и после окончания своей творческой деятельности мирно и приятно доживал жизнь в Палм Спрингс.

Александр Борисович Серебряков
(Жил на 31, rue Campagne Premiere, Paris 14; tel. 320-75-02)

Родился в 1907 г. под Харьковом. Живет в Париже. Сын художницы Зинаиды Серебряковой.

Серебряков — художник-реалист и театральный оформитель, обладающий уникальным даром с необычайной точностью воспроизводить интерьеры. Он одарен и творческой фантазией, часто воспроизводит различные большие празднества и грандиозные балы.

Александр Борисович сейчас «художник номер один» по интерьерам во Франции. Практически нет ни одного особняка или замка сверхсостоятельных людей и дворян, чьи интерьеры не были бы документированы для потомков в акварелях Серебрякова. Вместе с тем, он застенчив и старается держаться в тени. Он не требует высокой платы за свою работу и живет в скромной квартире на пятом этаже. Во время Второй мировой войны он предоставил свою мастерскую Александру Николаевичу Бенуа, поскольку квартира Бенуа находилась неподалеку от заводов «Ситроен», которые немцы бомбили. Именно на квартире Серебрякова художник С. Иванов написал маслом большой портрет А. Бенуа, немного напоминающий кустодиевский портрет Шалапина. Портрет этот Иванов завещал Русскому музею, и он ныне экспонируется в Санкт-Петербурге. На портрете Бенуа изображен в меховой дохе, поскольку во время немецкой оккупации топить было нечем — угля не было, и большинство людей зимой сидели дома в шубах и в перчатках.

Занятна причина, по которой работы Серебрякова редко бывают в продаже: опасения хозяев этих работ. Во Франции налогообложение проводится не только по заявленному доходу, но и по образу жизни. То есть владельца роскошного особняка облагают в соответствии с теоретическим доходом, который можно было бы получить, разделив этот особняк на квартиры и сдавая их жильцам. Вторая причина — страх перед ворами. Серебряков так хорошо и тщательно выписывает интерьеры, что это могло бы служить путеводителем для воров и нечестных коллекционеров, нанимающих воров.

Сестра Александра Борисовича Екатерина — тоже художница. Она, в основном, пишет внешний вид тех замков и особняков, интерьеры которых рисует ее брат.

Серебряковы живут в студии Зинаиды Серебряковой в том же замечательном доме, о котором я уже говорил, — построенном специально для художников, где также жил Анненков. Когда мы с женой были у них, они просили сообщить фонду культуры, что готовы передать все работы матери и свои работы с условием, чтобы фонд культуры создал дом-музей Серебряковых в Москве или Петербурге. Хотелось бы верить, что здесь можно будет как-то договориться.

Сергей Юрьевич Судейкин

Родился в 1882 г. в Смоленске, умер в 1946 г. в Наяке, близ Нью-Йорка.

У Судейкина был к оформлению сцены подход живописца. В 1920 г. он эмигрировал в Париж, а с 1922 г. поселился в Нью-Йорке. Он был главным оформителем балиевского кабаре «Летучая мышь». В его театральных эскизах прослеживается примитивистская стилизация со склонностью к излишней утрировке как цветовой, так и композиционной. Эта манера нравилась публике, и он стал постоянным художником-оформителем у Балиева. Потом он много работал в Метрополитен-Опера.

В 1958 г., через 12 лет после смерти Судейкина, я познакомился с известным торговцем книгами и картинами Семеном Акимовичем Боланом. Болан — большой знаток книг, и его основной профессией была торговля тем культурным наследием, которое Советский Союз продавал на аукционах в Берлине в 1920-х годах. Болан скупал там книги и перепродавал их в Америке, главным образом, в университетские библиотеки. Так вот этому Болану Судейкин передал тысячу своих работ с тем, чтобы они были переправлены в Советский Союз. Тогда контакты были сложны, и первая попытка установить какую-то связь была принята Боланом, когда балет Большого театра появился в 1950-х годах в США. Он встретился с Улановой и сказал ей, что у него большое собрание — все работы Судейкина, которые тот выполнял для Метрополитен-Опера и других трупп, а также работы ряда других художников, таких, как, к примеру, Гончарова. Когда разговор ничего не дал, то Болан несколько разочаровался и начал продавать судейкинские работы кому попало. Мне самому удалось еще в 1958 г., когда я приехал учиться в Нью-Йорк, купить ряд работ Судейкина. Там же я встретился со второй женой Судейкина Верой Стравинской. При первой же встрече я сказал ей, что хорошо ее знаю. Она удивилась и сказала, что

видит меня впервые. Так и было. Но я напомнил ей, что был такой большой альбом в 50-ти листах, где Судейкин увековечил ее во всех подробностях.

Потом я познакомился с последней женой Судейкина Джин Палмер Судейкин, у которой приобрел довольно много работ, а также архив Судейкина, который в 1970 г. я продал в ЦГАЛИ.

В 1940-х годах Судейкин открыл в Нью-Йорке кабаре под названием «Привал комедианта» — с помощью Сандро (Александра Анисимовича) Короны. Корона там пел, а приятельница Судейкина Сильвен Глэд танцевала. В кабаре было очень красиво, прекрасные росписи — но хороший художник Судейкин оказался, к сожалению, плохим коммерсантом. Предприятие прогорело, Судейкин потерял все свои деньги плюс деньги Джин Судейкин, так что ей потом на старости лет пришлось продавать домашние вещи.

Павел Федорович Челищев

Родился в 1898 г. в Москве, умер в 1957 г. близ Рима.

Челищев — первоклассный художник, по-прежнему недооцениваемый. В течение всей жизни он экспериментировал с живописными стилями, в каждом резко отличаясь от другого, но в каждом демонстрируя высокий профессионализм. Его ранние театральные работы носят явные следы глубокого влияния Александры Экстер, учителя Челищева. Она преподавала в 1919 г. в Киеве методику кубизма применительно к театральному оформлению — использование цвета и формы в ограниченном пространстве, где будет происходить действие.

Костюмы Челищева часто вписываются в круг, что подчеркивает их динамичный характер. Они всегда выполнены в ярких и контрастных цветах. Эти мастерски выполненные листы — гордость русского театрального искусства того времени.

В 1924 г. он резко изменил стиль, отказавшись на время от использования основных цветов и сосредоточившись на линии. Впоследствии он писал во множестве стилей, исключая абстракционизм.

В 1965 г. Нина и я зашли в кафе «Петроград» в Афинах. Все стены большого кафе увешаны картинами. Мне показалось, что некоторые из них очень напоминают работы русских театральных художников. Я подошел к одной из них, убедился, что это действительно так, и попросил вызвать хозяина кафе. Фамилия его оказалась Яковлев — Николай Яковлев. Кроме того, что он

был владельцем этого кафе, он был сочинителем популярных песенок — самым популярным композитором в Греции. Когда я спросил его, откуда здесь все эти картины, он сказал, что у него очень много театральных работ Челищева. Челищев эмигрировал через Константинополь и Афины, вот поэтому его работы и застряли у Яковлева. Он показал нам комнату над кафе, где кучей лежали великолепные работы русских театральных художников, а на стенах висели три акварели Кандинского. Все, что мы увидели в этой комнате, он был готов нам продать за 10 тысяч долларов. Таких денег у нас не было, и единственное, что мы смогли купить, был театральный эскиз Челищева за 100 долларов. Этот эскиз впоследствии был помещен на обложке каталога выставки в музее Метрополитен, где мы выставляли часть нашего собрания в 1967 г.

Через Яковлева мы познакомились с балетмейстером Борисом Алексеевичем Князевым, тоже жившим в Афинах, у которого было много работ Коровина, Челищева. Мы прикупили у него еще 8 работ. В 1972 г. в Музее современного искусства в Нью-Йорке была выставка под названием «Приобретения». Один зал там был полностью отдан под работы Челищева. Они мне показались такими радостными, яркими — на уровне работ Шагала, но гораздо более красочные! К счастью, под картинами было написано: «Приобретены у г-жи Заусайловой, сестры художника, в Париже». Я вылетел в Париж. Александра Федоровна (Шура) жила в квартире 15-го района Парижа, где обосновались многие русские, оказавшиеся в стесненных обстоятельствах в период между мировыми войнами. У нее были парализованы ноги, и она передвигалась в кресле-каталке. Она подтвердила, что Музей современного искусства в Нью-Йорке не слишком заинтересован в театральных работах Павлика. «Встаньте на этот стул и дотянитесь до стопки бумаг на платяном шкафу. Снимите их и давайте посмотрим, что там», — сказала она. Именно тогда я добавил к нашей коллекции несколько театральных работ замечательного мастера Павла Челищева.

Сергей Васильевич Чехонин

(Мастерская: 24-bis, rue Greuze, Paris 16; tel. KLE 12-49)

Родился в 1878 г. в Новгороде, умер в 1936 г. в Роррахе, неподалеку от Базеля.

Чехонин — один из самых многогранных русских художников. Его дар в области прикладного искусства нашел выражение

в иллюстрировании и оформлении книг, в рисовании банкнот, плакатов, газетных заголовков; он был театральным художником, графиком, у него есть работы по фарфору и ювелирные изделия. В 1928 г. Чехонин эмигрировал в Париж.

В 1964 г. я посетил студию Чехонина на рю Грез — это в самом центре Парижа. Навестил я там его пасынка, Пьера Ино (он же Петр Владимирович Вычегжанин), — преуспевающего художника, писавшего в сюрреалистической манере Сальвадора Дали. Большинство своих работ он продавал через владельца американской галереи во Флориде, где обычно зиму проводил. Он сохранил все работы Чехонина, которые были в студии. Мне удалось купить у него большую часть театральных работ отчима. Чехонин, как и многие другие художники, в послевоенный период оказался в Париже забыт. В 1971 г. г-н Шовлен (о котором я выше упоминал) зашел в студию и купил у Пьера Ино все нетеатральные работы, в основном, абстрактные, кубистические и кубо-футуристические, — и сделал выставку. Большинство вещей он продал, но большого успеха, к сожалению, выставка не имела. Чехонин по сию пору остается сравнительно неизвестен на Западе и появляется на аукционах, главным образом, как создатель фарфора.

Марк Захарович Шагал

Родился в Витебске в 1887 г., умер в 1985 г. в Сен Поль де Ванс во Франции.

В 1960 г. я написал Марку Захаровичу письмо с просьбой продать мне один его эскиз для театра, предложив за него мою месячную зарплату. Он отказал, сославшись на то, что у него не осталось ни одного эскиза.

В 1972 г. мы встретились с ним на обеде во французском посольстве в Вашингтоне. К счастью для нас, жена Шагала Ида отсутствовала, и это дало возможность Шагалу разговаривать. У меня с собой было несколько каталогов наших очередных выставок, и я начал их ему показывать. Пройдя по алфавиту примерно тридцать художников (без комментариев со стороны Шагала — он только рукой махал), мы остановились на Рерихе. Только тут он пристально всматривался в репродукции, а потом сказал: «Вот это — настоящий художник».

Шагал был очень работоспособным человеком — вставал рано утром, весь день работал. После Пикассо он явно самый популярный живописец и график. Графику его покупали больше,

чем чью бы то ни было. В любом художественном магазине Нью-Йорка всегда были вещи Шагала, и он очень многим нравился.*

* Автор статьи Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский — князь, представитель одного из древнейших русских дворянских родов. Родился в 1935 г. в Софии. Гражданин США, проживает в Лондоне. Окончил Оксфордский университет в Англии, Колумбийский и Нью-Йоркский университеты в США. Геолог, экономист.

В 1960 и 1961 годах работал геологоразведчиком нефти в Аргентине. С 1961 по 1967 год Н. Д. Лобанов служил помощником заведующего международным отделением «Кемикал Банк» (теперь «Чейс Банк») в Нью-Йорке. В 1967—1970 гг. занимал пост помощника вице-президента компании «Пруденшиал», также в Нью-Йорке. В этот же период участвовал в разведывании месторождений ртути и никеля. С 1970 по 1979 год служил в должности вице-президента «Уэллс Фарго Банк» в Сан-Франциско (Калифорния) и заведующим отделения банка по Ближнему Востоку и Африке. С 1980 по 1983 год занимал пост старшего вице-президента «Международного банка финансов и ресурсов» в Лондоне. До 1997 года он был советником фирмы по добыче и продаже алмазов «Де Бирс». С 1991 г. был консультантом аукционного дома «Кристис», а затем с 1992 по 1997 г. — у «Содсби» в Лондоне.

Н. Д. Лобанов — член Американской ассоциации геологов-нефтяников и Американского института инженеров горнодобывающей, металлургической и нефтяной промышленности.

Никита Дмитриевич активно занимается общественной деятельностью. Он является пожизненным членом Союза благодетелей Музея «Метрополитен» в Нью-Йорке, членом Бюро фонда Кирилла и Мефодия в Софии, членом правления Института современной русской культуры в Лос-Анжелесе (Калифорния), членом Ассоциации американских ученых русского происхождения в Нью-Йорке, членом совета директоров Международного фонда искусства и просвещения в Вашингтоне, членом Общества коллекционеров в Москве, академиком Международной информационной академии при ООН в Женеве и попечителем Русского камерного оркестра в Лондоне.

В 1997 г. вышел на пенсию, тогда занимал должность советника по добыче и продаже алмазов компании «Де Бирс». Автор вышедших на английском языке книг: «Русские художники и театр» (1969 г.), «Финансирование торговли» (1980 г.), «Банковское дело» (1982 г.). Ему принадлежит крупнейшая в мире коллекция русского театрального искусства 1890—1930 гг., в которой представлены произведения 140 художников, преимущественно эпохи «серебряного века».

О своей коллекции Никита Дмитриевич писал, что «в каком-то смысле выполнил долг русского человека перед Россией, в которой не был рожден. В меру сил и способностей я старался спасти то, что почти наверняка было обречено на исчезновение».

В 2000 г. в Москве, в Филевском парке впервые создан мемориальный дом князей Лобановых-Ростовских, куда Никита Дмитриевич безвозмездно предоставил портреты и семейные реликвии. Он назначен пожизненным хранителем дома, имеет там рабочий кабинет и комнаты для проживания. Существует намерение создать в Москве музей современного искусства, основу собрания которого составила бы лондонская коллекция Н. Д. Лобанова-Ростовского. Свою жизненную позицию Никита Дмитриевич обозначил в словах: «я верю в величие русской культуры» (Н. Лобанов. Судьба-коллекция — Россия. // Новый журнал, № 221, декабрь 2000, Нью-Йорк. С. 149). (Прим. ред.)

ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

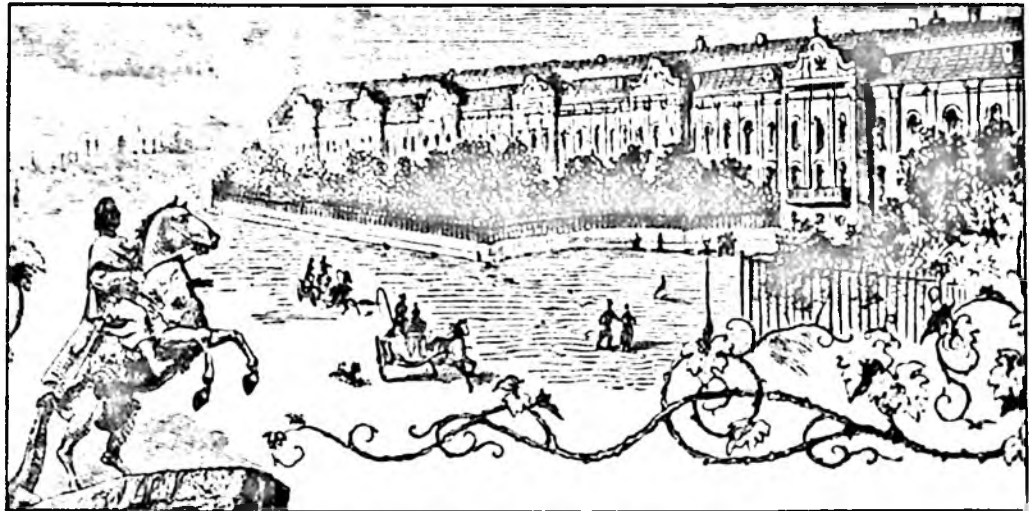

И ХРАМ И МАСТЕРСКАЯ
Санкт-Петербургский университет
в культурном пространстве
России трех столетий

«Под культурными ценностями подразумеваются не только отдельные объекты — памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора, которые могут быть отмечены в списках, каталогах и т. п., но и явления, такие как традиции и навыки в области: искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных индивидуальностей народов, групп населения, отдельных людей и т. д. ... Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств».

Такое определение культурного пространства человечества, сформулированное выдающимся выпускником Санкт-Петербургского университета, академиком Д. С. Лихачевым в его «Декларации прав культуры» в конце XX века, перекликается с «Пактом об охране культурных ценностей», предложенных миру другим выдающимся питомцем Петербургского университета Н. К. Рерихом в 1930 году, смысл и идея которого заключаются в исторической преемственности культурного наследия, передачи ценностей культуры от прошлого к настоящему и будущему. Важнейшими ценностями культуры, определяющими духовно-нравственный прогресс человечества на Земле, являются Мир, Истина, Красота, Любовь. Смысл человеческой жизни в достижении гармонии, стремлении к самоусовершенствованию. «Пакт Н. К. Рериха и «Декларация» Д. С. Лихачева призваны изменить отношение людей к ценностям культуры, обезопасить их от варварства и разрушений.

«*Nic tuta perennat*» — что в переводе с латинского означает «здесь в безопасности пребывает» — такой девиз начертан на гербе Санкт-Петербургского университета, утвержденном Ученым советом университета в 1991 году. Этот девиз соответствует сущности и духу старейшего университета России, основанного

Санкт-Петербургский университет
С гравюры XIX в.

Герб Санкт-Петербургского университета.
1991 г.

в 1724 году в составе Академии наук по указу Петра I. Покровительница искусств, наук и ремесел богиня Минерва, изображенная в центре герба — надежный защитник и хранитель человеческих ценностей, которые создаются в университете для мира людей.

Развитие и сохранение культуры российского государства и является поныне главным содержанием всей многообразной жизни Санкт-Петербургского университета.

Оставаясь на протяжении почти трех веков одним из основных центров российской интеллигенции, в том числе и творческой элиты государства, университет дал миру прославленные имена писателей, поэтов, художников, композиторов, общественных и государственных деятелей, великих ученых, мыслителей и просветителей. Как и было первоначально задумано Петром Великим, «Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феологии и юрис пруденции (прав искусству), медицины и философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают».

В течение XVIII века университет закончили несколько сот студентов, в том числе ставшие известными учеными А. А. Бар-

сов, В. Ф. Зуев, П. Б. Иноходцев, С. Я. Румовский, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, С. К. Котельников, В. Н. Севергин. Фактически все русские академики XVIII века получили образование в стенах Петербургского академического университета. Ими же были написаны первые русские учебники по многим дисциплинам. Таким образом, университет являлся центром высшего образования и науки с самого начала своего существования. И, по выражению С. И. Вавилова, в истории всей мировой культуры трудно найти такой пример быстрого и эффективного «выращивания науки», как это было в России в XVIII в. после открытия Петербургского университета.

Говоря о вкладе Петербургского университета в культуру, нельзя не упомянуть особо о двух фактах: в университете в 1747 году М. В. Ломоносов впервые прочитал свой курс лекций по физике на русском языке; в середине XVIII века впервые были организованы бесплатные публичные лекции для всех желающих жителей столицы, читаемые профессорами университета. Их посещали чиновники, учителя, офицеры, студенты и, как писали современники, даже женщины.

Около 700 выпускников стали действительными членами Российской Академии наук и Академии наук СССР, почетными членами зарубежных академий и университетов.

Всего в России носят звание нобелевских лауреатов около 20 человек, из них 7 универсантов получили эту премию: *И. П. Павлов* в 1904 году за работу по физиологии пищеварения, *И. И. Мечников* в 1908 году за работу по теории иммунитета, *Н. Н. Семев* в 1956 году совместно с С. Н. Хиншелвудом за исследование в области механизма химических реакций, *Л. Д. Ландау* в 1962 году за основополагающие теории конденсированной материи, в особенности жидкого гелия, *А. М. Прохоров* в 1964 году совместно с Н. Басовым и американским физиком Ч. Х. Таунсом за фундаментальные работы в области квантовой электроники, приведшие к созданию генераторов и усилителей на основе принципа мазера-лазера, *В. В. Леонтьев* в 1973 году за развитие метода «затраты — выпуск» и за его применение к важным экономическим проблемам, *Л. В. Канторович* в 1975 году совместно с Т. Г. Купиансом за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов. В университете одно время работал и нобелевский лауреат Иосиф Бродский в один из самых трудных периодов своей жизни в СССР.

Знаменательной вехой в истории русской культуры стала защита в 1855 году диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетиче-

ское отношение искусства к действительности», в которой он проложил путь новым эстетическим принципам, «духу свободного исследования и свободной критики». «Прекрасное есть жизнь», принцип реалистического и демократического искусства, «действительность выше мечты». Эти принципы были так актуальны в XIX—XX веках в нашей стране, полезно помнить о них и в наши дни, уже в XXI веке.

В свое время диссертация Н. Г. Чернышевского оказала существенное влияние на творчество русских писателей, музыкантов и художников второй половины XIX века.

Связь университета с культурным пространством России и всей планеты легко прослеживается на протяжении его существования в течение трех веков во всех сферах. В университете получили образование и учились в разное время: писатели И. С. Тургенев, Г. И. Успенский, Л. Н. Андреев, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. В. Вересаев, Я. Райнис, поэты Н. А. Некрасов, А. А. Блок, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам, Демьян Бедный (Е. А. Придворов), композиторы и музыканты И. Ф. Стравинский, А. К. Глазунов, Е. А. Мравинский, художники М. А. Врубель, Н. К. Рерих, А. Н. Бенуа, М. В. Добужинский, И. А. Билибин, В. Д. Поленов, Н. Н. Ге, И. Э. Грабарь, Г. С. Верейский, театральные деятели С. П. Дягилев, А. И. Сумбатов-Южин, В. М. Качалов, А. П. Брянцев. Этот список имен выдающихся представителей отечественной и мировой культуры может быть многократно увеличен. Эти универсанты — гордость родной *alma mater*. Они вобрали, сохранили и развили те культурные ценности российского государства, которые мог дать только такой славный университет, каким с первых лет существования он по существу явился благодаря мудрому предначертанию своего прародителя — Великого Петра I.

От Петербургского университета в XIX—начале XX века протянулись нити к первому женскому университету в России — Высшим женским Бестужевским курсам. При самом непосредственном участии ученых Петербургского университета были созданы в столице Аларчинские, Владимирские, Медицинские, а в 1878 году — Высшие женские (Бестужевские) курсы. Профессора университета создавали учебные программы для курсов, читали лекции (часто бесплатно), дарили и завещали свои книжные собрания и коллекции курсовой библиотеке и учебным кабинетам, участвовали в сборе средств, защищали интересы женского образования в периодической печати, в правительственных кругах и различных комиссиях и комитетах, выступали как администра-

торы курсов — директора, деканы, руководители кафедр. Тесные связи между Петербургским университетом и женскими учебными заведениями имели большое значение для развития отечественной культуры и широкий мировой резонанс.

Имена университетских питомцев и его профессоров широко известны во всем мире. Это свидетельство величия нашего храма науки и образования и кузницы, мастерской, где рождаются идеи и имена, совершенствуются и развиваются знания практически во всех областях наук, искусств и просветительской философской мысли. Феномен культурного величия Санкт-Петербургского университета в том, что здесь работают творцы, новаторы и очень благородные люди с высочайшим чувством долга и ответственности за достойное сохранение и приумножение достигнутого человечеством, имен, сотворивших научный подвиг, культурный прорыв, очередной шаг к познанию истин и тайн природы.

Об этих именах и хотелось бы, в первую очередь, сегодня говорить и писать.

В канун 275-летия Санкт-Петербургского университета, который широко отмечался отечественной и мировой общественностью в 1999 году, из печати вышла книга «275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись 1724—1999». Это уникальное издание, подготовленное большим авторским коллективом, включает в себя всю 275-летнюю историю первого российского университета, созданного по Указу Петра I в составе Академии наук. Большое количество архивных и литературных источников, иллюстраций, портретов и исторических документов составило основу «Летописи». Здесь нашли отражение главные этапы становления и развития университетского образования, создание научных школ, культурных традиций, получивших широкое признание в России и во всем мире. Книга включает большое количество имен университетских питомцев, профессоров, академиков и преподавателей, вписавших славные страницы в историю одного из крупнейших центров российского и мирового образования, просвещения и культуры, общественной мысли и науки.

И память человеческая сохраняет эти имена. Они зафиксированы в названиях городов и географических наименованиях на Земле, в океане и даже за пределами нашей планеты. В космическом пространстве существуют десятки объектов, носящих имена знаменитых универсантов.

В Институте теоретической астрономии Российской Академии наук издается Каталог малых планет, который включает сведения об открытии малых планет отечественными астрономами в России начиная с 1913 года, в СССР и в зарубежных экспедициях, а также сведения о малых планетах, открытых зарубежными астрономами, получивших имена в честь деятелей отечественной науки, культуры, объектов российской топонимики. Имя планеты считается утвержденным после его опубликования вместе с обоснованием в «Циркулярах малых планет и комет», издаваемых Международным планетным центром, расположенным в Кембридже (США). Среди названий малых планет около ста носят имена питомцев, профессоров и ученых Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета*.

Назовем лишь несколько.

Абрамов Федор Александрович — известный писатель, выпускник и преподаватель филологического факультета — планета № 3409. Абрамов.

Амбарцумян Виктор Амазасович — питомец физико-математического факультета, академик, основатель школы теоретической астрофизики в СССР, президент АН Армянской ССР, профессор Ленинградского университета — планета № 1905. Амбарцумян.

Анненский Иннокентий Федорович окончил историко-филологический факультет в 1879 году, знаменитый русский поэт — планета № 3724. Анненский.

Белявский Сергей Иванович — выпускник университета 1906 года. В 1937—1944 гг. директор Пулковской Обсерватории, открыл 37 малых планет — планета № 1074. Белявский.

Берггольц Ольга Федоровна окончила филологический факультет в 1930 году, талантливая поэтесса и писательница, обладавшая безмерной любовью к нашему городу, — планета № 3093. Берггольц.

Блок Александр Александрович учился на юридическом, затем на историко-филологическом факультете, родился в ректорском доме университета, знаменитый русский поэт — планета № 2450. Блок.

Брянцев Александр Александрович окончил историко-филологический факультет в 1908 году. Режиссер, народный артист СССР, один из крупнейших деятелей театра для детей, основа-

---

* Международный астрономический Совет в 2000 г. присвоил малой планете № 7451 имя VERBITSKAYA в честь Л. А. Вербицкой (ред.).

тель и руководитель Ленинградского ТЮЗа — планета № 4591. Брянецев.

Вернадский Владимир Иванович — выпускник физико-математического факультета 1885 года, выдающийся минералог, геохимик, кристаллограф, основатель геохимического и радиологического исследования Земной биосферы, академик — планета № 2809. Вернадский.

Глазенап Сергей Павлович окончил университет в 1870 году, профессор, академик. В 1881 году по его инициативе и под его руководством создана Астрономическая Обсерватория Петербургского университета (ныне Астрономический НИИ) — планета № 857. Глазенаппия.

Гоголь Николай Васильевич — адъюнкт-профессор университета, великий русский писатель — планета № 2361. Гоголь.

Дягилев Сергей Павлович — выпускник юридического факультета 1896 года. Знаменитый театральный деятель, организатор «Русских сезонов» — гастролей русского балета за рубежом — планета № 4005. Дягилев.

Иоффе Абрам Федорович — приват-доцент, профессор, основатель и первый директор Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе РАН — планета № 5222. Иоффе.

Ландау Лев Давидович — окончил физико-математический факультет, академик, Нобелевский лауреат по физике — планета № 2142. Ландау.

Лихачев Дмитрий Сергеевич — выпускник университета 1928 года. Филолог, литературовед, общественный деятель, блестящий исследователь истории славянской культуры, академик, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, первым удостоен ордена Андрея Первозванного после его возрождения в России в 1998 году — планета № 2877. Лихачев.

Ляпунов Александр Михайлович окончил университет в 1880 году, выдающийся математик-механик, создатель современной теории устойчивости движения механических систем, академик, профессор университета — планета № 5324. Ляпунов.

Мандельштам Осип Эмилевич учился на романо-германском отделении университета, русский, советский поэт, представитель акмеизма — планета № 3461. Мандельштам.

Менделеев Дмитрий Иванович — профессор университета, всемирно известный химик, открывший Периодический закон для химических элементов, ученый-энциклопедист — планета № 2769. Менделеев.

Миклухо-Маклай Николай Иванович в 1863 году поступил в университет, в 1864 году исключен за участие в студенческих беспорядках, видный русский антрополог и этнограф — планета № 3196. Миклухо-Маклай.

Нумеров Борис Васильевич окончил физико-математический факультет в 1913 году, сотрудник и профессор университета. Организатор и первый директор Института Теоретической Астрономии АН — планета № 1206. Нумеров.

Павлов Иван Петрович — выпускник физико-математического факультета 1875 года, академик, лауреат Нобелевской премии 1904 года, «старейшина физиологов мира», член 22 академий наук, почетный член многочисленных отечественных и 28 иностранных научных обществ, почетный доктор многих отечественных университетов и 11 университетов других стран, создатель учения о высшей нервной деятельности, крупнейшей физиологической школы XX века — планета № 1007. Павловия.

Пальчиков Николай Борисович — студент и аспирант университета по специальности «небесная механика», погиб в годы репрессий — планета № 4233. Пальчиков.

Попов Александр Степанович окончил физико-математический факультет в 1882 году. Изобретатель радио в России — планета № 3074. Попов.

Сеченов Иван Михайлович — профессор университета, выдающийся русский физиолог, академик — планета № 5234. Сеченов.

Тургенев Иван Сергеевич окончил историко-филологическое отделение философского факультета Петербургского университета в 1837 году, знаменитый русский писатель — планета № 3323. Тургенев.

Ульянов Александр Ильич учился на естественном отделении физико-математического факультета. В 1887 году был арестован и казнен — планета № 2112. Ульянов.

Хлебников Виктор Владимирович учился на физико-математическом и историко-филологическом факультетах Петербургского университета, русский поэт — планета № 3112. Велимир.

Чебышев Пафнутий Львович — профессор университета, академик, великий русский математик и механик — планета № 2010. Чебышев.

Чернышевский Николай Гаврилович окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1850 году, русский писатель, философ и просветитель — планета № 2738. Чернышевский.

«Звездный» список не исчерпывается этим кратким перечнем имен универсантов, внесших заметный вклад в создание культурной ауры Санкт-Петербургского университета.

Влияние университета на развитие многих направлений научной и образовательной деятельности в нашей стране можно проследить, если проанализировать, например, состав профессоров Военно-Медицинской (Медико-Хирургической академии) в Санкт-Петербурге или Российского государственного педагогического университета (Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена). Здесь работали и работают десятки выдающихся ученых и педагогов, впитавших университетский дух и традиции, развивших их каждый в своей области знания и передающих своим молодым последователям и ученикам. В справочном издании «Профессора Военно-Медицинской (Медико-Хирургической академии (1798—1998))» среди многочисленных ее выдающихся деятелей имеются сведения о более чем 50 профессорах — питомцах Санкт-Петербургского университета. Это физики, химики, биологи, физиологи, геологи, философы. Их имена известны и в университете: доктор философии *Б. А. Чагин* — первый декан философского факультета Ленинградского университета (1940); *Г. Е. Владимиров* — полковник медицинской службы, академик АМН СССР, в 1958 году организовал в ЛГУ лабораторию химии белка, радиобиологии и нейрохимии; *А. А. Иностранцев* — член-корреспондент АН, возглавлял кафедру минералогии с основами геологии в ВМА, в университете создал геологический Музей и кабинет, был профессором и хранителем палеонтологического кабинета; *С. В. Лебедев* — коринженер, академик АН СССР, создатель отечественной научной школы химиков, работающих в области полимеров и высокомолекулярных соединений, в университете руководил созданной им лабораторией нефти (позднее лаборатория синтетического каучука); *И. Ф. Огарков* — полковник медицинской службы, профессор кафедры судебной медицины ВМА и профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Ленинградского университета; *Ф. В. Овсянников* — действительный статский советник, академик АН, ординарный профессор физиологии и анатомии Санкт-Петербургского университета, в университетской лаборатории Ф. В. Овсянникова начинал научную деятельность *И. П. Павлов*; *П. Ф. Лесгафт* — доктор медицины и хирургии, один из основоположников женского медицинского образования в России, преподавал анатомию в Санкт-Петербургском университете (1885—1897).

«Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, пройдя более чем 200-летний путь, сегодня является одним из самых ярких лидеров отечественного образования, крупнейшим культурно-просветительским центром, уникальным многопрофильным научно-образовательным комплексом, использующим принципы сохранения и развития лучших традиций академической науки и образования, российской мировой культуры ... В университете сложилось более 40 научных школ, способствующих формированию целого ряда научных направлений», — такую характеристику, по праву, дают своему вузу составители биографического справочника «Профессора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в XX веке», изданного в 2000 году. Среди тысячи имен, включенных в него, мы обнаруживаем сотни выпускников и профессоров Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета. Такое взаимопроникновение, сотрудничество и творческий контакт двух ведущих российских высших учебных заведений обогащают и наполняют культурное пространство нашего города, страны глубоким смысловым содержанием, определяющим его высокое гуманистическое значение далеко за пределами России и дающим прекрасные результаты.

Мы не случайно обратились к двум вышеуказанным изданиям крупнейших в нашем городе учебно-научных центров. Лицо каждого из таких центров, безусловно, определяет уровень его основных кадров — профессоров. Выдающийся ученый и выдающийся ректор Ленинградского университета академик Александр Данилович Александров в момент назначения его в 1952 году ректором университета при разговоре в очень высоких партийных инстанциях особо подчеркнул это. Он вспоминал впоследствии: «Когда меня делали ректором, я же предупредил пригласивших меня высокопоставленных людей, что у меня есть три недостатка. Во-первых, нет никакого административного опыта. Я не заведовал кафедрой, не был ученым секретарем. Только один месяц был руководителем спортивной экспедиции ... Второй, что у меня есть идеи. И третий недостаток, что я могу спорить с начальством. Меня спросили: какие такие идеи? Ну, например, я сказал, что Университет — это *профессора!*». К этому времени А. Д. Александров уже был автором всемирно-признанных работ в области геометрии, в 23 года защитил в ЛГУ кандидатскую диссертацию по теории выпуклых тел, а в 25 лет — докторскую «К теории смешанных объемов Минковского», лауреатом Сталинской премии за работы внутренней геометрии выпуклых по-

верхностей, членом-корреспондентом Академии наук СССР с 1946 года, профессором университета. В 1951 году ему была присуждена Международная премия имени Н. И. Лобачевского — высокая почетная награда в математическом мире. Деятельность А. Д. Александрова в Ленинградском университете на посту ректора (с 1952 по 1964 год) была многообразна и плодотворна. В это время в университете организовывались новые направления научных исследований в области гуманитарных, естественных и социальных наук, лаборатории, философские семинары, создан факультет журналистики. Так что идеи его нашли реальное воплощение в учебно-научной жизни университета.

Санкт-Петербургский университет на протяжении всего периода своего существования плодотворно влиял и непосредственно участвовал в создании, развитии и успешной деятельности большого количества научных и культурных центров, высших учебных заведений — это Московский университет им. М. В. Ломоносова, Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе, Государственный оптический институт им. С. И. Вавилова в Ленинграде, Минский государственный университет (Белоруссия), Сыктывкарский государственный университет (Республика Коми), Дальневосточный университет (Владивосток), Калининградский государственный университет, Новосибирский Академгородок и Новосибирский государственный университет и многие другие. При создании этих научных центров и учебных заведений был использован накопленный опыт научных исследований и разработок, теория и методика организации образовательного процесса, культурное поле и просветительская, философская и гуманитарная составляющая, выпестованные учеными и профессорами первого российского университета.

ЛИТЕРАТУРА

Профессора Военно-Медицинской (Медико-Хирургической) академии (1798—1998). СПб., 1998.

275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись 1724—1999. СПб., 1999.

Профессора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в XX веке. СПб., 2000.

◆
**ПУТЕШЕСТВИЕ НИКОЛАЯ РЕРИХА
В ПЕРВЫЕ ВЕКА РУССКОЙ ИСТОРИИ**

Весной 1899 г. двадцатипятилетний Николай Рерих отправился из С.-Петербурга по Неве, Ладожскому озеру, Волхову, по отрезку древнего речного пути «из варяг в греки». То была первая поездка с целью побывать в старинных русских городах. К тому времени он уже сформировавшийся художник-археолог и историк, художник-писатель и защитник культурного наследия. Отказавшись в своем творчестве от консервативного академизма, Рерих смело проложил новые пути искусства, создал свой неповторимый, оригинальный стиль, названный им героическим реализмом.

Художника властно привлекало все, что было связано с событиями и легендами первых веков русской истории. Здесь было чем увлечься. Тогда в северных землях Восточной Европы произошли судьбоносные свершения, описанные в русских летописях и подтвержденные археологическими раскопками. Обитатели края славяне и финны встретились с норманнами и оценили необходимость использования морских и речных путей. На реках русской равнины появились скандинавские ладьи, на водных дорогах возникали города-крепости, а на торжищах появились свои и заморские купцы. Торговля достигла евразийского размаха и впервые познакомила и объединила людей близких и далеких стран Запада и Востока. В этом международном торговом соревновании Север в обмен на оружие, украшения, арабское серебро поставлял лучшие в мире меха и рабов. Окрестности городов и поселений обросли курганами и сопками. Пришельцы скандинавы не боялись жить и погребать своих умерших сородичей вдали от родины. Сражения, грабежи и нападения на города в конечном итоге не помешали экономическому процветанию местного общества. Знатный викинг Рюрик был приглашен править в Северной Руси. Вскоре на просторах Восточной Европы обустроилось и укрепилось крупнейшее государство Старого света — Держава Рюриковичей.

Н. К. Рерих, стремясь распознать далекие героические века рождения Русского государства, увлекался археологическими раскопками, изучал быт, костюм, обряды, верования древних обитателей Севера. Он в своем творчестве как бы вжил в образы прошлой жизни и, проявив удивительную интуицию, с подкупающей убедительностью отобразил на своих полотнах исторические события, и воспроизводились они почти всегда на фоне величественной природы. В поисках новых художественных впечатлений и состоялась в 1899 г. поездка Рериха по историческим местам северо-западной России. Он выразительно описал ее в путевых записках¹. Последуем за автором путевых описаний.

По дороге тянулись берега Невы с «неуклюжими деревушками», далее возник «печальный город» Шлиссельбург. Затем плыли по каналу до Новой Ладogi. «Сравнительно поздно возникшая, — замечает наш путешественник, — она, конечно, не может дать ни художественного, ни исторического материала; за ней впереди чувствуется что-то более значительное: в 12 верстах от нее историческое гнездо — Старая Ладога»². Художник увидел это поселение с вершины огромной сопки, насыпанной, вероятно, в VIII—IX вв. на высоком берегу реки Волхов. С ней молва связывала погребение легендарного Олега Вещего.

«Взбираемся на бугор, — пишет Н. К. Рерих, — и перед нами один из лучших русских пейзажей. Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами и светлыми хвостами течения; по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом, один красивее другого. Из-за кургана, наполовину скрытая пахотным черным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелеными главами. Подле самой воды — типичная монастырская ограда (Успенского монастыря — А. К.) с белыми башенками по углам. Далее в беспорядке — серые и желтоватые остовы посада, вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды, что-то белеет, а за всем этим густо-зеленый бор — все больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов (сопки на урочище Победише — А. К.). Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно историческое на строение».

Спустившись с крутого берега Волхова, Рерих постоял на приречном плоту недалеко от Успенского монастыря. С одной стороны виднелась крепостная церковь, посад, далекий Никольский монастырь, с другой — столь же прекрасной, «старый сад

Успенского монастыря, стена и угловые башенки прямо уходят в воду, потому что Волхов в разливе»... Далее «ровный пахотный берег и далекие сопки, фон — огневая вечерняя заря... неясными темными фигурами выдвигающая бесконечный ряд черных фигур, что медленно направляются из монастырских ворот к реке — то послушницы идут за водой».

Проникновенные словесные портреты видов Старой Ладogi определили выбор позиций для рисования. Художник маслом и акварелью выполнил этюды с изображением крепости с церковью Св. Георгия, а также крыльцо церкви Св. Дмитрия Солунского (рис. 1). Картина с изображением крепости украшает кабинет ректора С.-Петербургского университета (рис. 2). К сожалению, не был создан описанный Рерихом общий вид Старой Ладogi, зато под свежим впечатлением виденного, уже будучи в С.-Петербурге, художник изобразил другое из приглянувшихся ему мест. Такова написанная пастелью картина «Волхов, Ладoga» (рис. 3). Ныне она находится в Архангельском музее изобразительных искусств³.

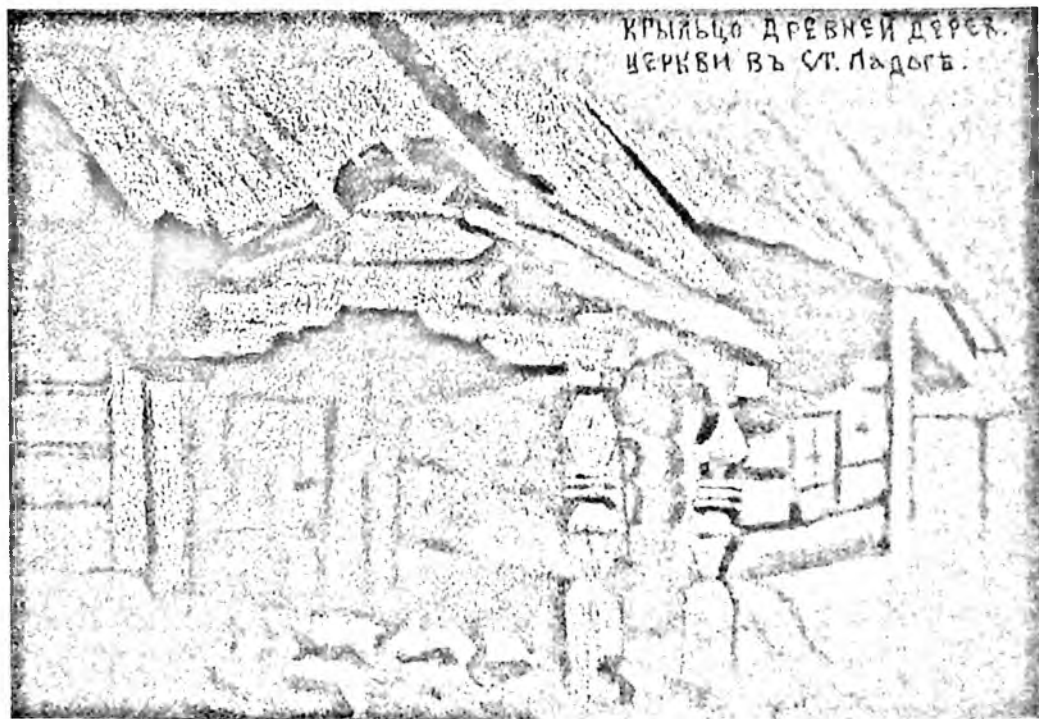

Рис. 1. Н. К. Рерих. Старая Ладoga. Крыльцо церкви Св. Дмитрия Солунского. Пастель. 1899 г.

Рис. 2. Н. К. Рерих. Старая Ладога. Крепость.
Масло. 1899.

Перед нами необычное произведение. На берегу Волхова высятся пятикупольный храм Рождества Иоанна Предтечи. Поодаль череда могильных холмов-сопок. Такое контрастное сочетание памятников христианства и язычества (а оно в этом месте существует и поныне) едва ли встретишь где-либо еще в России. Здесь художник вольно или невольно воплотил вековые особенности национального характера: двоеверие и терпимость к поклонению новым и прошлым богам. В этом уголке Русской земли православные служители не стали разрушать «идольские» сопки, в одной из которых, по преданию, как упоминалось, погребен великий объединитель северной и южной Руси Олег Вещий. В картине с ее несколько сумрачным колоритом скрыта

Рис. 3. Н. К. Рерих. Волхов, Ладога.
Пастель. 1899.

какая-то тревога. Высветленные внутренним «небесным» светом мятущиеся облака это лишь подчеркивают. Мы словно у начала каких-то грядущих испытаний. Что произойдет в этом полном таинственного ожидания мире? Картина Рериха как бы ставит перед зрителем этот вечный вопрос.

Опасаясь за сохранность всего виденного в Старой Ладоге и посетовав, что «лучшие места оказываются застроенными и загороженными», Н. К. Рерих восклицал: «а настанет ли время, когда у нас выдвинется на сцену неприкосновенность целых исторических пейзажей, когда прилепить отвратительный современный дом вплотную к историческому памятнику станет невозможным не только в силу строительных и других практических соображений, но и во имя красоты и национального чувства».

Такое время, увы, еще не настало. Не уменьшается противостояние между ревнителями бесценного культурного наследия Отечества и теми, кто им пренебрегает, равнодушен или просто не просвещен знанием. Скромным, но дальновидным достижением было создание в Старой Ладоге в 1984 г. после десятилетних усилий Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры и Ленинградского областного отделения Общества охраны памятников истории и культуры по правительственному решению музея-заповедника федерального значения. Его заповедная территория около 200 га и включает более 160 памятников истории, археологии, искусства, древний культурный слой. Место древней столицы Руси, будем надеяться, спасено от античеловеческой барачной застройки, силосных башен, свинарников... Жемчужина отечественной культуры и истории с уцелевшим природным окружением, примерно в том виде, в каком ее видел Н. К. Рерих, досталась нашему времени. На рубеже XIX и XX веков художник еще не знал, что земля Старой Ладogi — огромный подземный, еще во многом не востребованный музей (раскопано 3% ее территории) с тысячами находок VIII—XVII вв., подтверждающих всесветные связи этого города с племенами и народами Европы и Азии. Ныне отреставрирован храм XII в. Св. Георгия со знаменитыми фресками. В подлинном обличье предстоит еще один храм XII в. — церковь Успения. Немало сделано реставраторами. Функционирует несколько экспозиций музея-заповедника. Каждый год его фонды пополняются несколькими сотнями новых археологических находок. Но, увы, и на это священное для исторической России место надвигается тень забвения. Рушатся постройки Успенского монастыря, ставшего школой больных

детей. На глазах исчезает застройка древнейшей в Европе Варяжской улицы, заброшена реставрация каменной крепости, вопиет о своей запущенности основанный в XII в. Никольский монастырь, недавно, наконец, возвращенный законным владельцам — Санкт-Петербургской епархии. Не утверждены границы музея-заповедника, что на руку самовольным застройщикам поселка. В 2003 г. должно быть отмечено 1250-летие Старой Ладogi — первой государственной столицы Руси. Сомневающиеся требуют доказательств ее «столичности». Отсылаем их к наиболее достоверной летописной записи. Там сказано, что в 862 г. пришедший на Русь с братьями скандинав Рюрик избрал ее своей резиденцией, стольным городом, иначе столицей и «седе старейший в Ладогe Рюрик»⁴. Факт, по мнению историков и археологов, вполне достоверный. Так что читайте летопись, господа, а то получается, что государство в отношении памяти о своем славном прошлом выступает против себя самого.

Вернемся здесь к путешествию Н. К. Рериха. На прощание со Старой Ладогой он взобрался на вершину кургана и фантазировал сцену тризны, видно «повеяло древним язычеством».

В конце пути художник оказался в Новгороде. С горечью сообщает он о том, что Софийский собор расписывали ремесленники-богомазы. Своей заброшенностью «разочаровал нас, — пишет Рерих, — вид Кремля, разочаровало общее полное безучастие к историчности этого места. Что подумает иностранец, когда мы, свои люди, усумнились: да полно, господин ли это Великий Новгород?»

Наиболее цельное впечатление произвела на Рериха церковь Спаса-Нередицы, построенная в 1198 г. и годом позже полностью расписанная. Специалисты отнесли эту роспись к драгоценным творениям новгородского монументального искусства. Обратил на нее внимание и Рерих. «Живопись, — написал он, — сплошь покрывающая стены и теряющаяся во мраке купола, полна гармонии, ласкает глаз на редкость приятным сочетанием тонов, облагороженных печатью времени». Надо торопиться полно и достойно издать этот памятник. Этот призыв ускорил изучение церкви, которая, к сожалению, была разрушена в 1941—1943 гг. во время Великой Отечественной войны. Ныне она восстановлена, но большая часть фресок погибла.

Оказавшись на берегу Ильменя, Рерих увидел на горизонте ряд стройно удалявшихся парусов. «Чудно и страшно было сознать, что по этим же самым местам плавали ладьи варяжские, Садко — богатого гостя вольные струги, проплывала новгородская рать на роковую Шелонскую битву»...

Поездка по пути «из варяг в греки», особенно в ее ладожской части, произвела на художника неизгладимое впечатление. Среди окружающей его будничной жизни он увидел, по его словам, изумительную красоту Новгородской земли, «сказку севера». Эта земля предстала перед ним полной неожиданных открытий и тайн, своеобразной «неотпитой чашей». Чаяния Севера ждали лучших времен. Одно из них художественными средствами удалось выразить самому Рериху.

Виды Старой Ладogi и Волхова породили замысел одной из лучших картин художника «Заморские гости» (рис. 4). Он закончил это произведение в 1901 г. и вплоть до 1911 г. писал его варианты (их насчитывалось не меньше 13⁵). До сих пор упомянутое полотно пользуется широкой популярностью. По словесному замыслу и деталям исполнения оно привлекает археологическим правдоподобием и, если так можно сказать, вдохновенной героической романтикой. Вот как первоначально виделись «заморские гости» их создателю. «Стайка чаек спустилась на волны,

Рис. 4. Н. К. Рерих. Заморские гости.
Масло. 1901.

беспечно на них закачалась и лишь под самым килем передней ладьи сверкнула крыльями — всполошило их мирную жизнь что-то малознакомое, невиданное... Длинным рядом идут ладьи; яркая раскраска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким, стройным носом-драконом... Около носа и кормы на ладье щиты привешены, горят под солнцем. Паруса своей пестротой наводят страх на врагов... Стихнет ветер, подымутся весла; как одномерно бьют они по воде, несут ладьи по Неве, по Волхову, Ильменю, Ловати, Днепру — в самый Царьград; идут варяги на торг или на службу».

На картине вдали за горизонт уходит славянский городок. Увидят поселенцы, как пишет Рерих, «редких, незнакомых гостей, подивуются они на их строй боевой, на их заморский бычай».

Не будем искать частные различия между замыслом и воплощением картины «Заморские гости». Художник, думается, искал здесь историческую основу. Она заключается в том, что скандинавы, стремясь на восток, действительно оказались в славянских землях. Воинский пыл и настороженность вооруженных, «полунощных» пришельцев с течением времени все более вытеснялись мирной торговой заинтересованностью. В поездках по рекам Восточной Европы варяги узнали славян-русских, которым были присущи открытость, гостеприимство, терпение, безбоязненное ожидание новых времен и лучшей доли. На просторах русской равнины стали завязываться самые тесные в тогдашней Европе интернациональные человеческие и деловые связи. Истолкование «Заморских гостей» приоткрывает завесу истории...

Со временем представление о пути «из варяг в греки» приобрело символическое значение «неотпитой чаши» еще непознанных человеком красот и тайн родной земли. «Походите по земле, — писал художник в 1916 г. — Когда представишь себе открывающиеся богатства, то невольно хочется простить всех отрицавших. Они ведь не знали. Они бедные не видели»⁶.

Любовь к родной старине и священным камням истории Н. К. Рерих пронес через всю свою жизнь. Вот его заветные слова, сказанные в 1909 г. Как нельзя более актуальны они и в наши дни. «Народ должен знать свою историю, запечатленную в памятниках древности. Народ должен владеть всеми лучшими достижениями прошлых эпох. Мы должны с великим попечением изыскивать еще не тронутые варварскою рукою древности и дать им значение давно заслуженное»⁷.

В заключение хотел бы высказать следующие предложения, адресованные выполняющим высокую гуманитарную миссию сотрудникам Рериховского центра Санкт-Петербургского государственного университета, Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие» и Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге.

Было бы важно приступить к энциклопедическому изданию полного собрания произведений Н. К. Рериха и его сына С. Н. Рериха. Эта задача грандиозная, ее по силам выполнить международному коллективу. Именно в С.-Петербурге, где Н. К. Рерих родился и прожил 43 года, ее могли бы осуществить к чести нашей и мировой культуры.

В местечке Извары Ленинградской области, где проходила юность Н. К. Рериха, рядом с усадебным домом находится архитектурно интересное здание с пристроенной церковью бывшей земледельческой колонии. Оно построено в 1914—1916 гг. по проекту архитектора А. А. Яковлева как школа для детей обездоленных и детей-сирот, чтобы обучать их художествам, ремеслам, возделыванию земли. Не было забыто и религиозное воспитание. Уже приехали учителя, вселились дети. Благородную затею погубил большевистский переворот 1917 года. Ныне здание полезной площадью около 2500 м² заброшено, восстановлена только церковь. Оно могло бы стать своеобразным «домом Рериха» и предназначаться для собирания и показа картин, архивов и другого наследия всех русскоязычных людей мира (может быть, и учебы детей). К сожалению, такого центра, куда бы наши соотечественники, проживающие в разных частях планеты, могли приезжать и дарить, завещать и продавать свои раритеты, в России нет.

Намерение упомянутых выше учреждений и сообществ организовать в С.-Петербурге музей семьи Рерихов было бы всемирным культурным обогащением города, замечательным подарком к его 300-летию. Это, конечно, сложно, но реально. Ведь уже собрано 21 подлинное произведение Н. К. Рериха. Наследие великого художника неразрывно с Родиной и вместе с тем обращено ко всему человечеству. Это и есть истинный лик сына вечной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Рерих Н. К.* По пути из варяг в греки. // «Искусство и художественная промышленность». СПб., 1899, № 9—10. С. 719—730. Благодарен заместителю директора Рериховского центра СПбГУ, председателю правления Международ-

ного благотворительного фонда «Рериховское наследие», заместителю директора Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге В. Л. Мельникову и сотруднику Музея-института семьи Рерихов В. В. Строганову за дружескую помощь в написании этой статьи.

² Здесь и далее цитаты из упомянутой выше статьи Н. К. Рериха.

³ Лучшее цветное воспроизведение картины: 100 произведений русской живописи XVIII—начала XX века из собрания Архангельского музея изобразительных искусств. Альбом-каталог. Архангельск, 2001. С. 63, № 79.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962, столб. 13—15.

⁵ *Соколовский В. В.* Художественное наследие Н. К. Рериха (перечень произведений с 1885 по 1947 годы). // Сб. Н. К. Рерих. Жизнь и творчество. М., 1978. С. 263 и сл.

⁶ Петербургский Рериховский сборник. II—III. Самара, 1999. С. 696.

⁷ Там же. С. 544.

ПУТЬ К АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ

30 августа 1724 года в устье реки Ижоры (место, где произошла Невская битва) Петр Первый встретил прах русского национального героя Александра Невского и на галерее перевез его в храм Св. Александра Невского Александро-Невского монастыря Санкт-Петербурга. В тот же день Указом Императора Всея Руси было дано повеление: «...Дабы всюду вместо прежде бывшей святому Благоверному Великому князю Александру Невскому ноября 23 числа службы отныне праздновать оную августа 30 числа непременно...»¹. С тех пор Православная церковь ежегодно исполняет 12 сентября (30 августа по старому стилю) церемониал службы Святому Благоверному Великому князю Александру Невскому, каждый раз напоминая нам о непреходящем значении этой традиции и вечности священных реликвий национальной истории. В 2002 году исполняется 278 лет со дня вышеозначенного Петровского Указа, а также 8 лет со дня появления в Санкт-Петербурге официального городского праздника «День Александра Невского — покровителя Санкт-Петербурга».

Обратясь к российской истории и опираясь на опыт наших предшественников, мы предлагаем пойти по пути общенационального примирения, по пути консолидации здоровых общественных сил, ставящих целью процветание всех народов Российской земли. Основой такого объединения должна стать целостная патриотическая идеология, которая позволит возродить в обществе забытое чувство национального достоинства, очистить массовое сознание от проявления вражды, бездуховности и безнравственности. Приоритетом в деле воссоздания России как целостного организма является: восстановление исторической преемственности ее развития; укрепление тех нравственно-религиозных основ, которые из века в век вдохновляли наших доблестных предков на труды и подвиги во благо Отечества. Государственным деятелем, сумевшим сплотить народ Руси на

многотрудном пути к осознанию себя целостной страной, был Александр Невский, отдавший все силы на служение своему народу, оказавший ему на этом поприще существенные услуги. Александр Невский — заветное имя, которое никогда не забудется. Напротив — чем дальше в глубь веков погружается прошлое — тем ярче, светлей становится в памяти потомков его нравственный облик. Александр Невский — один из крупнейших политиков и дипломатов средневековой Европы, князь Великого Владимирского княжества (1252—1263 гг.), защитник Земли Русской, в ком дар полководца счастливо соединился с политическим талантом и дипломатическими достоинствами. Умело сочетая военные победы (Невская битва, Ледовое побоище) с дипломатическими переговорами, Александр Невский добился того, что начиная с его времени и на 200 лет вперед крестоносцы не избирали Русь объектом своих походов. Оценивая монголо-татарскую опасность как самую основную для своей эпохи, он начал политику объединения русских земель. Политику, успешно продолженную в дальнейшем его сыновьями, прежде всего династией московских князей, основателем которой был его младший сын Даниил (отец Ивана Калиты, прадед Дмитрия Донского). Александр Невский заслонил свой народ от порабощения, сумел предотвратить новые нападения и удержать монголо-татар вдали, не допустив их расселения по Русской земле. Он свел нашу зависимость от поработителей лишь к внешней покорности и дани. При этом его тонкая политика не позволила российской крови пролиться под знаменами монголо-татарских войск. Русские сохранили родной язык, православную веру, свое управление и свой суд.

Что же касается фигуры самого Александра Невского, то до 1380 г. князь Александр почитается во Владимире на местном церковном празднике. После Куликовской битвы, весной 1381 г., митрополит Киприане повелел называть Александра Невского «блаженным»². И, наконец, 26 февраля 1547 г. по предложению митрополита Макария Великий князь Александр Невский как общерусский святой канонизируется на Московском церковном соборе³. Жизнь и деяния Александра Невского издавна привлекали внимание русского народа, рождая в его сердце возвышенные чувства, высокие патриотические помыслы. К светлomu образу Александра Невского за прошедшие столетия обращались: М. Ломоносов, В. Васнецов, Н. Рерих, П. Корин, Л. Горбунов, В. Серов, Г. Семирадский, К. Симонов, С. Прокофьев, С. Эйзенштейн, а также В. Татищев (1750), М. Щербатов (1774),

Н. Карамзин (1816), С. Соловьев (1853), К. Бестужев-Рюмин (1872), Н. Костомаров (1873), Д. Иловайский (1880) и многие другие представители интеллектуальной элиты России.

С 1917 года все церемониалы чествования Александра Невского на государственном уровне были отменены, отменен был и орден Св. Александра Невского, учрежденный в 1725 году. Справедливости же ради надо сказать, что в народе не был забыт Невский-герой, да и во всех православных храмах нашего отечества исправно продолжалась традиция служения в память Святого Благоверного Великого князя Александра Невского.

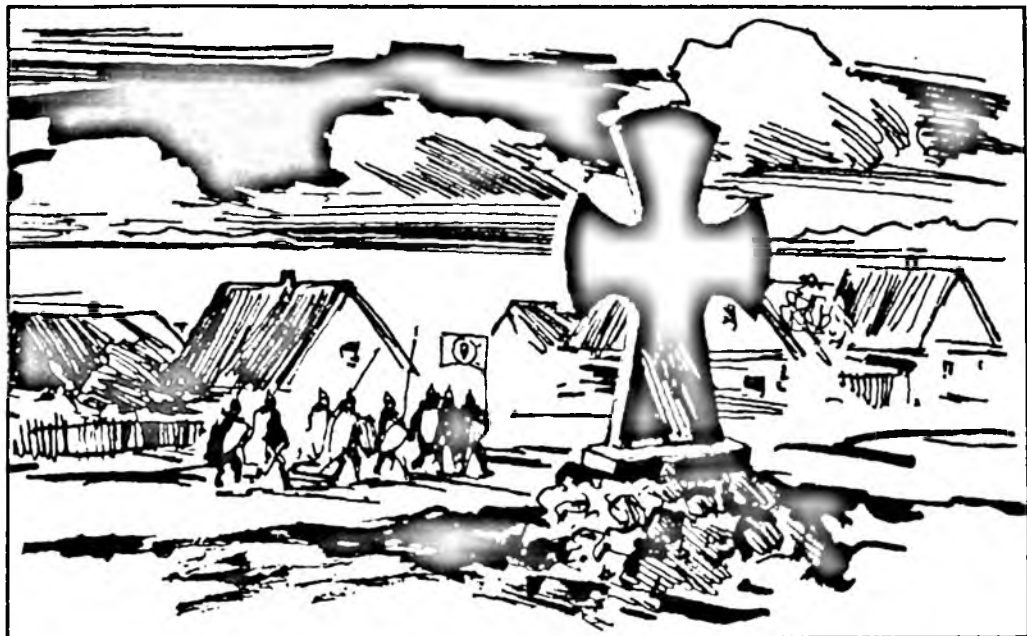
В 1938 г., когда все отчетливее стало просматриваться приближение войны, перед правительством СССР встала острая необходимость создания патриотической киноленты, и известный режиссер Сергей Михайлович Эйзенштейн снимает на сегодняшний день единственный фильм о Ледовом побоище — «Александр Невский». И с тех пор в памяти народов нашей страны Александр Невский живет как воин, как былинный герой этого художественного фильма. И нам, людям уже послевоенного поколения, очень нравились слова Александра Невского в заключительной сцене фильма, с пафосом произнесенные актером Николаем Константиновичем Черкасовым: «Кто к нам с мечом придет — от меча и погибнет». Мы, конечно же, не догадывались тогда, что эта библейская фраза на самом деле никогда не принадлежала Александру Невскому.

В 1941 году началась война, и опять, как встарь, в самые трудные времена образ Александра Невского вновь вернулся к нам: 29 июля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР повторно учреждается орден Александра Невского. Правда, последний раз этот орден вручался в 1945 году, так как его статут предусматривает награждение «за проявление, в соответствии с боевым заданием, инициативы по выбору удачного момента для внезапного, смелого и стремительного нападения на врага и нанесение ему крупного поражения с малыми потерями для своих войск»⁴.

В 1989 году в Казанском соборе Ленинграда обнаруживаются чудом сохранившиеся мощи Александра Невского, и они вновь возвращаются в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры. С этого момента начинается новый этап возвращения Александра Невского нашему народу:

- В 1990 году в год 750-летия «Невской битвы» открывается памятник Александру Невскому в г. Пушкине у Софийского собора;

Большой памятный крест дружинам Александра Невского
в селе Кобылье Городище Гдовского района Псковской области.
Открыт 29 марта 1992 г.

Проект скульптора В. Рецикова.

- В 1992 году в год 750-летия «Ледового побоища» открывается большой памятный деревянный крест участникам битвы на Чудском озере и памятник Александру Невскому у храма Архангела Михаила в селе Кобылье Городище Гдовского района Псковской области;

- В 1993 году в Пскове на горе Соколиха открывается памятник Дружинам Александра Невского, следом памятник Великому полководцу встает на левом берегу реки Волги в Городце Нижегородской области;

- В 2002 г. в Санкт-Петербурге установлена конная скульптура «Александр Невский»;

- И, наконец, Губернатор Санкт-Петербурга 8 ноября 2000 г. поддерживает инициативу Ижорского Фонда молодежных и военно-исторических программ «КАЧУР» и подписывает распоряжение № 1170-р, в котором определяется установка памятного знака в поселке Усть-Ижора на предполагаемом месте Невской битвы 1240 г.

Сегодня пытаются очернить деяния наших предков, положивших жизнь свою на алтарь защиты и процветания Отечества.

Не обошла участь сия и Александра Невского. Хочу напомнить «знатокам от истории» слова, сказанные в свое время академиком РАН, заведующим Отделом древнерусской литературы Института русской литературы РАН Дмитрием Сергеевичем Лихачевым: «...Культура живет человеческими идеалами. К одному из таких идеалов принадлежал Александр Невский, переславский, новгородский и владими́ро-суздальский князь, защитник и спаситель Руси. Заступник народа, он рано был признан церковью святым: вначале местно (после кончины в 1263 г.), а потом, после 1547 г., ему было установлено общерусское церковное празднование. Как тип святого Александр Невский весьма любопытен и поучителен. Он князь-воитель, святой, чьи поступки роднят его с другими народными заступниками, святыми ... Он защищает не только Русь, но и Ижору! Это в традициях Древней Руси. Ведь самая главная тема древнерусской литературы — это оборона от зла, от врага и нашествий, “дабы Свеча Рода не погасла!”... Оба сражения Александра Невского — и Невское, и Ледовое — оборонные! Это победы над нападающими. ... Более всего он ценил правду, земную — народную, и небесную... “Не в силе Бог, но в Правде!”, — говорил Александр своим дружинникам накануне Невского сражения. И он победил. Александр Ярославич обычно побеждает “силою крестною” и “с малою дружиною”. Русский народ издавна живет своими идеалами. Один из таких идеалов — идеал скромного воина, обороняющего Русь, каким был Александр Невский. ...Жизнь временна, а деяния вечны, и о них судит народ и история. Александр Невский очень важен для русской культуры»⁵.

Общепризнанное и международное признание подвига Александра Невского во имя Отечества подтверждается большим количеством храмов, построенных в честь Св. Александра Невского. Храмы эти украшают сегодня не только русские города, но и Париж, Софию, Копенгаген, Потсдам, Бизерту (Тунис), Таллинн, другие города мира.

Принимая во внимание все вышесказанное, представляется вполне актуальным уже сегодня на государственном уровне уделить должное внимание возрождению забытых традиций России, сохраненных для нас Русской Православной церковью. Настало время объявить день ежегодного государственного чествования Радетеля Отечества Александра Невского. Нам нужен день, в который все россияне (и соотечественники вне территории России) смогут услышать, прочесть и вспомнить имена тех, кто сделал достойный вклад в дело объединения народов России

на почве взаимного уважения, духовного согласия — во имя достойной жизни народов нашей Родины. Нам нужен день поклонения священным реликвиям национальной истории. Этот день должен соединить всю историю российских народов. Он должен взлелеять в душе человека зерна добра, сострадания и любви. Идеология этого дня должна быть выше побед и поражений. И в истории нашей страны такой день есть.

12 сентября (по новому стилю) 1724 г. (30 августа по старому) Петр I встретил в устье р. Ижоры ковчег с мощами Александра Невского, привезенными из Рождественского монастыря во Владимире. С тех пор мощи святого хранятся в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры как почитаемая святыня С.-Петербурга и всего российского народа. Упомянутый день наилучшим образом соответствует дню Александра Невского. Многие такое намерение приветствовали. Чтобы ускорить принятие указа Президента и Правительства РФ, распоряжением мэра г. С.-Петербурга № 184-р от 05.03.1994 г. учрежден ежегодный городской праздник 12 сентября — «День Александра Невского — покровителя Санкт-Петербурга». Затем по инициативе руководителей городов Пскова, Новгорода, Владимира, Ярославля, Псковской и Ленинградской областей Указом Президента России от 06.01.1995 г. была учреждена акция «Венок Славы Александра Невского», которая проходит в течение года по всей стране с периодичностью в 5 лет. Спустя пять лет, в 2000 году распоряжением Губернатора Санкт-Петербурга № 282-р объявлено о проведении ежегодного паломнического похода — автовече «Серебряное кольцо Александра Невского». Маршрут похода включает места и города, связанные с деятельностью Александра Невского. Дороги, пройденные великим полководцем, стали напоминанием современникам о величии и подвигах исторической России.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что процесс возвращения к своему народу Александра Невского не только как воина, государственного, политического и дипломатического деятеля, но и как Святого, — прямое свидетельство возрождения нашего общества.

Историческая справка
в подтверждение правильности выбора ежегодной даты
государственного чествования
Великого князя Александра Невского — 12-е сентября

«30 августа 1724 года (12 сентября) Император Петр I прибыл на галере в устье реки Ижора для встречи ковчега со святыми мощами Александра Невского. Благоговейно сняв святыню с яхты и поставив на галеру, государь повелел своим вельможам взяться за весла, а сам управлял рулем. Шествие направилось в Петербург, во время плавания раздавалась непрерывная пушечная пальба. То и дело из Петербурга прибывали новые галеры с знаменитыми лицами, а во главе их — “ботик Петра Великого”».

(М. Хитров. «Святой Благоверный Великий Князь Александр Ярославович Невский». Москва, 1893. С. 201.)

30 августа 1724 года (12 сентября) Указом Петра Великого во все государства отослано повеление: «...Дабы всюду вместо прежде бывшей святому Благоверному Великому князю Александру Невскому ноября 23 числа службы отныне праздновать оную августа 30 числа непременно».

(«Полное собрание Постановлений и Распоряжений по ведомству православных исповеданий Российской Империи. 1724 г.». Ч. IV. № 1347.)

30 августа (12 сентября) 1790 г. освящение храма Св. Троицы Александро-Невской лавры и перенесение в него мощей Св. Александра Невского из церкви Благовещения.

(М. Хитров. «Святой Благоверный Великий Князь Александр Ярославович Невский». Москва, 1893. С. 203—204.)

30 августа (12 сентября) 1861 г. — освящение храма Св. Александра Невского в Париже.

30 августа (12 сентября) — Кавалерский праздник Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского.

(«Православный церковный календарь», 1995. СПб. С. 7.)

12 сентября 1994 г. — городской праздник «День Александра Невского — покровителя Санкт-Петербурга» — учрежден распоряжением мэра Санкт-Петербурга № 184-р от 05.03.1994 г.

12 сентября 1995 г. — освящение вновь возрожденного храма Св. Александра Невского в селе Усть-Ижора — историческом месте Невской битвы.

◆
**ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Говорят, что об исторической эпохе лучше всего может рассказать художественная литература, созданная в эту эпоху. Думы и чаяния поколения, его заблуждения и ошибки, поиски положительного героя, этические и эстетические позиции находят свое отражение на страницах прозы и публицистики, в стихотворных строках, остающихся нам в наследство. При этом очень важно сохранить все многообразие произведений, отражающих разные, зачастую противоположные позиции авторов, чтобы не обеднить общую картину литературного процесса, не поддаться соблазну встать на ту или иную господствующую в данный момент точку зрения. В действительности сделать это бывает сложно, поскольку каждый человек пристрастен, каждый стремится утвердить свою позицию, свое мировоззрение.

Раньше уследить за литературным процессом было относительно легко, поскольку на протяжении многих десятилетий он регламентировался в нашей стране довольно жестко. Однако за последние годы неопределенность социальных отношений в обществе, ставшая результатом «периода реформ», породила такую же неопределенность в мире литературы. Как в прозе, так и поэзии, критике появились самозамкнутые структуры, более всего озабоченные самоизданием и самопрославлением, напроочь не замечающие того, что делается по соседству и абсолютно уверенные в том, что именно они и представляют настоящую современную литературу.

Существование в современном литературном процессе «параллельных миров» во многом определяется существованием многочисленных литературных организаций. Если раньше в Советском Союзе действовал единый и всеохватный Союз писателей, находившийся под неусыпным оком партии и правительства, то ныне многообразие и многочисленность литературных групп и объединений поистине не поддается перечислению.

Не претендуя на полноту исследования данной проблемы, напомним все же предысторию вопроса на примере некогда единой Ленинградской писательской организации, объединявшей в своих рядах в начале 90-х годов свыше 300 человек. В конце «перестройки» значительная часть сторонников «реформ» провозгласила создание Союза писателей Санкт-Петербурга. Другая часть писателей не мыслила себя вне России и с большим трудом зарегистрировала Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России. Но если первым удалось, благодаря поддержке властей, практически сохранить за собой и некогда общую собственность, и издательские возможности, то вторым все пришлось начинать заново. Прием в оба Союза осуществлялся параллельно, поскольку организации оставались юридически и фактически независимыми друг от друга. Почти одновременно была создана и Ленинградская областная писательская организация Союза писателей России, хотя большинство писателей, проживающих в области, в нее не вошли.

Между тем, проблема объединения областных писателей всегда стояла достаточно остро. В марте 2001 года на общем собрании Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России была, наконец, создана областная секция, объединившая более 20 писателей, проживающих на территории Ленинградской области. Ее возглавил поэт из Тосно Николай Рачков — один из первых лауреатов областного конкурса «Ладога» имени Александра Прокофьева. Напомним, что эту премию учредил губернатор Ленинградской области В. П. Сердюков, и она ежегодно присуждается по двум номинациям — Всероссийской и областной. Все шесть лауреатов (за 1999—2001 годы) — Глеб Горбовский и Николай Рачков, Вячеслав Кузнецов и Александр Люлин, Валентин Голубев и Вера Бурдина — члены Союза писателей России. Так вот, создание секции областных писателей было ускорено тем обстоятельством, что недавно появился еще один Союз писателей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, под эгидой которого вышел литературно-художественный альманах «Ленинградская мыза». Его появление приветствовал губернатор. Тем самым идея, которую высказывал в печати автор этих строк о создании в нашей области единого литературно-краеведческого альманаха, выпускаемого на базе издательства «Вести» при поддержке областных властей, повисла в воздухе. А жаль, потому что речь шла как раз об объединении литературных сил, создании площадки, на которой могли бы выступать авторы разных творческих объединений и даже начинающие, не

принадлежащие ни к каким литературным группам и объединениям. Правда, в преддверии 75-летнего юбилея Ленинградской области группа писателей-энтузиастов все же подготовила к выпуску на базе ИПК «Вести» литературно-художественный и историко-краеведческий альманах «Золотой ключ». Он включен в общую программу выпуска общественно значимой литературы, поддержанной Издательским советом при губернаторе области.

И все же только в Санкт-Петербурге, помимо вышеназванных, официально зарегистрированы еще несколько творческих литературных организаций. Это Профессиональный союз писателей Санкт-Петербурга, Межрегиональный союз писателей Северо-Запада и Ассоциация писателей Санкт-Петербурга — Литературное собрание «Соратники». Последнее на протяжении трех с половиной лет выпускает литературно-художественный альманах «Рог Борейя». В нем представлены проза, поэзия, публицистика, литературная критика не только самих «борейцев», но и представителей других творческих союзов и объединений. Существование подобного издания при хроническом отсутствии средств было бы невозможно без активного добровольного участия самих авторов. К сожалению, приходится констатировать, что большинство произведений современной словесности, особенно поэзии, появляется на свет за счет средств самих авторов.

Отсюда, конечно, возникает проблема критериев оценки публикуемых произведений и авторов. Где грань между подлинной литературой и назойливой графоманией? Если раньше, когда авторы получали в журналах или издательствах положенное вознаграждение, все было более-менее ясно, поскольку достоинства той или иной рукописи определял литературный редактор или редколлегия, то кто и по каким критериям может оценить то, что печатает сам автор? Вопросы отнюдь не праздные, хотя они во все не кажутся неразрешимыми. Главное в современных условиях все же то, что автор имеет возможность напрямую выйти к читателю, а это, безусловно, положительное явление. Не менее важно, на мой взгляд, и то, что книга, выпущенная автором за собственный счет, всегда может быть затребована обществом, если она представляет подлинно художественную ценность.

Но окажется ли она затребованной, если ее не будет в крупнейших книгохранилищах страны, минуя обязательную рассылку контрольных экземпляров? Ведь сами авторы зачастую не занимаются этим, а издающие организации сплошь и рядом нарушают закон об обязательном экземпляре. Посмотрите, в каком виде выходят порой авторские сборники! В выходных данных

отсутствует даже название издательства или типографии, нет указания тиража и других предусмотренных законом выходных данных. Очевидно, что если бы выпуск таких книг осуществлялся под патронажем местной власти, появление подобного «самопала» было бы полностью исключено. Вот лишь два хороших примера: книги лауреатов премии «Ладога» Николая Рачкова и Александра Люлина появились на свет при поддержке глав администраций Тосненского и Кировского районов Ленинградской области. Областное издательство «Вести» готово к тому, чтобы регулярно выпускать не только поэтическую серию, но и сборники прозы и публицистики наших талантливых авторов. Дело только за поддержкой этой культурно-просветительской инициативы со стороны властей.

Конечно, перед руководителями регионов всегда стоит сложный вопрос, которую из ныне существующих писательских организаций следует поддерживать. Разобраться в параллельных мирах современной литературы бывает, увы, не просто. Ведь каждый из ныне существующих союзов только своих членов считает «настоящими писателями». Но дело в конце концов не в принадлежности авторов к тому или иному сообществу — опыт показывает, что таланты есть везде. В качестве примера можно привести историю возникновения и развития уже упомянутого Литературного собрания «Соратники», объединяющего к настоящему времени свыше 80 поэтов, прозаиков, критиков не только из Санкт-Петербурга, Ленинградской области, но и других регионов страны и даже из-за рубежа. За минувшее время альманах «Рог Борей», который на свои средства ежеквартально выпускают «Соратники», стал фактически периодическим литературно-художественным журналом достаточно высокого профессионального уровня. По мнению председателя правления Санкт-Петербургского отделения СП России Ивана Сабилло, уже одно то, что альманах регулярно выходит на протяжении многих лет, можно считать интересным явлением в литературной жизни нашего региона. Не случайно многие члены российского писательского союза — Владислав Шошин, Борис Орлов, Юрий Шестаков, Виктор Круглов, Олег Юрков, Зоя Бобкова, Алексей Полишкаров и другие публикуют в нем свои произведения. А некоторые из «Соратников», например Андрей Родосский, Виктор Василевский и автор этих строк, стали также членами СП России.

«Соратники» провозгласили о своем создании 26 октября 1998 года на вечере в пушкинской квартире-музее на Мойке, 12. Новая организация объединила несколько литературных групп

и объединений: «Дворянская лира», Фонд поэта Н. С. Гумилева, клюевское общество «Песнослов», есенинское «Отчее слово», хорошо известный в Санкт-Петербурге «Рубцовский центр», а также ряд независимых, не принадлежащих ни к каким группам литераторов. Позже в ряды новой организации влились и некоторые представители Межрегионального Союза писателей Северо-Запада, объединений «Петровский остров» и «Невская радуга».

Вскоре, в декабре того же года, на средства авторов вышел первый номер альманаха «Рог Борея» («Северный ветер»), встреченный литературной общественностью с интересом и определенной долей скепсиса. Дело в том, что попытки подобного рода изданий предпринимаются разными группами довольно часто, но при отсутствии серьезной финансовой поддержки быстро исчезают с литературного горизонта, не успев завоевать известности и признания. Честно говоря, и сами «Соратники», принимая свой ответственный и рискованный шаг, не особенно задумывались, чем подобная инициатива может закончиться. Ясно было одно: крупная творческая организация может существовать только вокруг журнала или альманаха, объединяющего единомышленников или близких по духу, эстетическим представлениям людей. За первым выпуском, который разошелся довольно быстро — причем редакция получила письма не только из самых отдаленных уголков России, но и из-за границы — последовал второй, посвященный 200-летию А. С. Пушкина, затем третий и другие. Презентация десятого выпуска состоялась в конце апреля 2001 года в Санкт-Петербургском Доме журналиста.

А в типографию уже сдан пятнадцатый, собран и подготовлен к набору шестнадцатый выпуск... Все это стало возможным благодаря поистине подвижнической деятельности одного из создателей организации, редактора-составителя альманаха, хорошо известного в городе журналиста и поэта (автора десяти поэтических книг) Игоря Запаладова. Прикованный к постели тяжелой болезнью, Игорь Борисович ведет кропотливую и неустанную работу по выявлению новых авторов, созданию чисто петербургского издания в лучших традициях «серебряного века». Насколько это получается, судить, конечно, читателям. Но факт состоит в том, что сегодня альманах широко известен в мире профессиональных литераторов, как и многие его авторы, выпустившие свои книги, например поэты Андрей Родосский, Мария Амфилохиева, Татьяна Рудыковская, Виктор Кудрявцев, Валентина Ефимовская, Людмила Гарни, прозаики Жанна Мишель, Сергей Ладарин, Артур Петров (москвич), Юрий Леушев,

Галина Врублевская, Александр Михайлов. Последний, кстати, является председателем ЛС «Соратники» и давно известен в России как крупный литературовед, сотрудник Пушкинского дома, доктор филологических наук, исследователь творчества Николая Клюева, Велимира Хлебникова, Федора Сологуба и других представителей «серебряного века» русской литературы. На протяжении нескольких выпусков в «Роге Борей» печатаются фрагменты его любопытного романа «Легенда о Лилии».

В альманахе представлены серьезные литературно-краеведческие исследования о творчестве Михаила Лермонтова и Николая Гумилева, их автор — председатель Гумилевского фонда Анатолий Доливо-Добровольский. Было бы чрезвычайно интересно выпустить в нашем областном издательстве «Вести» цикл статей Доливо-Добровольского о творчестве и жизни Николая Гумилева: во-первых, потому, что автор обладает поистине уникальным и никогда ранее не публиковавшимся материалом о трагическом русском гении, а во-вторых, судьба поэта самым тесным образом связана с Ленинградской областью: не случайно же каждый год 25 августа поклонники Гумилева приезжают в Бернгардовку почтить память поэта.

Особая тема в «Роге Борей» — Николай Рубцов. Из номера в номер альманах публиковал большое исследование поэта и руководителя «Рубцовского центра» Сергея Вакомина о его жизни и творчестве.

Не стоит редакция альманаха в стороне и от литературной жизни нашего города и области. Не случайно наиболее привлекательным и действенным, во многом определяющим «лицо» издания является раздел литературной критики. Досталось в свое время журналу «Русский мир», который прекратил свое существование из-за отсутствия средств на издание, альманаху «Медвежьи песни», журналу «Звезда». Ведя дискуссию с другими литгруппами и союзами, «Соратники» с самого начала ведут борьбу за единство литературных сил и, стремясь к сотрудничеству, оставляют за собой право высказать собственное мнение.

Работа «Соратников» не ограничивается ежеквартальным выпуском альманаха. Члены организации регулярно проводят творческие встречи, презентации своих новых книг, читают лекции в школах и библиотеках. Все больше слушателей собирается по субботам на литературные чтения в Выставочном зале Московского района. Это помещение любезно предоставила им заведующая Л. Ф. Сиголаева. Пример, достойный подражания, потому что плата за аренду помещений очень часто становится непре-

одолимым препятствием для встреч творческой интеллигенции со своими читателями и зрителями. Может быть, и в Ленинградской области найдутся руководители не только культмассовых учреждений, но и представители власти, которые заинтересуются знакомством с новыми интересными авторами и пригласят писателей для участия в том или ином мероприятии.

Этот краткий очерк деятельности лишь одной самостоятельной писательской ассоциации свидетельствует о жизнеспособности творческого порыва. К сожалению, в нынешнем расколоте мире каждая выживает (или умирает) в одиночку. Такая же судьба ждет и некогда известные литературные журналы. О судьбе «Русского мира» мы уже упоминали. Но в Санкт-Петербурге практически прекратил выходить некогда всесоюзный журнал «Аврора». И это — несмотря на некоторую поддержку властей Ленинградской области. Значительно ослабили позиции журнала «Нева». Так и не появился перед читателями возрожденный «Ленинград» — а ведь разговоров об этом в начале девяностых годов было много. Сейчас, пожалуй, лишь «Звезда» более-менее твердо стоит на ногах — и только благодаря щедрой спонсорской помощи из-за рубежа. Этот журнал принадлежит сейчас Союзу писателей Санкт-Петербурга, и его страниц, естественно, не хватает даже всем членам этой писательской организации. Но именно она претендует сегодня на первенство в литературном процессе.

Литературный процесс идет в своих параллельных мирах, где существуют свои критики и свои оценки, где мнения других просто игнорируются. Вот лишь один маленький пример: московская поэтесса Вера Павлова удостоена почетной премии имени Аполлона Григорьева за книгу «Четвертый сон». В обширном интервью с ней, опубликованном в газете «Книжное обозрение», претендующей на освещение современного литературного процесса и книгоиздания, она, сообщив корреспонденту о том, что постарается уничтожить свои плохие стихи хотя бы в конце жизни, в частности, так отозвалась о своем знаменитом предшественнике: «Чтобы не получилось как с Лермонтовым: двадцать гениальных стихотворений, а остальные...». Оставим на совести автора это высказывание, но право же, вознесясь на рукотворный олимп, не стоит так пренебрежительно отзываться о русских гениях. Уважать, кстати, следует и своих современников.

Многообразие и многочисленность нынешних литературных организаций далеко превосходит то, что было, допустим, в 20-х годах прошлого века, — до начала «закручивания гаек». Однако тогда творили Булгаков и Шолохов, Маяковский и Бабель,

Клюев и Есенин. Тогда создавались «12 стульев» и «Повесть непогашенной луны», стихи Тихонова и Пастернака. Сейчас., впрочем, как сказал классик, «ходить бывает склизко по камешкам иным».

Главное, чего не хватает сегодня большинству авторов, — возможности выйти к читателю. Очевидно, что без поддержки властей культура в наше время обойтись не может. То же касается и литературных талантов, которых немало и в нашей Ленинградской области. Именно поэтому издание на базе областного издательства «Вести» литературного альманаха или даже периодического журнала с привлечением лучших литературных сил, независимо от принадлежности того или иного автора к той или иной литературной группе и направлению, позволило бы внести свою лепту в благородное дело поддержки и возрождения отечественной словесности. Альманах или журнал, издаваемый при поддержке губернатора и правительства области, не только бы предоставлял возможность выявления новых талантов, но и способствовал делу возрождения культурно-исторического наследия края. В структуре будущего издания должны быть представлены проза, поэзия, публицистика, литературная критика, но также исторические и краеведческие очерки и исследования, посвященные невскому краю. Можно не сомневаться, что с появлением такого издания, в котором, как прежде, авторы смогли бы получать пусть небольшие, но законные гонорары, к нам придут лучшие литературные силы, а сам журнал или альманах станет надежным мостиком, связавшим разделенные по сию пору литературные миры. Пусть продолжают выходить и «Ленинградская мыза», и «Провинциал», и «Рог Борея», и «Клад», и десятки других неназванных здесь альманахов, но все они не заменят одного, способного объединить литераторов и исследователей в деле пропаганды лучших культурно-исторических традиций Ленинградской земли.

Алексий II — Патриарх Московский и всея Руси

Бланков Жан — профессор славист, историк, профессор Брюссельского университета, Брюссель (Бельгия)

Вербицкая Людмила Алексеевна — действительный член Российской академии образования, профессор, ректор Санкт-Петербургского университета

Воронов Борис Вениаминович — заместитель директора музея Санкт-Петербургского университета

Вырубов Николай Васильевич — журналист, ветеран Второй мировой войны (живет в Париже)

Данилевич Надежда Витольдовна — журналист, историк, пресс-атташе барона Э. А. Фальц-Фейна

Двас Григорий Викторович — вице-губернатор Ленинградской области, доктор экономических наук

Дубов Игорь Васильевич (1947—2002 гг.) — профессор, доктор исторических наук, директор Российского этнографического музея в 1987—1999 гг.

Ельцин Борис Николаевич — Президент Российской Федерации в 1991—1999 гг.

Кеппен Андрей Карлович — инженер, доктор философии, профессор (живет в штате Мичиган, США)

Кирпичников Анатолий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры (в дальнейшем ИИМК) Российской Академии наук

Кривошеев Юрий Владимирович — доктор исторических наук, доцент кафедры русской истории Исторического факультета Санкт-Петербургского университета

Курбатов Александр Валерьевич — научный сотрудник ИИМК РАН

Лапшин В. А. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИМК РАН

Лобанов-Ростовский Никита Дмитриевич — геолог, экономист, журналист (живет в Лондоне)

Медведева Мария Владимировна — научный сотрудник ИИМК РАН

Мыльников Александр Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий отделом европейстики Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Носов Евгений Николаевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор ИИМК РАН, заведующий кафедрой археологии Исторического факультета Санкт-Петербургского университета

Платонова Надежда Игоревна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИМК РАН

Путин Владимир Владимирович — Президент Российской Федерации

Рябинин Евгений Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН

Сакса Александр Иванович — кандидат исторических наук, доктор философии (дипломирован в Финляндии), научный сотрудник ИИМК РАН

Селезнев Александр Александрович — Президент Ижорского регионального общественного Фонда молодежных и военно-исторических программ

Сердюков Валерий Павлович — кандидат экономических наук, губернатор Ленинградской области

Симаков Владимир Сергеевич — главный редактор издательства «Вести», член союза журналистов России, член союза писателей России

Сорокин Петр Егорович — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИМК РАН

Янин Валентин Лаврентьевич — академик РАН, заведующий кафедрой археологии Московского государственного университета, профессор

CONTENTS

Serdyukov V. P. To keep what may be lost	5
Putin V. V. The speech at the inauguration of the President of the Russian Federation on May 7, 2000.	9
Yeltsin B. N. The address of the first President of the Russian Federation at the inauguration ceremony on May 7, 2000.	12
Aleksiy II. The enlightening mission of the Church in the history of the Russian state and culture. With appended letter of Aleksiy II to the governor of the Leningrad Oblast V. P. Serdyukov	14

THE SCIENTIFIC AND CULTURAL POSSESSIONS

Dvas G. V. The use of post-card evidence in historical studies (by example of a study of the life of Shlisselburg in the late 19 th and early 20 th century)	27
Dubov I. V. Sloveni and Krivichi on the Volga near Yaroslavl	39
Kirpichnikov A. N. «The Baltic idea» in the building of Russian towns	49
Krivosheev Yu. V. The topography of the Bogolyubov tragedy	55
Kurbatov A. V. Results of the study of the “posad” of the medieval town of Ivangorod	69
Lapshin V. A. The struggle for the preservation of archaeological sites in Russia in the second half of the 19 th and beginning of the 20 th centuries.	79
Medvedeva M. V. Archaeological studies of Staraya Ladoga (on the basis of materials from the Photo Archive of the Institute for the History of Material Culture)	87
Myl'nikov A. S. Anticipation of Saint-Petersburg. A reflection on the Russian way to the Baltic.	95
Nosov E. N. The formation of Rus' and the first towns	111
Platonova N. I. To the history of one archaeological discovery	120
Ryabinin E. A. From paganism to Christianity (according to evidences from the Medieval past of north-western Rus).	130
Saksa A. I. Vyborg — the city of four historical traditions (the results of excavations 1998—2000)	150
Sorokin P. E. Archaeology of the sea. Underwater historical and cultural inheritance of the northwestern Russia	165
Yanin V. L. Rus on the Volkhov River	177

PEOPLE AND CULTURE OF THE RUSSIAN ABROAD

Blankov Jean. At the Russian service: a Belgian in the Russian Expeditionary Corps (1916—1917).	183
Vyrubov N. V. Soldiers of honour	189
Danilevich N. V. Together with Baron Edward Phalz-Fein following the tracks of Sergei Lifar's collection	199
Keppen A. K. Scientific achievements of the Russian Emigration in Northern America	210
Lobanov-Rostovskiy N. D. Recollections about Russian artists abroad.	234

THE PAST AND THE PRESENT

Verbitskaya L. A. and Voronov B. V. A temple and a workshop in one: the Saint-Petersburg University within the cultural space of Russia of three centuries.	263
Kirpichnikov A. N. Nikolas Roerich's travel to the early ages of the Russian history	274
Seleznev A. A. The way to Alexander Nevsky	284
Simakov V. S. Parallel worlds of the modern literature.	291
About the authors	299

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Сердюков. Хранить, что имеем	5
В. В. Путин. Речь на торжественной церемонии в Кремле при вступлении на должность Президента Российской Федерации 7 мая 2000 г.	9
Б. Н. Ельцин. Выступление первого Президента Российской Федерации на торжественной церемонии в Кремле 7 мая 2000 г.	12
Алексий II. Освящающая миссия церкви в истории Российской государственности и культуры	14

НАУЧНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Г. В. Двас. Использование филокартических материалов в исторических исследованиях (на примере изучения жизни Шлиссельбурга в конце XIX—начале XX века)	27
И. В. Дубов. Словене и кривичи в Ярославском Поволжье	39
А. Н. Кирпичников. «Балтийская идея» в строительстве русских городов.	49
Ю. В. Кривошеев. Топография Боголюбовской трагедии	55
А. В. Курбатов. Итоги изучения посада средневекового Ивангорода	69
В. А. Лапшин. Борьба за охрану памятников археологии в России во второй половине XIX—начале XX в.	79
М. В. Медведева. Археологическое изучение Старой Ладogi (по материалам фотоархива Института истории материальной культуры РАН)	87
А. С. Мильников. Предчувствие Санкт-Петербурга. Размышления о русском пути к Балтике	95
Е. Н. Носов. Становление Руси и первые города	111
Н. И. Платонова. К истории одного открытия в археологии	120
Е. А. Рябини́н. От язычества к христианству (по материалам средневекового прошлого Северо-Западной Руси)	130
А. И. Сакса. Выборг — город четырех исторических традиций (итоги исследований 1998—2000 гг.)	150
П. Е. Сорокин. Археология моря. Подводное историко-культурное наследие Северо-Западной России	165
В. Л. Янин. Русь на Волхове	177

ЛЮДИ И КУЛЬТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Жан Бланков (Брюссель). На службе России: бельгиец в русском экспедиционном корпусе во Франции (1916—1917 гг.)	183
Н. В. Вырубов (Париж). Солдаты чести	189
Н. В. Данилевич. С бароном Эдуардом Фальц-Фейном по следам коллекции Сергея Лифаря	199
А. К. Кеппен (США). Научные достижения российской эмиграции в Северной Америке	210
Н. Д. Лобанов-Ростовский (Лондон). Воспоминания о русских художниках за рубежом	234

ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Л. А. Вербицкая, Б. В. Воронов. И храм и мастерская. Санкт-Петербургский университет в культурном пространстве России трех столетий.	263
А. Н. Кирпичников. Путешествие Николая Рериха в первые века русской истории	274
А. А. Селезнев. Путь к Александру Невскому	284
В. С. Симаков. Параллельные миры современной литературы	291
Коротко об авторах	299

*На первой стороне обложки: Крепость в Старой Ладоге
На последней стороне обложки: Выборгская крепость*

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Выпуск III

В авторской редакции

**Технический редактор Г. В. Преснова
Компьютерная верстка А. Г. Плюскова
Корректоры: Л. В. Мезенцева, В. Л. Талзи, Н. И. Шишкова**

Лицензия Госкомпечати РФ ЛР № 040511 от 29.07.97.

**Сдано в набор 27.04.2002. Подписано к печати 21.06.2002. Гарнитура Times. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,67. Тираж 1000 экз. Заказ № 835.**

**Издательско-полиграфический комплекс «Вести»
193311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3**